ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE OF ECONOMY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

1(122)
2024

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Стратегия экономической интеграции России со странами Центральной Азии
Economic Integration Strategy of Russia with Central Asian Countries

Трансграничные миграции между Китаем и Россией
Cross-border migration between China and Russia

Движение ударных бригад в СССР
The shock brigades movements in the USSR

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Редакционная коллегия

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *З.А. Дадабаева* – доктор политических наук, ИЭ РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *И.Н. Молчанов* – доктор экономических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, ИНИОН РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь
кандидат исторических наук *М.В. Ковалев*
Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *Н.М. Токарева*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.00

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Хейфец Б.А., Чернова В.Ю.
Новый взгляд на стратегию экономической интеграции России со странами Центральной Азии в современных геополитических реалиях мировой экономики **7**

Глебова И.И.
Осень самодержавия **25**

Андреева Г.Н.
Круг общения российского дипломата конца XVIII – начала XIX в. (Василий Степанович Томара) **51**

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Kheyfets B.A., Chernova V.Yu.
A New View of Russia's Economic Integration Strategy with Central Asian Countries in Modern Geopolitical Realities of World Economy **7**

Glebova I.I.
The Autumn of Autocracy **25**

Andreeva G.N.
A Russian diplomat's social circle in the late 18th – early 19th centuries (Vasily Stepanovich Tomara) **51**

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Мищенко Я.В.
Восточная Азия в глобальном технологическом сотрудничестве и конкуренции в XX–XXI вв. **73**

Цянь Цяньжон
Трансграничные миграции между Китаем и Россией (2011–2021) **90**

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

Mishchenko Ya.V.
East Asia in Global Technological Cooperation and Competition in the 20th and 21st Centuries **73**

Qian Qianrong
Cross-border migration between China and Russia (2011–2021) **90**

Перминова А.А.
Военно-техническое сотрудничество КНР со странами Центральной Азии: выводы для России **107**

Perminova A.A.
Military-technical cooperation between the PRC and the countries of Central Asia: conclusions for Russia **107**

Бабушок Н.О.
Фактор Тайваня в американо-китайских отношениях **126**

Babushok N.O.
The Taiwan factor in US-China relations **126**

Мартынов В.Л., Балабейкина О.А., Подгорных И.В., Сазонова И.Е.
Политическое и экономическое значение Сайменского канала в российско-финских отношениях **140**

Martynov B.L., Balabeykina O.A., Podgornykh И.V., Sazonova И.E.
Political and Economic Significance of the Saimaa Canal in Russian-Finnish relations **140**

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

Ализаде Д.И., оглы
Кемалисты и большевики в контексте геополитического противостояния на Южном Кавказе в 1918–1920 гг. **156**

Alizadeh J.I., oglu
Kemalists and Bolsheviks in the context of the geopolitical confrontation in the South Caucasus in 1918–1920 **156**

Фельдман М.А.
Движение ударных бригад: реальное содержание и мифологическая оболочка **174**

Feldman M.A.
The shock brigades movements: actual content and mythological shell **174**

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

Вакарчук Д.О., Боровинский А.В.
Сплоченность развивающихся стран в Генеральной Ассамблее ООН: количественный анализ сетей соавторства и голосования по резолюциям **195**

Vakarchuk D.O., Borovinskiy A.V.
Cohesion of Developing Countries in the UN General Assembly: a quantitative analysis of cosponsorship networks and voting on resolutions **195**

Стежко В.В.
Развитие системы государственного управления военно-технической политикой современной России **206**

Stezhko V.V.
Development of State Management of Military and Technical Policy in Modern Russia **206**

Гребенникова Е.И.
Некоторые аспекты образа России: результаты полевого исследования в Ираке **221**

Grebennikova E.I.
Some aspects of Russia's image: results of a field study conducted in Iraq **221**

Сефербеков Р.И., Сефербеков М.Р., Халидова О.Б.
Современный брак и семейно-бытовые обряды русских горожан Дагестана: традиции и новации **232**

Seferbekov R.I., Seferbekov M.R., Khalidova O.B.
Modern marriage and family and everyday rituals of Russian citizens of Dagestan: traditions and innovations **232**

Коваль А.И.
Политическая коммуникация в современном мире. Из размышлений над переводом книги «Политическая коммуникация» Даррена Дж. Лиллекера **253**

Koval A.I.
Political communication in the Modern World. Reflecting on the translation of «Political Communication» by Darren J. Lillecker **253**

Раренко М.Б.
Стратегии перевода метатекстов на английский язык в научных журналах: российский и зарубежный опыт **257**

Rarenko M.B.
On translation strategy of metatexts into English in the scientific journals: Russian and foreign experience **257**

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Бобков М.Ю.
Социальная безопасность в современном мире: подходы к изучению **267**

Bobkov M.Yu.
Social Security in the Modern World: Approaches to Study **267**

Зайцев М.В.
Рец. на: Коковцов В.Н. Большевизм в действии. Моральные и экономические руины в Стране Советов. Нижний Новгород, 2023. 446 с. **271**

Zaytsev M.V.
Review: Kokovtsov V.N. Bolshevism in action. Moral and economic ruins in the Land of the Soviets. Nizhny Novgorod, 2023. 446 p. **271**

Фадеева Т.М.
Европейский союз: от интеграции к поискам «дифференцированного подхода» к странам Евросообщества. Рец. на кн.: Беллами Р., Крюгер С., Лоример М. Гибкая Европа: дифференцированная интеграция, справедливость и демократия. Бристоль, 2022. 202 с.

278

Fadeeva T.M.
European Union: from integration to the search for a «differentiated approach» to the countries of the European Community. Review: Bellamy R., Kröger S., Lorimer M. Flexible Europe: differentiated Integration, Fairness and Democracy. Bristol, 2022. 202 p.

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.01

Б.А. Хейфец, В.Ю. Чернова

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТРАТЕГИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *В статье анализируется текущее состояние интеграционных процессов в Центральной Азии (ЦА). Показано, что страны Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан находятся в фокусе интересов нескольких крупных акторов мировой экономики с противоположными друг другу геополитическими и геоэкономическими интересами. Проанализированы цели и результаты присутствия в ЦА США, Китая, ЕС, Турции, государств Персидского залива. Их стратегии строятся на схеме С5+1. Исключение составляет Китай, который взаимодействует со странами ЦА в рамках своей инициативы «Пояс и путь» (ИПП). Показаны особенности и новые тенденции каждого из партнерств стран ЦА с внешними игроками. Среди новых трендов отмечается активизация интеграционных процессов между самими государствами ЦА, которые в 2018–2023 гг. провели пять саммитов, направленных на углубление их регионального взаимодействия. Особое внимание уделяется проблемам и перспективам сотрудничества государств ЦА с Россией, для которой они являются ее давними внешнеэкономическими партнерами. Обоснована целесообразность для России в условиях жесткой межгосударственной конкуренции в ЦА активного использования стратегии, основанной на принципах гибкой накопительной интеграции. Ее ключевой особенностью является использование разнообразных гибких форматов взаимодействия, наиболее близко учитывающих конкретные условия сотрудничества и специфику стран региона. Накопительная интеграция не предполагает принятия на себя ее участниками жестких обязательств по открытию своих рынков, как это происходит в большинстве региональных и трансрегиональных экономических партнерствах, построенных на принципах классической интеграции. Это потребует концентрации усилий на реализации совместных проектов и стимулирования инициатив как на макроуровне («интеграция сверху»), так и на корпоративном и региональном уровнях («интеграции снизу»).*

Ключевые слова: *Центральная Азия; ЕАЭС; экономическая интеграция; региональные интеграционные объединения; экономическое развитие; накопительная интеграция; внутрирегиональная интеграция; внешняя политика; экономическое сотрудничество.*

Хейфец Борис Аронович – профессор, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН.
Россия, Москва.
E-mail: bah412@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-6009-434X
Scopus Author ID: 57199177482

Чернова Вероника Юрьевна – доктор экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН.
Россия, Москва.
E-mail: veronika_urievna@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5951-9091
Scopus Author ID: 57191925715

Kheyfets B.A., Chernova V.Yu. A New View of Russia's Economic Integration Strategy with Central Asian Countries in Modern Geopolitical Realities of World Economy

Abstract. *The article analyzes the current state of integration processes in Central Asia (CA). It demonstrates that Central Asian countries, i.e. Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan are in the focus of interests of several major actors of world economy with opposing geopolitical and geo-economic interests. The goals and results of the presence in Central Asia of the US, China, the EU, Turkey, and the Persian Gulf states are analyzed. Their strategies are based on the C5+1 scheme. The exception is China, which interacts with CA countries within the framework of its Belt and Road Initiative (BRI). The article shows the specifics and new trends of each of the partnerships of CA countries with external players. Among the new trends, the intensification of integration processes between the CA states themselves is noted, which between 2018 and 2023 held 5 summits aimed at deepening their regional interaction. Special attention is paid to the problems and prospects of cooperation between Russia and the CA states, which are its long-standing foreign economic partners. The article substantiates the expediency for Russia under the conditions of tough interstate competition in Central Asia to actively use a strategy based on the principles of flexible accumulative integration. Its key feature is the use of a variety of flexible formats of interaction that most closely consider the specific conditions of cooperation and the specificities of the countries of the region. Cumulative integration does not imply the assumption by its participants of rigid obligations to open their markets, as it happens in most regional and transregional economic partnerships built on the principles of classical integration. It will require concentration of efforts on implementing joint projects and stimulation of initiatives both at the macro level («integration from above») and at the corporate and regional levels («integration from below»).*

Keywords: *Central Asia; EAEU; economic integration; regional integration associations; economic development; cumulative integration; intra-regional integration; foreign policy; economic cooperation.*

Kheyfets Boris Aronovich – Professor, Doctor of Economics,
Chief Scientific Associate, Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: bah412@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-6009-434X
Scopus Author ID: 57199177482

Chernova Veronika Yuryevna – PhD, Senior Scientific Associate,
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: veronika_urievna@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5951-9091;
Scopus Author ID: 57191925715

Введение

В условиях стремительно меняющихся геополитических и геоэкономических условий современного развития и обостряющейся конкуренции внешних игроков Центральная Азия (ЦА) становится все более важным регионом мировой экономики. При этом усиливается консолидация отдельных государств ЦА. Как замечает казахстанский политолог Г. Абишев, центральноазиатские лидеры поняли, что в таком формате переговорные позиции региона сильнее, да и многие проблемы в одиночку не решить [Беленькая, Константинов 2023].

Для России ЦА – это регион, играющий стратегически важную роль в обеспечении как внутренней, так и внешнеэкономической безопасности. ЦА, как и вся Евразия с экономической и политической точек зрения являются сложным для интеграции регионом, с разной обеспеченностью ресурсами, с разным уровнем экономического развития, с противоречивыми целями и интересами, невысоким уровнем взаимного доверия. Ситуацию осложняет обострение разнонаправленных интересов таких глобальных и региональных экономических акторов, как Китай, США, ЕС, Турция. Все это обусловливает необходимость поиска новых путей во внешнеэкономической политике России в ЦА. В статье предложена одна из таких возможных стратегий – гибкая накопительная интеграция.

Центральная Азия как арена соперничества крупных держав

ЦА является ареной соперничества крупных держав еще со второй половины XIX в. Тогда главными соперниками за геополитическое и военное влияние в регионе были Российская империя и Великобритания. Конец большой игре двух крупных соперников положила Октябрьская революция в России, однако после распада СССР в 1990-е годы, когда Россия из-за своих

внутренних экономических проблем и взятого евроатлантического курса во внешней политике, отказалась от своего влияния в странах ЦА, вакуум влияния в регионе быстро заполнился новыми акторами, прежде всего США, ЕС, Китаем. Как важная геополитическая периферия как для национальной безопасности, так и для экономики России, ЦА снова стала рассматриваться уже в начале 2000-х годов.

Сегодня страны ЦА – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан находятся в фокусе интересов нескольких крупных стран с часто несовпадающими геополитическими и геоэкономическими интересами. Страны ЦА занимают стратегическое местоположение в центре Евразии, обладают богатыми природными и трудовыми ресурсами (их население превысило 77 млн человек) и являются динамично развивающимся потребительским рынком. Так, за 2001–2022 гг. ВВП региона в реальном выражении увеличивался в среднем на 6,2%, достигнув 347 млрд долл., а объем их внешней торговли вырос в 7 раз, составив в 2022 г. почти 190 млрд долл. [Kulbatyrov, Haidar 2023]. Душевой ВВП (по ППС) в расчете на душу населения вырос в 2001–2022 г. в Казахстане почти в 4 раза; в Узбекистане – в 3,6; в Кыргызстане – в 3,3; в Таджикистане – в 4,7 раза, в то время как аналогичный показатель для мировой экономики возрос в 2,6 раза [World Development Indicators 2023].

Интерес к странам ЦА со стороны США и цели их присутствия в регионе были обозначены еще в американской Стратегии в ЦА на 2019–2025 гг. США открыто провозгласили целями своего присутствия в ЦА – противостояние влиянию России (и Китая) в регионе, ограничение военно-политического присутствия России и уменьшение экономической зависимости стран ЦА от России, угрожая вторичными санкциями, с одной стороны, и выделяя значительные финансовые средства – с другой.

Основной диалоговой площадкой США со странами ЦА является «С5+1», запущенная в 2015 г. В конце февраля 2023 г. на очередном саммите министров иностранных дел стран ЦА с государственным секретарем США Э. Блинкеном, странам ЦА за прекращение сотрудничества с Россией, прежде всего за отказ от параллельного импорта, дополнительно обещаны 25 млн долл. в дополнение к обещанным ранее 25 млн долл. [News Central Asia 2022].

Не менее значимой целью присутствия США в ЦА является ослабление китайского влияния. По итогам 2022 г. товарооборот между КНР и странами ЦА превысил 70 млрд долл., увеличившись на 40% по сравнению с 2021 г., и составляет от 10% (для Таджикистана) до 65% (для Туркменистана) общего товарооборота, а суммарный объем инвестиций – 15 млрд долл.

Давление на страны ЦА с целью сдерживания их сотрудничества с Россией, оказывает и ЕС. Одиннадцатый пакет санкций ЕС предусматривает введение санкций против стран и компаний, содействующих обходу Россией ог-

раничительных мер западных стран. На Втором саммите ЕС в формате «С5+1», который прошел в июне 2023 г., не только обсуждались вопросы текущего состояния и перспективы политического, торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества, но и выражено неудовольствие по поводу роста торговых потоков, из стран ЕС в некоторые страны ЦА, прежде всего в Казахстан и Киргизию, а из этих стран – в Россию. Существенный рост экспорта в 2022 г. (на 86%) из стран Европы в страны ЦА (Казахстан и Кыргызстан), а также в Армению и Грузию, после резкого сокращения объемов экспорта из стран ЕС и Великобритании в Россию, во многом связан с ввозом подсанкционных товаров [Chupilkin 2023].

ЦА имеет большое значение для Турции, которая стала инициатором создания Организации тюркских государств, объединяющей Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Турцию, Узбекистан (Туркменистан и Венгрия имеют статус наблюдателей). Создание такого союза укрепит положение Турции как регионального политического и экономического лидера.

Новым моментом стало усиление внимания к ЦА богатых нефтью стран Персидского залива. В июле 2023 г. в саудовской Джидде был проведен первый саммит пяти центральноазиатских стран и шести членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). На саммите большое внимание было уделено углублению экономического взаимодействия двух регионов и был принят совместный пятилетний план действий на период 2023–2027 гг. Он предусматривает укрепление сотрудничества в области зеленой энергетики, цифровой экономики и инвестиций, новейших технологий, а также развития транспортных коридоров, связывающих ЦА и ССАГПЗ.

Особо необходимо отметить значительно усилившуюся роль Китая в ЦА. Несмотря на то, что доли всех стран ЦА во внешнеторговом обороте России и Китая относительно невелики, обе страны придают странам ЦА в своей внешней политике большое значение.

Интересы КНР в ЦА носят, прежде всего, экономический характер и сосредоточены на обеспечении доступа к энергетическим ресурсам и полезным ископаемым, строительстве инфраструктуры и расширении торговых и инвестиционных возможностей. Страны ЦА, являясь важным звеном китайской инициативы «Пояс и путь» (ИПП), играют важную роль в создании маршрута «нового шёлкового пути». С точки зрения геополитики Китай стремится снизить влияние в регионе крупных западных стран, прежде всего США, и уравновесить влияние России на страны ЦА. При этом Китай выстраивает свои отношения со странами ЦА на двусторонней основе, однако не исключает и региональной интеграции под своей инициативой, свидетельством чему являются его интеграционные инициативы с участием всех стран ЦА, в том числе за счет строительства транспортных коридоров в Юго-Восточную

Азию, Южную Азию, Среднюю Азию, Европу, Ближний Восток и Африку [Defraigne 2020] и участия в работе международных объединений.

Подход Китая к интеграции со странами ЦА отличается от подхода Запада: он не требует улучшения прав человека, экономической либерализации или введения жестких экологических ограничений. Особенность китайского подхода проявляется даже в используемой им терминологии: вместо применяемого странами Запада термина «помощь в целях развития» Китай использует термин «стратегическое партнерство» [Tian 2018]. Ключевым принципом «стратегического партнерства» Китая является невмешательство во внутренние дела. Его помощь предоставляется в пакетах, включающих помощь, льготные кредиты, торговые и инвестиционные сделки, и часто включает в себя такие условия, как «кредит за ресурсы», когда кредиты погашаются за счет природных ресурсов [Tian 2018]. Многие из этих финансовых потоков не отражены в отчетах Международного валютного фонда (МВФ), Банка международных расчетов или Всемирного банка. Не являясь членом Парижского клуба стран-кредиторов, обменивающихся информацией об официальном кредитовании, Китай не публикует никаких отчетов об официальном кредитовании и по стороне-должнику, что важно для элит стран ЦА, которые находят принцип невмешательства и непрозрачность помощи привлекательными условиями [Horn 2021, Melnikovova 2020].

Таким образом, Китай в ЦА демонстрирует довольно мягкий и широкий подход к политике интеграции [Mattoo et al. 2020]. Фактически такая стратегия является примером последовательной накопительной экономической интеграции, не предполагающей принятия на себя участниками жестких обязательств по открытию своих рынков, как это происходит в большинстве региональных и трансрегиональных экономических партнерств, построенных на принципах классической интеграции. Стратегия накопительной интеграции позволяет привлекать к соглашениям такие страны, для национального бизнеса которых неприемлемо значительное снижение таможенных пошлин или имеются другие не менее чувствительные вопросы [Хейфец 2023а].

Внутрирегиональные интеграционные процессы в Центральной Азии

Несмотря на географическую близость и наличие общего наследия в экономике со времен СССР, страны ЦА имеют различия в стратегиях своего развития, что проявляется в отсутствии координации их внутрирегиональной и внешней политики, слабой внутрирегиональной интеграции и кооперации между странами. Об этом свидетельствуют противоречия по поводу использования водных ресурсов, транзитного доступа к внешним рынкам, отсутствие взаимопомощи стран во время энергетического кризиса зимой 2022 г.,

наличие нерешенных пограничных вопросов между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном, внутренняя политическая нестабильность.

Недостаточная внутрирегиональная интеграция обусловлена слабой экономической взаимозависимостью стран ЦА. Доля внутрирегиональной торговли в ЦА в 2020 г. составила всего около 8,4%, тогда как, например, в странах ЕС на внутрисоюзную торговлю приходится более 60% торгового оборота [Krapohl 2020] (табл. 1).

Таблица 1

Доля взаимной торговли в общем товарообороте стран ЦА в 2020 г., %

Страны Центральной Азии	*Доля взаимной торговли в общем товарообороте, %*	*Доля России во внешнеторговом обороте стран ЦА, %*	*Доля Китая во внешнеторговом обороте стран ЦА, %*
Казахстан	5,5	21,4	18,1
Узбекистан	13,3	15,5	17,7
Кыргызстан	21,0	27,6	13,8
Таджикистан	28,3	21,3	10,4
Туркменистан	4,5	5,1	65,7

Источник: составлено по данным: [Агентство статистики при президенте Республики Узбекистан, Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, Национальный комитет статистики Кыргызской Республики, Агентство по статистике при президенте республики Таджикистан, Trade statistics for international business development]

Среди крупнейших импортеров и экспортеров Казахстана в 2022 г. отсутствуют страны ЦА, тогда как во внешнеторговом обороте Узбекистана, их присутствие достаточно значимо (табл. 2). Внешняя торговля Казахстана и Туркменистана в меньшей степени ориентированы на региональный рынок из-за преобладания в их экспорте углеводородов, которые в основном поставляются в страны дальнего зарубежья (страны Европы, Китай), а большая часть импорта также приходится на указанные страны.

Товарооборот Китая со странами Центральной Азии в 2022 г. вырос с 41,9 млрд до 70,2 млрд долл. Лидером среди них стал Казахстан – на него в 2022 г. пришлось 31,1 млрд долл. Товарооборот Евросоюза увеличился почти в 2 раза и составил 47 млрд долл. Россия также нарастила объемы торговли с регионом – с 35,7 млрд до 42 млрд долл. [Politics 2023].

Таблица 2

Доли крупнейших внешнеторговых партнеров Казахстана и Узбекистана в 2022 г., %

Казахстан				*Узбекистан*			
Экспорт		*Импорт*		*Экспорт*		*Импорт*	
Китай	15,6	Россия	34,7	Россия	15,9	Китай	20,9
Италия	16,4	Китай	21,9	Китай	13	Россия	20,2
Россия	10,4	Германия	4,5	Турция	7,8	Казахстан	10,6
Нидерланды	6,5	США	3,8	Казахстан	7,1	Ю. Корея	7,5
Турция	5,6	Турция	3,2	Кыргызстан	5,1	Турция	5,6
Другие	45,5	Другие	31,9	Другие	51,1	Другие	35,2

Источник: составлено по данным [Агентство статистики при президенте Республики Узбекистан, Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан]

В российском товарообороте доля ЦА составляет около 5% и характеризуется стабильными темпами роста. Так, за 2022 г. экспорт из Казахстана вырос на 25%, а за январь-февраль 2023 г. рост составил 32% в годовом исчислении, что выше показателей 2021 г. на 60%, что в значительной степени связано с параллельным импортом, поступающим в Россию через соседние страны [Salikhov 2023].

Экономика стран ЦА зависит от экспорта сельскохозяйственной продукции, газа и нефти на внешние рынки. Торговля с Китаем, странами Евросоюза и России имеет гораздо большее значение для экономик ЦА, чем их внутрирегиональная торговля, а также развитие взаимного сотрудничества.

Хотя некоторые шаги в направлении укрепления внутрирегиональной интеграции предпринимаются и имеют определенный успех [Винокуров 2022, Винокуров 2023], но они направлены на развитие интеграции с другими странами. Страны ЦА проводят многовекторную политику, предполагающую диверсификацию географической структуры внешнеэкономических связей и снижение политических рисков. Так, в 2023 г. страны ЦА, при поддержке германского агентства международного сотрудничества «Содействие торговле в Центральной Азии», подписали документ о взаимодействии национальных комитетов по содействию торговле, запустили портал торговой информации Central Asia Gateway [Kulbatyrov, Haidar 2023]. Объединяя информацию с порталов содействия торговле всех стран, портал торговой информации предоставляет предприятиям доступ к информации о трансграничных торговых

формальностях внутри региона и за его пределами, тем самым укрепляя региональные торговые отношения с зарубежными партнерами.

Как и многие развивающиеся страны, страны ЦА отличаются слабо диверсифицированной экономикой, зависящей от экспорта узкой номенклатуры сырьевых товаров, зависят от инвестиций и торговли с более развитыми странами, обладающими капиталом и технологиями для инвестиций и могут предоставлять значительные суммы финансовой помощи в целях развития. Кроме того, развитые страны являются основными экспортными рынками для сырьевых товаров и обеспечивают занятость населения на своей территории, что обеспечивает большие потоки денежных переводов в национальные экономики. Эти факторы коренным образом отличают региональную интеграцию развивающихся стран от региональной интеграции развитых стран. В то время как выгоды от европейской интеграции создаются внутри региона, за счет эффекта масштаба, специализации и взаимного обмена на либерализованном едином рынке, выгоды от региональной интеграции стран ЦА могут быть созданы за счет улучшения положения региона по отношению к внерегиональным акторам [Krapohl 2020].

Сотрудничество стран ЦА с ЕАЭС во многом определяется развитием их сотрудничества с Россией, на которую приходится более 87% суммарного ВВП ЕАЭС. Совокупный объем ВВП стран ЦА в 6 раз меньше ВВП России. Однако в глобальном масштабе доля суммарного ВВП ЕАЭС (менее 4%) несущественна. Это ограничивает способность ЕАЭС действовать в качестве экономического магнита для противодействия экономическому влиянию соседних Китая и ЕС, каждый из которых представляет собой гораздо более крупный рынок.

Определенный параллелизм в экспортной специализации России и стран ЦА (углеводородов, полезных ископаемых и сельскохозяйственной продукции) также не способствует региональной интеграции, так как в добывающих секторах экономики регионализация производственного процесса не является существенным или даже необходимым шагом для достижения конкурентоспособности. Помимо конкуренции с сильными международными компаниями третьих стран российский бизнес сталкивался с недобросовестной конкуренцией местных производителей, поддерживаемых национальными властями. Поэтому до начала СВО и усиления санкционного давления на российскую экономику у российского частного бизнеса отсутствовали весомые мотивы для развития интеграции, а в других странах ЦА нет компаний, которые являются достаточно крупными или международными, чтобы они могли стать лидерами и выступить в качестве катализаторов региональной интеграции.

Еще одним препятствием для развития интеграции со странами ЦА являлось то, что сейчас Россия, в отличие от времен СССР, перестала быть для них технологическим лидером, которым были Германия и другие западные

члены ЕС для Восточной Европы, США – для Латинской Америки, а Япония – для АСЕАН. И страны ЦА, как и сама Россия, продолжают во многих областях полагаться на западные или китайские технологии. Хотя в России сохранились отрасли и даже сегменты промышленности, а также отдельные предприятия, которые совсем не отстают от основных конкурентов и вполне успешно конкурируют с ними, в том числе на глобальных рынках [Бодрунов 2012], в десятках подотраслей российской экономики по-прежнему имеет место значительное технологическое отставание.

Дополнительным негативным фактором, препятствующим интеграции России и стран ЦА является поведение национальных элит, безоговорочно подчиняющихся иностранному капиталу как в политическом, так и в экономическом отношениях [Defraigne 2020].

Для объяснения неспособности некоторых стран индустриализировать свою национальную экономику и выйти из экономической периферии, теоретики политической экономии разработали концепцию компрадорских капиталистов [Латыпов 2015], которые являются антагонистами развития высокотехнологичной национальной экономики, укрепления независимости страны, ее обороноспособности и престижа. Не являются исключением в этом отношении и постсоветские государства ЦА. Различные исследования показывают, что бывшие советские республики поражены этим явлением в большей степени, чем многие развивающиеся страны. В то время как развивающиеся страны, такие как Китай, Вьетнам или Южная Корея, также характеризуются высоким уровнем коррупции и кумовства, большая часть прибыли их бизнеса реинвестируется в отечественную промышленность [Ang 2020].

В то же время Россия, как крупнейшая экономика ЕАЭС, является единственной страной, которая может выполнять роль «регионального казначея», оказывать финансовую, военную и иные виды помощи странам ЦА. Об этом свидетельствует деятельность созданного для развития интеграции на евразийском пространстве Евразийского банка развития (ЕАБР), доля России в акционерном капитале которого до 2023 г. составляла 65,9%. В 2023 г. для минимизации риска попадания под санкции доля России сократилась до 44,7% и была перераспределена в пользу других стран. По результатам перераспределения долей в уставном капитале, доля Казахстана составляет около 37,3%, Белоруссии – около 5,2, Армении – около 4,3, Кыргызстана – около 4,3, Таджикистана – около 4,3% [РБК 2023].

Поиск новой стратегии интеграции со странами ЦА

Кардинально изменившиеся условия экономического развития России за последние два года потребовали существенных изменений ее внешнеэкономи-

ческой политики, включая поиск новых форм и направлений взаимодействия России и стран ЦА. Общие контуры таких изменений очерчены в стратегии внешней политики России, утвержденной 31 марта 2023 г. [Администрация Президента России 2023].

Основой нового курса внешней политики России названо прагматичное сотрудничество, в соответствии с принципами суверенного равенства и уважения интересов друг друга, уважение суверенитета стран в выборе моделей развития.

Одним из приоритетных регионов развития устойчивых долгосрочных добрососедских отношений является Евразия, как пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания. Для формирования в регионе всеобъемлющей, открытой, многосторонней, равноправной архитектуры безопасности и взаимовыгодного сотрудничества, Россия стремится обеспечить сопряжение ЕАЭС, включая Россию, Беларусь, Армению, Казахстан и Кыргызстан, с китайским проектом ИПП. Такой же подход применим и к взаимодействию с другими государствами ЦА.

При этом, как показывает современная мировая практика (ИПП, Индо-Тихоокеанская экономическая структура, БРИКС, ШОС), для активизации экономического сближения групп заинтересованных стран происходит отход от классических форм экономической интеграции к использованию стратегии «накопительной интеграции», которая не ставит главной задачей максимальную либерализацию взаимной торговли и инвестиций. Такая стратегия объективно замедляет процесс интеграции, но имеет ряд преимуществ. Накопительная интеграция является компромиссной формой развития сотрудничества между странами, для использования которой в настоящее время существует ряд объективных факторов: поиск новых союзников и партнеров в условиях усиливающейся фрагментаризации и поляризации мирового экономического пространства и возрастание неопределенности дальнейшего развития мировой экономической системы, резкое возрастание конкуренции между крупнейшими игроками на мировой арене и обострение проблем, связанных с ограничением национального суверенитета в существующих интеграционных объединениях; формирование групп стран, заинтересованных в экономическом сотрудничестве при наличии сильной разницы в экономическом развитии и определении ими своих стратегий развития [Хейфец 2023b]. Важным эффектом накопительной интеграции становится рост доверия между странами в ходе реализации все большего числа совместных проектов. При этом важным условием является активизация сотрудничества бизнеса, или интеграция снизу.

Существенным результатом является и то обстоятельство, что стратегия накопительной интеграции позволяет ограничить риски расширяющегося применения вторичных санкций по отношению к зарубежным партнерам

России, так как предполагает селективный выбор проектов и условий сотрудничества.

В регионе ЦА, как отмечалось выше, есть и другие причины, которые говорят о целесообразности усиления приоритетов накопительной интеграции для стран, уже входящих в другие союзы, даже классического интеграционного типа – ЕАЭС и СНГ, где участвует и Россия (см. табл. 3).

Таблица 3

Вовлеченность стран ЦА в региональные и межрегиональные организации и платформы, где участвует Россия

Организация / Платформа	*Казахстан*	*Кыргызстан*	*Узбекистан*	*Таджикистан*	*Туркменистан*
	Члены / наблюдатели				
СНГ	+	+	+	+	+
ОДКБ	+	+		+	
ЕАЭС	+	+	+		
5+РФ	+	+	+	+	+
ШОС	+	+	+	+	
ИПП	+	+	+	+	

Источник: составлено авторами

Такие союзы не только не помешают применению стратегии накопительной интеграции, но и будут способствовать ее успешной реализации. Это связано с гибким характером данной стратегии, не использующей жестких требований классических форм интеграции, которые даже могут тормозить развитие интеграционных процессов. Иными словами, накопительная интеграция может дополнить классическую интеграцию и придать ей новый импульс.

Модель накопительной интеграции позволяет наладить экономическое взаимодействие даже если между использующими ее странами существуют серьезные противоречия и конфликты. Более того она позволяет находить общие интересы и сближать позиции сторон в различных сферах.

Дополнительным аргументом для выбора Россией данной стратегии является и то, что все проекты многостороннего сотрудничества ЦА с другими глобальными игроками в формате С5+ реализуются по модели накопительной интеграции.

Стратегия накопительной интеграции дает возможность адекватно реагировать на современные геополитические и экономические вызовы для российской экономики. Об этом свидетельствует и немного запоздалая попытка

России создать собственную С5+1, когда в Астане в октябре 2022 г. состоялся ее саммит со странами ЦА. В частности, на этом саммите говорилось о таких интеграционных проектах, как восстановление региональной объединенной энергосистемы и создании новых трансевразийских коридоров.

Россия также предложила странам ЦА активнее подключаться к российским программам импортозамещения и проектам, связанным с развитием передовых технологий. Такие решения особенно актуальны не только в силу усилившейся конкуренции глобальных игроков, но и в связи с растущей экономической и политической консолидаций самих государств ЦА. В 2018 г. они провели свой первый саммит без участия России и других зарубежных стран, а за последующие четыре года прошли еще три таких саммита, получивших название «Консультативные встречи лидеров стран Центральной Азии». На таком саммите в Чолпон-Ате (Кыргызстан) в июле 2022 г. был принят «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке». 14 сентября 2023 г. на пятом саммите стран ЦА в Душанбе была подтверждена готовность стран региона ускорить развитие интеграционных процессов между ними. Был одобрен ряд совместных документов, в том числе Совместное заявление глав государств, где подчеркивается, что первостепенной задачей является развитие взаимодействия в торгово-экономической области и создание благоприятных условий для торговли и инвестиций, Соглашение об укреплении взаимосвязанности наземного транспорта в Центральной Азии и Дорожная карта в поддержку здоровья и благополучия в Центральной Азии на 2022–2025-е годы [Брифинг по итогам... 2023].

В данной связи для России встает новая задача. Больше внимания уделять насущным потребностям стран ЦА и стимулировать свой национальный бизнес для участия в интеграционных проектах, реализуемых государствами данного региона, а не только выдвигать собственные масштабные инвестиционные инициативы, часто не вызывающие интерес у небольших государств ЦА. Это позволяет сделать умная стратегия накопительной интеграции.

Выводы

У России имеется важнейшая стратегическая цель сохранения тесных связей и развития интеграции со странами ЦА, которые являются ее давними внешнеэкономическими партнерами. Центральная Азия, как и вся Евразия с экономической и политической точек зрения являются сложным для интеграции регионом, с разной обеспеченностью ресурсами, с разным уровнем экономического развития, с противоречивыми целями и интересами, несовпадениями в стратегиях своего развития, невысоким уровнем взаимного доверия. Это связано как с изоляцией от многих европейских партнеров, так и с имеющимися нереализованными возможностями в регионе, а также с накоп-

ленным положительным опытом взаимного сотрудничества в прошлые периоды. Многие проблемы во взаимоотношениях России с данным регионом существенно обострились в связи с западным санкциями и обострением конкуренции глобальных игроков.

В связи с этим необходима разработка новой стратегии взаимодействия со странами ЦА, которой в сфере экономики могла бы стать модель накопительной интеграции. Ключевой особенностью накопительной интеграции является использование разнообразных гибких форматов взаимодействия, наиболее близко учитывающих конкретные условия сотрудничества и специфику стран региона.

Накопительная интеграция со странами ЦА может реализовываться на двух уровнях – макроуровне государств (формальном) и микроуровне предприятий (неформальная интеграция или интеграция «снизу»). В результате стимулирования интеграции и предоставления различных преференций на макроуровне, происходит переориентации части национальных производств и внешнеторговых потоков (микроуровень) на интегрированный рынок. Таким образом, накопительная интеграция, как и классическая интеграция будет вести к «созданию торговли», хотя это будет более медленным процессом. Одновременно накопительная интеграция позволяет избежать отрицательных последствий «отклонения торговли» (переключение торговых потоков от более эффективного партнера из третьей страны к партнеру, получающему преференции в рамках классических интеграционных соглашений. Это очень существенно в насыщенных объединениями интеграционного типа регионе ЦА, государства которого проводят многовекторную внешнеэкономическую политику и входят в разные союзы.

Библиография

Агентство по статистике при президенте республики Таджикистан // Stat.tj. URL: https://www.stat.tj/ru (дата обращения: 01.08.2023).

Агентство статистики при президенте Республики Узбекистан // Stat.uz. URL: https://stat.uz/ru/ (дата обращения: 01.08.2023).

Беленькая М., Константинов А. Центральная Азия нашла выход в Залив // Коммерсантъ. 2023. 19 июнь. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6111603 (дата обращения: 13.08.2023).

Бодрунов С.Д. Модернизация России: через новую индустриализацию – к новой модели экономического роста и новой модели развития общества (научный доклад). СПб.: Институт нового индустриального развития (ИНИР), 2012. 36 с.

Брифинг по итогам Пятой юбилейной консультативной встречи глав государств Центральной Азии // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. 2023. 14 сент. URL: https://mfa.tj/ru/main/view/13346/brifing-po-itogam-pyatoi-yubileinoi-konsultativnoi-vstrechi-glav-gosudarstv-tsentralnoi-azii (дата обращения:14.09.2023).

Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан // Stat.gov.kz URL: https://stat.gov.kz/ (дата обращения: 01.08.2023).

Винокуров Е. На Центральную Азию необходимо смотреть по-новому // Vinokurov info. 2023. URL: https://vinokurov.info/ru/na-centralnuju-aziju-neobhodimo-smotret-po-novomu/ (дата обращения: 07.08.2023).

Винокуров Е., Ахунбаев А., Бабаджанян В., Бердигулова А. и др. Экономика Центральной Азии: новый взгляд // Евразийский банк развития. Доклады и рабочие документы. Алматы, Бишкек, Москва. 2022. URL: https://eabr.org/analytics/special-reports/ekonomika-tsentralnoy-azii-novyy-vzglyad/?ysclid=lpi2ybq23t441541228 (дата обращения: 17.11.2023).

Латыпов Р.Ф., Салахутдинова Р.Р., Ишмуратов М.М. Компрадорская интеллигенция как инструмент неоколониальнй политики Запада в странах периферийного и полупериферийного капитализма // Власть. 2015. № 11. С. 35–39.

Национальный комитет статистики Кыргызской Республики // Stat.kg. URL: http://www.stat.kg/ru/ (дата обращения: 01.08.2023).

Почему Россия уступает позиции в Центральной Азии // РБК. Politics. 2023. 21 май. URL: https://www.rbc.ru/politics/21/05/2023/64677fc49a79472fac8cab00 (дата обращения:13.08.2023).

Россия снизила долю в Евразийском банке развития // РБК. 2023. 16 янв. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63c55fa29a7947ed04cad88e (дата обращения: 30.07.2023).

Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России. 2023. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70811 (дата обращения: 10.08.2023).

Хейфец Б.А. Индо-Тихоокеанская экономическая структура – новая форма трансрегионального партнерства // Российский внешнеэкономический вестник. 2023a. № 2. С. 94–101.

Хейфец Б.А. Новая модель международной экономической интеграции. М.: Институт экономики РАН, 2023b. 48 с.

Ang Yu. China’s Gilded Age. Cambridge Et al.: University Press. 2020. 257 p.

Chupilkin M., Javorcik B., Plekhanov A. The Eurasian roundabout: Trade flows into Russia through the Caucasus and Central Asia // European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). 2023. Working Paper N 276. 28 p. URL: C:/Users/User/Downloads/WP+276 (1).pdf (дата обращения: 01.08.2023).

Defraigne J.-C. The Belt and Road Initiative, the Economic Integration of the Eurasian Continent and the International Division of Labour // In the Belt and Road Initiative and Global Governance, edited by A. Carrai, J.-C. Defraigne, and J. Wouters Cheltenham: Edward Elgar. 2020. Pp. 34–75.

Horn S., Reinhart C. M., Trebesch C. China's overseas lending // Journal of International Economics. 2021. Volume 133. № 103539. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022199621001197?via%3Dihub (дата обращения: 10.08.2023).

Krapohl S., Vasileva-Dienes A. The region that isn't: China, Russia and the failure of regional integration in Central Asia // Asia Europe Journal. 2020. № 8. Pp. 347–366.

Kulbatyrov N., Haidar A. Five Trade Trends in Central Asian Connectivity // Astana International Forum, Central Asia. 2023. 26 Jun. URL: https://astanatimes.com/2023/06/five-trade-trends-in-central-asian-connectivity/ (дата обращения: 15.08.2023).

Mattoo A., Rocha N., Ruta M. (Eds.). Handbook of Deep Trade Agreements. Washington // International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. 2020. 615 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/cd1ad499-f43e-5f52-aea7-34534baa5f15 (дата обращения: 15.08.2023).

Melnikovova L. China’s interests in Central Asian economies // Human Affairs. 2020. Vol. 30 (Issue 2). P. 239–252.

Salikhov M. The Role of Russia and Central Asia in the New World Economy // Valdai Club. 2023. 23 May. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/the-role-of-russia-and-central-asia-in-new-word/ (дата обращения: 10.08.2023).

Tian H. China's Conditional Aid and Its Impact in Central Asia // In Laruene M. (Ed.). China's Belt and Road Initiative and its Impact in Central Asia. Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program. 2018. P. 21–33.

Trade statistics for international business development // International Trade Centre. URL: https://www.trademap.org/Index.aspx (дата обращения: 10.08.2023).

US strives to tune up Central Asia for anti-Russian sanctions // News Central Asia. 2022. 30 Sept. URL: https://www.newscentralasia.net/2022/09/30/us-strives-to-tune-up-central-asia-for-anti-russian-sanctions/ (дата обращения: 08.08.2023).

World Development Indicators // World Bank. DataBank. URL: https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.PCAP.PP.CD&country= (дата обращения: 10.09.2023).

References

Agentstvo po statistike pri prezidente respubliki Tadzhikistan [Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan]. Stat.tj. URL: https://www.stat.tj/ru (date of access: 01.08.2023). (In Russ.)

Agentstvo statistiki pri Prezidente Respubliki Uzbekistan [Statistics Agency under the President of the Republic of Uzbekistan]. Stat.uz. URL: https://stat.uz/ru/ (date of access: 01.08.2023). (In Russ.)

Ang Yu. China's Gilded Age. Cambridge Et al.: University Press. 2020. 257 p.

Belen`kaya M., Konstantinov A. Central`naya Aziya nashla vy`xod v Zaliv [Central Asia has found a way out to the Gulf]. Kommersant``. 2023. 19 Jun. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6111603 (date of access: 13.08.2023). (In Russ.)

Bodrunov S.D. Modernizaciya Rossii: cherez novuyu industrializaciyu – k novoj modeli e`konomicheskogo rosta i novoj modeli razvitiya obshhestva (nauchny`j doklad) [Modernization of Russia: through new industrialization – to a new model of economic growth and a new model of social development (scientific report)]. St. Petersburg: Institut novogo industrial`nogo razvitiya (INIR). 2012. 36 p. (In Russ.)

Brifing po itogam Pyatoj yubilejnoj konsul`tativnoj vstrechi glav gosudarstv Central`noj Azii [Briefing on the results of the Fifth Anniversary Consultative Meeting of the Heads of State of Central Asia]. Ministerstvo inostranny`x del Respubliki Tadzhikistan [Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan]. 2023. 14 Sept. URL: https://mfa.tj/ru/main/view/13346/brifing-po-itogam-pyatoi-yubileinoi-konsultativnoi-vstrechi-glav-gosudarstv-tsentralnoi-azii (date of access: 14.09.2023). (In Russ.)

Byuro nacional`noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazaxstan [Bureau of National Statistics Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan]. Stat.gov.kz. URL: https://stat.gov.kz/ (date of access: 01.08.2023). (In Russ.)

Chupilkin M., Javorcik B., Plekhanov A. The Eurasian roundabout: Trade flows into Russia through the Caucasus and Central Asia. European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). 2023. Working Paper N 276. 28 p. URL: C:/Users/User/Downloads/WP+276 (1).pdf (date of access: 01.08.2023).

Defraigne J.C. The Belt and Road Initiative, the Economic Integration of the Eurasian Continent and the International Division of Labour. In the Belt and Road Initiative and Global Governance, edited by A. Carrai, J.C. Defraigne, and J. Wouters Cheltenham: Edward Elgar. 2020. Pp. 34–75.

Horn S., Reinhart C.M., Trebesch C. China's overseas lending. Journal of International Economics. 2021. Volume 133. N 103539. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022199621001197?via%3Dihub (date of access: 10.08.2023).

Kheyfets B.A. Indo-Tixookeanskaya e`konomicheskaya struktura – novaya forma transregional`nogo partnerstva [Indo-Pacific economic structure – a new form of transregional partnership]. Rossijskij vneshnee`konomicheskij vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin]. 2023 a. N 2. P. 94–101. (In Russ.)

Kheyfets B.A. Novaya model` mezhdunarodnoj e`konomicheskoj integracii [New model of international economic integration]. Moscow: Institut e`konomiki RAN [Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2023b. 48 p. (In Russ.)

Krapohl S., Vasileva-Dienes A. The region that isn't: China, Russia and the failure of regional integration in Central Asia. Asia Europe Journal. 2020. N 8. Pp. 347–366.

Kulbatyrov N., Haidar A. Five Trade Trends in Central Asian Connectivity. Astana International Forum, Central Asia. 2023. 26 Jun. URL: https://astanatimes.com/2023/06/five-trade-trends-in-central-asian-connectivity/ (date of access: 15.08.2023).

Laty`pov R.F., Salaxutdinova R. R., Ishmuratov M.M. Kompradorskaya intelligenciya kak instrument neokolonial`nj politiki Zapada v stranax periferijnogo i poluperiferijnogo kapitalizma [Comprador intelligentsia as an instrument of neo-colonial policy of the West in countries of peripheral and semi-peripheral capitalism]. Vlast` [Power]. 2015. N 11. P. 35–39. (In Russ.)

Mattoo A., Rocha N., Ruta M. (Eds.). Handbook of Deep Trade Agreements.Washington. International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank. 2020. 615 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/cd1ad499-f43e-5f52-aea7-34534baa5f15 (date of access: 15.08.2023).

Melnikovova L. China’s interests in Central Asian economies. Human Affairs. 2020. Vol. 30 (Iss. 2). Pp. 239–252. https://doi.org/10.1515/humaff-2020-0022

Nacional`ny`j komitet statistiki Ky`rgy`zskoj Respubliki [National Committee of Statistics of the Kyrgyz Republic]. Stat.kg. URL: http://www.stat.kg/ru/ (date of access: 01.08.2023). (In Russ.)

Pochemu Rossiya ustupaet pozicii v Central`noj Azii [Why Russia is losing ground in Central Asia]. RBK. Politics. 2023. 21 May. URL: https://www.rbc.ru/politics/21/05/2023/64677fc49a79472fac8cab00 (date of access: 13.08.2023). (In Russ.)

Rossiya snizila dolyu v Evrazijskom banke razvitiya [Russia has reduced its stake in the Eurasian Development Bank]. RBK. 2023. 16 Jan. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63c55fa29a7947ed04cad88e (date of access: 30.07.2023). (In Russ.)

Salikhov M. The Role of Russia and Central Asia in the New World Economy. Valdai Club. 2023. 23 May. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/the-role-of-russia-and-central-asia-in-new-word/ (date of access: 10.08.2023). (In Russ.)

Tian H. China’s Conditional Aid and Its Impact in Central Asia. In Laruene M. (Ed.). China’s Belt and Road Initiative and its Impact in Central Asia. Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program. 2018. Pp. 21–33.

Trade statistics for international business development. International Trade Centre. URL: https://www.trademap.org/Index.aspx (date of access: 10.08.2023).

Ukaz Prezidenta RF ot 31.03.2023 № 229 «Ob utverzhdenii Koncepcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation dated March 31, 2023 N 229 «On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation»]. Prezident Rossii. 2023. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70811 (date of access: 10.08.2023). (In Russ.)

US strives to tune up Central Asia for anti-Russian sanctions. News Central Asia. 2022. 30 Sept. URL: https://www.newscentralasia.net/2022/09/30/us-strives-to-tune-up-central-asia-for-anti-russian-sanctions/ (date of access: 08.08.2023).

Vinokurov E. Na Central`nuyu Aziyu neobxodimo smotret` po-novomu [We need to look at Central Asia in a new way]. Vinokurov info. 2023. URL: https://vinokurov.info/ru/na-centralnuju-aziju-neobhodimo-smotret-po-novomu/ (date of access: 07.08.2023). (In Russ.)

Vinokurov E., Axunbaev A., Babadzhanyan V., Berdigulova A. i dr. E`konomika Central`noĭ Azii: novy`ĭ vzglyad [Economy of Central Asia: a new view]. Evraziĭskiĭ bank razvitiya. Doklady` i rabochie dokumenty [Reports and working documents]. Almaty`, Bishkek, Moskva. 2022. URL: https://eabr.org/analytics/special-reports/ekonomika-tsentralnoy-azii-novyy-vzglyad/?ysclid=lpi2ybq23t441541228 (date of access: 17.11.2023). (In Russ.)

World Development Indicators. World Bank. DataBank. 2023. URL: https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.PCAP.PP.CD&country= (date of access: 10.09.2023).

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.02

И.И. Глебова

ОСЕНЬ САМОДЕРЖАВИЯ

Аннотация. *Данная статья посвящена русской революции, которая толкуется не в узком смысле (как событие начала XX в., в основном охватывающее период 1905–1921/1922 годов), а в широкой временно́й и социокультурной перспективе (как процесс, стартовавший во второй половине 1850-х и переменивший все стороны социальной жизни). В центре внимания автора – тема «революция и власть». Исходя из того, что русский случай – лишь элемент большого процесса «триумфального шествия» европейской революции, автор предлагает двойную призму для анализа темы: с позиций темпорального конфликта (столкновения самодержавия и «Модернити»): с точки зрения судеб европейских монархий в XIX – начале XX в. Целая серия революций, захвативших Европу в XIX столетии, потребовала выработки новой формулы власти; монархии в их традиционном виде уже не соответствовали времени. Автор рассматривает три последних царствования как противоречивую, внутренне конфликтную, но единую историю того, как кончаются «старые режимы». Она – и рефрен европейской, и в значительной степени самостоятельна. На вызовы времени самодержавие дало взаимоотрицающие ответы. Обладая монополией и на реформу, и на реакцию, оно и стало инициатором изменений – чтобы модернизировать («улучшить») страну, остаться в ряду главных европейских держав, по-прежнему формировать европейскую повестку. Но неожиданно для себя обнаружило революцию «дома» – и вступило с ней в борьбу. В ход пошли не только политическая реакция, но и идеологические новации – против идеи конституционализма была выдвинута идея «народного самодержавия». Не желая быть отмененной, власть апеллировала к национальной самобытности; «изобретала» соответствующую традицию. Обновление через внешнюю архаизацию, демонстрацию неевропейского в своей природе – все это созвучно поискам национального стиля в культуре, размышлениям консервативных философов о том, как сдержать негативные последствия современности. Однако, сопротивляясь времени, самодержцы оставались проводниками того курса, который объективно вел к «отмене» самодержавия. В горниле индустриализации, урбанизации, культурных преобразований рождалась новая страна – управлять ею самодержавно уже было невозможно. В 1905 г. царизм вынужден был это признать (хотя внутренне так и не принял – в этом суть личной драмы Николая II). Оказалась, что вектор его движения – не к «народному самодержавию», а к «народной монархии».*

Ключевые слова: *революция; Европа; Старый порядок; Николай II; образ; темпоральность; «изобретенная» традиция; «народное самодержавие»; «народная монархия».*

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук,
руководитель Центра россиеведения, Институт научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: glebova.i.i@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: AAT-7754-2020.

Glebova I.I. The Autumn of Autocracy

Abstract. *This article explores the Russian Revolution, not in a narrow sense (as an event of the early 20th century, mainly covering the period from 1905 to 1921/1922) but in a broad temporal and socio-cultural perspective, as a process that began in the second half of the 1850s and transformed all aspects of social life. The author focuses on the theme of «revolution and power». Assuming that the Russian case is only an element of a larger process of a «triumphant march» of the European revolution, the author offers the analysis of the subject matter through a double lens: from the perspective of a temporal conflict (the clash of autocracy and «Modernity») and the fate of European monarchies in the 19th – early 20th centuries. A whole succession of the revolutions sweeping Europe in the 19th century required a new power formula as traditional monarchies no longer corresponded to the times. The author examines the last three tsardoms as a contradictory, internally conflictual, yet comprehensive story of how «old regimes» come to an end. It is a refrain of European events, and also, to a large extent, an autonomous story. Autocracy, holding a monopoly on both reform and reaction, initiated changes – to modernize («ameliorate») the country, maintain a position among major European powers, and continue shaping the European agenda. However, unexpectedly, it found itself facing a revolution at home and entered the struggle against it. Unleashed was not only political reaction but also ideological innnovations – the notion of constitutionalism was challenged by the concept of «popular autocracy». Refusing to be abolished, the ruling power appealed to national distinctiveness, «inventing» the respective tradition. Renewal through external archaization, demonstration of its non-European traits – all this conforms to the search for a national style in culture and conservative philosophers' reflections on how to restrain the negative consequences of Modernity. Yet, resisting the times, autocrats remained proponents of a course that objectively led to the «cancellation» of autocracy. A new country emerged in the crucible of industrialization, urbanization and cultural transformations, and governing it autocratically became impossible. In 1905, the Tsarist regime was forced to acknowledge this, though internally it never fully accepted it – this is the essence of Nicholas II's personal drama. It turned out that its trajectory was not towards «popular autocracy» but towards the «popular monarchy».*

Keywords: *revolution; Europe; Ancient regime; Nicholas II; image; temporality; «invented» tradition; «popular autocracy»; «popular monarchy».*

**Glebova Irina Igorevna – Doctor of Political Sciences,
Head of the Center of Russian Studies, Institute of Scientific
Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: glebova.i.i@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: AAT-7754–2020**

В начале 1900-х годов П.Н. Милюков, большой историк, а вскоре и вождь самой влиятельной либеральной партии, постоянно сравнивал современную ему Россию с французским Старым порядком [Гайда 2010, с. 38][1]. Удачная формула – в ней есть все: ею ставится под вопрос один порядок и возвещается другой (могильщик всего отжившего – прогрессистский, ориентированный на будущее). Она во всех отношениях симптоматична – это манифестация предреволюционности времени. Поэтому имеет не только (а теперь уже и не столько) конкретно исторический, но и типологический характер: это метка для режимов, растративших витальные потенциалы, социальную оправданность («режимов для себя»), органически не способных к развитию («режимов не-развития»)[2].

Правление последнего российского императора – классический пример такого рода. Общий вердикт, с которым солидаризируются профессионалы и дилетанты, правые и левые, власть и ее оппоненты (про- и антивластные): главная слабость николаевского царизма – в его темпоральной неадекватности, в упорном нежелании слышать время, в едва ли не нарочитой демонстрации своего с ним несовпадения, в неумении и нежелании быть современным. Своей позицией: против времени – власть провоцировала конфликты там, где их можно было избежать (или даже трудно было предположить), нагнетала в обществе атмосферу противостояния (раскол по линии «старое» / «новое», «традиционалистское» / «модерное»), провоцировала восстание (в широком смысле: культурное, ментальное, политическое, уличное) тех сил, что не находили себе места в консервируемом ею старом порядке.

1. Самодержавие Николая II считалось чем-то вроде карикатуры на кровавый деспотизм грозных царей; отмечалось его сходство с французской монархией эпохи гражданских войн XVI в. или кануна революции XVIII в. Иначе говоря, оно помещалось в историческую серию – монархии эпох упадка. Тем самым утверждалась неизбежность его конца.

2. Можно сказать, что использование этой призмы для оценки режима – весьма эффективная политическая технология. Тем более, что определение «старый» в политико-культурном контексте имеет в русском языке отрицательные коннотации.

Справедлива ли такая оценка? Чем больше мы вглядываемся в тот мир, отрезанный от нас революциями 1917 г. и Гражданской войной, тем более заслуженной она представляется. Особенно если смотреть на позднемонархическую власть с определенной позиции – извне, с точки зрения тех самых сил, которые имели с ней темпоральные разногласия (противоречия). А если изменить фокус – сойти с обвинительной позиции, «зайти» изнутри, подсветить «объект» иными «софитами» (анализировать николаевскую историю на фоне тех социальных и культурных процессов, что определяли развитие тогдашних Европы и России)?

Такой разговор предполагает обсуждение важнейших политико-культурных проблем, имеющих не только абстрактно научное, но и актуальное (в том числе, политическое) значение: о темпоральной чувствительности российской власти, о возможностях и пределах ее эволюции; о способности или неспособности к развитию социально-политических порядков, имеющих «длинные корни» в истории (запасы инерционной устойчивости, исторической легитимности – и склонность к «застоям», неадекватному самовосприятию), об их совместимости с эпохами коренной ломки и мутации традиций. Только в этом контексте история обретает (может обрести) актуальный социально-политический смысл – как опыт самоанализа, самопонимания, необходимый для определения перспектив.

«Старый режим» как образ

На фоне стремительно менявшейся, втягивавшейся в новую жизнь России рубежа XIX–XX вв. властный Петербург (царский, придворно-аристократический, чиновный, военногвардейский) действительно выглядел как «действо огромной пустоты» – и эстетически, и политически был не релевантен миру XX столетия: лишен его энергетики, напряжения, сумасшедшинки, тяги к новаторству, риску. По меркам тех времен, его люди пассивны, скучны, охранительны – неинтересны. Их Петербург казался старым городом – за ним чувствовался возраст (отягощенность опытом, связанность прошлым).

Заметим: «*выглядел*» – вовсе не пустое слово, но важная характеристика. Та эпоха вообще была внимательна к образам, символам; вплетала их в реальность, на них строилась; не делала различий (плохо различала) между «быть» и «казаться». Николаевский царизм во многом *внешне* не устраивал (более того, раздражал) общество. И это понятно: XX век – автомобили, аэропланы, кино, телефоны, индустрия, парламенты и премьеры, а тут – парады, дворцовый церемониал, короны, мундиры, аудиенции, молебны. У той монархии *внешность «старого режима»* – запрос же был на перемену образности (обновление,

демократизацию), на *новые виды* власти[3]. Это потом, после Второй мировой, и, в особенности, к концу столетия, европейские общества затоскуют по национальному, традиционному. Возникнет интерес к пышному монархическому церемониалу; коронации и королевские свадьбы станут собирать миллионные телеаудитории (красиво, *не* современно). А юный, нарождавшийся XX век был против старорежимных сущностей и форм.

Недаром российское общество запомнило Николая II на костюмированном балу 1903 г. в Зимнем дворце в платье Алексея Михайловича. Вот он, оживший образ московского царя (Всея Великия и Малые, и Белыя…); вот она, властная претензия – вопреки новым временам, быть самодержцем. Здесь усмотрели отречение от Петербурга, от *этой* (европейской, преобразовательной – в смысле: преобразовывать по-европейски, спешить в Современность, гнать туда страну) властной традиции[4]. Казалось, она осталась в прошлом, в «блестящем» XVIII столетии. Николаевская же монархия воспринималась обществом как реинкарнация «реакционного» московского самодержавия. Отчасти поэтому Петр, демиург петербургской империи, был возведен в идеал, прославлен как революционер на троне [см.: Глебова 2022].

На рубеже XIX и XX вв. все европейские дворы увлекались (и развлекались) историческими «играми» (живопись, архитектура, публичные церемонии и проч.), «возвращавшими» в то прошлое, где короли и были центрами мироздания[5]. Эпоху отличала тяга к переодеваниям («костюмированию»); З. Фрейд говорил о свойственном ей маниакальном стремлении к карнавалу. В моде – «балы масок»; в Британии принцы примеряли кафтаны Стюартов, в

3. Вся «презентация» (образно-символическая часть) Февральской революции – вызов этой «внешности». Февраль подчеркнуто нов, демократичен – настоящая революция (коренной перелом и новое начало). На этом фоне «старый режим» казался особенно старым (анахронизм; вся его история – обветшание и разложение, в Феврале лишь поставлена точка). Радикальная перемена «видов» России – пожалуй, одно из главных «завоеваний» Февраля. В новых формах формировались новые сущности; вспышки символической революции радикализировали политическую и социальную [см. об этом: Колоницкий 2001].

4. Москвич А. Кизеветтер так комментировал петербургские костюмированные балы (тягу власти к такой презентации): «Политике "контрреформ" теперь старались придать характер возвращения к национальным заветам до-Петровской московской старины. При этом не очень заботились об исторической точности» [Кизеветтер 1929, с. 320]. Спустя столетие другой историк, Р. Уортман, толковал эти «игры» николаевского престола как «вызов европеизированным нормам императорского двора» [Уортман 2002, с. 511].

5. Символично название одного из многочисленных исторических эссе о Людвиге II, короле Баварии: «Возвращение в блеск вчерашнего дня». При этом указывается: все его ностальгические «путешествия в прошлое» (и самый известный плод королевской фантазии – Нойшванштайн) были обеспечены современными технологиями [Ruckzug 2004].

Германии кайзер появлялся в костюме Фридриха II [см.: Kurtz 1970, с. 64–65]. Наблюдая один из таких маскарадов в Берлине, остроумец заметил: такое ощущение, будто мертвые встали с косичками и в пудре [см.: Als Kaiser 2004, с. 57]. Кайзер, по общему мнению, привносил в немецкую жизнь элементы Средневековья; да и сам как будто всплыл из прошлого.

При Вильгельме II Германия решительно превращается из аграрной в индустриальную, в химии и электропродукции не уступает Великобритании и США. У нее в высшей степени современная и динамичная экономика, мощная железнодорожная сеть, многие ученые – мировые величины. А придворный мир имеет феодально-аристократический вид. Кайзер прославляет Священную Римскую империю германской нации; его год расписан в строго ритуальной последовательности – рождения, награждения, военные парады и осенние маневры, висбаденские праздничные игры и кильские недели, поездки по северным землям, охоты. В маленьких немецких (союзных) государствах, где еще сохранялись княжеские дворы, внешне все тоже выглядело как во времена абсолютизма [там же]. Царил дух верноподданничества, милитаризма; шталмейстеры и егермейстеры играли главную роль на балах, титулы и ордена сыпались как из рога изобилия. В Вене, где творились новое европейское искусство и новая наука, в 1900-е, так же как и в 1850-е, правил Франц-Иосиф, для которого абсолютистские «сценарии власти» – не «игра», а образ жизни (он сам – такой «сценарий»). Большим монархиям подражали «малые», им – аристократия, вовлекавшая в «карнавал» светскую публику.

Иначе говоря, игры в прошлое были настоящим тогдашних европейских монархий. Россия была в этом общем движении, в современной монархической «повестке».

Европа отчасти даже подпала под обаяние «неомонархических игр» – кое-где и коротко, но вспоминала, что когда-то любила своих королей[6]. Однако «подданным» (сознательной их части) сильных (еще не свергнутых / не сброшенных на социально-политическую периферию) монархий дворцовые маскарады не казались ни забавными, ни эстетически притягательными. Политический вызов, облеченный в символические формы, попытку затянуть современность в *свое* прошлое – вот что в этом видели. Причем вызов странный, неадекватный задачам момента: им бы обновляться – а они натягивают «ветхие» платья, взывают к призракам, настаивают: мы и есть старые режимы. Общественный вердикт: они хотят (править) по-старому – это конец; престолы одряхлели, их власть выродилась – это призрачный, умирающий мир.

6. Париж в 1896 г. приветствовал русского царя во многом потому, что он – царь [см.: Берар 2016, с. 36–37]. Казалось, Франции надоело быть республикой.

Игры престола: наследник

Конечно, острая общественная реакция на властные игры в московских царей объяснялась не эстетическими, а политическими соображениями. Это – протест против того курса, которым шла власть. Его суть – не менять курса (держаться прежнего, уже проложенного, как единственно верного).

Едва вступив на престол, Николай II манифестировал преемственность как основу своей политики. «В последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земств в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель» [Николай II: Материалы 1917, с. 56–57][7], – сказал он в первом же публичном выступлении, 17 января 1895 г., перед представителями дворянства, земств и городов, собравшихся со всей России поздравить его с воцарением. В этих двух фразах – весь образ мира: самодержавия и этого самодержца.

Этот царь – только наследник (так он мыслил свою роль), его назначение – хранить. Никаких выдумок, выкрутасов, революций на троне; наследие принял – наследие сдал. Он – лишь звено в этой исторической цепи (в этой непрерывности): Самодержавие – Власть от Власти. Которое и есть Россия.

Под стать[8] – и образность николаевской монархии. Всем своим видом Дворец показывал, что это – мир власти, страшно далекий от общества, что он существует для того, чтобы царствовать (быть «Хозяином Земли Русской»[9] – повелевать пространством и людьми). Утверждал: *этого* не могут перебороть никакие новые времена.

Что может быть естественнее для самодержавия, чем эта политическая философия? Власть, в высшей степени персонифицированная, – ничто вне этой деперсонифицирующей перспективы. Монархия – не частность, а большая традиция, институт, воспроизводящийся во времени[10]. Наследник и

7. Считается, что пассаж о «бессмысленности» мечтаний земской России был бездумной оговоркой молодого царя – в тексте было «беспочвенными» [см., напр.: «Слышались голоса» 1999]. Почему-то кажется, что Николай II не ошибся – сказал то, что и хотел сказать: мечтания бессмысленны – неосуществимы, вредны, опасны. Это – пустые *мечтания.*

8. Так и хочется сказать: под суть – звучит странно, но точно передает смысл.

9. Так Николай II определил род своих занятий в опросном листе Всероссийской переписи населения 1897 г.

10. В этом, пожалуй, ее главное отличие от диктатуры – этой пародии на монархию, этой псевдомонархии XX в. Она разрушает публично правовые институты, превращает государство в систему частной власти (подчиняя его воле лица / группы лиц). В ее основе культ личности вождя, а этого по наследству не передашь.

обеспечивает воспроизводство; это главный капитал монархии, ее будущее. При одном условии: что он – «правильный» (законный, признанный, способный править). Чем меньше вопросов к наследнику, тем выше легитимность института.

Николаю II эта стратегия: наследовать – подходила как нельзя лучше. По всем монархическим меркам он – идеальный наследник (пожалуй, в XIX в. только власть деда, Александра II, обладала такой изначальной полноценностью). Все разговоры о том, что по самоощущению, психофизике он больше подходил на роль конституционного правителя (слаб, подвержен влияниям, тяготился властью), – не более, чем разговоры (взгляд со стороны). Самодержавное начало – убеждение: царь – Хозяин Земли Русской, сердце Царево в руцех Божьих, за которым – столетия истории, жизни и деяния предков, в последнем императоре очень сильно. Таким он рожден; его идентичность – царь, его назначение – царствовать.

Поэтому-то он и не желал этого груза – царства (ровно так же, как его отец и дед)[11]. Но – долг: перед семьей, фамилией, династией (исторический долг). Все это воплощал в себе отец, Александр III; он был для Николая и родителем, и повелителем, близким человеком и самой историей. Свой долг он исполнял, как подобало – так, во всяком случае, считали Романовы; в этом был уверен Николай Александрович – и странно было бы ждать от него другого. Этот царь ушел неожиданно рано (реализовался лишь отчасти) – сын должен был продолжить его дело.

Да и потом, николаевская установка на преемственность – это, вроде бы, неплохо: царствование обещало не быть бурным, насильническим, переворачивающим все устои жизни. Здесь «ориентация» на Алексея Михайловича, правившего тихо (Тишайший – по русским и своего времени, конечно, меркам), мирно, богобоязненно, почитавшего старину, но и не отказывавшегося от новшеств, не так опасна для общества, как возведение в идеал его сына, которого следовало бы величать Петром Грозным, если бы этот «титул» в русской истории уже не был использован. На этих путях последовательного органического развития – можно добиться большего, чем в конвульсиях любой революции (самодержавной, пугачевской, декабристской).

11. Вообще, в XIX в. Романовы скорее страшились, чем жаждали престола: не столько опасности пасть жертвой «геморроидальной колики» или «апоплексического удара», как скинутые дворцовыми переворотами предки (Петр III, Павел I), сколько ответственности, пожизненной связанности этой непосильной для человека задачей – вести, направлять страну, быть «Хозяином Земли Русской». В XVIII в. все было иначе: за троном бегали, за него сражались, его захватывали. Видимо, это некая закономерность: «самозванцы» («случайности» на троне / власть-самозванец) жаждут властвовать; самодержцы, обладающие всеми правами на престол, рассматривают власть как обременение (бремя).

Иначе говоря, выбор в пользу стратегического курса – «наследник» имел свои преимущества, свою органику. Однако особенности российской политической традиции таковы, что они «съедали» эти преимущества, превращали их в недостатки.

Об опасностях «наследничества»

В рамках монархической традиции перемена на троне – единственный способ ротации верховной власти, *аналог выборов* в демократической парламентской системе. В этой точке всегда концентрировались большие общественные ожидания – на обновление: новый монарх – новый курс, разрядка от прежнего правления[12]. В России же на каждое новое царствование смотрели как на «начало» – другое время. Завершение долгих правлений (даже «блестящих»: елизаветинского и особенно екатерининского), как и уход непопулярных персонажей (к примеру, Петра III), вызывали всплеск общественного оптимизма. Здесь типовой сценарий «перехода» власти – не траур, а праздник: мертвые – к мертвым (ушедших мало оплакивали, почти сразу забывали), новый царь – надежда на «возрождение» России[13]. Чем полнее реализовывался этот сценарий, тем сильнее было ощущение новизны, тем мощнее символический фундамент очередного правления.

12. Это «настроение» вообще характерно для монархий: усталость от старого монарха (от лица, политического направления, стилистики) компенсируется новизной нового. Яркий тому пример – смерть в 1901 г. (символично!) королевы Виктории (65 лет на троне – бесконечное правление). Приход Эдуарда VII сопровождался преодолением «викторианства», освобождением от этого наследия, своего рода «омоложением монархии» (это и обеспечило ее трансфер из XIX в. в XX-й). Хотя, надо сказать, этот монарх как-то быстро «устарел»; стал не динамичен, «не нов» – наследник (да и с возрастом все больше походил на мать). А вот Вильгельм II, заняв престол в 1888 г., самоутверждался не против отца, Фридриха III, – он стремился вывести монархию (себя) из тени Бисмарка. Отчасти это удалось. Но к концу Мировой войны Вильгельм сам перестал соответствовать ситуации – «устарел».

13. В марте 1801 г. Петербург праздновал конец дурного павловского самовластия (шампанское, радостные лица, приветственные крики, фейерверки – «карнавал»). В Россию, наконец, пришло новое столетие – Александр I и был российским XIX веком. На эту высоту его подняли общественные надежды (те самые «беспочвенные мечтания»). Их новый всплеск вызвал приход Александра II; одно то, что он – не Николай I, влекло к нему сердца и умы. От него ждали преодоления Крымского позора, реформ – и это «типовые» ожидания: новое царствование должно было быть ответом на дефициты старого. Вся эта «типология» продолжилась и в XX в.: вожди (помимо прочего) делались из народных надежд на обновление, ожиданий другой (лучшей) жизни. Да и вообще, чем дольше сидит властитель, тем сильнее усталость, потребность в новом лице, желание менять (просто менять *– старое на новое).*

На Николая II надеялись особенно напряженно: общество устало от «реакции» – хотело «весны», альтернативной политической повестки, больших перспектив[14]. И те, кто еще помнил освободительные восторги 1860-х годов, и те, кто их не застал (эти – в особенности), хотели пережить «оттепель», почувствовать дыхание свободы. Они и обратились к Николаю II как к альтернативе (не-Александру III), «нагружали» его альтернативными ожиданиями[15]. Обманувшись (будучи обманутым), ответили не просто неприязнью, непониманием, отчуждением.

Едва начав, этот царь поднял руку на мечту новой России / нового Петербурга об их (новом) мире (публично со всем этим размежевался: сказал, этого – не будет). В ответ общество окончательно и бесповоротно записало его в прошлое (выписало из XX в.). И ни разу за все царствование не признало со-временным (со-временником). Пожалуй, это первый за долгое время случай *такого* темпорального, мировоззренческого, символического несовпадения власти и «подвластных» (их сознательной части). По непримиримости оно напоминает противостояние начала XVIII в. – с точностью до наоборот (в этом смысле последний император – действительно тот анти-Петр, каким его многие видели). Одно это служило почвой для революции (общественников – против этого самодержца)[16].

*14. В марте 1881 (*март*, опять март – магический месяц для русской политии), через 80 лет после антипавловского петербургского «карнавала», обществу не на что было надеяться. Царствование началось с казни – в этом увидели возвращение во времена Николая I: на дворе – «заморозки», реакция. В александровские 80-е в обществе накапливались эмансипационные ожидания, потребность в политической динамике (в публичной политике).*

15. «Величайшие преобразования были уже совершены. Нужно было, прежде всего, восстановить их в полной силе, сделать их истиной… Это не было бы неуважением к памяти отца, а просто сознанием того, что разные времена и царствования имеют разные задачи… Если бы молодой царь, даже не делая шага вперед, пошел по пути, указанному дедом, то благоразумные русские люди были бы довольны», – писал Б.Н. Чичерин [цит. по: Ольденбург 1998, с.147]. Стоило только сказать: все будет, как при покойном дедушке, – и общество расположилось бы к новому монарху (хотя бы отчасти, на время стало «николаевским»). Но смириться с еще одним Александром III (чтобы вся жизнь – при нем) – это уже слишком.

16. Одним из самых острых (если не яростных) откликов на январское, 1895 г., заявление Николая II была статья Л.Н. Толстого «Бессмысленные мечтания» [Толстой 1984, с. 284–285]. Великий писатель не просто назвал речь 17 января «дерзкой» и «ругательной», а самого царя сравнил с «нахальным», «слабым мальчишкой» – «барчуком». Для Толстого это – «поступок» (точнее, проступок*): хоть и необдуманное, но «столкновение» с обществом, в котором оно было оскорблено и унижено («проглотив», стало еще «покорнее и подлее»). Толстовское выступление – не анализ, не памфлет, не речь в защиту «униженных и оскорбленных». Это – вызов (перчатка, брошенная в лицо). Властитель русских дум (царь от литературы / общества) обличает*

То, что царский выбор препятствовал установлению коммуникации с обществом (шел вразрез с его настроением, состоянием, потребностями), конечно, важно, но для такого типа власти не первостепенно. Главное – он противоречил русской властной традиции, которая и тогда, и сейчас строится на отрицании: каждое следующее царствование опровергает предыдущее, каждый новый царь – не преемник, а альтернатива. Вроде бы, парадокс: социальные часы в России работают плохо (постоянно «сбоят» на «застой»), а переход от одного царствования к другому – всегда революция («маленькая», дворцовая, но с далеко идущими социально-политическими последствиями)[17]. Однако это – органика: так в кровеносную систему самодержавной «политии» поступает новая кровь, так предотвращаются социальные революции (компенсируется их отсутствие). Так рождается самодержец: чем увереннее, резче он рвет с прошлым, тем больше «самость» (царское «Я»), тем крепче власть. Стратегия «наследник» – против самодержавного естества (стирает самодержавную личность); держишься за «отца» – убиваешь в себе самодержца. Новое царство не может начаться – на троне не царь, а «и.о.» царя[18].

Иначе говоря, последний император со своей верностью «заветам» восстал против большой традиции[19]. Так что же, этот вызов всему и вся, это странное упорство – «мальчишеская» глупость, неправильный выбор, само-

молодого наследника – и заодно ставит под сомнение сам самодержавный принцип («управление по наследству», наследственную неограниченную власть) – как не соответствующий нуждам тогдашней России. Это объявление войны*: Толстой (за которым – общество; он – глашатай) – против царя. Статья не была напечатана тогда же, в 1895 (дорогу к широкому читателю ей открыла февральская, 1917 г., гласность), но в обществе была известна.*

17. В XVIII в. Дворец – во власти таких революций; новый монарх если не физически, то символически убивает старого, у него – своего рода «негативная идентичность». Негативный сценарий, конечно, можно списать на «ошибку» (эксперимент) Петра: правильный порядок наследования разрушен – самодержавие лихорадит. Но вот – в целом «не переворотный», лучший для самодержавия («золотой») XIX век. И он начался с отрицания: «все будет как при покойной бабушке» – Александр I против Павла. Так и продолжился. Николаевское царствование – реакция против всего «прекрасного» в «александровых днях». Александр Николаевич своими реформациями и эмансипациями разрушил наследие родителя. Наперекор отцовским начинаниям пошел и Александр III – мировоззренчески, политически, юридически отрекся от Освобождения.

18. В «раннем» Николае II (до 1905 г.) эта самость невидна, неочевидна. В нем больше Александра III, чем Николая II. Общественный вердикт в отношении этого монарха: он не креативен как царь (простой рефрен, живет с отцовского наследия – а потому «профнепригоден»: не соответствует этой миссии: царь). Посредственность – главный порок, по меркам того времени.

19. Заметим: николаевский опыт выбивается не только из монархического прошлого, но и из постреволюционного будущего. В XX в. каждый новый советский вождь – плохое зеркало для предыдущего (самоутверждается, отрицая).

убийственная реакция? Вполне удовлетворительный (приемлемый) ответ[20]: а что еще ждать от этого монарха? Недоразумение, *дефект* русской власти, «слабое звено» – поэтому на нем и порвалась династическая цепь.

Николай II действительно был *слабым звеном русского самодержавия*. Но вовсе не из-за личных слабостей, неадекватностей, привязанностей и зависимостей. Его царствование пришлось на тот исторический момент, когда самодержавие столкнулось с экзистенциальным вызовом: быть или не быть? Так случилось – в этом нет ни его вины, ни его заслуги.

«Наследник» – это не о личном, не о преданности отцу и его делу (хотя для понимания этой властной стратегии Александр III – ключевая фигура), не о жажде власти. В николаевской игре – более высокие ставки. Это – о самодержавии (об образе правления, государственном строе, судьбе и династии, и страны). «Бессмысленные мечтания», «так было и будет всегда»[21] – ответ власти, стремящейся править без ограничений (природа которой выражалась в этой претензии), приученной к мысли о *бесспорности* и *бессрочности* своих прав, тем временам, которые эти ограничения с собой несли (что и было ограничением).

О наследии: в исторической ловушке

В каком-то последнем смысле самодержавие всегда в схватке со временем – за право быть самодержавием. Долго оно если и не выходило из нее победителем, то, во всяком случае, не терпело поражения[22]. Но эпоха Освобождения показала, что его ресурсы в этом противостоянии не просто ограничены, но подходят к концу.

Исторической ловушкой для европейских монархий стала европейская революция. Казалось, решающий удар нанесла Великая Французская – из нее стала расти эпоха, которая шла на смену «старому режиму». То есть много-

20. В рамках сложившегося (в науке и общественной памяти – тут между ними нет противоречия) отношения к этой фигуре и той эпохе.

21. Из властного Петербурга раздавались самые разные слова. Но доныне известны (вошли в историю) именно эти. На них и основывается отношение, переданное формулой «старый режим».

22. Так, из кризисного для себя XVIII столетия российская власть выходит, не поступившись самодержавием. Преодолевает состояние «самодержец / самозванец» (наследие Петра), не сдается освобожденному им дворянству (не приобретает характер дворянской монархии). Встает над потенциальным дворяновластием; монархия и дворянство сообща формируют легитимность петербургского самодержавия [см.: Whittaker 2003, с. 12]. Эта формула довольно долго служила эффективным идеологическим оружием против всяческих «покушений» на власть (в том числе, против дворянского революционера, рожденного Просвещением). К середине XIX в. ее потенциал был выработан.

сотлетнему европейскому мироустроению. Это такая смена исторических вех, аналогов которой найти, вроде бы, невозможно[23]. Переход из XVIII столетия в XIX оказался переходом в новый мир, где монархический принцип подвергся решительной десакрализации (один только Наполеон равен историческому нокауту; после него быть «просто монархом», на традиционный лад, невозможно) и стремительно устаревал. Но XIX век разразился целой серией революций, не меньших по силе, чем эта «могильщица» старого порядка. Индустриальная и ее последствия, экономические, экологические, социальные, – совсем другая цивилизация, такой же прорыв из тысячелетней истории, как 1789 год (не уступает в величии). А она тянула за собой научную, технологическую, инфраструктурную – и все ранее невиданное, немыслимое.

Континент втягивается в большую перестройку: по существу, формируется новая Европа – геополитически, в политико-правовом, культурно-ментальном, социально-бытовом смыслах [см., напр.: Кареев 2018][24]. Принципиальным образом меняется карта (рвутся одни государства, возникают другие), падают традиционные правления, растут большие и малые национализмы. Европу трясет – она политически нестабильна, «не системна» (не в системе – Венская потеряла свое стабилизирующее значение). Наряду с геополитическими копятся социальные противоречия; экспансирующие индустриализмы и урбанизмы везде порождают болезни, ранее неизвестные, не имеющие «протокола» лечения.

Меняется социальная структура; Европа массовизируется, доминирующим типом становится средний европеец. В центры цивилизации (в города, на производство) массово двинулось простонародье; эти пришельцы угрожают традиционному «миру избранных», их «восстания» вспыхивают то тут, то там. Трансформируются политические системы; старые элиты ощущают давление новых сил – против них улица, стрелки и бомбисты; в ответ на радикализмы в рост идут полицеизмы (полиция и сыск) и реформизмы. Меняются города – в них приходят новые технологии (иные формы жизни), их тревожат новые вызовы. Притом все новое еще «в начале», в стадии становления –

23. «События 1789 г. быстро переросли во фронтальное наступление на весь тысячелетний европейский «старый режим» в целом: монархию, аристократию и церковь. В результате революция стала означать процесс созидательного насилия, знаменующий начало новой всемирно-исторической эпохи, и создание «нового человека». События во Франции впервые породили на Западе культ революции как орудия истории» [Малиа 2015, с. 14].

24. Симптоматично: меняются представления Европы о самой себе и мире (среди прочего – о России), основы самоопределения и технологии репрезентации [см.: Большакова 2016, с. 362–372].

проявляет себя не с лучшей стороны; эти эффекты большей частью негативны, агрессивны, разрушительны.

Все европейские монархии реагировали на мир, который оказался к ним не добр – и прямой реакцией, и сотрудничеством (теснились, давая место рядом с собой парламентам). Ответ российской был революционного накала – за что она и получила репутацию реакционного оплота Европы (Александр I – «глава царей», защитник легитимизма; Николай I, далеко ушедший по этой дорожке, – уже европейский жандарм). Но и она уступила. Европейские революции стучались в двери – Александр II впустил их в Россию.

Этот царь, вроде бы, действует по-петровски – перезапускает часы, творит новую Россию. Император-Часовщик, «взрыв революции в царях», новая волна европеизации[25]. Однако эта Реформа не похожа на петровскую – скорее, даже альтернативна. У нее много творцов (у самодержавия больше нет монополии на социальное творчество, оно – лишенец, его потеснило общество, заявившее о себе и словом, и делом, в том числе и лихим); ее последствия – усложнение, плюрализация (во всех отношениях). Уже в России Александра Николаевича – так много Россий (не в географическом, а в социальном и темпоральном смысле – полисубъектный мир), что у нее просто не может быть одного часовщика[26]. И если самодержцу угрожает террорист, то самодержавию – призраки парламента и премьера[27]. Наблюдая эти угрозы, сознавая их реальность, формируется наследник (взгляды, политическая линия – послеалександровское «предложение» стране).

Александр III объявляет этим угрозам (и их персонификаторам) войну. Он – не рядовой сменщик на троне, а сознательный борец за монархический принцип. Его цель – не просто убрать террористов (и террор как таковой), но вычистить из России саму тему потрясений (нейтрализовать их источник). Его числят в реакционерах, а он – социальный миротворец, идеалист-утопист: желает не просто снизить значение социального конфликта и конфликтности, но закрыть для себя это измерение современности (да и, вообще, снизить пафос в отношении «нового мира» – не создавать культ «Современности»). И если террористы придают своему делу значение религиозное (высшей и последней борьбы), то и он таким же образом толкует свое –

25. «Революция сверху» – так это время и входит в российскую историю [Эйдельман 2021, с. 332–366].

26. Социальное время перестает быть однородным. Для характеристики этого процесса можно привлечь ленинскую мысль о многоукладности – многоукладной в пореформенной России стала не только экономика, но и темпоральность. Параллельно темпорализуется пространство; Россия, одетая в сеть железных дорог, – уже не физическая, а социально-экономическая география.

27. Парламент и премьер (глава правительства европейского типа) – политические механизмы реализации социального многообразия.

это не узко монархическое, а широкое народное дело, имеющее высшую санкцию[28].

Это установка даже не на стабильность – на социальную гармонизацию[29]. Революцию – вон, стихию дикого капитализма – ввести в русло, оздоровить государственным вмешательством (огосударствлением капитализма)[30]. Ставка на развитие – против всяких хаосов, хаотизаций, революционных взрывов (реформизм противопоставляется революционализму – как социальное творчество разрушению). Вместо «низкопоклонства перед Западом» – «здоровый» русский национализм[31]. Да и монархию из европейских эмпиреев вернуть на родную почву – напомнить о ее корнях, традиционности, русскости. – Эту «программу» подправит время – но тогда, в самом начале 1880-х, она многим казалась (а отчасти и была) уместной. В чем-то главном соответствовала ситуации и в самой России (широка реформа – надо бы сузить; попривыкнуть, обжить), и в Европе.

После серии войн и революционных потрясений начала – середины XIX в. стремительно обновлявшаяся Европа (цивилизация перемен) инстинктивно хватается за прошлое – его в ней много, возможно, даже с избытком (*это* – ее зеркало). Она движется в современность с оглядкой, не вступая в решительную борьбу с живыми, вполне еще дееспособными традиционными формами и образами жизни, – да, к тому же, декорируется в исторические одежды. Везде «историзмы» имеют отчетливо национальный облик – эстетику (и идеологию) времени формируют, среди прочего, образы и образцы национальной старины. – Европа «пересоздается» (пересматривает «основы»), апеллируя к национальному / традиционному, через ассоциации и подражание. Эта метаморфоза зафиксирована в искусстве (искусством) 1870–1880-х; национальная традиция – одна из главных его тем.

28. См. Высочайший манифест 29 апреля 1881 г. [Государство российское 1996, с. 234].

29. И на государство – как инстанцию, гармонизирующую отношения в новой, пореформенной, деревне (не только экономически восстанавливающей два главных, «исторических», сословия России – помещиков и крестьян, но и способствующую их ментальному оздоровлению), и в городе (между двумя новыми «сословиями» – предпринимателями и рабочими). Однако при ставке на госконтроль именно тогда рождаются крупнейшие состояния, независимые от государства.

30. В постсоветской России многие надежды возлагались на авторитарную модернизацию, т.е. экономический (и социальный, и ментальный) подъем, на «русского Пиночета». А он уже был – это место в российской истории занято.

31. Это общеевропейская тенденция, суть которой – возведение народного инстинкта («ископаемого национализма», по выражению П.Н. Милюкова, – темных «ископаемых» реакций) в ранг государственной политики. – Предтеча национализмов, расизмов XX в. Ее оборотная сторона – линия на строительство «гражданских наций», которая в полной мере также реализуется в XX столетии.

Характерны опыты придумывания «русского стиля» – у Бородина и Римского-Корсакова, у Сурикова, Васнецова, Рябушкина и др.[32]. Художники (декораторы эпохи) нуждались в самобытном материале – а потому обратились за «образцами» к старомосковским (до-петровским / не-европейским) древностям. Те же поиски «русскости» (или, по С.С. Уварову, «народности») мы видим в 1870–1890-е годы в архитектуре (в облике городов), интерьерах, одежде и проч. Увиденная современными глазами традиционная Россия стала одним из слагаемых национальной идентичности.

Если в России сочинялся «русский стиль», то в Германии – «немецкий», в Великобритании – «английский» и т.д. Музыка Р. Вагнера, например, так же опиралась на «германские древности» (эту образность), как творчество наших художников – на русские. Эти творцы пытались выявить национальное своеобразие и противопоставить его, говоря языком К. Леонтьева, «смесительному упрощению», которое, по их мнению, становилось преобладающим в мире. Иными словами, это был ответ на общемировую нивелировку. Имелся в этих поисках и политический смысл. Тот же Вагнер и художники его круга отвечали укреплявшемуся германскому либерализму манифестацией «здоровых» консервативных начал. Однако парадоксальным образом на этих путях была создана немалая толика произведений, во многом определивших будущее развитие мирового искусства.

В ожидании решающих боев, которые вскоре даст на этом пространстве «Современность», Европа еще скользит между совершенно разными временами – индустриально-модерным и традиционным, нащупывает формулу разумного синтеза. Движение в Современность как бы нарочно притормаживается – чтобы не допустить обвала, торжества стихийных начал. «Прошлое» (и живое, которого еще так много в настоящем, и «искусственное», придуманное) используется как страховка – за этот счет сбрасывается темп, смягчается давление нового, перемены нивелируются (уравновешиваются). «Охранители» (и «хранители») пытаются придать трансформациям управляемый характер[33]. – На этом фоне старые европейские монархии выглядят еще

32. Интересно созвучие сюжетов, тем, символов в литературе, живописи, музыке (их «путешествия» в культуре). Так, тема степи, которая появляется в искусстве (к примеру, у Бородина), в XX в. из художественной метафоры превратится в аналитическую категорию (цивилизация Степи у евразийцев). Симптоматично, что культура рубежа XIX–XX столетий насыщена образами, подчеркивающими изначальную внеевропейскость Руси / России. В ней не просто заметен дикий, кочевой («половецкий», «скифский») скитальнический дух – это одна из доминант. «Русский европеец» нагадал себе судьбу – скоро ему отправляться в дорогу, в скитание. Дух материализуется – все дикое, кочевое (народное) в России оживет и восстанет.

33. Пример внутренней политики Бисмарка – пожалуй, самый известный, хрестоматийный.

вполне жизнеспособными, не утратившими перспективу, даже необходимыми. Они же, в свою очередь, идут на уступки новым временам.

Это своего рода «темпоральное сдерживание» (нагнетание «настоящего–прошлого» – в противовес «настоящему–будущему») отчасти приносило свои плоды (в том числе политические). В то же время провоцировало ответные реакции: радикализировало конфликт «старого» и «нового», стимулируя процесс самоутверждения новых сил и усиливая пессимизм относительно «дряхлеющей» Европы. Романтизация национальных традиций поощряла рост национализмов – внутренних конфликтов на национальной почве, стремлений к колониальной экспансии, националистических и расистских теорий и т.п. – Стабильность на пороховой бочке.

На рубеже 1890–1900-х плотину прорвало – единая темпоральность как бы разломилась. Бурное развитие новых производств (новой экономики), революции в области транспорта и распространения информации, прогресс науки невероятно ускорили ход времени. Европейский мир устремился вперед, в неизвестность, не заботясь больше о подстраховках – разменял надежность существования на головокружительные возможности, которые уже принесла и еще обещала «Современность» (именно так, с заглавной буквы). Все, что не попадает в ее ток, то отстало, архаично, чуждо цивилизованной Европе. Традиция (традиционное / традиционалистское) стремительно обесценивалась; от нее отталкивались, чтобы рвануть в новый век.

В модерном искусстве традиция – повод для «переосмысления» / «игры»: с ее помощью «придумывались» (проявлялись) новые формы, языки, сущности[34]. От нее отрекались (безжалостно или ностальгируя) – и ее использовали. Но не в реалистическом духе (в отличие от «эклектики» / «историзма», которые добивались сходства / «подобия», стремились «восстановить»), а подчиняя замыслу, акту творчества: «сочинению» модерна. Традиции «подбирались» / «перебирались» / переосмыслялись – из них сочинялись «сценарии власти» и театральные сценарии.

В этом смысле можно, несколько утрируя, сказать, что дворцовый костюмированный бал 1903 г. (царский / старомосковский «сезон» в Зимнем) –

34. Понятие «изобретенная традиция», которое связывают с именем Э. Хобсбаума, возникло тогда. В одной из своих работ П.Н. Милюков, указывая на множественность традиций, разграничил традиции «живые» («действительные», «имеющиеся налицо») и «выдуманные» [Милюков 1991, с. 362]. Кроме того, он подчеркивал принципиальную разницу между традицией «культурной», предполагающей сознательное принятие прошлого и выработку на его основе определенных целей, и «бессознательной», «ископаемой», «бытовой и этнографической», ограниченной «привычками», «психическими навыками, вынесенными из прошлого» [там же, с. 360, 361]. Общество, отмечал Милюков, может выбирать между вариациями одной традиции [там же, с. 362]. То есть изменяться через апелляцию к прошлому.

в родстве с дягилевским «акционизмом» (своего рода предвестник / предшественник). И в том, и в другом случаях «сценарии» пишет вполне *современный* человек *европейской* культуры – пусть он и скрывается за традиционной формой, подчеркнуто неевропейской стилистикой, нарочито архаизированным языком. С одной стороны, он просто «играет» – увлечен этой «забавой»[35]. С другой стороны, ищет себя, возможности для самоутверждения (сохранения собственных позиций) – в стремительно меняющемся, теряющем традиционный облик мире[36]. Недаром в эту игру сыграли все европейские монархии.

Контекст времени – подчеркнуто антиабсолютистский, антисамодержавный. Компромиссы закончились – этот способ властвовать в Европе рассматривается как пережиток («отменяется» – не только политически, но и культурно, ментально)[37]. Революция экспансирует – скоро она перешагнет европейские границы, станет мировым явлением[38]. А монархии в ответ дерзят – утверждают: нас не отменишь. Апелляция к прошлому – способ сказать: смейтесь, насмешники, но Германия – это кайзер; фрондируйте и стреляйте, но русская

35. «Auctoritas ludens» – по аналогии с «Homo ludens». В феврале 1903 г. «Дворец» развлекался – костюмы от-кутюр, драматургия (ведь спектакль, Зимний – сцена), актеры (главный в России «домашний театр»), декорации, постановочные танцы (особенно изящны в исполнении «русского» были великая княгиня Елизавета Федоровна и княгиня Юсупова, очаровательные в своих изысканных сарафанах и кокошниках). Большие балы в Зимнем 1903 и 1904 гг. символичны – это завершение самодержавной *дворцовой традиции; потом монархия устроится скромнее. Очень скоро «родовое гнездо» опустеет; владельцы станут лишь иногда наведываться. (Практически в то же время прежняя жизнь, старые хозяева уходят из дворянской усадьбы. А после революции падут и церкви. От «старого режима» останутся только воспоминания – да и те большей частью неадекватные.)*

36. В романовском маскараде 1903 г. все придумано – как в дягилевских постановках-перформансах. Современная фантазия на тему московского двора – так XX век видит XVII-й. Но это и символическое самоопределение. Эти образы вызывают, чтобы им соответствовать; это точка зрения на себя. И так везде. Зачем Вильгельму II Фридрих? А в нем удачно сочетаются прусский дух и дух Просвещения; Фридрих II – о том, что Германия будет великой, XX век станет временем ее торжества. И в этом смысле – возвращением к Фридриху (реализацией идеи: Пруссия – хозяйка Европы). Фридрих для Вильгельма не призрак – это программа, сценарий будущего. При этом надо иметь в виду, что Вильгельм II играл разные роли, переодевался в разные костюмы (маскарад для него – своего рода мания).

37. Во многом именно под влиянием этой «отмены» меняется отношение Европы к России [см.: Большакова 2016]; ее политическая система оценивается как «самый жестокий и незрелый» из европейских «старых режимов» [Малиа 2015, с. 16]. То есть в политическом отношении Россия до 1905 г. толкуется как своего рода анти-Европа.

38. XX век – против монархий; или вовсе выбросит их с политической карты Европы, или унизит до символических ролей (укажет им место – на галерке истории). Эта диспозиция стала меняться только во время и после Второй мировой войны.

история – самодержавна. Монархии не будут жертвами времени; они – поверх времени.

Это сильный ответ. Монархии вовсе не тонут в воспоминаниях (забываются, ностальгируя) – они их используют. Величие предков, великие истории – ценный актив, обеспечение под их будущее. Так, через «архаику» (внешнюю архаизацию / архаизацию внешности), сочиняются формулы власти, соответствующие новым историческим условиям[39]. Примечательно: по тому же пути пойдут диктатуры первой половины XX в. – Гитлер обратится к германским древностям, Муссолини – к римским, Сталин вспомнит об Александре Невском; отсюда они и потянут свою легитимность[40].

Через «московскую» образность европейская послепетровская монархия переходит в свой «русский период» – активизирует эти основы, эту идентичность[41]. «Русский сезон» в Зимнем, все эти переодевания из камзола Петра в платье Алексея Михайловича – вовсе не самоопределение на старый лад; это пересоздание себя с опорой на тот материал, что под рукой[42]. «Изобретение» традиции, «сценария власти» под новые задачи. – Манифестация власти, которая (сейчас) не хочет быть Петром. А потому что на дворе не XVIII в., когда казалось, что монархии будут всегда (вечны). В эпоху тотальной революции требуется опора на традицию (только пойди на поводу либерального реформаторства – и попадешь в общий ток времени, все эти революции затянут, потащат за собой – как Александра II, к гибели). Если хочешь по-прежнему писать сценарий для всей России, нужно быть охранителем – не взрывать (на это охотников достаточно), а минимизировать разрывы. Логика наследника – найти для нее опору в самодержавном наследии (а это – вся российская история) труда не составляло (спасибо предкам).

Допетровская, «московская» образность (из перворомановского, постсмутного XVII в.) – это видеоряд «народного самодержавия». Презентация той новой формулы власти, что была изобретена петербургской монархией

39. Это характерная для модерна технология, особенно заметная в искусстве. Об экспериментах И. Стравинского в его «русский период» говорят, что это новизна, которая приходит из почвы, из глубины – архаизм как модернизм, модернизм как архаизм.

40. Но и Русская революция (во всех своих проявлениях) пыталась вписаться в модель Французской. Воспевая свою новизну, искала себя в европейской традиции.

41. Но европейское-то никуда не ушло, оно в основах (исторически, культурно-ментально, психологически, физиономически) – уже ни вытравить, ни отменить. Неевропейскость послепетровской монархии так же «выдумана», презентационна, как стихотворные манифестации А. Блока («Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы»...).

42. Связать 1903 с 1613 г. в ущерб 1703 г. – конечно, сознательный выбор. 1703-й тогда тоже прозвучал – но скромнее (в основном в масштабах Петербурга). 1903-й, по существу, был выбран генеральной репетицией 1913-го.

в XIX в.[43]. Против парламента, премьера, революционеров и революционализмов, «домашних» и европейских[44]. Один из ответов европейских монархий европейской революции, угрожавшей их смести (сместить)[45]. А значит, и ее признание (пусть и по негативу).

Для Николая II эта формула была своего рода предметом веры (он и стал ее воплощением)[46]. Он «знал», что определяет время России (он – а не революционеры), что в его руках монополия и на реформу, и на реакцию. А действовал в тех исторических условиях, где его власть не могла реализоваться таким образом. Революция уже была внутри; и российское самодержавие – не только ее враг, но и источник[47]. Александр II–Александр III–Николай II – никого не исключить ни из контрреволюционного («самобытного»), ни из революционного (европейского) дела. Как бы эти «охранители» ни трактовали свои действия, из чего бы ни исходили, они вели к такому изменению страны, что та все

43. В эту линию ложатся и «самодержавие–православие–народность» Николая I, и «затейка» Александра II с «русской царицей», и политико-идеологические новации Александра III (опирались на те идеи, что продуцировали консервативные мыслители второй половины XIX в.). Этой линии и следовал Николай II.

44. Эта идеология – альтернатива идее конституционализма или, по выражению Николая II, «парламентриляндии адвокатов» [см.: Ганелин 2014, с. 28]. Однако глубина и искренность его «народничества» не отменяет того факта, что он был не ближе к народу, чем Блок.

45. Иначе говоря, это не антиевропейская, а антиреволюционная идеология – плод соответствующих размышлений тогдашнего европейца над судьбами европейской власти. Она – в общем ряду поиска Европой новой формулы бытия.

46. Ни с Николаем I, ни с Александром II эта идеология и, в особенности, эта образность не «монтируются»; даже для Александра III «народное самодержавие» еще абстракция, умозрительность – политика, а не жизнь. Николаем II она была внутренне усвоена (не идеология, а образ мыслей); не только определяла его понимание своей роли, но и полностью реализовалась в нем (его военные фотографии – особенно та, где он в гимнастерке, смотрит в объектив из окна вагона, – народный монарх).

47. То 20-летие, которое обычно трактуется как самодержавная реакция (1881–1904) вовсе не было провальным для страны («утраченным временем»). – Экономически она только разгонялась. А это движение: в капитализмы / урбанизмы – влекло ее прочь из «старого порядка», в XX в. (так было везде в Европе – причем именно тогда экономическая и технологическая модернизация стала одним из центральных пунктов европейской повестки, мерилом прогресса). Время самодержавия утекало (как в песочных часах) – и этому способствовали сами самодержцы, своей социально-экономической политикой. У них просто не было выбора – или включиться в общеевропейское историческое движение (модернизироваться), или сойти с дистанции (быть «больным человеком Европы»). В этом – даже не противоречивость, а обреченность александровско-николаевской политико-идеологической реакции. В конечном счете новая идеология, которая утверждала необходимость сохранения абсолютной политической власти, обслуживала процесс выхода из «старого порядка» (способствовала адаптации самодержавия к этому переходу).

меньше нуждалась в самодержавии. А вот «отменить» царя Россия еще не могла (именно потому, что соединяла в себе множество укладов, разные темпоральности). «Народная *монархия*» – *это* формула российской власти для XX в.[48]. Отчасти она реализовалась, но всерьез развернуться не успела.

Последний рубеж

Стратегия «наследник» имела в российских условиях большую перспективу – в XX столетии она развернулась в главную (одну из главных) легитимационных линий власти (приобрела не только охранительное, но и агрессивно-наступательное значение)[49]. А вот в николаевском случае (в судьбе

48. Формулы «народное самодержавие» и «народная монархия» нередко употребляются как синонимы. Между ними, однако, – принципиальная разница. Главное здесь – вторая часть формулы. Самодержавие – тотальная власть (субстанция), источник всех других властей, которые функциональны. Монархия – результат укрощения самодержавия временем; модель, идущая на смену самодержавной. Постсамодержавная монархия – власть, ограниченная парламентом (исторически – с 1906 г.), плод политической революции и политической модернизации. Это – часть, а не целое; элемент политической системы, который по мере своего дальнейшего ограничения – усиления парламента и премьера – все более приобретает символическое значение. Народность – та легитимность, на которую она опирается, помимо собственно происхождения (легитимности от монархической традиции, национальной истории). По существу, «народная монархия» – формула всех монархий, переживших в XX в. Они – от традиции: символ национальной истории, ее неразрывности – через них современные политии вводятся в историческое время. И постоянно в поисках связи с народом – короли, как и политики, гоняются за общественными симпатиями, любовью. Подчеркивают свою традиционность (в том числе, внешне – королевские церемонии, королевские дворцы, королевские привычки) – и при этом стремятся выглядеть и быть современными (соответствовать новым временам). Чтобы не быть списанными в бесполезный (пустозатратный для национальных бюджетов) «пережиток», отходы истории. – Такой могла бы быть судьба и российской монархии – она двигалась именно по этому, общеевропейскому, пути.

49. В XX в. власть обратит себе на пользу обе стратегии: и «наследник», и «ниспровергатель» работали на ее сохранение – против любых «полиархий». Каждый новый советский лидер опровергал предыдущего – и в то же время был вписан в общую линию преемственности: через «Ленина». В той «политии» у него много ролей [см.: Пивоваров 1996, с. 52]. Но главное – это символ коммунистической вечности (бессмертия системы); он связывал «наследников» (какими бы разными они ни были) в единую цепь, в общее время коммунизма. В этом смысле «Ленин» – многофункциональная технология. Она применялась и для самоутверждения власти как руководящей и направляющей силы, стоящей над обществом (ее высшая легитимность – в том, что это Власть от Власти), и для налаживания связей с ним, когда в том появлялась нужда (когда одних приказов / насилия для управления уже не хватало). Иначе говоря, «наследник» – технология активизации витальных потенциалов советского режима (его оживления). Кстати, и в XXI в. Ленин в Мавзолее неслучаен; это не напоминание о коммунизме (как думают «коммунисты»), а символ тотальной власти.

«исторического самодержавия») она обнаружила свой ограниченный характер – все меньше себя оправдывала. Если при Александре III идеологический курс на «вечноизацию» самодержавия еще был наступательным, то при Николае II он (чем дальше, тем больше) становился защитно-компенсаторным. Преемственность оборачивалась своей негативной стороной; выражалась в намерении гнать прочь новые времена; не стабилизировать, а «консервировать» российскую жизнь[50]. Если в самом общем виде характеризовать политику конца 1890-х – начала 1900-х годов, можно сказать, что власть «затягивала» XIX в. (Это понимали все вокруг нее: когда время идет нормально, его не замечаешь – а тут оно длилось и длилось.) И ее самое затягивало в прошлое (по инерции, как в воронку).

Все меньше и меньше соответствуя эпохе (экзистенции стремительно надвигавшегося XX в., потребностям темпорально чуткого российского общества), курс на наследование «без страха и упрека» обрастал реакционной нагрузкой. Но император и его правительство продолжало следовать этим курсом – чувствуя глухое недовольство общества, вновь сталкиваясь со вспышками террористической ярости (и снова под молчаливое – а где и шумное – одобрение публики, всех (или почти всех) образованных и цивилизованных российских жителей)[51]. Все это выглядело как арьергардные бои – в момент, когда армия уже терпит поражение, и исход кампании явно не в ее пользу.

50. В 1902 г. Л.Н. Толстой писал Николаю II, что тот задался «невозможной целью – не только остановить жизнь народа, но вернуть его к прежнему, пережитому состоянию» [Письмо Толстого 1917]. (В этом письме император назван Л.Н. «любезным братом». Но это – не равный равному; «старец» поднимает «мальчишку» до себя, делает аванс – и в то же время порицает и поучает. То есть играет традиционную для русского литературного гения роль: наставника царей.) В данном случае мы имеем дело с типологической ситуацией: если государство не развивается в реформаторскую сторону, оно обязательно начнет «замораживать» и «консервировать» (в прямом смысле – делать из общества социальные консервы); если не работают (нейтрализуются) демократические потенциалы политии, в ней неизбежно нарастают авторитарные и тоталитарные начала.

51. В начале 1900-х вновь вернулся этот ужас XIX в.; жертвы – губернаторы, министр народного просвещения, двое подряд министров внутренних дел, наконец великий князь, любимый дядя императора (хотя, надо сказать, нелюбимых у него не было; родственников он считал родными людьми – похоже, что до конца, несмотря ни на что)… В обществе полагали, что за дело – и, собственно говоря, были правы: все, кто устранялся террористами, были в царском охранительном деле (столпы реакции, как принято говорить), поэтому – не жаль. Под тот же немилосердный «звон» уйдет и сам царь. Но и общества вскоре тоже не станет – и о нем не пожалеют. Кстати, надо иметь в виду, что антигосударственный террор – вовсе не специфически российское явление. Последняя треть XIX – начало XX в. – время наступления терроризма повсюду (Англия, Америка, Австро-Венгрия, Германия и проч.; жертвы – короли, королевы, президенты, политики, должностные лица…).

В начале 1900-х недостаточность этого курса ощущалась уже и в бюрократических «верхах». Необходим был «поворот» – большая реформа, «восстановление доверия» в отношениях с общественностью[52]. Все упиралось в персонификатора – он был готов на широкие социальные меры[53], но поступиться самодержавным принципом в пользу представительства не желал. Цена «доверия» была для Николая слишком высока, а после появления наследника – и вовсе неприемлема. Теперь за «наследие» он отвечал перед ним; схема «Власть – от Власти» наполнилась живым смыслом. Видимо, именно этим объясняется отказ императора оставить пункт о представительстве в указе от 12 декабря 1904 г. – и тем самым превратить «оттепель» П.Д. Святополк-Мирского в политическую «весну»[54].

Но это был последний момент, когда «консервативный» курс еще можно было уравновесить реформой. Последняя возможность сыграть в игру XX в. –

52. Слова П.Д. Святополк-Мирского, сказанные им при вступлении в должность, 16 сентября 1904 г. (и это министр внутренних дел – главный охранитель страны!), – признание того, как далеко зашла рознь короны и общества [см.: «Повеяло весною…» 1905]. «Новый курс», названный его именем, – попытка снизить напряженность между царем / царизмом («старым Петербургом») и либерально-оппозиционной (наиболее активной) частью общества, поиск базы для консенсуса.

53. И они готовились; рубеж 1890–1900-х – время обновленческих проектов (по существу, государственной дискуссии на тему «как обустроить Россию»). В этом смысле то время похоже на предреформенное.

*54. Обычно это царское решение: вычеркнуть пункт о представительстве – объясняют влиянием плохих советчиков. Таковых, действительно, было немало – в императорской фамилии, в «сферах» (как тогда говаривали) царило, в общем-то, единодушие. Одним из решающих, к примеру, был голос С.Ю. Витте [см: Ганелин 2014, с. 27]. «*Умоляю *тебя, не поддавайся либеральным влияниям с вызыванием без разбора людей со стороны для совещаний», – писал племяннику 24 декабря 1904 г. великий князь Сергей Александрович [ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1341. Л. 151об. – 152]. Прослыл столпом реакции, а выражал, по существу, общее мнение родственников («великокняжеская фронда» была впереди). Повлияло и давление либеральной оппозиции: «банкетная кампания», требование общеземского съезда, его нелегальное проведение 6–8 ноября 1904 г. в Петербурге – из власти буквально выжимали уступки (пользуясь самой опасной для нее ситуацией – военных поражений). Проявить слабость в ответ на открытый вызов царь не мог. («Проявленная земцами инициатива в делах государственных преобразований, хотя они уступали их проведение самодержавию и подчеркивали это…, как и свою заботу о сохранении строя, оказывалась тем не менее несовместимой с самодержавным принципом. Он требовал, чтобы царские уступки носили характер пожалованных, а не выпрошенных» [Кризис самодержавия 1984, с. 164].) Но кажется, что решающим для Николая был все-таки «фактор Алексея»: тот должен был получить наследство предков – полностью, без изъятий. Вполне понятная позиция – для отца / монарха.*

возглавить революцию, которой он вот-вот готов был разрешиться[55]. Даровать представительство сверху, Высочайшей волей; в ответ на общественное настроение, укрепленное военными неудачами (а потому его было не сбить полумерами): долой самодержавие! – самому стать альтернативой собственного десятилетнего правления (политтехнологии «быть Александром IV»). Однако наследник Александра III сделал выбор в пользу наследника Алексея – и попал под ту бурю (спровоцировал или, по меньшей мере, не предотвратил), которая разразилась в Петербурге менее чем через месяц.

Библиография

Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге, 1894–1914. М.: НЛО, 2016. 344 с.

Большакова О.В. Концепт «Запад» и историографические образы России // Труды по россиеведению. М.: ИНИОН РАН, 2016. Вып. 6. С. 353–385.

Гайда Ф. П.Н. Милюков: Историк в политике // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859–1943). Материалы международ. научного коллоквиума (Москва, 23–25 сентября 2009 г.). М.: Изд-во «Любавич», 2010. С. 37–44.

Ганелин Р.Ш. В России двадцатого века: Статьи разных лет. М.: Новый хронограф, 2014. 856 с.

ГА РФ [Государственный архив Российской Федерации]. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1341.

Глебова И.И. Литература и диктатура: Культура начала XX века в поисках идеальной власти (Эссе) // Полития. 2022. № 1. С. 101–122.

Государство российское: Власть и общество. С древнейших времен до наших дней: Сб. док. / Под ред. Ю.С. Кукушкина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 526 с.

Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: Развитие культурных и социальных отношений. XIX век. М.: Академический проект, 2018. 797 с.

Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Прага: Орбис, 1929. 521 с.

Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дм. Буланин, 2001. 350 с.

Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л.: Наука, 1984. 664 с.

Малиа М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. М.: РОССПЭН, 2015. 405 с.

Милюков П.Н, Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. Свердловск, 1991. С. 294–381.

Николай II: Материалы характеристики личности и царствования. М.: Тип. Т-ва Рябушинских, 1917. 256 с.

Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 576 с.

55. Общество устало от «старого» Николая – следовало дать ему «нового» (в политико-идеологическом смысле), пойдя на коренные перемены в духе Царя-Освободителя. Собственно, курс Святополк-Мирского и явился такой «перезагрузкой». Его речь при вступлении в должность – это то, чего ждали от Николая в 1895 г. Однако курс на политическую реформу был свернут – что и фиксировал указ 12 декабря 1904 г. Готовилась отставка Мирского – ему искали замену (в духе «старого» Николая – продолжателя политической линии Александра III).

Пивоваров Ю.С. Политическая культура: Методологический очерк, М.: ИНИОН РАН, 1996. 89 с.

Письмо Л. Толстого к Николаю II от 16 января 1902 г. («Любезный Брат…») // Былое. 1917. № 1. С. 16–21; Голос минувшего. 1917. № 4. С. 117–123.

«Повеяло весною…»: Речи министра внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирского и толки о них прессы / Сост. А. Ачкасов. М.: Изд-во Ефимова, 1905. 240 с.

Полное собрание речей императора Николая II, 1894–1906: Сост. по офиц. данным «Правительственного вестника». СПб.: Друг народа, 1906. 80 с.

«Слышались голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями»: Варианты речи Николая II 2 / 17 января 1895 г. // Исторический архив. 1999. № 4. С. 213–219.

Толстой Л.Н. «Бессмысленные мечтания» // Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. Т. 17. М.: Худ. лит-ра, 1984. 495 с. (впервые опубл.: «Утро России». Пг., 1917. 1 июня, № 134; 3 июня, № 135).

Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х т. М.: ОГИ, 2002. Т. II. 796 с.

Эйдельман Н.Я «Сказать все…»: Избранные статьи по русской истории, культуре и литературе XVIII–XX веков. М.: НЛО, 2021. 400 с.

Kurtz H. Second Reich: Kaiser Wilhelm II and his Germany. L., 1970.

Als Kaiser der Letzte // Geoepoche. Hamburg, 2004. № 12: Deutschland um 1900. S. 50–65.

Ruckzug in den Glanz von gestern // Geoepoche. Hamburg, 2004. № 12: Deutschland um 1900. S. 66–77.

Whittaker C.H. Russian monarchy: Eighteenth-century rulers and writers in political dialogue. DeKalb, 2003. 308 p.

References

Als Kaiser der Letzte // Geoepoche. Hamburg, 2004. N 12: Deutschland um 1900. S. 50–65.

Berar E. Imperija i gorod: Nikolaj II, «Mir iskusstva» i gorodskaja duma v Sankt-Peterburge, 1894–1914 [Empire and the City: Nicholas II, «The World of Art» and the City Council in St. Petersburg, 1894–1914.]. Moscow: NLO, 2016. 344 p. (In Russ.)

Bol'shakova O.V. Koncept «Zapad» i istoriograficheskie obrazy Rossii. Trudy po rossievedeniju [Concept «West» and historiographic images of Russia. Works on Russian Studies]. Moscow: INION RAN, 2016. Iss. 6. P. 353–385. (In Russ.)

Eidelman N.Ya «Skazat' vse…»: Izbrannye stat'i po russkoj istorii, kul'ture i literature XVIII–XX vekov [«To Say Everything...»: Selected articles on Russian history, culture and literature of the XVIII–XX centuries]. Moscow: NLO, 2021. 400 p. (In Russ.)

Gajda F. P.N. Miljukov: Istorik v politike. Mysljashhie miry rossijskogo liberalizma: Pavel Miljukov (1859–1943). Materialy mezhdunarod. nauchnogo kollokviuma (Moskva, 23–25 sentjabrja 2009 g.) [P.N. Milyukov: Historian in Politics. Thinking Worlds of Russian Liberalism: Pavel Milyukov (1859–1943). Proceedings of the International Scientific Colloquium (Moscow, September 23–25, 2009)]. Moscow: Izd-vo «Ljubavich», 2010. P. 37–44. (In Russ.)

Ganelin R.Sh. V Rossii dvadcatogo veka: Stat'i raznyh let [In Russia of the Twentieth Century: Articles of Different Years]. Moscow: Novyj hronograf, 2014. 856 p. (In Russ.)

GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. 601. Inv. 1. Case 1341.

Glebova I.I. Literatura i diktatura: Kul'tura nachala XX veka v poiskah ideal'noj vlasti (Jesse). Politija [Literature and dictatorship: Culture of the early XX century in search of ideal power (Essay). Politya.]. 2022. N 1. P. 101–122. (In Russ.)

Gosudarstvo rossijskoe: Vlast' i obshhestvo. S drevnejshih vremen do nashih dnej: Sb. dok. Pod red. Ju.S. Kukushkina [The Russian State: Power and Society. From ancient times to the present day:

Collection of documents. Edited by Yu.S. Kukushkin]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1996. 526 p. (In Russ.)

Kareev N.I. Istorija Zapadnoj Evropy v Novoe vremja: Razvitie kul'turnyh i social'nyh otnoshenij. XIX vek [History of Western Europe in Modern Times: Development of Cultural and Social Relations. XIX century]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2018. 797 p. (In Russ.)

Kizevetter A.A. Na rubezhe dvuh stoletij [At the turn of two centuries]. Praga: Orbis, 1929. 521 p. (In Russ.)

Kolonickij B.I. Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniju politicheskoj kul'tury rossijskoj revoljucii 1917 goda [Symbols of Power and the Struggle for Power: Toward the Study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917]. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2001. 350 p. (In Russ.)

Krizis samoderzhavija v Rossii, 1895–1917 [The Crisis of Autocracy in Russia, 1895–1917]. Leningrad: Nauka, 1984. 664 p. (In Russ.)

Kurtz H. Second Reich: Kaiser Wilhelm II and his Germany. L., 1970.

Malia M. Lokomotivy istorii: Revoljucii i stanovlenie sovremennogo mira [Locomotives of History: Revolutions and the Formation of the Modern World]. Moscow: ROSSPEN, 2015. 405 p. (In Russ.)

Miljukov P.N. Intelligencija i istoricheskaja tradicija [Intellectuals and historical tradition]. Vehi. Intelligencija v Rossii: Sb. st. 1909–1910. Sverdlovsk, 1991. P. 294–381. (In Russ.)

Nikolaj II: Materialy harakteristiki lichnosti i carstvovanija [Nicholas II: Materials of characterization of personality and reign]. Moscow: Tip. T-va Rjabushinskih, 1917. 256 p. (In Russ.)

Ol'denburg S.S. Carstvovanie Imperatora Nikolaja II [The Reign of Emperor Nicholas II]. Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. 576 p. (In Russ.)

Pis'mo L. Tolstogo k Nikolaju II ot 16 janvarja 1902 g. («Ljubeznyj Brat…») [Letter of L. Tolstoy to Nicholas II of January 16, 1902 («Dear Brother...»)]. Byloe. 1917. N 1. P. 16–21. (In Russ.)

Pivovarov Ju.S. Politicheskaja kul'tura: Metodologicheskij ocherk [Political Culture: Methodological Essay]. Moscow: INION RAN, 1996. 89 p. (In Russ.)

Polnoe sobranie rechej imperatora Nikolaja II, 1894–1906: Sost. po ofic. dannym «Pravitel'stvennogo vestnika» [The Complete Collection of the Speeches of Emperor Nicholas II, 1894–1906: Compiled according to the official data of the «Government Gazette»]. St. Petersburg: Drug naroda, 1906. 80 p. (In Russ.)

«Povejalo vesnoju…»: Rechi ministra vnutrennih del kn. P.D. Svjatopolk-Mirskogo i tolki o nih pressy. Sost. A. Achkasov [«A whiff of spring...»: Speeches of the Minister of Internal Affairs, Prince. P.D. Svyatopolk-Mirsky and the talk about them in the press. Compiled by A. Achkasov]. Moscow: Izd-vo Efimova, 1905. 240 p. (In Russ.)

Ruckzug in den Glanz von gestern. Geoepoche. Hamburg, 2004. N 12: Deutschland um 1900. S. 66–77.

«Slyshalis' golosa ljudej, uvlekavshihsja bessmyslennymi mechtanijami»: Varianty rechi Nikolaja II 2/17 janvarja 1895 g. [«One could hear the voices of people carried away by senseless dreams»: Variants of the speech of Nicholas II on January 2/17, 1895]. Istoricheskij arhiv. 1999. N 4. P. 213–219. (In Russ.)

Tolstoj L.N. «Bessmyslennye mechtanija». Tolstoj L.N. Sobr. soch. v 22 t. T. 17 [«Meaningless Dreams». Tolstoy L.N. Collected Works. in 22 vol. Vol. 17]. Moscow: Hud. lit-ra, 1984. 495 p. (vpervye opubl.: «Utro Rossii». Petrograd, 1917. June 1. N 134; June 3. N 135). (In Russ.)

Whittaker C.H. Russian monarchy: Eighteenth-century rulers and writers in political dialogue. DeKalb, 2003. 308 p.

Wortman R.S. Scenarii vlasti: Mify i ceremonii russkoj monarhii. V 2-h t [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy. In 2 vol.]. Moscow: OGI, 2002. Vol. II. 796 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.03

Г.Н. Андреева

КРУГ ОБЩЕНИЯ РОССИЙСКОГО ДИПЛОМАТА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в. (ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ ТОМАРА)

Аннотация. *Целью написания статьи является исследование круга общения успешных российских дипломатов на примере посланника Российской империи в Константинополе В.С. Томары. Свидетельством признания его заслуг на дипломатическом поприще является награждение орденом Св. Анны I степени и назначение в Сенат после оставления дипломатической службы. На основе применения методов исторической науки, изучения архивных материалов, мемуарной литературы и научных публикаций показано, что круг общения В.С. Томары как на дипломатической службе в Европе и Османской империи, так и после нее в России был широк. По службе он успешно взаимодействовал с представителями различных социальных слоев и национальностей. Его «ближний круг» объединял высокообразованных людей эпохи Просвещения, каждый из которых в свою очередь имел свой круг друзей-интеллектуалов. Обширность социальных контактов по службе позволяла В.С. Томаре получать необходимую информацию и успешно воплощать возложенные на него внешнеполитические задачи, а взаимообмен знаниями и идеями при общении в кругу друзей способствовал трансферу идей и ценностей европейской и восточной культуры в Россию. Поскольку В.С. Томара был одним из многих успешных дипломатов России, анализ его круга показывает, что военные и дипломатические успехи Российской империи были неслучайными, их обеспечивал универсализм, высокий профессиональный и культурный уровень российских дипломатов, который в свою очередь «подпитывался» существованием определенной культурной среды в России.*

Также в статье впервые в российской научной литературе введен в научный оборот прижизненный портрет В.С. Томары работы выдающегося французского художника-силуэтиста Г.Ф. Сидо.

Ключевые слова: *В.С. Томара; российский дипломат; круг общения; конец XVIII – начало XIX в.*

Андреева Галина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: glinaandr@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3465-522X
Researcher ID: S-1277-2018

Andreeva G.N. **A Russian diplomat's social circle in the late 18th – early 19th centuries (Vasily Stepanovich Tomara)**

Abstract. *The purpose of the article is to study the social circle of successful Russian diplomats drawing on the example of the envoy of the Russian Empire in Constantinople V.S. Tomara. The recognition of his merits in the diplomatic field is evidenced by him being awarded the Order of St. Anne of the 1st degree and appointed to the Senate after leaving diplomatic service. Based on the application of methods of historical science and study of archival materials, memoir literature and scientific publications, it is shown that the social circle of V.S. Tomara both during diplomatic service in Europe and the Ottoman Empire, as well as subsequently in Russia was wide. During his service, he successfully interacted with representatives of various social strata and nationalities. His «inner circle» united highly educated people of the Enlightenment, each of whom in turn had his own circle of intellectual friends. The breadth of social contacts in the service allowed V.S. Tomara to receive necessary information and successfully implement the foreign policy tasks assigned to him, and the exchange of knowledge and ideas when communicating with friends contributed to the transfer of ideas and values of European and Eastern culture to Russia. Since V.S. Tomara was one of the many successful diplomats of Russia, an analysis of his circle shows that the military and diplomatic successes of the Russian Empire were not accidental, they were provided by universalism and high professional and cultural level of Russian diplomats, which in turn was «fueled» by the existence of a certain cultural environment in Russia.*

Also, for the first time in Russian academic literature, the article introduces a lifetime portrait of V.S. Tomara by the outstanding French silhouette artist G.F. Sido.

Keywords: *V.S. Tomara; Russian diplomat; social circle; end of the 18th – beginning of the 19th century.*

Andreeva Galina Nikolaevna – PhD in Law, Leading Researcher,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION). Russia, Moscow.
E-mail: glinaandr@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3465-522X
Researcher ID: S-1277-2018

В современной российской научной литературе периодически появляются исследования, посвященные «ближнему кругу» тех или иных российских исторических персонажей – политиков, ученых, людей искусства [см., напр., Ратников, Ратникова 2020; Киянская 2023; Дегтярева 2007]. Такого рода исследования позволяют показать существовавшие прежде всего в дворянской среде интеллектуальные связи, циркулирование в ней философских идей и культурных предпочтений дворянства. Тем самым обогащаются научные представления о российской истории и культуре, выясняются новые детали эволюции российского общества. Вместе с тем в России имелся такой слой

дворян, круг общения которых составляли как россияне, так и иностранцы, и которым были близки как российская, так и зарубежные западная и восточная культуры. Этот слой составляли российские дипломаты, обеспечивавшие реализацию российской внешней политики. Они были высокообразованными, владевшими несколькими языками людьми, хорошо разбиравшимися не только в сложном дипломатическом протоколе того времени (без чего успешная дипломатическая деятельность вообще невозможна), но и в экономике, политике, государственном устройстве и социальной структуре государств, в которых они представляли Россию, а также обладавшие умением достигать целей дипломатическими средствами, т.е. путем ведения переговоров. Связи и круг общения российских дипломатов были несравнимо обширнее по сравнению с обычными российскими дворянами, в том числе с находившимися на государственной службе внутри страны. Помимо «ближнего круга» общения, в который входили их родственники, друзья, единомышленники, у них был широкий «дальний круг» общения, который включал множество лиц, в контакты с которыми они вступали для решения поставленных перед ними по службе разнообразных задач. Кроме того, в их обязанности входило информирование Коллегии иностранных дел о ситуации в том или ином государстве и регионе, что для сбора соответствующих сведений предполагало поддержание постоянных контактов с сетью агентов Российской империи. На российской дипломатической службе находились как россияне, так и иностранцы, первые после выхода в отставку возвращались в Россию, обогащая российскую культурную среду новыми представлениями и знаниями. В статье этот вопрос проанализирован на примере круга общения Василия Степановича Томары, генерал-майора, дипломата, посланника России в Константинополе, сенатора, кавалера ордена Анны I степени.

Краткая биография В.С. Томары

Родителями В.С. Томары были Степан Васильевич Томара и Анна Васильевна Кочубей – малороссийские дворяне, дворянское происхождение которых считалось безусловным и использовалось их окружением при нобилитации [подробнее об этом см.: Андреева 2023, с. 2–3].

Церковные записи о рождении В.С. Томары пока не обнаружены, и точная дата его рождения неизвестна (о расхождениях относительно этой даты в научной литературе подробнее см. в работе: [Андреева 2023, с. 3]). Автор данной статьи придерживается мнения, что наиболее достоверной является на данный момент дата на приведенном ниже (рис. 2) портрете В.С. Томары – 1746 г.

Детство В.С. Томары прошло в имении родителей в селе Коврай Золотоношского района. Учителем и воспитателем для него был приглашен Григорий

Саввич Сковорода – знаток античной литературы и философии, владевший рядом древних и современных (для того времени) языков, поэт, оригинальный мыслитель и философ. В противоположность господствовавшему тогда формальному, «попугайскому», по образному выражению Сковороды, псевдовоспитанию, он исходил из идеи свойственной человеку «врожденности природных способностей» [Гребенная 1959, с. 11, 4], что позволило ему не только успешно обучить воспитанника иностранным языкам и передать ему другие знания, но и развить у него навыки аналитического и творческого мышления, которые Томара успешно применял в своей дипломатической деятельности. Дальнейшее образование В.С. Томара получил в Германии и Италии [Федорченко 2019, с. 427], но подтверждающие это документы неизвестны, соответственно, неизвестно и то, где именно он получил образование и какого рода.

Свою служебную карьеру В.С. Томара начинал при императрице Екатерине II, при Павле I и Александре I являлся посланником России в Константинополе, что было административной вершиной его карьеры на дипломатическом поприще, а после оставления дипломатической службы был назначен сенатором. Кратко его восхождение по служебной лестнице выглядело следующим образом. В начале своей службы В.С. Томара выполнял отдельные поручения, в частности в 1775 г. был переводчиком на Кавказе; в 1768–1774 г. являлся де-факто российским представителем в Венеции (во время русско-турецкой войны); в 1783 г. – участником подготовки проекта Георгиевского трактата и церемоний, связанных с заключением и введением в действие этого трактата. 5 февраля 1790 г. ему было присвоено звание генерал-майора. В 1791 г. он является уполномоченным по организации присутствия российской флотилии в Средиземном море (с резиденцией в Яссах). Позднее он становится действительным статским советником (28.05.1797); тайным советником (21.07.1797) и затем посланником и полномочным послом в Константинополе (1797–1802). В 1803 г. он был назначен сенатором и в отставку вышел в 1811 г. [Высшие чины Российской империи 2019, с. 672][1]. Пост полномочного представителя России в Османской империи считался в российской дипломатической иерархии одним из главнейших и при этом чрезвычайно сложным, поэтому «туда направлялись умудренные жизненным опытом и стойкие дипломаты» [Ахметшин 2013, с. 101]. Если к этому добавить и сложности дипломатической службы при Павле I, политика которого была не всегда последовательной, а методы ее реализации «были весьма да-

1. Длительное время в российской литературе приводились только отрывочные сведения из биографии В.С. Томары. На настоящий момент наиболее обстоятельная и подробная реконструкция его биографии содержится в статье И.А. Воронова [Воронов 2023], тем не менее и в ней имеются существенные пробелы.

леки от общепринятой дипломатической практики» [Очерки истории… 2002, с. 215], то очевидно, насколько сложная задача стояла перед В.С. Томарой, но он с ней справился. За свою дипломатическую деятельность В.С. Томара получил орден Святой Анны I степени – высокую российскую награду, которой награждали членов императорской семьи и особо отличившихся высокопоставленных военных и чиновников.

Портрет В.С. Томары

Анализ окружения широко известных исторических личностей часто сопровождается их портретами, даже если они хорошо известны читателю. Что же касается Василия Степановича Томары, то с его портретом дела обстоят не столь просто.

В российских изданиях и в Интернете на страницах, посвященных В.С. Томаре, его живописных портретов нет. Многолетние усилия автора по поиску живописного портрета В.С. Томары, который с высокой степенью вероятности имелся в его доме в Санкт-Петербурге, на момент написания данной статьи не дали результатов. В Архиве внешней политики Российской империи такового также не оказалось, однако руководитель этого учреждения Юлия Витальевна Басенко обратила внимание автора, что в Интернете один из антикваров[2] распродавал отдельные листы с гравюрами силуэтов придворных Екатерины II и в их числе был портрет В.С. Томары[3]. В результате в данной статье впервые в российской научной литературе приводится портрет этого военного и дипломата екатерининской эпохи, сделанный непосредственно с самого В.С. Томары при его жизни (рис. 1).

Этот портрет В.С. Томары был создан французом Г.Ф. Сидо (Sideau), известным художником-силуэтистом, приглашенным для портретирования императрицы Екатерины II и ее ближайшего окружения. За время пребывания в Петербурге (с 1782 по 1784 г.) он создал с натуры около 200 силуэтов императрицы и членов августейшего семейства, а также придворных, которые получили высокую оценку. Как отмечает Е. Лазаренко, «мастер умел подмечать мельчайшие особенности изображаемого лица, тем самым достигая

2. Приведенная в статье а также и другие гравюры с изображениями придворных были проданы ИП Голосеев Сергей Петрович через магазин Bestgravura на маркетплейсе OZON. Продажа отдельных гравюр из издания, вероятно, была связана с ограниченным кругом покупателей данного издания в полном объеме в связи его высокой стоимостью (например, на сайте магазина антикварной книги «Русский библиофил» стоимость двух томов составляет 4 млн руб. URL: https://www.rusbibliophile.ru/Book/Dvor_imperatricy_Ekateriny_ (дата обращения 2.11.2023)).

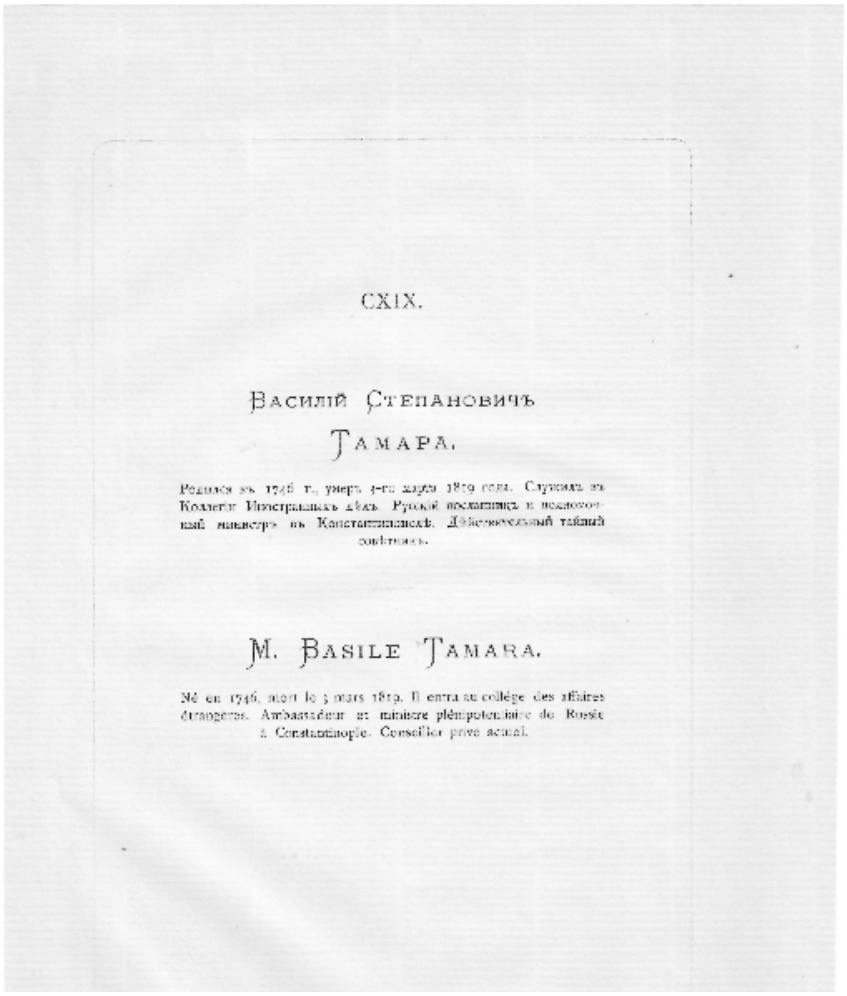
3. Автор выражает глубокую признательность руководителю АВПРИ Юлии Витальевне Басенко за оказанную помощь в поиске портрета В.С. Томары.

поразительного сходства с портретируемым» [Лазаренко, 2020]. Портреты по инициативе герцога Георга Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого, правнука императора Павла I, были обнародованы через 100 лет в виде роскошно изданного двухтомного издания [Двор императрицы 1899, т. 1–2]. В настоящее время это издание в целом и отдельные гравюры из него являются культурным артефактом и предметом коллекционирования, а также одним из важных источников информации об окружении Екатерины II.

Рис. 1. Гравюра. Василий Степанович Тамара (Томара). Цинкография. Санкт-Петербург, 1899 г. [Двор императрицы 1899, т. 2, л. CXIX]. Собрание Г.Н. Андреевой. Москва. Скан сделан автором статьи.

На сопроводительном листе при портрете (л. CXIX) содержится важная информация о В.С. Томаре, подтверждающая, что на портрете изображен именно он, и содержащая даты его жизни: «Василий Степанович Тамара. Родился в 1746 году, умер 3 марта 1819 года. Служилъ в Коллегіи иностранных дѣлъ. Русскій посланникъ и полномочный министръ въ КонстантинополѢ. ДѢйствительный тайный совѢтникъ[4]» (рис. 2). Далее текст повторен в переводе на французский язык.

CXIX.

Василій Степановичъ

Тамара.

Родился въ 1746 г., умеръ 3-го марта 1819 года. Служилъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Русскій посланникъ и полномочный министръ въ Константинополѣ. Дѣйствительный тайный совѣтникъ.

M. Basile Tamara.

Né en 1746, mort le 3 mars 1819. Il entra au collége des affaires étrangeres. Ambassadeur et ministre plénipotentiaire de Russie à Constantinople. Conseiller privé actuel.

Рис. 2. Сопроводительный лист (л. CXIX) с информацией о В.С. Томаре

4. Сохранена орфография оригинала.

По нашему мнению, созданный Г.Ф. Сидо портрет Томары хорошо передает образ гордого, но не чванливого, интеллигентного, уверенного в себе и с достоинством несущего себя придворного, внимательного к происходящему вокруг. Возможно такая интерпретация портрета предопределена в значительной мере общим впечатлением от изучения биографии и переписки В.С. Томары. Как отмечала А.М. Станиславская, «исследователь, знакомящийся с депешами Томары из Константинополя, сразу чувствует, что их писал человек с острым взглядом, ясным суждением о вещах и блестящим пером» [Станиславская 1983, с. 242]. Разумеется, техника изготовления силуэтов предполагала определенную постановку головы портретируемого[5], однако сравнение портрета В.С. Томары с портретами графа Панина Н.И. или князя Потемкина Г.А., оба также работы Г.Ф. Сидо [Дружинин 2023 с. 111 и 112], свидетельствуют, по мнению автора статьи, в пользу приведенной выше характеристики.

Помимо уникальной возможности увидеть реалистичное изображение В.С. Томары, которое позволяет гравюра, включение его в число портретируемых персон екатерининского двора является свидетельством того, что уже в 1782–1784 гг. В.С. Томара входил в окружение Екатерины II. Это означает наличие у него знания придворной этики, гибкости и других необходимых для государственной карьеры качеств. Как отмечается в научной литературе, «ко времени вступления Екатерины на престол двор давно уже стал неотъемлемой частью русской государственности… Сложились и свои законы поведения, основанные на отшлифованных веками воззрениях на роль близкого государю человека, представляющего «цвет нации» [Карев 2005, с. 118]. Как представляется, изображенный на данном портрете В.С. Томара вполне соответствует этой характеристике.

Если сравнить этот портрет с более поздними изображениями, то очевидно, что художники при их написании не располагали прижизненными портретами В.С. Томары. В этом плане интересно сравнить приведенную на рис. 1 работу Г.Ф. Сидо с более поздним изображением В.С. Томары, относящимся к тому же периоду его жизни. Так, в статье И.А. Воронова приведен «единственный (если не учитывать разного рода иллюстрации) портрет В.С Томары, написанный гораздо позднее описанных событий (через 167 лет)» [Воронов 2023 с. 32]. На рис. 3 в статье И.А. Воронова изображена иллюстрация работы художника И.М. Тоидзе из книги по истории Грузии (в настоящее время она представлена в Интернете в виде открытки) «Подписание Ираклием II трактата о присоединении Грузии к России 24 января 1784 г.» (1951). Однако оче-

5. Это наглядно показано на картине художника А.А. Симакова «Художник Г.Ф. Сидо снимает силуэт с императрицы Екатерины II в 1782 г. в Петербурге» (2021) [Дружинин 2023 с. 173].

видно, что на ней «портрет» Томары носит фантазийный характер. Помимо несовпадения внешности и прически, обращает на себя внимание и слишком напряженное выражение лица персонажа, изображающего Томару. По портрету Г.Ф. Сидо понятно, что Томара достаточно хорошо владел собой. Будучи уже опытным придворным, он вряд ли мог так явно демонстрировать свои эмоции, как это представлялось художнику. Видимо художник решил таким образом отразить сложность ситуации подготовки и подписания трактата, не учитывая психологические черты Томары, которые позднее сделали возможным назначение его посланником в такую сложную страну, как Османская империя.

Дальний круг общения В.С. Томары

Детально описать круг лиц, с которыми В.С. Томара постоянно, периодически или эпизодически встречался и / или переписывался по службе, не представляется возможным в силу его обширности. Архивные материалы, часть которых будет приведена далее, свидетельствуют о том, что он по службе общался с огромным количеством людей разных званий, сословий и национальностей. В период гражданской и дипломатической службы он взаимодействовал преимущественно с чиновниками различных уровней, включая высшее руководство государств. Во время выполнения обязанностей по участию в руководстве военными кампаниями – с генералитетом и руководством военных и военно-морских ведомств.

В рамках статьи можно выделить несколько наиболее значимых или больших по численности групп таких лиц.

Прежде всего это император и его окружение. Василий Степанович Томара служил при трех императорах. Будучи придворным Екатерины II, он выполнял различные отдельные достаточно сложные поручения, включая передачу регалий грузинскому царю Ираклию. Из переписки императрицы с князем Г.А. Потемкиным известно, что Томара привозили и ей почту, о чем она сообщала князю [Воронов 2023, с. 32].

От Павла I В.С. Томара помимо подробной инструкции, что ему надлежит делать на посту посланника в Константинополе, данной при назначении на пост посланника в Османской империи, постоянно получал подробные указания. Так, в рескрипте от 2 января 1799 г. сообщение о посылке корпуса войск «для покорения» Мальты дополнено следующим замечанием императора: «Министерство турецкое увидит конечно доказательства столь известного оному желания нашего предупредить все то, что хотя малейшее недоразумение родить может, и тем споспешествовать сугубому утверждению взаимной между нами и его величеством Султаном дружбы» [Рескрипт императора]. Томара в свою очередь сообщал императору о выполнении его

указаний, а также о ситуации в Средиземноморском регионе и других значимых событиях [АВПРИ МИД РФ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1413].

При Александре I ситуация на Ионических островах обострилась, и переписка Томары с императором и его окружением касалась, прежде всего, поиска решений, которые обеспечили бы порядок и спокойствие на островах [подробнее об этом см. Петрунина, Клисунов 2006, с. 136–137].

Важным направлением деятельности В.С. Томары было информирование Коллегии иностранных дел по широкому кругу вопросов и выполнение исходящих от ее руководства указаний. Коллегия иностранных дел обеспечивала реализацию внешнеполитического курса, которого придерживался император и являлась в его руках инструментом осуществления внешней политики. Она не только участвовала в разработке конкретных направлений внешнеполитической деятельности, но и руководила зарубежными представительствами, которые должны были доносить волю российского монарха руководству государства пребывания, собирать необходимую информацию и обеспечивать успешную реализацию другими российскими подданными поставленных перед ними органами Российской империи задач. Коллегия иностранных дел финансировала деятельность зарубежных представительств и координировала их действия в регионе. В условиях отсутствия быстрых технических средств связи одним из важнейших аспектов взаимодействия КИД и посланника в Константинополе было обеспечение по возможности быстрой пересылки писем и других почтовых отправлений их адресатам в Средиземном море. Обычная практика состояла в использовании не только курьерской дипломатической почты, но передачи отправлений с надежными лицами, направлявшимися к адресатам или в места, из которых в принципе можно было доставить их быстрее. Так, Ф.В. Ростопчин 3 декабря 1798 г. пишет В.С. Томаре: «Государь император соизволил указать, чтобы Ваше превосходительство с верною оказиею доставили к господину вице-адмиралу Ушакову отправленный к нему ящик, в коем положены рескрипты и награждения как ему, так и подкомандующим его» [АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1334. Л. 10]. Аналогичные письма Томара получал регулярно, поскольку почтовое сообщение в то время вообще, а в период военных действий в Средиземном море особенно, представляло собой сложную задачу. Таким образом, к пересылке почты привлекались различные лица, которым можно было доверять, ответственность за эти контакты падала на Томару.

Будучи посланником в Константинополе, В.С. Томара вел активную переписку с российскими дипломатами, прежде всего европейскими. В частности, В.С. Томара активно переписывался с российским посланником в Берлине графом Н.П. Паниным, российским полномочным министром во Флоренции Д. Мочениго, советником посольства в Неаполе А.Я. Италинским и др. Взаимное подробное информирование было частью их дипломатической

деятельности и выработки общей стратегии действий в регионе. Вместе с тем если планировался перевод дипломата на новое место работы в регионе, то российский посланник детально инструктировал кандидата на должность. Так, поскольку российское руководство планировало перевести на Ионические острова для замены Ф.Ф. Ушакова в дипломатических делах А.Я. Италинского, В.С. Томара начал его подготовку к выполнению этой миссии, подробно информировал о ситуации на Ионических островах, существовавших организационных проблемах, и даже разрабатывал и предлагал варианты возможного их эффективного решения [см. об этом подробнее: Андреева 2020, с. 10–30].

В связи с созданием полунезависимого государства Республики Семи Ионических островов тесные контакты и оживленную переписку В.С. Томара вел с генеральным консулом в г. Корфу Л. Бенаки, генеральным консулом в Рагузе (Дубровнике) А. Джикой, вице-консулом на острове Занте И. Загурийским и др.[6]

Выступая координатором действий в Средиземноморском регионе, что было связано напрямую с союзом с Османской империей, В.С. Томара активно взаимодействовал с российскими представителями военно-морских сил, организовывая передачу им почты, продовольствия, финансовых средств, передавая распоряжения императора и Коллегии иностранных дел, решая различные организационные и политические вопросы, связанные с пребыванием российской эскадры в Средиземном море. В ходе этой экспедиции он активно переписывался с адмиралом Ф.Ф. Ушаковым, направляя ему инструкции, пересылая почту от различных российских ведомств, решая возникающие хозяйственно-финансовые проблемы эскадры [РГА ВМФ. Ф. 192. Оп. 1. Ед. хр. 3]. От контр-адмирала он получал сообщения с описанием положения на эскадре, ситуации на Ионических островах, а также контактах контр-адмирала с иностранными должностными лицами. Хозяйственные вопросы, связанные с пребыванием эскадры в Средиземном море, были одним из важных направлений деятельности Томары, поскольку обязательства в этой сфере взяла на себя Османская империя, но они не всегда выполнялись удовлетворительно или в срок. Ф.Ф. Ушаков постоянно сообщал Томаре о проблемах снабжения судов провизией, о необходимости починки кораблей и об отсутствии в местах дислокации судов соответствующих материалов, о недостатке в деньгах, о покупке адмиралом провианта на собственные деньги и других возникавших организационно-хозяйственных проблемах, для решения которых Томара предпринимал значительные усилия. Российский посланник также координировал действия прибывающих военных кораблей,

6. Переписка В.С. Томары с данными лицами подробно с опорой на архивные материалы освещена в работе А.М. Станиславской [Станиславская 1983, с. 212–240].

информируя их руководство о том, где находится эскадра, направляя их в соответствии с предписаниями, и одновременно решал вопросы снабжения их продовольствием. Так, в журнале контр-адмирала кавалера П.В. Пустошкина содержится информация о том, что Томара уведомил его о нахождении эскадры Ушакова на о. Корфу: «Куда мы к следованию обстояли во всякой готовности и во время нахождения в Константинополе чрез упомянутого министра запаслись из провизии сухарями, вместо крупы булгуром, также и уксусом, налились пресной водою» [РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1–1. Ед. хр. 6. Л. 47 об.].

Во время пребывания кораблей эскадры в Константинополе В.С. Томара общался непосредственно с личным составом эскадры. Так, в РГА ВМФ хранится документ, в котором содержится сообщение о его приезде на корабль [РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1–1. Ед. хр. 6. Л. 47]. В свою очередь Ф.Ф. Ушаков, когда находился в Константинополе, останавливался в доме-резиденции посланника, где и принимал в случае необходимости представителей руководства Османской империи. Например, в архивных документах описывается встреча Ушакова и Ипсиланти в доме Томары [РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1–1. Ед. хр. 6. Л. 20].

Важной составной частью деятельности В.С. Томары было установление и поддержание контактов с иностранными дипломатами**.** Отношения в европейском дипломатическом корпусе были сложными в силу конкуренции. Для успешной реализации планов своей страны было важно находиться на особом счету в иностранном государстве, поддерживать тесные контакты с ее руководством и иметь различные преференции по отношению к дипломатическим представителям других стран. В Османской империи был разработан специальный строго ранжированный протокол, позволявший выразить отношение к посланнику и его стране как вербальным, так и невербальным способом [подробнее см.: Якушев 2010], и дипломаты стремились делать все, чтобы проходить по «высшему разряду» протокола. В отношении В.С. Томары руководство Османской империи неизменно сохраняло уважительное отношение.

Следует отметить, что и в условиях конкуренции за внимание руководства иностранного государства, дипломаты различных стран стремились поддерживать контакты друг с другом. Такие контакты давали возможность получить дополнительную информацию, а также выполнять указания своего руководства и решать проблемы подданных их государств в условиях военных действий в регионе.

По роду своей деятельности В.С. Томара нередко контактировал с главами иностранных государств и их двором на временной (Грузия) или достаточно постоянной основе (Османская империя). Особенно сложным в этом плане было поддержание на нужном уровне отношений с султаном и его окружением в Османской империи, поскольку для этого надо было не только

соблюдать османский дипломатический протокол, отличавшийся от европейского, но и учитывать не только обычаи и идеологию ислама и его трактовку верховной власти, но тюрко-огузские традиции (османская династия вела свое происхождение от рода Огуза, что давало им основание для позиционирования себя как «истинных тюрков») [История Османского государства… 2006, с. 107].

Реализуя свои дипломатические полномочия В.С. Томара проявлял неординарные аналитические способности, предупреждая в рамках союзнических отношений руководителей иностранных государств о возможных для них негативных последствиях. Показателен в этом смысле эпизод, связанный с походом Наполеона в Египет. В то время как руководство – султан и его окружение – были уверены, что этого похода не будет, В.С. Томара, сопоставив разнородную информацию, полученную из различных источников, не только предупреждал их о том, что такой поход готовится, но и сумел определить его маршрут [Кобищанов 2019, с. 149–150].

Вместе с тем следует отметить, что во время военных действий в Средиземном море объединенной российско-турецкой эскадры практиковалось проведение совместных конференций представителей российско-турецкой эскадры при участии российского посланника и высокопоставленных должностных лиц Османской империи. На значимость конференций указывает проведение их в султанском дворце. В архивных документах упоминается о первой и второй такой конференции [РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 22].

Общение с российскими подданными, нуждавшимися в помощи российского представителя, и решение по мере возможности их проблем были важной составной частью дипломатической деятельности российских дипломатов за рубежом. Эта часть круга общения была разнообразной по социальному составу: купцы, моряки, военные, переселенцы и т.д. Вместе с тем именно В.С. Томара (как и другие российские представители за рубежом) решал самостоятельно или направляя в различные российские ведомства вопрос о выплаты жалования и пособий конкретным лицам, находящимся на российской военной службе за рубежом, погашения их долгов, присуждения соответствующих военных званий при переходе с иностранной военной службы в российскую и т.д. Один из эпизодов, связанных с попыткой перехода иностранца на российскую военную службу, освещен довольно подробно и в Интернете. Речь идет о неудачной попытке Наполеона устроиться на российскую военную службу, путем обращения к военным, а также к В.С. Томаре. Наполеону было отказано, поскольку он претендовал на более высокое звание, чем мог получить по российским правилам [Зотов Четыре личных просьбы…]. Этот эпизод упомянут в воспоминаниях Ф.В. Ростопчина, другие документальные свидетельства отсутствуют, поэтому информация нуждается в дополнительной проверке.

Ближний круг общения В.С. Томары

В.С. Томара обладал многочисленными талантами: владел целым рядом современных ему и древних языков, основательно знал античную литературу и философию, причем цитировал произведения в подлиннике, обладал острой наблюдательностью, аналитическим умом, который позволял ему просчитывать намерения и действия европейских политических элит с высокой степенью точности, что существенно помогало ему в дипломатической деятельности. Естественно свои многочисленные таланты В.С. Томара применял в основном на службе, но и в быту окружающие активно прибегали к его советам. В российской биографической литературе описан такой показательный эпизод, когда первой реакцией Н.К. Загряжской[7] на предложение приобрести новые земли было намерение посоветоваться с В.С. Томарой, который служил в это время в канцелярии князя Г.А. Потемкина [Ахметшин, 2013, с. 328]. Г.А. Потемкин был близким другом Загряжской, в ее доме часто бывал и В.П. Кочубей (а позднее она жила у него), поэтому неудивительно, что она была хорошо знакома с В.С. Томарой, но показателен факт выбора в этой ситуации именно его как советчика, который свидетельствует о высокой степени доверия к его суждениям, что во многом предопределило и состав его ближнего круга.

Ближний круг В.С. Томары представляет собой переплетение дружеских и родственных связей, которые дополняли друг друга. Особенности его ближнего круга во многом были предопределены происхождением, родственными связями, полученным образованием и успешной дипломатической карьерой. Естественно, что в его доме бывали многие. Полное исследование ближнего круга Томары целесообразнее было бы проводить в сетевом ключе, поскольку каждый участник круга вовлекал в него и своих знакомых [см. об этом, напр., Киянская 2023]. Ближний круг В.С. Томары составляли, прежде всего, члены его семьи и родственники, связи которых в свою очередь притягивали к нему новых лиц. «Ядро» ближнего окружения (помимо членов его семьи) составляли его двоюродный брат В.П. Кочубей и В.В. Капнист. Последний был женат на одной из сестер Дьяковых (А.А. Дьяковой), две другие сестры (Мария Алексеевна и Екатерина Алексеевна) были замужем за Н.А. Львовым и Г.А. Державиным. Николай Александрович Львов (1751–1803) был известным архитектором (М. Нащокина называет его «самым по-

7. Наталья Кирилловна Загряжская (1747–1837, урожденная графиня Разумовская) была богатой помещицей, в доме которой воспитывалась М.В. Васильчикова – будущая жена В.П. Кочубея. Рассказы Загряжской о екатерининском времени, когда она была фрейлиной Екатерины II, позднее описываемого в статье периода, в 30-е годы XIX в. записывал А.С. Пушкин, который жил по соседству [Ахметшин, 2013, с. 328].

следним палладианцем» [Нащокина 2010, с. 314]), исследователем земных недр, изобретателем, этнографом, музыкантом, редактором, издателем, графиком, литератором, оказавшим большое влияние на становление Г.Р. Державина как поэта. В искусствоведческой литературе отмечается, что «его личность стала образцом человека русского Просвещения» [Уварова 1997, с. 74]. Сложно сказать, насколько тесными были его контакты с Томарой, но в любом случае они были дружескими, поскольку Львов сделал для Томары проект его дачи. Брак с сестрой жены Львова был вторым для Г.А. Державина, а мать его первой жены была кормилицей наследника и будущего императора Павла I, к которой последний сохранял сыновние чувства. Именно Павел дал согласие на брак Державина и Екатерины Яковлевны Бастидон и пообещал ей приданное, а позднее, будучи уже императором, пригласил его на службу. Державин также был знакомым Томары, прежде всего, через Капниста. Из переписки Державина с Капнистом известно, что он пересылал письмо последнего Томаре, о чем сообщал ему 30 декабря 1813 г. [Сочинения Державина… 1876, с. 314]. Сложно судить о том, какими были отношения Томары и Державина, но, поскольку Н.И. Гнедич счел необходимым сообщить Державину «об уважении Томары к его труду» [Сочинения Державина… 1876, с. 231], можно предположить, что его оценка была важна для Державина.

Охарактеризуем несколько подробнее самых близких В.С. Томаре людей.

Елизавета Каламай (1764–1835). В.С. Томара был женат на итальянке Елизавете Каламай из Ливорно, родственнице генерального консула Российской империи в Тоскане (с резиденцией в Ливорно) Джузеппе Каламай.

На основании воспоминаний членов семьи Елена Лудольф Скаммакка дель Мурго пишет в своей книге, что супруга Томары «была добрая, крайне чувствительная к чужим несчастьям и проблемам женщина» [Скаммакка дель Мурго 2013, с. 80]. Она поддерживала родственников В.С. Томары и после его смерти, в частности отправила крупную сумму декабристу С.Г. Краснокутскому (сыну сестры Томары), сосланному в Сибирь.

В числе близких знакомых супруги Томары была такая выдающаяся личность как придворная дама Марии-Антуанетты принцесса Луиза-Эммануэль де Тарант (Louise-Emmanuelle de Châtillon, *princesse* de Tarente, 1763–1814), талантливая мемуаристка, которая оставила воспоминания, являющиеся важным историческим источником – свидетельством очевидца французской революции из окружения французского монарха. Во время революции ей чудом удалось спастись, затем уехать в Англию, а впоследствии по приглашению Павла I – в Россию, где она получила статус статс-дамы и кавалерственной дамы при императорском дворе. Принцесса де Тарант часто бывала в доме В.С. Томары. Подтверждение этому содержится в мемуарах В.Н. Головиной (служившей фрейлиной при дворе трех императоров: Екатерины II, Павла I и Александра I): «Я… поспешила повидаться с принцессой де Тарант,

дожидавшейся меня у госпожи де Тамара» [История жизни благородной женщины 1996, с. 312]. Рассказывая о кончине принцессы де Тарант, В.Н. Головина отмечает, что в числе лиц, находившихся с принцессой в последние дни ее жизни «очень ей преданная» супруга Томары [там же, с. 320].

Документально подтвержденные свидетельства о наличии у В.С. Томары детей отсутствуют, хотя в некоторых научных статьях упоминают о Степане и Анне [см. напр., Воронов 2023, с. 30], а вот о судьбе воспитанницы семьи Томары известно из книги Е. Скаммакка дель Мурго. Во время пребывания в Константинополе Томара и его супруга по просьбе графа Гульельмо Костантино де Лудольф, с которым сложились «теплые, дружеские отношения», приняли в свою семью его дочь Каролину Лудольф, оставшуюся без матери, и постарались окружить ее «семейным теплом и заботой» [Скаммакка дель Мурго 2013, с. 281, 80]. Супруга Томары «со временем стала ее близким другом и советчиком, принимая активное участие в судьбе юной графини Лудольф» [Скаммакка дель Мурго 2013, с. 282].

Виктор Павлович Кочубей (1768–1823) – дипломат, с 1792 г. посланник России в Константинополе (Томара сменил его на этом посту), государственный канцлер, министр внутренних дел, член Петербургского отделения Академии наук с 1818 г. В 1797–1799 гг. он являлся вице-канцлером Коллегии иностранных дел, в 1801–1802 гг. – управляющим коллегией иностранных дел, а в 1802–1817 и 1819–1823 гг. Председателем Государственного совета и Комитета министров (подробно его биография освещена в работе Ахметшина [Ахметшин 2013].

В.П. Кочубей был одним из тех людей, с которыми В.С. Томара поддерживал теплые дружеские отношения с детства и на протяжении всей жизни. Он был не только предшественником В.С. Томары в должности посланника в Османской империи, подготовившим для него условия ведения дел, а потом и его начальником, но и родственником, двоюродным братом по матери, с которым они часто и доверительно общались в неформальной обстановке. А.В. Кочубей (1790–1878) описывает курьезный, по его мнению, случай, когда Виктор Павлович Кочубей в компании с Томарой, Пестелем и Тутояминым сказал, что государь намерен освободить крестьян, а потом в газетах их объявили зачинщиками освобождения [Кочубей 1890, с. 33]. Как представляется, тот факт, что сообщения в газетах не имели для них негативных последствий, определялись положением при дворе дяди Кочубея – А.А. Безбородко.

Григорий Саввич Сковорода (1722–1794). Как уже указывалось ранее, разностороннее начальное образование и навыки логического мышления В.С. Томара получил благодаря самобытному философу Григорию Сковороде, который был его домашним учителем. В.С. Томара сохранял к Сковороде теплое отношение и став взрослым. В письмах он обращался к нему «Друг мой!» [Сковорода, 1988, с. 8]. Уже находясь на службе, В.С. Томара пригла-

шал его приехать, но у Сковороды были свои планы, и он отказался под предлогом, что на расстоянии дружеские чувства сильнее.

Василий Васильевич Капнист (1758–1823). В.В. Капнист – поэт, драматург, автор знаменитой комедии «Ябеда», предводитель дворянства Киевской губернии, генеральный судья Полтавского генерального суда, служащий Министерства просвещения. В.В. Капнист дружил с Томарой с ранней юности, и эта дружба получила поэтическое выражение в стихах поэта. В.В. Капнист посвятил В.С. Томаре стихотворение с говорящим названием «любезному и почтенному другу». Стихотворение является переложением оды Горация «О достоинстве стихотворства», и в нем еще раз подтверждается привитая Сковородой любовь Томары к стихам [Капнист, с. 305]. Насколько уважал и ценил В.В. Капнист В.С. Томару показывает совет чаще бывать у Томары, который он дает сыну в письме от 24 декабря 1818 г.

Жозеф де Местр (1753–1821). Знаменитый Жозеф де Местр – французский философ, писатель, сенатор, сардинский посланник в России (1803–1817), министр в правительстве Сардинского королевства. В своем произведении «Санкт-Петербургские вечера» он изобразил В.С. Томару под псевдонимом Сенатор (В.С. Томара действительно имел это гражданское звание и должность). Помимо Сенатора в произведении участвуют Граф (псевдоним самого де Местра) и Кавалер Б. (Франсуа Габриэль граф де Бре – «молодой француз, занесенный в эту столицу бурями революции и множеством удивительных происшествий» [Местр 2017, с. 7].

Будучи тонким знатоком Востока и профессиональным дипломатом, В.С. Томара мог поддержать и развить любую сложную философскую и политическую тему, поэтому неслучайно именно он стал одним из собеседников Жозефа де Местра в «Петербургских вечерах» [Дегтярева 2007, с. 61, 63–64]. Это произведение помимо собственно философского содержания является ярким свидетельством образованности и широты интересов собеседников. Они прекрасно понимают все тонкости обсуждаемых философских и социальных проблем и подходов друг друга, свободно переходя от Платона к законодательству Индии (законы Ману), от Вольтера к Цицерону, от Овидия к Св. Августину, от Пифагора к Декарту, легко цитируя латинские изречения, рассуждая о происхождении слов в разных языках (кельтском, арабском, греческом, иврите и др.), проникая в суть различных философских теорий и понятий. Собеседники демонстрируют эрудицию и образованность, знание и понимание философии и культуры разных народов, т.е. черты, свойственные людям эпохи Просвещения.

Заключение. Широкий «дальний» круг общения российского военного и дипломата Василия Степановича Томары включал людей разных по происхождению, социальному положению и национальности, поскольку по службе ему приходилось решать самые разнообразные политические, административные

и хозяйственные вопросы. Общение по службе давало ему богатейший материал о странах, в которых он работал, их населении, культуре и быте, способствовало глубокому пониманию жизни зарубежных стран и создавало условия для эффективного выполнения им внешнеполитических задач России. Ближний высокоинтеллектуальный круг Томары позволял ему обмениваться с друзьями философскими и политическими идеями, развивать и углублять их, а также передавать окружению реальное понимание жизни в зарубежных странах, способствуя взаимообогащению разных культур. Это показывает, что в России в конце XVIII – начале XIX в. в среде дворянства существовал определенный слой людей, которые обладали не почерпнутыми из книг, а реальными практическими знаниями о зарубежных странах и их народах. Его составляли, прежде всего, российские дипломаты, которые за рубежом реализовывали российскую внешнюю политику и представляли Россию, а по возвращении в страну являлись своего рода «амбассадорами» европейской и восточной культуры в России. Поскольку В.С. Томара был одним из многих успешных дипломатов России, проведенный анализ его круга показывает, что военные и дипломатические успехи Российской империи были неслучайными, их обеспечивал универсализм, высокий профессиональный и культурный уровень российских дипломатов, которые, в свою очередь, «подпитывались» существованием определенной культурной среды в России.

Библиография

АВПРИ МИД РФ (Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел РФ). Ф. 90. Оп. 1. Д. 1413.

АВПРИ МИД РФ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1334.

АВПРИ МИД РФ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1409.

Адмирал Ушаков. Сборник документов и материалов / под ред. Р.Н. Мордвинова. М.: Военное издательство, 1951–1956. Т. 1–3.

Андреева Г.Н. Восточный период в биографии посланника России в Константинополе Василия Степановича Томары // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. Вып. 2 (128). С. 1–7.

Андреева Г.Н. Об особенностях конституционного процесса на Ионических островах и черновике письма В.С. Томары А.Я. Италинскому от 2 / 13 ноября 1799 г. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Курск, 2020. № 1. С. 10–30.

Ахметшин Ш.К. Князь Виктор Павлович Кочубей – первый министр внутренних дел, канцлер Российской империи. Санкт-Петербург: Издательство «Славия», 2013. 456 с.

Воронов И.А. Томара В.С. (1746–1819) – русский дипломат, сенатор и философ // Современная научная мысль. 2023. № 1. С. 28–37.

Высшие чины Российской империи: (29.10.1721 – 2.03.1917). Биографический словарь в 4 т. Т. 4. Москва: [Б. и.], 2019. 606 с.

Гребенная Г.П. Педагогические взгляды Г.С. Сковороды. Автореф. дисс. канд. педагогич. наук. Харьков 1959. 19 с.

Двор императрицы Екатерины II: Ее сотрудники и приближенные. СПб., [тип. Эдуарда Гоппе], 1899. Т. 1. 60 с., XCIII л., 93 л. ил.

Двор императрицы Екатерины II: Ее сотрудники и приближенные. СПб., [тип. Эдуарда Гоппе], 1899. Т. 2. [8] с., XCIV-CLXXXIX л., 96 л., илл.

Дегтярева М.И. Жозеф де Местр и его русские собеседники. Опыт философской биографии и интеллектуальной связи в России. Пермь: Астер, 2007. 404 с.

Дружинин П.А. Силуэт в России в XVIII веке. М.: Кучково поле; Музеон, 2023. 496 с.

Зотов А. Четыре личных просьбы Наполеона отклонены семьей Романовых. URL: http://history-gatchina.ru/article/prosba.htm (дата обращения: 01.08.2023).

История жизни благородной женщины. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 480 с.

История Османского государства, общества и цивилизации: в 2 т. / Под ред. Э. Ихсаноглу. Т. 1. Москва : Восточная литература, 2006. XXXII, 602 с.

Капнист В.В. Опыт перевода и подражания Горациевых од. Санкт-Петербург: Наука, 2013. 432 с.

Карев А.А. «Притворство» придворного и проблема жеста в портрете екатерининского времени // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы. Сб. ст. Москва: Памятники исторической мысли, 2005. С. 118–135.

Киянская О.И. Литературно-художественные развлечения в эпоху Александра I. В.В. Капнист и В.А. Яновский в гостях у Д.П. Трощинского // Россия и современный мир. 2023. № 2. С. 53–63. DOI:10.31249/rsm/2023.02.04

Кобищанов Т.Ю. Российско-французское противостояние на Ближнем Востоке в годы египетского похода Бонапарта 1798–1801 г. // Французский ежегодник. 2019. С. 148–171.

Кочубей А.В. Семейная хроника: Записки Аркадия Васильевича Кочубея 1790–1873. Санкт-Петербург, 1890. 314 с.

Лазаренко Е. Грациозное искусство «теней» // [Блог Исторического музея]. 15.12.2020. URL: https://blog.mediashm.ru/?p=6606 (дата обращения: 30.07.2023).

Местр де Ж. Санкт-Петербургские вечера. СПб.: Алетейя, 2017. 518 с.

Нащокина М. Палладианские виллы в русских усадебных интерпретациях. Конец XVIII – первая треть XIX в. // Искусствознание. 2010. № 1–2. С. 310–326.

Очерки истории Министерства иностранных дел России. В 3-х т. М.: ОЛМА Пресс, 2002. Т. 1. 1860–1917. 608 с.

Петрунина О., Клисунов С.Г. Эволюция государственного устройства Республики Семи Соединенных островов // Вестник Московского университета. 2009. Сер. 21.: Управление (государство и общество). № 2. С. 119–147.

Ратников А.И., Ратникова О.Е. Г.Р. Державин и современники: из переписки Г.Р. Державина и А.П. Брежинского // Вестник Московского университета. 2020. Сер. 9. Филология. № 2. С. 170–183.

РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-морского флота). Ф. 315. Оп. 1. Ед. хр. 7.

РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1-1. Ед. хр. 6.

РГА ВМФ. Ф.192. Оп.1. Ед. хр. 3.

Скаммакка дель Мурго Е. Графы Лудольф. М.: Зебра Е, 2013. 400 с.

Сковорода Г. Сад божественных песней: вірші, байки, діалоги, притчі. К.: Дніпро, 1988. 319 с.

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е акад. издание. СПб.: Тип. императорской Академии наук, 1876. Т. 6. Переписка 1794–1816 г. 840 с.

Станиславская А.М. Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции, 1798–1800 гг. М.: Наука, 1983. 304 с.

Уварова Н. Н.А. Львов или И.Ф. Туполев // Пинакотека. 1997. № 2. С. 74–78.

Федорченко В.И. Сенаторы Российской империи. Энциклопедия биографий. В 2 т. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 656 с.

Якушев М.М. Османский протокол в дипломатических отношениях Порты и России (конец XVIII – начало XIX в.) // Восток (Orients). 2010. № 3. С. 48–58.

References

Admiral Ushakov. Sbornik dokumentov i materialov / pod red. R.N. Mordvinova [Admiral Ushakov. Collection of documents and materials/edited by R.N. Mordvinov]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1951–1956. T. 1–3. (In Russ.)

Andreeva G.N. Ob osobennostyax konstitucionnogo processa na Ionicheskix ostrovax i chernovike pis'ma V.S. Tomary' A.Ya. Italinskomu ot 2 / 13 noyabrya 1799 g. [On the Peculiarities of the Constitutional Process in the Ionian Islands and the Draft of a Letter from V.S. Tomara to A.Ya. Italinsky dated November 2 / 13, 1799]. Istoriko-pravovy'e problemy': novy'j rakurs [Historical and Legal Problems: A New Perspective]. 2020. N 1. P. 10–30. (In Russ.)

Andreeva G.N. Vostochnyj period v biografii poslannika Rossii v Konstantinopole Vasilija Stepanovicha Tomary 93 [The Eastern period in the biography of the Russian envoy to Constantinople Vasily Stepanovich Tomara]. Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. 2023. Vyp. 2 (128). P. 1–7. (In Russ.)

AVPRI MID RF (Archive of Foreign Policy of the Russian Empire of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation). F. 90. In. 1. Case 1413. (In Russ.)

AVPRI MID RF. F. 90. In. 1. Case 1334. (In Russ.)

AVPRI MID RF. F. 90. In. 1. Case 1409. (In Russ.)

Axmetshin Sh.K. Knyaz' Viktor Pavlovich Kochubej – pervy'j ministr vnutrennix del, kanczler Rossijskoj imperii [Prince Viktor Pavlovich Kochubey – First Minister of the Interior, Chancellor of the Russian Empire]. St. Petersburg: Slaviya, 2013. 456 p. (In Russ.)

Degtjareva M.I. Zhozef de Mestr i ego russkie sobesedniki. Opyt filosofskoj biografii i intellektual'noj svjazi v Rossii [Joseph de Mestre and his Russian interlocutors. Experience of philosophical biography and intellectual connection in Russia]. Perm : Aster, 2007. 404 p. (In Russ.)

Druzhinin P.A. Silujet v Rossii v XVIII veke [Silhouette in Russia in the XVIII century]. Moscow : Kuchkovo pole, Muzeon. 2023. 496 p. (In Russ.).

Dvor imperatricy Ekateriny II: Ee sotrudniki i priblizhennye: [v 2 t.][Court of Empress Catherine II : Her employees and associates: [in 2 vols.]. St. Petersburg, [tip. Jeduarda Goppe], 1899. T. 1. 60 p., XCIII l., 93 l., ill.

Dvor imperatricy Ekateriny II: Ee sotrudniki i priblizhennye: [v 2 t.][Court of Empress Catherine II : Her employees and associates: [in 2 vols.]. St. Petersburg, [tip. Jeduarda Goppe], 1899. T. 2. [8] p., XCIV-CLXXXIX l., 96 l., ill. (In Russ.)

Fedorchenko V.I. Senatory Rossijskoj imperii. Jenciklopedija biografij [Senators of the Russian Empire. Encyclopedia of Biographies. In 2 tons.]. V 2 t. T. 2. Moscow, IMLI RAN, 2018. 656 p. (In Russ.)

Grebennaja G.P. Pedagogicheskie vzgljady G.S. Skovorody [Pedagogical views of G.S. Skovoroda]. Avtoref. diss. kand. pedagogich. nauk. Kharkiv 1959. 19 p. (In Russ.)

Istorija Osmanskogo gosudarstva, obshhestva i civilizacii: v 2 t. [The history of the Ottoman state, society and civilization: in 2 tons.]. Pod red. Je. Ihsanoglu. T. 1. Moscow: Vostochnaja literatura, 2006. XXXII, 602 p. (In Russ.).

Istorija zhizni blagorodnoj zhenshhiny [The life story of a noble woman]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 480 p. (In Russ.).

Jakushev M.M. Osmanskij protokol v diplomaticheskih otnoshenijah Porty i Rossii (konec XVIII – nachalo XIX v.) [Ottoman Protocol in Diplomatic Relations between Ports and Russia (late XVIII – early XIX c.)]. Vostok [Orients]. 2010. N 3. P. 48–58. (In Russ.)

Kapnist V.V. Opyt perevoda i podrazhanija Goracievyh od [Experience in translation and imitation of Horace's ods.]. St. Petersburg: Nauka, 2013. 432 p. (In Russ.).

Karev A.A. «Pritvorstvo» pridvornogo i problema zhesta v portrete ekaterininskogo vremeni [The «pretense» of the courtier and the problem of gesture in the portrait of Catherine's time]. Russkoe iskusstvo Novogo vremeni. Issledovanija i materialy. Moscow : Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2005. P. 118–135. (In Russ.)

Kiyanskaya O.I. Literaturno-hudozhestvennye razvlechenija v jepohu Aleksandra I. V.V. Kapnist i V.A. Janovskij v gostjah u D.P. Troshhinskogo [Literary and artistic entertainment in the era of Alexander I. V.V. Kapnist and V.A. Yanovsky visiting D.P. Troshchinsky]. Rossija i sovremennyj mir [Russia and the Modern World]. 2023. N 2. P. 53–63. (In Russ.)

Kobishhanov T.Ju. Rossijsko-francuzskoe protivostojanie na Blizhnem Vostoke v gody egipetskogo pohoda Bonaparta 1798–1801 g [Russian-French confrontation in the Middle East during the Egyptian campaign of Bonaparte 1798–1801]. Francuzskij ezhegodnik [French Yearbook]. 2019. P. 148–171. (In Russ.)

Kochubej A.V. Semejnaja hronika: Zapiski Arkadija Vasil'evicha Kochubeja 1790–1873 [Family chronicle: Notes of Arkady Vasilyevich Kochubey 1790–1873]. St. Petersburg, 1890. 314 p. (In Russ.)

Lazarenko E. Gracioznoe iskusstvo «tenej» [The graceful art of «shadows»]. [Blog Istoricheskogo muzeja]. 15.12.2020 [blog]. URL: https://blog.mediashm.ru/?p=6606 (date of access: 30.07.2023). (In Russ.)

Mestr de Zh. Sankt-Peterburgskie vechera [St. Petersburg evenings.]. St. Petersburg: Aletejja, 2017. 518 p. (In Russ.)

Nashhokina M. Palladianskie villy v russkih usadebnyh interpretacijah. Konec XVIII – pervaja tret' XIX v. [Palladian villas in Russian manor interpretations. The end of the XVIII – the first third of the XIX century.]. Iskusstvoznanie [Arts]. 2010. N 1–2. P. 310–326. (In Russ.)

Ocherki istorii Ministerstva inostrannyh del Rossii. V 3-h t. [Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. In 3 tons.]. T. 1. 1860–1917. Moscow: OLMA Press, 200. 608 p. (In Russ.)

Petrunina O., Klisunov S.G. Jevoljucija gosudarstvennogo ustrojstva Respubliki Semi Soedinennyh ostrovov [Evolution of the state structure of the Republic of the Seven United Islands]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 21.: Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo) [Bulletin of Moscow University. Series 21.: Governance (State and Society)]. 2009. N 2. P. 119–147. (In Russ.)

Ratnikov A.I., Ratnikova O.E. G.R. Derzhavin i sovremenniki: iz perepiski G.R. Derzhavina i A.P. Brezhinskogo [G.R. Derzhavin and contemporaries: from the correspondence of G.R. Derzhavin and A.P. Brezhinsky]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija [Bulletin of Moscow University Series 9. Philology]. 2020. N 2. P. 170–183. (In Russ.)

RGA VMF (Russian State Archive of the Naval Fleet). F. 315. In. 1-1. Case 6. (In Russ.)

RGA VMF. F. 315. In. 1. Case 7. (In Russ.)

RGA VMF. F.192. In.1. Case 3. (In Russ.)

Skammakka del' Murgo E. Grafy Ludol'f [Counts of Ludolph]. Moscow: Zebra E, 2013. 400 p. (In Russ.)

Skovoroda G. Sad bozhestvennyh pesnej: virshi, bajki, dialogi, pritchi [Garden of divine songs: poems, fables, dialogues, parables]. Kyiv: Dnipro, 1988. 319 p. (In Ukr.)

Sochinenija Derzhavina s ob"jasnitel'nymi primechanijami Ja. Grota 2-e akad. izdanie. T. 6. Perepiska 1794–1816 g. [Works of Derzhavin with explanatory notes by J. Grot. 2nd Academic

Edition. T. 6. Correspondence 1794–1816.]. St. Petersburg: Tipografija imperatorskoj akademii nauk, 1876. 840 p. (In Russ.)

Stanislavskaja A.M. Politicheskaja dejatel'nost' F.F. Ushakova v Grecii, 1798–1800 g. [Political activity of F.F. Ushakov in Greece, 1798–1800]. Moscow : Nauka, 1983. 304 p. (In Russ.)

Uvarova N. N.A. L'vov ili I.F. Tupolev [N.A. Lvov or I.F. Tupolev]. Pinakoteka [Picture gallery], 1997. N 2. P. 74–78. (In Russ.)

Voronov I.A. Tomara V.S. (1746–1819) – russkij diplomat, senator i filosof [Tomara V.S. (1746–1819) – Russian diplomat, senator and philosopher]. Sovremennaja nauchnaja mysl' [Modern scientific thought]. 2023. N 1. P. 28–37. DOI: 10.24412/2308-264X-2023-1-28-37. (In Russ.)

Vysshie chiny Rossiiskoi imperii: (29.10.1721–2.03.1917) [The Highest Ranks of the Russian Empire: (29.10.1721–2.03.1917)]. Moscow, 2019. Vol. 4. 606 p. (In Russ.)

Zotov A. Chetyre lichnyh pros'by Napoleona otkloneny sem'ej Romanovyh [Napoleon's four personal requests were rejected by the Romanov family]. URL: http://history-gatchina.ru/article/prosba.htm (date of access: 01.08.2023). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.04

Я.В. Мищенко

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ И КОНКУРЕНЦИИ В XX–XXI вв.

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению современной роли ряда стран Восточной Азии в глобальном технологическом сотрудничестве и одновременно разворачивающейся в этой сфере острой международной конкуренции. В работе показано, что в настоящее время, в условиях развивающейся промышленной революции 4.0, которая является целенаправленным проектом, сформулированным странами Запада в области технологического, индустриального и постиндустриального развития, на глобальном рынке технологий и инноваций уже произошли и продолжают происходить серьезные тектонические сдвиги. В частности, Китай вытеснил Японию с позиций признанного мирового научно-технического центра. Япония остается передовой в инновационном аспекте страной, но основная гонка и конкурентная борьба в области технологий разворачивается между Вашингтоном и Пекином. Многие страны и регионы последовательно повышают уровень развития высокотехнологичных отраслей в своих экономиках, что отражено в приведенных в статье таблицах статистических данных и диаграммах, однако США и Китай находятся на очевидно более высоком и сложном уровне технологических достижений и конкуренции. Другим технологически развитым странам мира и региона Восточной Азии, как в статье показано на примере Южной Кореи, приходится лавировать и делать непростой выбор, поддержат ли они кампанию «декаплинга», которую Вашингтон пытается вести против Китая, или отдадут приоритет экономической ликвидности сотрудничества с Китаем в области технологий и инноваций.*

Ключевые слова: *четвертая промышленная революция; технологии; инновации; Япония; АСЕАН; Южная Корея; Китай; «декаплинг».*

Мищенко Яна Вадимовна – кандидат экономических наук,
доцент факультета глобальных процессов
МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник
Института Китая и современной Азии РАН.
Россия, Москва.
E-mail: yanamischenko@gmail.com

Mishchenko Ya.V. **East Asia in Global Technological Cooperation and Competition in the 20th and 21st Centuries**

Abstract. *The article is devoted to the consideration of the modern role of East Asian countries in global technological cooperation and, simultaneously, the acute international competition unfolding in this area. The article shows that at present, in the context of the developing industrial revolution 4.0, which is a project formulated by Western countries in the field of technological, industrial, and post-industrial development, serious tectonic shifts have already occurred and continue to occur in the global technology and innovation market. In particular, China has displaced Japan from the position of a recognized world scientific and technical leader. Japan remains an innovative country, but the main race and competition in the field of technology is taking place between Washington and Beijing.*

Many countries and regions are consistently increasing the level of development of high-tech industries in their economies, which is reflected in the tables of statistical data and diagrams presented in the article, but the United States and China are at an obviously higher and more complex level of technological achievements and competition. Other technologically advanced countries in the world and the East Asian region, as the article shows using the example of South Korea, have to maneuver and make a difficult choice about whether they will support the «decoupling» campaign that Washington is trying to wage against China or give priority to the economic liquidity of cooperation with China in the field of technology and innovation.

Keywords: *the fourth industrial revolution; technology; innovation; Japan; ASEAN; South Korea; China; «decoupling».*

Mishchenko Yana Vadimovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: yanamischenko@gmail.com

В эпоху глобализации обозначилась устойчивая тенденция повышения наукоемкости и инновационности мировой экономики и промышленности. Высокая восприимчивость к достижениям научно-технического прогресса стала важнейшим и непреложным условием устойчивого развития и будет только усиливаться в дальнейшем в условиях разворачивающейся «четвертой промышленной революции».

Концепт Индустрии 4.0 был сформулирован примерно в период 2011–2016 гг. Существует точка зрения, что на практике четвертая промышленная революция зародилась на Западе в 2011 г. как проект, направленный на повышение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности, и стала

характеризоваться масштабным внедрением различных киберфизических систем в производственные, заводские процессы [Тарасов 2018, с. 57–63]. Это своего рода вершина многолетних усилий общества по достижению цифровизации, создание таких сетей, которые даже автономно, без постоянного участия человека в их работе и контроля, смогли бы минимизировать ошибки и брак в производстве, а также гибко адаптироваться под стремительно меняющиеся запросы потребителей.

Концептуально и теоретически понятие «четвертой промышленной революции» закрепил немецкий экономист, основатель и глава Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб, выпустив в 2016 г. одноименную книгу. Обобщая мнения ведущих международных экспертов по этому вопросу, К. Шваб предсказывал в своей работе не только новые технологические прорывы в самом широком спектре областей, включая искусственный интеллект, повсеместную роботизацию, например в автомобильной индустрии, нанотехнологии, биотехнологии, накопление и хранение энергии и т.д., но также обозначил ключевые особенности разворачивающейся 4-й промышленной революции. Это, прежде всего, стремительность, высокие скорости распространения и внедрения новых технологий и инноваций, а также усиление международной конкуренции в этой сфере. К. Шваб отмечает, что уже сейчас эта тенденция отчетливо проявляется: инновационная деятельность становится ареной борьбы многих тысяч компаний по всему миру – как крупных корпораций, так и небольших стартапов. Все они соревнуются за возможность стать первыми в выведении на рынок нового продукта, новой услуги и в конечном итоге завоевании расположения клиентов [Шваб 2016]. Таким образом, острая конкуренция на всех уровнях стала неотъемлемым сопутствующим фактором любого инновационного и высокотехнологического производства. На международном уровне эта конкуренция развернулась особенно широко и наглядно.

Однако наряду с обострением конкуренции на мировых рынках наукоемких товаров и услуг, в условиях глобализации продолжает развиваться международное технологическое сотрудничество между государствами. Эти две тенденции сосуществуют и развиваются параллельно, в равной степени интенсивно и взаимосвязанно. Интернационализация НИОКР и наукоемкого производства продолжает углубляться. Это обусловлено рядом причин, например тем, что зачастую реализация крупных научно-исследовательских проектов, ввиду их сложности, больших затрат, длительности работ, может быть затруднительна в рамках одной страны. Например, проект Международной космической станции, Большого андронного коллайдера, разработка вакцин от глобальных эпидемий, в которых могут эффективно участвовать международные коллективы ученых.

Глобальные центры инновационного бизнеса XX в.

Принято считать, что первые промышленные научно-исследовательские и экспериментальные лаборатории появились в США и Германии на рубеже XIX–XX вв. Это направление стало быстро развиваться, и спустя два десятилетия все крупнейшие на то время концерны электротехнической и химической промышленности обзавелись собственными базами научно-технических разработок. Таким образом, еще в первой половине XX в. именно крупные корпорации стали важными источниками новых технологий, которые, в свою очередь, становились новым источником прибылей и намечали траекторию развития предприятий и целых производственных отраслей. Эту особенность экономического развития в свое время подметил и описал австрийский ученый Й. Шумпетер, сделав вывод, что «в рыночной экономике приоритетное значение получает конкуренция, основанная на открытии нового товара, новой технологии, нового источника сырья, нового типа организации...» [Шумпетер 1995, с. 128]. Такая конкуренция на основании развития технологий обеспечивала как позитивные факторы развития (сокращение затрат производства, повышение качества выпускаемой продукции), так и возможные риски (банкротства не справляющихся с технологической гонкой предприятий). Й. Шумпетер характеризовал этот процесс как «созидательное разрушение», глубинную сущность капитализма. Сегодня, когда тема построения мирового капитализма уже не так сильно волнует мировую общественность, сама суть этих явлений отнюдь не потеряла своей актуальности.

Экономическое значение инновационного бизнеса трудно переоценить. Крупнейшие корпорации мира обычно лидируют по затратам на научные исследования. Преимущества крупных корпораций в инновационной сфере очевидны – они располагают достаточными ресурсами для реализации крупных научных и инновационных проектов, разрабатывают новые технологические решения, ускоренными темпами превращая результаты НИОКР в новые продукты, максимизируя тем самым предпринимательский доход бизнеса. Этим обеспечивается конкурентоспособность компаний на рынках. Таким образом, предпринимательский сектор непосредственно заинтересован в том, чтобы быть генератором технологической и инновационной активности, наряду с тем, как развивает фундаментальную науку государство, общественные организации и институты [Поляков, Щенин 2010, с. 88].

В условиях набирающей обороты с 1970-х годов глобализации наукоемкие и технически сложные товары постепенно становились крупным, быстро растущим направлением международной торговли. Темпы роста их производства и экспорта обогнали в 2–3 раза аналогичные показатели сырьевых и традиционных отраслей. Сектор информационных технологий в последнем десятилетии XX в. развивался особенно быстро. Мировой экспорт вычисли-

тельной техники и средств связи к 2001 г. по стоимости превысил сумму мирового экспорта нефти, газа, металлов и прочего сырья (в 1990 г. он был в полтора раза меньше) [Поляков, Щенин 2010, с. 89].

В этот период были сформулированы основные современные критерии дифференциации уровней научно-технического развития разных стран мира. Так, стали считать, что чем выше показатели того или иного государства по сальдо технологического платежного баланса, а также по количеству зарегистрированных патентных заявок в патентных ведомствах США, ЕС и Японии, тем выше технологический уровень страны. Акцент именно на патентных структурах США, Японии и ЕС неслучаен. К концу XX – началу XXI в. они закрепили за собой позиции «центров» мировой экономики, а также лидеров сферы технологий и инноваций глобального значения.

Изначально технологического лидерства достигли США и ряд стран Западной Европы. Примерно с 1980-х годов Япония также громко заявила о себе как о еще одном экономическом «центре силы», который также делал ставку на технологическое обновление и модернизацию. Она первой среди прочих азиатских стран сумела добиться экономического прорыва и претендовать не только на экономическое, но также на научно-техническое и технологическое лидерство. Ранее активно заимствовавшая передовые технологии в США и Европе, к 1980-м годам Япония сумела создать собственный прочный задел НИОКР и даже перейти к технологическому экспорту. Безусловным успехом стратегии технологического развития Японии можно считать тот факт, что спрос на японскую продукцию стали предъявлять не только страны, находившиеся на более низком экономическом и индустриальном уровне развития (Китай, государства Юго-Восточной Азии и т.д.), но также и развитые страны. Так, 1980-е годы, когда японские высокотехнологичные товары, например продукция автопрома, успешно завоевывали американский рынок и даже заметно теснили на нем национальных производителей, ознаменовались «торговыми войнами» Японии с США. В Вашингтоне стали все отчетливее выдвигаться требования к властям защитить национальные компании и бороться хотя бы на внутреннем рынке против зачастую более дешевой, но при этом не менее качественной японской продукции. Особенную досаду вызывало осознание того, что японская промышленность была фактически создана на базе не только заимствованных в США и Европе технологий и патентов, но также с помощью разнообразных льгот и субсидий, которые страна обильно получала с 1950-х годов при протекции Штатов. Многолетняя помощь развитию Японии США имела, правда, «двойное дно» – Америке был нужен сильный и экономически процветающий, надежный союзник на Дальнем Востоке для борьбы с распространением коммунизма и для идеологического и стратегического противопоставления сотрудничеству Москвы и Пекина. В итоге доля Японии в общем торговом дефиците США в первой

половине 1980-х годов превышала 40%, а американские потребители предъявляли высокий и стабильный спрос на уже качественную японскую продукцию. Это грозило серьезными убытками американским производителям. Выражая нежелание мириться с таким положением дел, президент США Р. Рейган осенью 1985 г. сделал резкое заявление: «Когда правительство позволяет нелегально копировать наши продукты, оно ворует наше будущее... Это не имеет никакого отношения к свободной торговле» [Как США вели…, 2019]. Вопрос относительно нелегального копирования в случае Японии, скорее всего не так однозначен, так как в Японии не просто перенимали зарубежные технологии, но занимались их доводкой и адаптацией и часто усовершенствованием, но так или иначе Вашингтон начал принимать ограничительные меры [Мищенко 2012]. Например, в 1987 г. японские производители чипов было обложены 100%-ным налогом ввиду обвинения в картельном сговоре, что значительно отсекло для них возможности доступа на американский рынок. Другие японские промышленные товары тоже подпадали под ограничения. Эти меры позволили США успешно отстоять интересы национальных компаний в условиях активной японской технологической экспансии в 1980-е – начале 1990-х годов. Однако события того времени имели и более глубинное значение – они ознаменовали окончательное формирование в мире трех стабильных, на последующие десятилетия абсолютно незыблемых «центров силы» глобальной экономики и высокотехнологичной, конкурентоспособной в международном измерении промышленности.

Новые индустриальные страны и промышленный подъем Китая как факторы укрепления технологического лидерства Восточной Азии

На рубеже XX–XXI вв. сложившаяся конфигурация глобального технологического лидерства начала вновь проходить трансформации. США и традиционные лидеры Старого света не утратили ведущих позиций, однако в этот период начали проявляться успехи стратегий экономического и индустриального развития ряда азиатских стран, бок о бок с которыми шли и их достижения в технологическом развитии и наращивании экспортного потенциала высокотехнологичных секторов экономики. Успех индустриального развития Японии стал примером для других азиатских стран, которые встали на путь догоняющего развития. Особенно выделились в этом отношении так называемые «новые индустриальные страны». НИС «первой волны» – это Южная Корея, Сингапур, Тайвань и Гонконг. Другие страны АСЕАН стали НИС последующих «волн»: Малайзия и Таиланд – второй волны, Индонезия – третьей волны, Филиппины, а также южные провинции Китая – четвертой волны [Николаева 2006, с. 439].

Общей чертой становления всех НИС был акцент на развитие наукоемких отраслей и на этой основе формирование экспортного потенциала стран. Данная модель развития показала свою успешность и устойчивость. Так, даже азиатский финансовый кризис 1997 г. не смог обернуть вспять развитие Сингапура. Разумеется, макроэкономический рост страны обязан не только развитию технологий, но и достижению стабильности обменного курса, низкого уровня инфляции, поступательному расширению внешней торговли. Даже благоприятное географическое положение внесло свою положительную лепту. Однако также нельзя отрицать, что развитие наукоемких отраслей обрабатывающей промышленности (электронная и химическая промышленность) помогло Сингапуру стать новой индустриальной экономикой в числе первых. Развитие этих отраслей было предопределено в то время высоким международных спросом, например на полупроводники, компьютерную технику и периферийные устройства. Это обстоятельство обеспечило притоки прямых иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность. В целом, тенденция оказалась устойчивой, и несмотря на то, что Сингапур впоследствии успешно переориентировался на развитие сферы услуг, отраслей третичного сектора экономики, тренд на развитие наукоемких и высокотехнологичных отраслей в 1990-е годы надолго закрепил роль Сингапура как значимого международного хаба для транснационального бизнеса в области электронной промышленности и значительно улучшил показатели страны в различных рейтингах международной конкурентоспособности [Ebner 2004, p. 53].

Малайзия с 1990-х годов также смогла применить всесторонний и вдумчивый подход к национальному технологическому развитию. В 1991 г. в стране была принята национальная программа «Видение – 2020», в которой ключевой акцент был сделан на необходимости наращивания технологического потенциала. Развитие техники и инноваций стало рассматриваться в Малайзии как неотъемлемая составляющая экономического роста и развития [Suzana Ariff Azizan 2023; Mahmoud Safy Mahmoud, Hoda Mitkees 2017].

Китай в аспекте технологического развития широко использовал практику создания национальных зон экономического и технического развития. Такой подход стал долгосрочной стратегией для перехода на более инновационный путь развития, так как создание территорий инновационного технологического роста предполагает также строительство новой высокотехнологичной инфраструктуры. В широкой трактовке к свободным экономическим зонам в Китае относят следующие города, порты и территории: Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямынь, Хайнань, новый район Пудун Шанхая, новый район Биньхай Тяньцзиня [Douglas Zhihua Zeng 2012, p. 4]. Однако практическое значение этих особых зон предполагало не только особые налоговые режимы, но также активное превращение этих территорий в кластеры индустриального развития опережающего типа. Таким образом, в КНР получила

широкое распространение практика создания территорией совмещенного технологического и экономического развития – региональные инновационные кластеры и зоны новых и высоких технологий как разновидности технопарков. Результатом всех модернизаций стало формирование в Китае конкурентоспособной инновационной среды, а также постепенное снижение зависимости китайских промышленных предприятий от импорта зарубежных технологий. Власти и бизнес прилагали к этому целенаправленные усилия. Если в начале XXI в. (в 2005 г.) доля расходов на НИОКР в ВВП составляла порядка 1,34%, то в 2020 г. этот показатель стремился к 2,5% [Молева, Баранов 2022, с. 67] (2,4% по данным Всемирного банка – см. табл. 1).

Таблица 1

Доля расходов на НИОКР в ВВП в странах Восточной Азии

Страна	*Год*	*Доля НИОКР в ВВП, %*
Япония	2020	3,26
Южная Корея	2020	4,81
КНР	2020	2,4
Лаос	2002	0,04
Малайзия	2018	1,04
Мьянма	2020	0,15
Филиппины	2018	0,32
Сингапур	2019	1,89
Вьетнам	2019	0,53
Таиланд	2019	1,14
Бруней	2018	0,28
Индонезия	2020	0,28
Россия	2020	1,1
Среднемировой показатель	2020	2,63

Источник: [The World Bank 2022]

Приведенные в таблице 1 статистические данные показывают, что Китай, опережая по показателям расходов на НИОКР наиболее технологически развитую страну Юго-Восточной Азии Сингапур, а также находясь на приблизительно среднемировом уровне расходов на НИОКР в отношении к ВВП, все же заметно уступает некоторым другим мировым технологическим лидерам. В регионе Восточной Азии по этому показателю Китай опережает как Япония, так и Южная Корея, причем последняя – в 2 раза (4,81% по сравнению с 2,4%

КНР). Следует отметить также сохраняющееся отставание этого показателя Китая от аналогичных показателей некоторых стран Западной Европы и США. Например, доля расходов на НИОКР в ВВП Бельгии – страны, которая, в целом, не заявляет существенных амбиций занимать нишу инновационного лидера глобального значения, – в 2020 г. составляла 3,48%; доля расходов на НИОКР в ВВП Финляндии – 2,94%; Франции – 2,35%; Германии – 3,14%; США – 3,45% [The World Bank 2022]. Разумеется, следует учитывать тот факт, что страны Западной Европы, США, а также Япония значительно раньше, чем Китай, обрели статус развитых экономик. Всю вторую половину XX в. их развитие сопровождались научно-техническим прогрессом в различных его проявлениях и форматах. В этих странах за минувшие десятилетия сформировалась устойчивая практика увеличения или обеспечения достаточно высокого уровня расходов на НИОКР как для поддержания инновационного престижа стран, так и для удерживания конкурентных позиций в условиях ужесточающейся глобальной технологической конкуренции. Южная Корея присоединилась к клубу глобальных технологических лидеров несколько позже, в эпоху первой волны НИС, но несомненно, взяла эта практику на вооружение.

Китайский фактор в современной глобальной гонке инноваций

Китаю удалось вырваться в лидеры мирового инновационного роста, и это обстоятельство серьезно трансформирует сложившееся технологическое лидерство в мире и регионе Восточной Азии. Сейчас в сфере технологий Китай бросает вызов уже не азиатским НИС или Японии, а США. Британское издание The Guardian отмечало весной 2023 г., что США и западные страны уже проигрывают Китаю гонку за разработку передовых технологий, формирование и удержание талантов в научно-технической сфере. Пекин добился монопольного лидерства в некоторых инновационных областях (производство инновационных аккумуляторов, гиперзвуковые разработки, передовые технологии радиочастотной связи (сети 5G и 6G). США пока удерживают передовые позиции в таких высокотехнологичных направлениях, как разработка вакцин, квантовые вычисления (во многом благодаря деятельности корпораций Google, IBM и т.д.), в сфере освоения космоса [China leading 2023]. Со ссылкой на Австралийский институт стратегической политики The Guardian относит США и Китай к государствам «первого уровня» в области технологического лидерства, тогда как, например, некогда лидировавшую Японию и Южную Корею – к небольшой группе передовых стран «второго уровня» в области глобального технологического лидерства, что подчеркивает их неоспоримые технологические достижения, но вместе с тем и наметившееся отставание от двух лидеров.

Между тем представленные в таблице 1 данные о соответствии уровню расходов Китая на НИОКР среднемировому показателю, но заметное отставание от стран-лидеров, нуждаются в более глубоком осмыслении. Возникает вопрос – сможет ли Китай обеспечивать себе опережение США в инновационной борьбе на мировом рынке в долгосрочной перспективе, по существу затрачивая на НИОКР заметно меньше Штатов, как в относительном, так и в абсолютном выражении? (Учитывая, что ВВП Китая все еще, по итогам 2022 г. был ниже американского.) В 2020 г. ВВП США составлял около 21 трлн долл. [Country Economy 2020], таким образом расходы на НИОКР составили в абсолютном выражении порядка 0,726 трлн долл. ВВП Китая в рассматриваемом 2020 г. составлял 14,86 трлн долл. [Country Economy 2020], т.е. в абсолютном выражении китайские расходы на НИОКР составляли примерно 0,35 трлн долл. Это наглядно демонстрирует, что расходы США на НИОКР еще два года назад были почти вдвое больше расходов Китая. Это обстоятельство в определенной степени может быть сдерживающим фактором для Китая в нынешней ожесточенной гонке инновационного развития двух государств. Остается предполагать, что Пекин рассчитывает достигать конкурентных преимуществ перед США в сфере инноваций, если не за счет абсолютных стоимостных показателей расходов на НИОКР, то делая ставку на качественные показатели развития новейших высокотехнологичных продуктов и производств. При этом качество американских технологий также хорошо себя зарекомендовало, поэтому вопрос о перспективах выравнивания расходов на НИОКР двух соревнующихся лидеров глобальных инноваций продолжает оставаться актуальным и достаточно острым. Однако при анализе технологической сферы нужно учитывать ряд других показателей. Например в результативности НИОКР важен аспект вовлеченных ресурсов. Так, в 2022 г. общая численность персонала, занимающегося в Китае научными исследованиями, превысила показатель 5 млн человеко-лет, формируя крупнейших в мире кадровый резерв в сфере науки и технологий [Asia Times 2023]. Кроме того, нужно учитывать такую специфическую особенность сферы технологий и инноваций, что **на практике результаты НИОКР не обязательно прямо отражают способность страны генерировать технологические инновации.**

Развитие высокотехнологичных отраслей в странах Восточной Азии. Япония и Южная Корея в технологической гонке «больших» держав

Итак, меньшие расходы на НИОКР, чем у США, не снижают накала инновационной гонки двух стран. Внешние обстоятельства и тренды этому в немалой степени способствуют. На рис. 1 представлена диаграмма, показывающая прирост экспорта телекоммуникационных, компьютерных и инфор-

мационных услуг в 2021 г. по сравнению с предыдущими годами. Эти отрасли, широко опирающиеся на информационные технологии, важны в информационной экономике и стали одним из новейших факторов развития и, производительной силой.

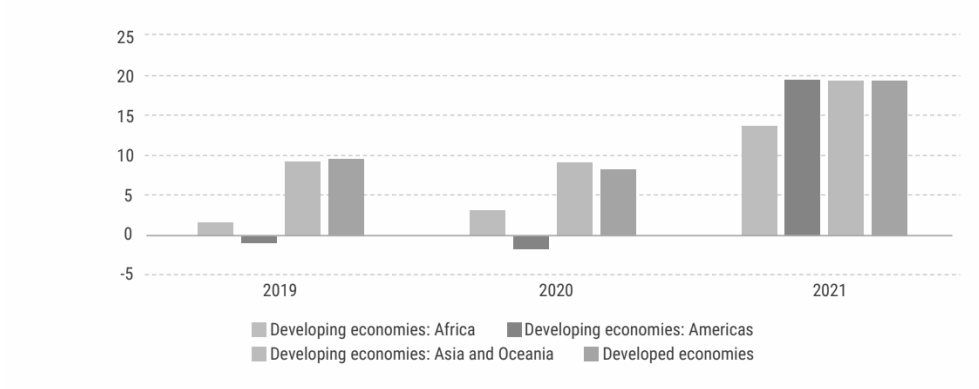

Рис. 1. Рост экспорта телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг, по группам стран, 2019–2021 гг., %

Источник: [Handbook of Statistics 2022, p. 39]

Диаграммы, представленные на рис. 1, показывают, что развитые страны, а также развивающиеся экономики Азии и Океании стабильно наращивают экспорт услуг, основанный на использовании передовых, высокотехнологичных продуктов и решений. К 2022 г. объемы их экспорта заметно возросли, а ранее отставшие развивающиеся страны Африки и Южной Америки также приступили к наращиванию подобного экспорта.

Статистические данные, представленные в таблице 2, показывают, что лидерами по получению «роялти» являются европейские страны, тогда как на государства Восточной и Юго-Восточной Азии приходится примерно 18,3% выплат за использование различных объектов интеллектуальной собственности (например, патентов, торговых марок, авторских прав, т.е. объекты авторского права и смежных прав и объекты промышленной собственности). При этом, без учета вклада КНР, удельный вес всех прочих развивающихся государств мира в суммарных выплатах за использование объектов интеллектуальной собственности, в целом, невелики – примерно 5,2%. Следует отметить, что группа «развивающиеся страны (без учета КНР)» в таблице 2 примечательна не только интересными статистическими данными, но также самой формулировкой, которая показывает, что глобальные международные организации, такие как ООН, в конце 2022 г. все еще рассматривали Китай как развивающуюся, а не уже развитую экономику.

Таблица 2

Экспорт высокотехнологичных услуг по группам стран и регионам, 2021 г., млн долл.

Группы стран / регионы	*Выплаты за использование интеллектуальной собственности*	*Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги*
Всего	452 082	896 418
Северная Америка	133 149	72 889
Латинская Америка и Карибский бассейн	1263	12 865
Европа	223 462	525 374
Западная и северная Африка	7557	48 514
Африка южнее Сахары	299	3667
Центральная и южная Азия	949	87 128
Восточная и Юго-Восточная Азия	83 028	140 385
Океания	2375	5595
Развивающиеся страны (без учета КНР)	23 598	168 437

Источник: [Handbook of Statistics 2022, p. 41]

По итогам проведенного анализа доли расходов на НИОКР в ВВП разных стран мира, логичным представляется вопрос, почему острая конкуренция за инновационное лидерство сегодня разворачивается между США и Китаем, а не, например, США и Южной Кореей или Китаем и Южной Кореей, учитывая что последняя лидирует по этому показателю (см. табл. 1) и, очевидно, большое значение придает инновационному развитию и достижению лидерства в этой области. Южная Корея действительно много вкладывает в свое инновационное развитие. Однако ее объем ВВП много меньше американского и китайского, а значит и абсолютное значение показателя расходов Южной Кореи на НИОКР будет в разы меньше, чем у этих стран. Так, если ВВП Южной Кореи в 2020 г. составлял примерно 1,6 трлн долл., то на НИОКР, исходя из удельного веса вложений в эту область, было выделено 78,7 млрд долл. Китай же направил в развитие НИОКР порядка 357 млрд долл., США – 726 млрд долл. ВВП Японии превышает южнокорейский (около 5 трлн долл. в 2020 г.), соответственно расходы на НИОКР составили около 164 млрд долл. Очевидно, что с точки зрения объемов вложения в науку и инновации другие мировые лидеры – и Япония, и Южная Корея сильно уступают объемам инвестиций в США и Китае. Однако не только масштабы вложений определяют ход конкуренции. В данном случае, не менее важен качественный аспект технологического развития.

Будущее конкуренции США и Китая уже сейчас концентрируется и будет концентрироваться дальше на сфере высоких технологий, а именно – в области искусственного интеллекта, технологий хранения больших объемов данных, космических технологий, биотехнологий, роботостроения. В высокотехнологичных отраслях конкуренция и сотрудничество США, Китая, Южной Кореи и Японии носит сложный и подчас сложнопредсказуемый характер. Рассмотрим это на примере производства таких востребованных во всем мире продуктов, как чипы (полупроводники). Южная Корея весьма сильна в этом направлении и занимает на мировом рынке нишу одного из ключевых производителей полупроводников. На американский рынок поставляется порядка 7,7% всего южнокорейского экспорта чипов. Не слишком много с точки зрения масштабов торговли. Однако накопленный потенциал Южной Кореи в этой сфере важен для США с точки зрения возможностей стратегического сдерживания роста экспортного потенциала в ней КНР. Южнокорейский бизнес все больше ощущает конкуренцию со стороны китайских компаний, так как Китай активно стремится наверстать упущенное в производстве полупроводников за счет огромных государственных инвестиций. Компании Южной Кореи завоевали этот рынок значительно раньше. Такие корпорации, как Samsung Electronics, LG, SK Hynix еще с 1980-х годов оттачивают и совершенствуют техники производства микросхем памяти, полупроводников и сохраняют высокую планку конкурентоспособности на международном уровне. При намечающейся конкуренции в области производства интегральных схем, в самом Китае южнокорейские чипы тоже востребованы – именно на китайский рынок, а также в Гонконг, направляется до 60% южнокорейского экспорта чипов [Country Economy 2020]. Китай вообще с 2003 г. является основным торговым партнером Южной Кореи, и, в целом, страна остается сильно зависимой от экспорта, который обеспечивает до 70% ее ВВП. Поэтому для южнокорейских компаний в настоящее время китайский рынок – это важнейший источник доходов от зарубежных продаж полупроводников, с одной стороны, но одновременно страна может быть заинтересована в поддержании американских усилий по сдерживанию Китая в этом направлении для ограничения конкуренции. В Пекине между тем конкурентом, которого необходимо сдерживать, считают не Южную Корею, а США. В частности, Китай в мае 2023 г. ввел ограничения на закупки продукции компании Micron Technology, крупнейшего американского производителя чипов памяти, четверть доходов которого в 2022 г. была обеспечена за счет торговли именно с Китаем и Гонконгом. Прямым выгодополучателем от этого может стать именно Южная Корея. Китай, скорее всего, попытается заменить продукцию Micron аналогичными чипами южнокорейских компаний Samsung и SK Hynix, что автоматически увеличит их продажи. С другой стороны, власти США, предвидя такое развитие событий, уже кулуарно обращались к правительству Южной Кореи

с просьбой не увеличивать экспорт продукции Samsung и SK Hynix на китайский рынок в случае запрета американской Micron продавать свои чипы [Seong-ho Sheen, Mireya Solis 2023].

В свете неуклонно нарастающего напряжения в сфере торговли высокотехнологичными инновационными товарами между США и Китаем, в Южной Корее заострили внимание на поиске верной трактовки визиту китайского лидера Си Цзиньпина весной 2023 г. на завод LG Display в китайском городе Гуанчжоу. С одной стороны, корейские производители дисплеев стали выражать опасение, не подразумевает ли этот редкий визит высокого гостя намерение Китая втянуть южнокорейскую сторону в разворачивающееся техно-противостояние с Америкой. Некоторые склонялись к тому, что символический смысл посещения заключался в предостережении Южной Корее не вздумать присоединяться к волнам «декаплинга» в адрес Китая, которые инициируют Соединенные Штаты в последнее время [Financial Times 2023]. Почему именно корейские компании решил предостеречь председатель Си? – вероятно, это обусловлено стратегически важной ролью южнокорейских корпораций в значимых для Китая, да и всего мира, инновационных сферах производства – от полупроводников и аккумуляторов для автомобилей до сферы биотехнологии и телекоммуникаций – южнокорейский компании везде добились заметных успехов. Их продукция зачастую имеет немаловажное значение для успешной реализации промышленной политики как Китая, так и США. Так или иначе, но самое очевидное и незамысловатое объяснение, почему китайский лидер посетил южнокорейский завод в Китае, заключается в том, чтобы дать зарубежным партнерам сигнал: Китай все еще заинтересован в получении иностранных инвестиций и локализации высокотехнологичного производства.

Заключение

В современном информационном обществе, на фоне разворачивающейся промышленной революции 4.0 международное сотрудничество в области науки, технологий и инноваций имеет краеугольно важное значение и постоянно углубляется, расширяется, диверсифицируется. В условиях глобальной конкуренции и неравномерного распределения ресурсов между разными странами и регионами мира, реализация крупных инновационных проектов по разработке и выпуску высокотехнологичной продукции является фактором, напрямую определяющим набор конкурентных преимуществ отдельных компаний, отраслей, целых стран. Поэтому развитие международного технологического и инновационного сотрудничества становится одним из приоритетных направлений государственной политики многих государств, в том числе стран Восточной Азии. Китай, Южная Корея, Япония, ряд стран

АСЕАН (Сингапур, Малайзия) достигли значительных успехов в технологической и инновационной политике. Если до первой декады XXI в. технологическими лидерами глобального значения в регионе были Япония и Южная Корея, то сейчас их уверенно обходит Китай на фоне своего динамичного экономического, промышленного и научно-технического развития. В свою очередь, на мировой арене в настоящее время разворачивается острая конкурентная борьба за гегемонию в сфере технологий и инноваций между Пекином и Вашингтоном. Штаты предпринимают усилия проводить международные кампании «декаплинга» в области промышленного и экономического сотрудничества, направленные против КНР. В этом контексте логично обращение США к Южной Корее и Японии как своим близким внешнеполитическим и экономическим союзникам в Восточной Азии присоединиться к антикитайской кампании. Однако для многих японских и южнокорейских компаний, производящих высокотехнологичную продукцию (например, интегральные схемы, полупроводники), Китай стал крупнейшим рынком сбыта, сотрудничество с которым приносит большой доход, и отказываться от этого страны не готовы. По этой причине Япония, Южная Корея, ряд стран АСЕАН предпочитают пока придерживаться политики лавирования между интересами США и Китая в области технологического сотрудничества, при этом стараясь удерживать свои ниши в международном высокотехнологичном бизнесе.

Библиография

Как США вели торговую войну с Японией // Коммерсантъ. 17.08.2019. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4047539?ysclid=lk157a8dcv184267445 (дата обращения: 01.07.2023).

Мищенко Я.В. Технологическое лидерство как ключевой фактор конкурентоспособности Японии на энергетических рынках АТР // Международная экономика. 2012. № 10. С. 25–41.

Молева М.М., Баранов В.В., Чжао К. Зоны развития новых и высоких технологий в стратегии формирования инновационной инфраструктуры китайской экономики // Индустриальная экономика. 2022. Т. 1. № 5. С. 66–73.

Николаева И.П. Мировая экономика. М.: Юнити, 2006. 510 с.

Поляков В.В., Щенин Р.К. Мировая экономика и международный бизнес. М.: КноРус, 2010. 280 с.

Тарасов И.В. Индустрия 4.0: понятие, концепции, тенденции развития // Стратегии бизнеса. 2018. № 6 (50). С. 57–63.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.138 с.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.

China GDP // Country Economy.com. URL: https://countryeconomy.com/gdp/china?year=2020 (дата обращения: 05.09.2023).

China leading US in technology race in all but a few fields, thinktank finds // The Guardian. 02.03.2023. URL: https://www.theguardian.com/world/2023/mar/02/china-leading-us-in-technology-race-in-all-but-a-few-fields-thinktank-finds (дата обращения: 13.09.2023).

China's tech dominance more myth than reality // Asia Times, 24.04.2023. URL: https://asiatimes.com/2023/04/chinas-tech-dominance-more-myth-than-reality/ (дата обращения: 12.09.2023).

Ebner A. Development Strategies and Innovation Policies in Globalisation: The Case of Singapore // Innovation, Learning and Technological Dynamism of Developing Countries. Tokyo: United Nations University Press. 2004. P. 48–76.

Handbook of Statistics 2022 // Geneva: United Nations, 2022, URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdstat47_en.pdf (дата обращения: 10.09.2023).

Mahmoud S.M., Hoda M. Malaysia's Vision 2020 and the Role of leadership in Economic Development // Asian Social Science. 2017. Vol. 13. № 8. P. 49–58.

Research and development expenditure // The World Bank. 2022. URL: https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS (дата обращения: 01.09.2023).

S. Azizan Strengthening Malaysia's Scientific and Technological Development through Human Capital Development // Procedia – Social and Behavoiral Sciences. 2013. V. 91. P. 648–653.

Sheen S., Solis M. How South Korea sees technology competition with China and export controls // The Brookings Institution. 17.05.2023. URL: https://www.brookings.edu/articles/how-south-korea-sees-technology-competition-with-china-and-export-controls/ (дата обращения: 03.09.2023).

South Korea GDP // Country Economy.com. URL: https://countryeconomy.com/gdp/south-korea?year=2020 (дата обращения: 05.09.2023).

Tech cold war: South Korea pivots from China to US // Financial Times. 01.08.2023. URL: https://www.ft.com/content/c164c880-a832-422f-8fb4-29b2185d4982 (дата обращения: 10.09.2023).

USA GDP // Country Economy.com. URL: https://countryeconomy.com/gdp/usa?year=2020 (дата обращения: 05.09.2023).

Zeng D.Z. China's Special Economic Zones and Industrial Clusters: Success and Challenges. Lincoln Institute of Land Policy. Working Paper. 2012. 44 p.

References

China GDP. Country Economy.com. URL: https://countryeconomy.com/gdp/china?year=2020 (date of access: 05.09.2023).

China leading US in technology race in all but a few fields, thinktank finds // The Guardian. 02.03.2023. URL: https://www.theguardian.com/world/2023/mar/02/china-leading-us-in-technology-race-in-all-but-a-few-fields-thinktank-finds (date of access: 13.09.2023).

China's tech dominance more myth than reality. Asia Times. 24.04.2023. URL: https://asiatimes.com/2023/04/chinas-tech-dominance-more-myth-than-reality/ (date of access: 12.09.2023).

Ebner A. Development Strategies and Innovation Policies in Globalisation: The Case of Singapore. Innovation, Learning and Technological Dynamism of Developing Countries. Tokyo: United Nations University Press, 2004. P. 48–76.

Handbook of Statistics 2022. Geneva: United Nations, 2022. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdstat47_en.pdf (date of access: 10.09.2023).

Kak SShA veli torgovuju vojnu s Japoniej [How the U.S. fought a trade war with Japan]. Kommersant, 17.08.2019. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4047539?ysclid=lk157a8dcv184267445 (date of access: 01.07.2023). (In Russ.)

Mahmoud S.M., Hoda M. Malaysia's Vision 2020 and the Role of leadership in Economic Development. Asian Social Science. 2017. Vol. 13. N 8. P. 49–58.

Mishchenko Ya.V. Technologicheskoe liderstvo kak kluchevoj faktor konkurentosposobnosti Yaponii na energeticheskih rynkah ATR [Technological leadership as a key factor of Japan's competitiveness in the Asia-Pacific energy markets]. Mezhdunarodnaya ekonomika [International Economy]. 2012. N 10. P. 25–41. (In Russ.)

Moleva M.M., Baranov V.V., Zhao Kai. Zony razvitiya novyh i visokih tehnologij v strategii gormirovaniya innovacionnoj infrastruktury kitaiskoj ekonomiki [Zones of development of new and

high technologies in the strategy of forming the innovation infrastructure of the Chinese economy]. Industrialnaya ekonomika [Industrial Economy]. 2022. N 5. Vol. 1. P. 66–73. (In Russ.)

Nikolaeva I.P. Miravaya ekonomika [World Economy], Moscow: Unity publishing. 2006. 510 p. (In Russ.)

Polyakov V.V., Shenin R.K. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnij biznes [World economy and international business]. Moscow: KnoRus, 2020. 280 p. (In Russ.)

Research and development expenditure. The World Bank. 24.10.2022. URL: https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS (date of access: 01.09.2023).

S. Azizan Strengthening Malaysia's Scientific and Technological Development through Human Capital Development. Procedia – Social and Behavoiral Sciences. 2013. Vol. 91. P. 648–653.

Schumpeter J.A. Kapitalizm, socializm i demokratiya [Capitalism, socialism and democracy]. Moscow: Ekonomika Publ. 1995. 540 p. (In Russ.)

Schwab K. Chetvertaya promyshlennaya revoluciya [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Eksmo Publishing. 2016. 138 p. (In Russ.)

Sheen S., Solis M. How South Korea sees technology competition with China and export controls. The Brookings Institution, 17.05.2023. URL: https://www.brookings.edu/articles/how-south-korea-sees-technology-competition-with-china-and-export-controls/ (date of access: 03.09.2023).

South Korea GDP. Country Economy.com. URL: https://countryeconomy.com/gdp/south-korea?year=2020 (date of access: 05.09.2023).

Tarasov I.V. Undustriya 4.0: ponyatie, koncepcii, tendencii razvitiya [Industry 4.0: Concept and Development]. Strategii Biznesa [Business Strategies]. 2018. N 6 (50). P. 57–63. (In Russ.)

Tech cold war: South Korea pivots from China to US. Financial Times, 01.08.2023. URL: https://www.ft.com/content/c164c880-a832-422f-8fb4-29b2185d4982 (date of access: 10.09.2023).

USA GDP. Country Economy.com. URL: https://countryeconomy.com/gdp/usa?year=2020 (date of access: 05.09.2023).

Zeng D.Z. China's Special Economic Zones and Industrial Clusters: Success and Challenges. Lincoln Institute of Land Policy. Working Paper. 2012. 44 p.

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.05

Цянь Цяньжон

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАЦИИ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ (2011–2021)

Аннотация. *Актуальность темы исследования заключается в том, что на сегодняшний день отношения Китая и России включают в себя обширную систему связей в различных сферах: торгово-экономической, инвестиционной, культурной, функционирования международных организаций и др. Автор поставил перед собой цель изучить фундаментальные особенности миграционных процессов из Китая на российский Дальний Восток с учетом имеющейся культурной, социальной и экономической специфики. Исследование строится на применение таких общенаучных методов как анализ, синтез, обобщение с применением системного исследовательского подхода, а также контент-анализа зарубежных (в первую очередь китайских) и российских источников (научные публикации, СМИ, правовые документы). В статье собраны и анализируются официальные статистические данные о трансграничных мигрантах России и Китая с 2011 по 2021 г. В результате исследования удалось выявить характерные особенности трансграничной миграции между двумя странами: несмотря на значительную численность населения обеих стран (хотя и с большим разрывом в показателях) число трансграничных иммигрантов между Китаем и Россией невелико. С 2012 г. число двусторонних иммигрантов между Китаем и Россией растет и демонстрирует высокую стабильную тенденцию роста. В 2015, 2016, 2018 и 2020 гг. число иммигрантов из Китая в Россию значительно превысило число мигрантов из России в Китай, при этом россияне все чаще рассматривают Китай как приоритетное направление для международной иммиграции. Анализ причин и объемов трансграничных потоков между Китаем и Россией, факторов сложившейся к настоящему моменту международной ситуации, иммиграционной политики России, политического и экономического положения Китая и России, а также культурных традиций убедительно доказывают, что «теория китайской иммиграционной угрозы», продвигаемая некоторыми российскими ультранационалистами, не имеет под собой реальных оснований.*

Ключевые слова: *Китайская иммиграция; транснациональная миграция; трансграничная иммиграционная деятельность; иностранная иммиграция; Российская Федерация; Китай.*

**Цянь Цяньжон – аспирант, факультет государственного управления,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
Россия, Москва.
E-mail: qianqianrong777@gmail.com**

Qian Qianrong. Cross-border migration between China and Russia (2011–2021)

Abstract. *The relevance of the research subject lies in the fact that today's ties between China and Russia include an extensive system of relations in various spheres: trade and economic, investment, cultural, international organizations, etc. The author sets a goal of studying the fundamental features of migration processes from China to the Russian Far East, taking into account the available cultural, social and economic specifics. The research is based on the application of such general scientific methods as analysis, synthesis, generalization with the application of a systematic research approach, as well as content analysis of foreign (primarily Chinese) and Russian sources (academic publications, media, legal documents). The article collects and analyzes official statistical data on Russian and Chinese trans-border migrants from 2011 to 2021. As a result of the research the following characteristic features of cross-border migration between the two countries were revealed: despite the significant population size of both countries (although with a significant difference in indicators), the number of cross-border immigrants between China and Russia is small; since 2012, the number of bilateral immigrants between China and Russia has been growing and demonstrates a high stable growth trend. Meanwhile, in 2015, 2016, 2018, and 2020, the number of immigrants from China to Russia significantly exceeded the number of migrants from Russia to China, with Russians increasingly viewing China as a priority destination for international immigration. An analysis of the causes and volumes of cross-border flows between China and Russia, the factors of the current international environment, Russia's immigration policy, the political and economic situation of China and Russia, and cultural traditions convincingly prove that the «Chinese immigration threat theory» promoted by some Russian ultra-nationalists has no real basis in reality.*

Keywords: *Chinese immigration; transnational migration; cross-border immigration activities; foreign immigration; Russian Federation; China.*

**Qian Qianrong – postgraduate student, School of Public Administration,
Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: qianqianrong777@gmail.com**

Введение

Проблемы китайской миграции в Россию, тенденции ее развития и ее последствия для региона и России обсуждаются на страницах международных научных журналов, являются центральной темой международных исследовательских центров. Действительно, вопрос очень актуальный [Данькова, Ахметшина 2022, с. 71–74]. С конца XX в. в Российской Федерации получило

широкое распространение представление о некой «теории китайской иммиграционной угрозы», «китайской угрозе», «желтой опасности» [Веремейчик 2014]. В связи с этим некоторые ультранационалисты намеренно преувеличивали количество китайских иммигрантов в России, принижали вклад в российскую экономику китайских мигрантов, а также в целом дискредитировали их в России. Кроме ложных заявлений были распущены различные слухи, накладывающие негативный отпечаток на восприятие в России как китайских мигрантов, так и Китая в целом [Нигматуллина 2014]. Отметим, что такое происходило не только в отношении китайских мигрантов, но в целом касалось иностранных граждан, пребывающих в России. В российский государственный праздник «День народного единства» (4 ноября) в 2013 г. некоторые националисты провели марши и собрания по всей России, скандируя такие лозунги, как «Россия для русских». Это отражало настроения части российского общества, подверженной настроениям этноцентризма, т.е. позиции против представителей любых иных национальностей, кроме русских. Несмотря на то, что сегодня отношение к китайским мигрантам видится более спокойным (особенно на фоне преобладающих в иммиграционном потоке мигрантов из стран Центральной Азии, которые «перетягивают» основные дискуссии в политическом и общественном дискурсе на себя), тема «китайской угрозы» в российско-китайских отношениях периодически снова оказывается в центре внимания.

Трансграничное сотрудничество является важным фактором регионального развития многих стран мира. В настоящее время китайско-российские отношения основаны на тесном экономико-политическом сотрудничестве [Понкратова 2019]. Разумеется, Россия является правовым государством и поэтому обеспечивает защиту законных прав и интересов иммигрантов в различных областях, стремясь эффективно использовать международные иммиграционные ресурсы и способствовать социально-экономическому развитию страны. Для стратегического партнерства также важна и общественная оценка этих отношений. Если взаимодействие Китая и России будет в силу каких-либо обстоятельств некорректно оценено населением, станет вызывать негативные эмоции (в том числе по отношению к мигрантам), то это отрицательно повлияет на долгосрочное развитие китайско-российских отношений.

Численность и динамика трансграничной миграции. По сравнению с иммигрантами из других стран в России количество китайцев в общем миграционном потоке не имеет численного преимущества. При этом мы видим, что динамика миграции из Китая в Россию положительная, число китайских мигрантов растет: если в 2015 г. в Россию прибыли 1 012 678 мигрантов из Китая, то в 2019 г. эта цифра возросла до 1 807 001 [Дун Чжожань 2019]. Несмотря на то, что численные показатели китайской иммиграции не самые большие по сравнению, например, с показателями выходцев из стран Цен-

тральной Азии, внимание к китайской общине в России остается высоким. Основной причиной является низкая осведомленность друг о друге среди жителей двух стран. В связи с этим важным становится изучение процессов развития китайского населения (китайской общины) в России и научная оценка значения китайской иммиграции для российского государства и общества [焦玓璠 (Цзяо Юйфань) 2017].

Если говорить о стремящихся связать свою жизнь прочно и навсегда с Россией китайцах, претендующих на гражданство, то статистика показывает значительное падение их числа. Согласно переписи населения 2020 г., российскими гражданами являлись 10,2 тыс. человек с китайскими корнями. По сравнению с переписью 2010 г. число российских китайцев сократилось на 18,1 тыс. человек (с 28,3 тыс.). т.е. за последние десятилетие их число значительно уменьшилось. Исходя из данных МВД, гражданство РФ с 2017 до середины 2019 г. получили всего 196 граждан КНР.

Рассмотрим более подробно динамику изменений миграции из Китая в Россию. В начале 1990-х годов с распадом Советского Союза независимая Россия немедленно провела политические реформы и экономическую либерализацию, активизировался обмен кадрами между Китаем и Россией. Согласно статистике, с 1988 по 1993 г. среднегодовое число людей, въезжающих через китайско-российскую границу и выезжающих через нее, выросло с 6233 до 373 930 человек, увеличившись таким образом почти в 60 раз. В начале XXI в. трансграничная иммиграция в Россию находилась в относительно стабильном состоянии, и число иммигрантов, въезжающих в Россию, было относительно небольшим. Однако с 2011 г. иммиграция в Россию снова стала чрезвычайно активной, и число транснациональных иммигрантов, въезжающих на российскую территорию, резко возросло.

За десять лет (с 2011 по 2021 г.) Россия приняла в общей сложности 6 126 763 трансграничных мигрантов со всего мира. Среди них число мигрантов из Китая составило 95 753 человек. В относительных показателях это значит, что, за исключением 2012 и 2019 гг., доля китайских мигрантов составила 2,05% и 2,18% соответственно, в другие годы их было менее 2%. В оставшиеся восемь лет на один год (2021) приходилось не более 1%, а на остальные семь лет (2011, 2013–2018, 2020) приходилось от 1% до 2% (см. табл. 1). При этом численность людей, иммигрировавших из России в Китай, составила 2,34% от населения, иммигрировавшего из России (см. рис. 1).

Рисунок 1 показывает, что доля китайских мигрантов незначительна, а ежегодная тенденция изменения численности китайских мигрантов в Россию в основном совпадает с ежегодной тенденцией изменения численности всего количества принимаемых иностранных мигрантов в России.

Таблица 1

Китайская миграция в общем иммиграционном потоке в Россию (2011–2021) (человек). [Число прибывших]

Год	*Общее число иммигрантов в Россию*	*Общее число иммигрантов из Китая в Россию*	*Пропорция*
2011	356 535	7063	1,98
2012	417 681	8547	2,05
2013	482 241	8149	1,69
2014	578 511	10 561	1,83
2015	598 617	9043	1,51
2016	575 158	8027	1,40
2017	589 033	8237	1,40
2018	565 685	7067	1,25
2019	701 234	15 306	2,18
2020	594 146	7270	1,22
2021	667 922	6465	0,97

Рис. 1. Сравнение количества китайских мигрантов в России и общего числа мигрантов в Россию (2011–2021 гг., человек).

Составлен на основе таблицы 1.

При сборе и анализе данных о трансграничной миграции между Китаем и Россией еще одна информация, на которую стоит обратить внимание и изучить, – это процентная доля российских мигрантов в Китае в процентах от российских мигрантов за рубежом. За десять лет, с 2011 по 2021 г., общее число россиян, иммигрировавших за рубеж, составило 3 280 634 человека, из которых 76 679 иммигрировали в Китай, что составило 2,34% от общего объема иммиграции из России за рубеж.

Можно заметить, что в 2021 г. численность мигрантов, направляющихся в Китай, значительно сократилась, и это самое значительное изменение за весь рассматриваемый период. Для семи лет из рассматриваемого периода эта цифра составляла от 100 000 до 500 000 человек. Эти статистические данные наглядно показывают, что с 2011 г. доля людей, которые выбирают Китай в качестве направления для иммиграции, постоянно увеличивается. В 2020 г. численность мигрировавших в Китай достигла приблизительно 12 000 человек. Впоследствии (в 2021 г.) из-за пандемии новой коронавирусной инфекции различные страны, в том числе и Китай, ужесточили свою миграционную политику, и только 2217 человек въехали в КНР (см. табл. 2 и рис. 2).

Таблица 2

Статистическая таблица годовой доли числа российских мигрантов в Китае и общего числа мигрантов за рубежом (2011–2021 гг., человек). [Число выбывших]

Год	*Число уехавших из России всего*	*Число уехавших в Китай*
2011	36 774	507
2012	122 751	4358
2013	186 382	7527
2014	308 475	8606
2015	353 233	9821
2016	313 210	8837
2017	377 155	7600
2018	440 831	7544
2019	416 131	8627
2020	487 672	11 035
2021	238 020	2217

Рис. 2. Сравнительная диаграмма числа россиян, иммигрировавших в Китай, и общего числа россиян, иммигрировавших за границу (2012, 2015, 2019, 2021 гг.).

Составлен на основе таблицы 2.

Сводные данные за рассматриваемый период представлены в таблице 3.

Таблица 3

Ежегодные статистические данные о транснациональной иммиграции между Российской Федерацией и Китаем (2011–2021 гг., человек)

Год	*Из Китая в Россию*	*Из России в Китай*	*Разница*
2011	7063	507	6556
2012	8547	4358	4189
2013	8149	7527	622
2014	10 561	8606	1955
2015	9043	9821	-778
2016	8027	8837	-810
2017	8237	7600	637
2018	7067	7544	-477
2019	15 306	8627	6679
2020	7270	11 035	-3765
2021	6465	2217	4248
ИТОГО	95 735	76 679	19 056

Составлено на основе таблиц 1 и 2.

Данные о транснациональной иммиграции между Китаем и Россией, приведенные в таблице 3, показывают следующие отличительные характеристики.

Прежде всего обращает на себя внимание разница в объемах миграционного потока между двумя странами. С 2011 по 2021 г. число китайских мигрантов в Россию составило 95 735, число российских мигрантов в Китай составило 76 679. Разница в количестве трансграничных мигрантов между Китаем и Россией составляет всего 19 056 человек. Отметим, что 76 679 человек – не слишком большая величина для такой страны, как Китай, с общим населением 1,4 млрд человек. Для России же, население которой составляет всего одну десятую населения Китая, эта цифра имеет уже другой «вес». Такая же разница имеется в значении объемов мигрантов из Китая в Россию: 95,8 тыс. человек для КНР не является существенным количеством, а для России это население, например, одного малого города.

Во-вторых, трансграничная иммиграционная деятельность между Китаем и Россией весьма активна (см. рис. 3).

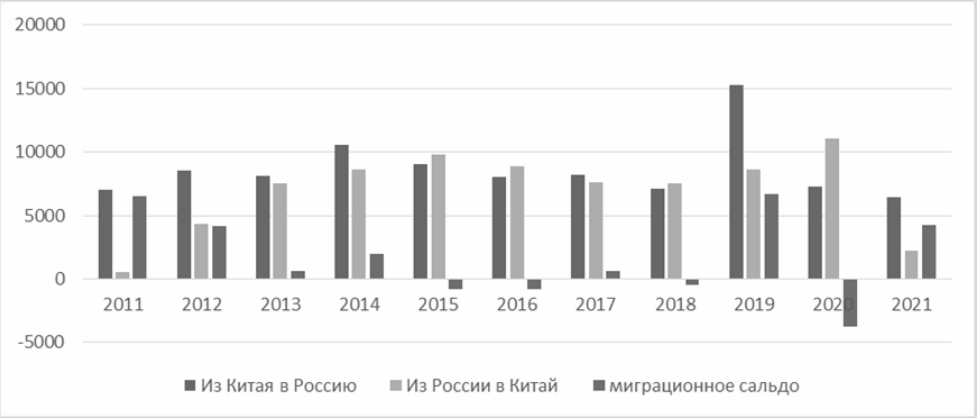

Рис. 3. Статистическая диаграмма данных о транснациональной иммиграции между Российской Федерацией и Китаем (2011–2021).

Составлен на основе таблицы 3.

Диаграмма наглядно показывает:

a. Волны миграции, продемонстрированные на рис. 3, в большинстве случаев «параллельны»: когда происходит рост иммиграции в Россию, тогда и рост иммиграции в Китай. Также, когда спад со стороны КНР, тогда как правило спад со стороны РФ.

b. Исходя из тенденций последних лет, у нас есть основания прогнозировать, что в будущем Китай с его политической стабильностью, дальнейшим

укреплением экономической мощи и улучшением инвестиционной и предпринимательской среды привлечет больше мигрантов-россиян.

Факторы формирования миграции между Китаем и Россией. Формирование тенденций транснациональной миграции между Китаем и Россией имеет глубокие политические, экономические, культурные и другие причины.

1. Политические причины.

Распад Советского Союза стал самой серьезной геополитической катастрофой в мире в XX в. В 1990-е годы, в начале обретения независимости, Россия вступила в период социальных потрясений и изменчивости с резким экономическим спадом и социальным хаосом, которые оказали огромное влияние на жизнь народов, населяющих Россию. В российском политическом поле произошли глубокие изменения. Политическая система советского периода была полностью сломана, внутренние социально-экономические условия внезапно изменились, и привычный социальный порядок был разрушен. В это время граждане России стремились к жизни за границей и в больших количествах иммигрировали, образовав волну эмиграции, включая иммиграцию в Китай. К началу XXI в. политическая ситуация в России постепенно стабилизировалась, а трансграничные миграционные процессы были относительно спокойными. Однако с 2011 г. трансграничная миграция между Китаем и Россией снова активизировалась. Это было связано с изменениями в международной ситуации: Россия подверглась санкциям со стороны Запада, уровень жизни внутри страны снизился, и трансграничная иммиграция в Китай снова стала привлекательной для россиян. После вхождения Крыма в состав России в 2014 г. Соединенные Штаты Америки и Европейский союз усилили санкции против России, что нанесло определенный ущерб российской экономике, еще больше поспособствовав усилению иммиграции в Китай.

В 2019 г., в 70-ю годовщину установления дипломатических отношений между Китаем и Россией, председатель Си Цзиньпин вновь посетил Россию. В этот приезд было официально объявлено о новом витке развития стратегического партнерства и подписано совместное заявление о развитии отношений партнерства и стратегического в новую эпоху [Совместное соглашение 2019].

Отметим, что в связи с недружественными действиями администрации США в отношении Китая и России, эскалацией санкций и довольно сдержанными их ответными действиями, постоянно возникают спекуляции о возможном союзе между двумя оппонентами Америки на мировой арене. В конце 2019 г. и в октябре 2020 г. президент России В.В. Путин провел встречу с журналистами и дважды заявил, что не исключает возможности формирования Россией и Китаем военно-политического альянса в какой-то момент в будущем. Лидеры двух стран неоднократно достигали консенсуса о совместном противодействии гегемонистским действиям властей США [Лузянин 2020]. Отметим, что подобные контакты в некоторой степени влияют на

трансграничную миграцию, вселяя в граждан обеих стран уверенность в намерениях стратегического партнерства двух государств, возможностях реализации совместных проектов развития, потенциале сотрудничества не только в политической, но и в экономической сферах.

2. Экономические причины.

В начале независимости РФ экономическая система довольно резко сменилась с плановой экономики на рыночную. Ряд убыточных компаний в стране закрылись и ликвидировались, число безработных значительно увеличилось, объем производства и предложения были недостаточными, а уровень и качество жизни людей резко снизились. Многие люди в сложившейся нестабильной или даже стабильно «угнетающей» экономической ситуации иммигрировали за границу в поисках лучшей жизни [冯春萍 (Фэн Чуньпин) 2005]. Отметим, что сложная экономическая ситуация и ухудшение условий жизни являются наиболее распространенной причиной миграции населения во всем мире.

Потоки мигрантов из КНР обеспечивают большую сбалансированность на региональных рынках труда и содействуют решению ряда острых проблем на потребительском рынке России. Китайская миграция может стать важным элементом решения долгосрочных проблем социально-экономического развития Российской Федерации, особенно в условиях предстоящего резкого уменьшения трудового потенциала страны. Для населения позитивные экономические последствия миграции и занятости граждан КНР в России связаны с насыщением рынка дешевыми и нужными товарами и услугами [Попхадзе, Гермашева 2022].

До 2014 г. Китай представил новую стратегическую программу по возрождению Великого шёлкового пути «Один пояс – один путь». Эта программа направлена на развитие инфраструктуры и ускорение экономической интеграции стран, расположенных вдоль маршрута исторического Шелкового пути из Азии в Европу. В инициативе задействована 71 страна, а с 2013 по 2021 г. проектные инвестиции Китая в реализацию программы составили 890 млрд долл. Из этой суммы 40,2% были инвестированы в энергетические проекты, например в строительство электростанций и нефтепроводов, 22,8% – в развитие транспортной инфраструктуры [Романович 2022]. Россия является одним из участников этого широкомасштабного проекта, что укрепляет её транспортное сотрудничество с Китаем (в частности, большое значение имеет открытие в 2022 г. железнодорожного и автомобильного мостов, соединяющих две страны).

Продолжающийся рост цен, а также многочисленные раунды антироссийских санкций со стороны Соединенных Штатов и Европы, вызванные вхождением Крыма в состав России в 2014 г., заставили российскую экономику столкнуться со многими трудностями [高际香 (Гао Цзисян) 2015].

Эскалация экономических санкций ухудшила состояние экономики страны, затронув финансовую, нефтяную, военную и другие сферы. 24 ноября 2014 г. министр финансов РФ заявил на Международном финансово-экономическом форуме, что из-за воздействия геополитических санкций Россия теряет 40 млрд долл. в год. Из-за падения цен на нефть на 30% Россия теряет еще от 90 до 100 млрд долл. в год [Министр финансов 2014].

По сравнению с российским состояние экономики Китая в этот же период можно охарактеризовать как противоположное: экономические реформы страны за последние четыре десятилетия принесли свои результаты. Постоянное улучшение ситуации в области экономического развития, низкие цены и расширение возможностей трудоустройства привлекли многих россиян в Китай. Напротив, многие китайцы провели рациональный анализ и оценку экономической ситуации в России и не стремятся иммигрировать в Россию. В 2015 г., как было показано в предыдущем разделе, произошел исторический сдвиг в китайско-российских трансграничных миграционных потоках: количество людей, въезжающих в Китай из России, обогнало количество людей, въезжающих в Россию из Китая.

Заметную роль в миграционном обмене играет многолетнее партнерство России и Китая на государственном уровне. Китайская миграция может стать важным элементом решения долгосрочных проблем социально-экономического развития Российской Федерации, особенно в условиях предстоящего резкого уменьшения трудового потенциала страны [Попхадзе, Гермашева 2022]. Как заявил агентству ТАСС посол Китая в России Джан Ханьхуэй, сотрудничество двух стран «стремительными темпами» развивается в сельском хозяйстве, финансах, науке и технике, электронной коммерции, а в перспективе планируются крупные проекты в сферах энергетики, авиации, космонавтики, транспорта и коммуникаций [Посол Китая 2023].

Довольно заметно и присутствие в России китайского бизнеса. Ссылаясь на данные системы СПАРК, сотрудники Института Дальнего Востока РАН и Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ утверждают, что к февралю 2018 г. в стране было зарегистрировано 5867 компаний, среди владельцев которых значились физические и юридические лица из Китая. По словам экспертов, это лишь часть картины, поскольку «крупный китайский бизнес приходит в нашу страну, как правило, через юрисдикции третьих стран». Больше всего, по их оценкам, юрлиц с китайским участием зарегистрировано в Москве, Приморье, Санкт-Петербурге и Амурской области. Китайский бизнес представлен в 696 различных видах деятельности [Гвасалия 2019].

По данным опроса компании EY, китайцев в России привлекает объем внутреннего рынка и природные ресурсы. При этом стоимость трудовых ресурсов, налоговая и законодательная база их не устраивают. Среди работаю-

щих в России китайских компаний только 11% считают привлекательной стоимость трудовых ресурсов, а 26% говорят о том, что она крайне неконкурентная [Лаптева 2023].

Зато, как показало исследование информационно-аналитического агентства «Восток России», рабочая сила из Китая, например на Дальнем Востоке, стоит дешевле. Результаты анализа статистики Минтруда, который провели в агентстве, продемонстрировали, что китайцев среди привлекаемых по квотам иностранных сотрудников там больше, чем остальных (в расчет не брались выходцы из стран СНГ, которые не квотируются). В частности, в 2019 г. Минтруд выдал на граждан Китая на Дальнем Востоке больше половины (51%) всех выданных в этом регионе квот, однако абсолютные цифры относительно скромные – 27,8 тыс. человек. В целом по РФ на конец первого полугодия 2019 г. действующее разрешение на работу имели 39,8 тыс. китайцев. Срок действия подобных документов обычно ограничивается несколькими месяцами [Лаптева 2023].

3. Особенности миграционной политики России.

В первые десять лет XXI в. российское правительство последовательно внедряло новые демографические и миграционные стратегии развития страны и общества, такие как: «Концепция демографического развития Российской Федерации до 2015 года», «Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 года», «Семилетний план добровольного возвращения Патриотов из-за рубежа в Российскую Федерацию», «План российских детей», «Закон об иммиграции», «Закон о беженцах» и «Закон об иммиграции в принудительном порядке» и др. [由莉颖 (Ю Лийин) 2007].

Глобальная задача, стоящая перед страной, – избежать демографического кризиса, увеличить численность населения, в частности восполнить дефицит населения в трудоспособном возрасте, который в перспективе десятилетия по прогнозам экспертов будет только увеличиваться. Изменить численность населения, как известно, возможно двумя способами: путем естественного движения населения, т.е. за счет увеличения рождаемости и превышения её показателей над показателями смертности (естественного прироста) и механического движения, т.е. миграции. Поскольку даже поощряя рождаемость, вводя различные меры по её повышению и снижению смертности, достичь быстрого эффекта сложно. Поэтому в России государственная политика направлена на поддержание обоих направлений. Таким образом, поддержание иммиграции в Россию является частью политики государства.

Хотя российское законодательство в области миграции эксперты часто называют «иммиграционным», т.е. ориентированным именно на внешнюю миграцию: оно во многом способствует тому, чтобы в Россию приезжали квалифицированные специалисты: правительство всегда настаивало на том, чтобы привлекать квалифицированных профессионалов, законопослушных

специалистов из других стран, и ограничить иммиграцию низкоквалифицированных рабочих. Тем не менее некоторые аспекты остаются скорее препятствием на пути въездной миграции, в том числе из Китая [彭文进 (Пэн Вэньцзин) 2021, 第 61–65 页].

Так, в настоящее время Россия настаивает на проведении языковой оценки, оценки базовых юридических и исторических знаний для иностранных иммигрантов, которые хотят работать на территории страны. Такие требования, очевидно, слишком высоки для иностранных трудовых иммигрантов, которые планируют работать в сфере строительства, сельском хозяйстве и других отраслях, подразумевающих возможность занятости работников без высокой квалификации. Китайским иммигрантам нелегко соответствовать подобным требованиям, что в свою очередь ограничивает круг лиц, которые готовы ехать в Россию.

4. Традиции культуры.

Психологическое принятие транснациональных иммигрантов, культурная идентичность, различия в ценностях иммигрантов и принимающего общества и т.п. определяют ограничительную специфику транснациональной миграции. Различие в культурной идентичности также сформировало некоторое препятствие для трансграничной иммиграции между Китаем и Россией. Отметим, что соблюдение традиций – важная часть жизни любого китайца. Многие обычаи и ритуалы соблюдаются жителями Поднебесной уже несколько тысяч лет.

В последние годы российская политика приема мигрантов стала более ориентированной на страны СНГ с большей культурной близостью к России, что также в определенной степени снизило энтузиазм китайцев по поводу иммиграции в Россию. Как уже было отмечено, сложностью для китайских мигрантов является также и незнание русского языка.

Заключение

За последние десять лет миграционные потоки между Китаем и Россией претерпевали изменения. В целом они увеличились, однако большее значение трансграничная миграция стала иметь для России. Важным с точки зрения статистики миграционных потоков является 2015 год, когда количество мигрантов из России превысило количество мигрантов из Китая во взаимном обмене стран. Исходя из международной ситуации и текущей ситуации политического и экономического развития, а также принимая во внимание наличие стратегического партнерства между Китаем и Россией, мы можем прогнозировать, что вышеупомянутая тенденция транснациональной миграции между странами будет иметь место в течение длительного времени.

В некоторой степени китайская миграция компенсирует нехватку трудоспособного населения в России. Статистика показывает, что принятие ино-

странных мигрантов, даже временных, является эффективным ответом на демографический кризис в России [戴桂菊 (Дай Гуйцзю) 2004]. В определенной степени китайские мигранты восполнили пробел в потере собственного населения в России, однако необходимо учитывать, что китайцы, которые иммигрируют в Россию, едут не с целью получения долгосрочного вида на жительство или российского гражданства, а демонстрируют совершенно разнообразные цели приезда, такие как туризм, учеба, вступление в брак, предпринимательство и др. В отличие от иммигрантов из стран Центральной Азии, китайские мигранты в большинстве случае не намерены оставаться в России на долгий срок и связывать свою жизнь навсегда с этой страной, интегрироваться в её общество.

При разработке политики по приему иностранных мигрантов Россия, как и другие государства, придерживается принципа приоритета потребностей своих граждан, защиты национального рынка труда, интересов экономики и национальной безопасности. Предпринимаемые меры по регулированию въездной миграции, в частности нормы законодательства, подразумевающие сегодня необходимость сдачи экзаменов по русскому языку, основам законодательства и истории России трудовыми мигрантами, скорее играют ограничительную роль для иммиграции из Китая, снижая привлекательность России как страны для временного пребывания и работы. Учитывая крепкие узы экономического и политического партнерства двух стран, наличие налаженных связей в различных сферах экономики, можно предположить, что будут найдены выходы из ситуации, возможно, приняты двусторонние соглашения, регулирующие взаимную трудовую миграцию в отдельных отраслях и т.д., т.е. на институциональном уровне будут обеспечены условия дальнейшего развития трансграничной миграции.

Китайская миграционная политика, в свою очередь, являясь неотъемлемой частью общей стратегии развития КНР, также реализует меры, способствующие приему высококачественных транснациональных иммигрантов, поддерживая базовую стабильность китайского населения и способствуя гармоничному и здоровому развитию общества страны. «Пять принципов мирного сосуществования», которых Китай придерживается в своих международных обменах, определяют его развитие и являются базисом для стабильности отношений между странами, обеспечивают соблюдение принципа взаимной безопасности, отсутствия угрозы для партнеров Китая, в том числе для своего самого крупного соседа – России. Поэтому «теория китайской иммиграционной угрозы», которая периодически используется ультранационалистами в своих целях, не имеет под собой серьезных оснований ни с точки зрения статистических данных о масштабах трансграничной миграции, ни с точки зрения политических, экономических, идеологических и других факторов, определяющих современную миграцию из Китая в Россию.

Библиография

Веремейчик А.С. Вопросы современной китайской миграции в работах ученых КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 1(28). С. 50–56.

Гвасалия К.Д. Перспективы развития китайско-российских отношений в бизнес-сфере // Экономика и предпринимательство. 2019. № 1(102). С. 274–277.

Данькова А.С., Ахметшина Ю.В. Социальные взаимодействия миграционного контента Китая и России // Совершенствование науки в наши дни: междисциплинарные аспекты: материалы XLIV Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП); ООО «Издательство ВВМ», 2022. С. 71–74.

Дун Чжожань. Миграция из Китая в Россию: проблемы и перспективы // Глобальные социальные процессы: опыт социологического исследования: сб. ст. социологической конференции молодых ученых. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. С. 40–45.

Лаптева А. Eurasianet (США): насколько велика китайская миграция в Россию // ИноСМИ: сетевое издание. 08.10.2019. URL: https://inosmi.ru/20191008/245979657.html (дата обращения: 21.07.2023).

Лузянин С.Г. Настоящее и будущее российско-китайских отношений // Вестник Российской академии наук. 2020. № 2. С. 113–119.

Министр финансов Антон Силуанов на Международном финансово-экономическом форуме «Экономическая политика России в условиях глобальной турбулентности» // Минфин России: офиц. сайт. 24.11.2014. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=33013 (дата обращения: 28.11.2023).

Нигматуллина Т.А. Политическая интерпретация этноксенофобии в молодежной среде: новые вызовы глобализации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. № 1. С. 83–94.

Понкратова Л.А. 30 лет трансграничного сотрудничества России и Китая: итоги и новые тренды // Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая: сб. ст. в 2 кн. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2019. Кн. 2. С. 146–167.

Попхадзе Т.Ю., Гермашева Т.М. Современная миграция китайцев в Россию и ее социально-экономические последствия // Наука и инновации – современные концепции: сб. ст. Ростов-на-Дону: Инфинити, 2022. С. 76–81.

Посол Китая в РФ: оптимизация борьбы с ковидом придаст импульс сотрудничеству с Россией // Информационное агентство ТАСС: офиц. сайт. 11.01.2023. URL: https://tass.ru/interviews/16770825 (дата обращения: 22.02.2023).

Романович Р. Как из аграрной страны превратиться в технологического лидера // Тинькофф Журнал. 06.09.2022. URL: https://journal.tinkoff.ru/chinese-miracle/ (дата обращения: 01.12.2022).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России: [офиц. ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5413 (дата обращения: 01.12.2022).

Число выбывших // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/43513 (отчет по заданным параметрам) (дата обращения: 20.07.2023).

Число прибывших // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/43514 (отчет по заданным параметрам) (дата обращения: 20.07.2023).

冯春萍. 当前俄罗斯人口地理变动的新特点. 人文地理. 2005年. 第 5 期，第 60–64 页 (Фэн Чуньпин. Новые черты демографо-географических изменений в России на современном этапе // Антропогеография. 2005. № 5. С. 60–64).

彭文进. 俄罗斯人口危机对经济的影响及其应对措施 // 新疆社会科学, 2021年. 第 3 期，第 61–68 页 (Пэн Вэньцзин. Влияние демографического кризиса в России на экономику и ответные меры // Синьцзянские социальные науки. 2021. № 3. С. 61–68).

戴桂菊. 俄罗斯的人口问题和外来移民政策 // 俄罗斯中亚东欧研究. 2004 年. 第 3 期，第 15–22 页 (Дай Гуйцзю. Демографические проблемы России и иммиграционная политика // Российские исследования по Центральной Азии и Восточной Европе. 2004. № 3. С. 15–22).

焦玓璠. 远东中国移民问题及华人生存现状研究: 论文 / 厦门大学. 厦门市, 2017年. 118页（Цзяо Юфань. Исследование проблемы китайских иммигрантов на Дальнем Востоке и современной ситуации выживания китайцев: диссертация / Сямэньский университет. Сямынь, 2017. 118 с.).

由莉颖. 俄罗斯的人口危机对经济发展的影响 //人口学刊2007年, 第 2 期，第 26–31 页 (Ю Лийин. Влияние демографического кризиса в России на экономическое развитие // Журнал демографии. 2007. № 2. С. 26–31).

高际香. 制裁背景下的俄罗斯经济：困境与应对 // 欧亚经济. 2015 年，第 2 期，第 2–9 页 (Гао Цзисян. Российская экономика в контексте санкций: дилеммы и ответы // Евразия Азиатская экономика. 2015. № 2. С. 2–9).

References

Chislo pribyvshih [Number of arrivals] // Edinaja mezhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema [Unified Interdepartmental Information and Statistical System]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/43514 (report on specified parameters) (date of access: 20.07.2023). (In Russ.)

Chislo vybyvshih [Number of dropouts]. Edinaja mezhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema [Unified Interdepartmental Information and Statistical System]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/43513 (report on specified parameters) (date of access: 20.07.2023). (In Russ.)

Dankova A.S., Akhmetshina Yu.V. Social'nye vzaimodejstvija migracionnogo kontenta Kitaja i Rossii [Social Interactions of the Migration Content of China and Russia]. Sovreshenstvovanie nauki v nashi dni: mezhdisciplinarnye aspekty [Modern Science Improvement: Interdisciplinary Aspects]: proceedings of the XLIV All-Russian Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don: Juzhnyj universitet (IUBiP); OOO «Izdatel'stvo VVM», 2022. P. 71–74. (In Russ.)

Gvasalia K.D. Perspektivy razvitija kitajsko-rossijskih otnoshenij v biznes sfere [Prospects for the development of Chinese-Russian relations in the business sphere]. Jekonomika i predprinimatel'stvo [Economy and entrepreneurship]. 2019. N 1(102). P. 274–277. (In Russ.)

Lapteva A. Eurasianet (SShA): naskol'ko velika kitajskaja migracija v Rossiju [Eurasianet (USA): how big is Chinese migration to Russia]. InoSMI: online edition 08.10.2019. URL: https://inosmi.ru/20191008/245979657.html (date of access: 21.07.2023). (In Russ.)

Luzyanin S.G. Nastojashhee i budushhee rossijsko-kitajskih otnoshenij [The present and future of Russian-Chinese relations]. Vestnik rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2020. N 2. P. 113–119. (In Russ.)

Ministr finansov Anton Siluanov na Mezhdunarodnom finansovo-jekonomicheskom forume «Jekonomicheskaja politika Rossii v uslovijah global'noj turbulentnosti» [Finance Minister Anton Siluanov at the International Financial and Economic Forum «Russian Economic Policy in the Context of Global Turbulence»]. Minfin Rossii [Ministry of Finance of Russia]: official. website. 24.11.2014. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=33013 (date of access: 01.12.2022). (In Russ.)

Nigmatullina T.A. Politicheskaja interpretacija jetnoksenofobii v molodezhnoj srede: novye vyzovy globalizacii [Political Interpretation of Ethnoxenophobia in the Youth Environment: New Challenges of Globalization]. Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij [Questions of National and Federal Relations]. 2014. N 1. P. 83–94. (In Russ.)

Ponkratova L.A. 30 let transgranichnogo sotrudnichestva rossii i kitaja: itogi i novye trendy [30 years of cross-border cooperation between Russia and China: results and new trends]. Problemy torgovo-jekonomicheskogo sotrudnichestva rossijskogo Dal'nego Vostoka i Severo-Vostoka Kitaja [Problems of trade and economic cooperation between the Russian Far East and northeast China]: collection of articles in 2 books. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2019. Vol. 2. P. 146–167. (In Russ.)

Popkhadze T.Yu., Germasheva T.M. Sovremennaja migracija kitajcev v Rossiju i ee social'no-jekonomicheskie posledstvija [Modern Chinese migration to Russia and its socio-economic consequences]. Nauka i innovacii – sovremennye koncepcii [Science and innovations – modern concepts]: collection of articles. Rostov-on-Don: Infiniti, 2022. P. 76–81. (In Russ.)

Posol Kitaja v RF: optimizacija bor'by s kovidom pridast impul's sotrudnichestvu s Rossiej [Chinese Ambassador to the Russian Federation: Optimization of the fight against covid will give impetus to cooperation with Russia]. Informacionnoe agentstvo TASS [TASS News Agency]: official. website. 11.01.2023. URL: https://tass.ru/interviews/16770825 (date of access: 22.02.2023). (In Russ.)

Romanovich R. Kak iz agrarnoj strany prevratit'sja v tehnologicheskogo lidera [How to turn from an agrarian country into a technological leader]. Tin'koff Zhurnal [Tinkoff Journal]. 06.09.2022. URL: https://journal.tinkoff.ru/chinese-miracle/ (date of access: 01.12.2022). (In Russ.)

Sovmestnoe zajavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o razvitii otnoshenij vseob#emljushhego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstvija, vstupajushhih v novuju jepohu [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Development of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation Entering a New Era]. Prezident Rossii [President of Russia: [offic. resource]. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5413 (date of access: 01.12.2022). (In Russ.)

Veremeychik A.S. Voprosy sovremennoj kitajskoj migracii v rabotah uchenyh KNR [Issues of modern Chinese migration in the works of Chinese scientists]. Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija [Oikumena. Regional studies]. 2014. N 1(28). P. 50–56. (In Russ.)

戴桂菊. 俄罗斯的人口问题和外来移民政策 2004 年. 第 3 期，第 15–22 页 (Dai Guijiu Demographic Problems of Russia and Immigration Policy. Russian Studies in Central Asia and Eastern Europe. 2004. N 3. P. 15–22). (In Chinese)

冯春萍. 当前俄罗斯人口地理变动的新特点. 人文地理. 2005年. 第 5 期，第 60–64 页 (Feng Chunping. New features of demographic and geographical changes in Russia at the present stage. Anthropogeography. 2005. N 5. P. 60–64). (In Chinese)

高际香. 制裁背景下的俄罗斯经济：困境与应对. 欧亚经济. 2015 年，第 2 期，第 2–9 页 (Gao Jixiang. The Russian Economy in the Context of Sanctions: Dilemmas and Answers. Eurasia Asian Economics. 2015. N 2. P. 2–9). (In Chinese)

焦玓璠. 远东中国移民问题及华人生存现状研究： 厦门市，2017年. 118页（Jiao Yufan. Study of the problem of Chinese immigrants in the Far East and the current situation of the survival of the Chinese: dissertation. Xiamen University. Xiamen, 2017. 118 p.). (In Chinese)

彭文进. 俄罗斯人口危机对经济的影响及其应对措施. 新疆社会科学，2021年. 第 3 期，第 61–68 页 (Peng Wenjing. The impact of the demographic crisis in Russia on the economy and response measures. Xinjiang Social Sciences. 2021. N 3. P. 61–68). (In Chinese)

由莉颖. 俄罗斯的人口危机对经济发展的影响. 人口学刊2007年， 第 2 期，第 26–31 页 (Yu Liyin. The impact of the demographic crisis in Russia on economic development. Journal of Demography. 2007. N 2. P. 26–31). (In Chinese)

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.06

А.А. Перминова

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КНР СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация. *В условиях продвижения наступательной инфраструктуры НАТО к границам РФ и ее союзников, оценка и анализ военно-технического сотрудничества стран Центральной Азии (три из которых – Казахстан, Киргизия и Таджикистан входят в ОДКБ) являются важными как для предотвращения угроз национальной безопасности России, так и коллективной безопасности региона. В данной статье анализируется военно-техническое сотрудничество стран Центральной Азии (ЦА) со стратегическим партнером Российской Федерации – КНР за период с 1991 по настоящее время. Помимо определения общего состояния военно-промышленных комплексов стран региона и их нужд, в работе выявлены ключевые тенденции военно-технического взаимодействия Китая и государств ЦА с детальным перечислением поставок китайской военной техники и особенностей ее использования. Исследование опирается как на международные базы данных по сделкам с вооружениями и военной техникой (ВВТ), так и на источники в странах региона, что позволяет сделать качественно новые выводы о состоянии ВТС КНР и стран региона. Результаты работы позволяют обобщить пройденные этапы и перспективы военно-технического взаимодействия Китая и государств ЦА, а также сделать выводы для оценки данной ситуации с точки зрения интересов РФ.*

Ключевые слова: *военно-техническое сотрудничество; Китай и Центральная Азия; взаимодействие в сфере обеспечения безопасности; военное сотрудничество Китая и стран Центральной Азии.*

Перминова Александра Александровна – научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, преподаватель Департамента международных отношений ФМЭиМП НИУ ВШЭ.
Россия, Москва.
E-mail: perminova@iccaras.ru
Web of Science Researcher ID: GWU-7985-2022
ORCID: 0000-0002-0187-7635

Perminova A.A. **Military-technical cooperation between the PRC and the countries of Central Asia: conclusions for Russia**

Abstract. *With NATO's offensive infrastructure advancing towards the borders of the Russian Federation and its allies, the assessment and analysis of military-technical cooperation between the countries of Central Asia (three of which – Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan are members of the CSTO) is important both for preventing threats to Russia's national security and the collective security of the region. This article analyzes the military-technical cooperation of the countries of Central Asia (CA) with the China, Russian Federation's strategic partner, during the period from 1991 to present time. In addition to determining the general state of the military-industrial complexes of the countries of the region and their needs, the paper identifies key trends in the military-technical cooperation between China and the Central Asian states with a detailed listing of the supply of Chinese military equipment and the features of its use. The study relies both on international databases on transactions with arms and military equipment (AME) and on sources in the countries of the region, which allows to draw qualitatively new conclusions about the state of the military-technical cooperation of China and the countries of the region. The results of the work allow us to generalize the stages passed and the prospects for military-technical cooperation between China and the Central Asian states, as well as draw conclusions for assessing this situation from the point of view of the interests of the Russian Federation.*

Keywords: *military-technical cooperation; China and Central Asia; security cooperation; military cooperation between China and Central Asian countries.*

Perminova Alexandra Alexandrovna – Research Fellow of Institute of China and Contemporary Asia, Lecturer at the Department of International Relations, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University. Russia, Moscow.
E-mail: perminova@iccaras.ru
Web of Science Researcher ID: GWU-7985-2022
ORCID: 0000-0002-0187-7635

Введение

С распадом СССР внутрисоюзные цепочки поставки вооружений и военной техники были прерваны, оборонная промышленность во многих постсоветских республиках фактически прекратила свое существование. Наравне с этим уже независимые постсоветские республики столкнулись с многочисленными угрозами безопасности, не остались в стороне и пять государств Центральной Азии – Республика Казахстан, Республика Узбекистан, Киргизская Республика, Республика Таджикистан и Туркменистан.

С начала 1990-х государства региона были вынуждены реагировать на риски распространения терроризма и экстремизма, переживали внутригосударственные потрясения (гражданская война в Таджикистане, революции в Киргизии), приграничные конфликты и др.

При этом основная роль «поставщика безопасности» для стран региона осталась за Российской Федерацией, что закреплялось как на уровне двустороннего взаимодействия, так и с появлением Договора о коллективной безопасности (ДКБ) в 1992 г. и в 2002 г. уже Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Не менее важной стабильность государств Центральной Азии была и для другого соседа региона – КНР, которая полноценно смогла представлять свои интересы в сфере региональной безопасности только с появлением формата ШОС в 2001 г.

С 1990-х Китай решал вопросы делимитации и демаркации границ со странами региона, реагировал на угрозы, исходящие из Центральной Азии (ЦА), которые могли спровоцировать волнения в приграничном к региону китайском Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), устанавливал первые контакты на уровне оборонных и правоохранительных ведомств.

При этом полноценное военно-техническое взаимодействие со странами Центральной Азии, в том числе и поставки военно-технической помощи региону, было запущено намного позже, в 2010-х годах. По количеству техники КНР стала «догоняющим» игроком в сфере поставок военной техники и вооружения в регион (ВВТ), уступая России, обеспечивающей безопасность региона на многочисленных уровнях – двусторонние учения, грантовая помощь, строительство объектов, обучение кадров, военные объекты на территории государств Центральной Азии и др.

Таким образом в современных исследованиях остается распространенным представление об ограниченности китайского влияния в регионе в сфере обеспечения безопасности.

Изучение тематики военно-технического сотрудничества необходимо начинать с изучения особенностей региональной безопасности в Центральной Азии. На эту тему представлены работы исследователей В.В. Наумкина [Naumkin 2003], И.Д. Звягельской [Звягельская 2009], Д.Б. Малышевой [Малышева 2014], А.А. Князева [Афганская политика 2022]. Видение ситуации из региона, так же, как и глубокая проработка состояния и перспектив сотрудничества в сфере безопасности для КНР и стран Центральной Азии представлены в работах Р.К. Алимова [Alimov 2017], К.Л. Сыроежкина [Сыроежкин 2016], Г.М. Майтдиновой [Майтдинова 2022], Б.И. Эргашева [Эргашев 2014]. Сравнение роли Китая и России в региональных процессах в Центральной Азии отражено в работах Чжао Хуашэна [Zhao 2013], А.В. Лукина [Лукин 2020], Сунь Чжуанчжи [Сунь 2013].

Непосредственно военно-техническому сотрудничеству Китая со странами региона посвящены исследования И.Ю. Фроловой [Фролова 2020], В.Б. Кашина [Кашин 2020], И.Г. Томберга [Томберг 2022].

На современном этапе на фоне украинского кризиса и смещения фокуса внимания РФ на защиту собственных рубежей и обеспечение Вооруженных

сил, участвующих в проведении специальной военной операции, появляется мнение о возможной «передаче» роли гаранта безопасности в регионе КНР [Пекин 2023].

Основной целью данной работы является выявление основных способов реализации КНР политики по военно-техническому взаимодействию со странами региона с 1991 г. и по настоящее время. Актуальность исследования также может быть обоснована растущим интересом Китая к обеспечению безопасности своих активов в Центральной Азии, что происходит наравне с усилением глобального экономического влияния КНР и, в условиях геополитического кризиса, обретением Китаем роли лидера «незападного» мира.

Республика Таджикистан

Затраты Республики Таджикистан (РТ) на военные нужды самые малозначительные в регионе, процент военных расходов от общего бюджета страны также является самым низким среди показателей государств ЦА (рис. 1). Во многом это объясняется обеспечением национальной безопасности РТ путем привлечения внешней помощи России, а на современном этапе также с помощью ресурсов ОДКБ и ШОС.

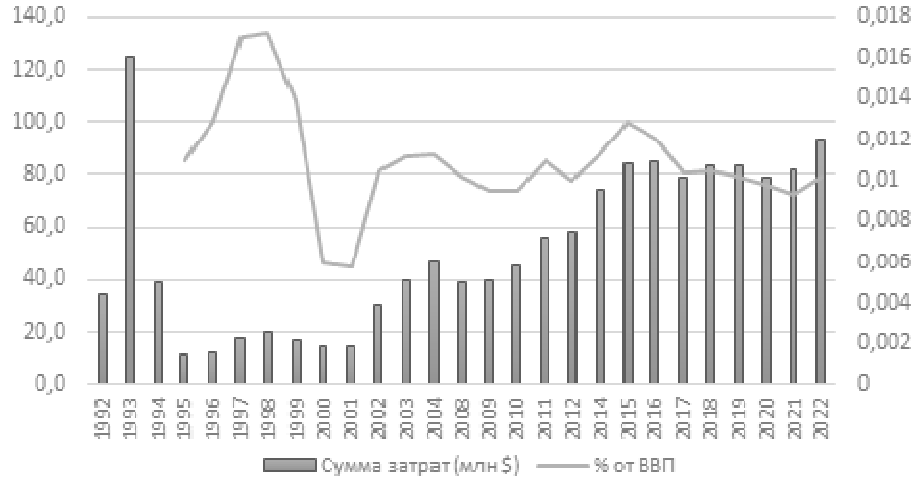

Рис. 1. Военные расходы Республики Таджикистан (1992–2022)

Источник: [SIPRI 1991–2022][1].

1. Часть данных по военным расходам Республики Таджикистан отсутствует в открытом доступе.

Россия внесла существенный вклад в урегулирование кризиса гражданской войны в Таджикистане и остается одним из основных «поставщиков безопасности» для страны. РФ регулярно поставляет военную технику для республики, в том числе на грантовой основе, на территории РТ находится 201-я российская военная база.

Таким образом, изначально КНР оказывается в позиции «догоняющего» в сфере военно-технических поставок в Таджикистан. Экспорт вооружения РФ в РТ за последние 30 лет почти в 30 раз больше китайского [SIPRI 1991–2022][2].

Однако эти данные не учитывают грантовых поставок техники, которые зачастую не фиксируются в регистрах межгосударственных сделок по экспорту и импорту вооружения. КНР, которая является и основным кредитором таджикской экономики, часто практикует поставки техники в республику на безвозмездной основе. Основным приоритетом в военно-техническом взаимодействии для КНР является обеспечение безопасности в таджикско-афганском приграничье. Граница Китая и РТ проходит по высокогорной местности вдоль Памирского горного хребта, с таджикской Горно-Бадахшанской автономной областью (ГБАО) граничит китайский СУАР. Активность Пекина в данном регионе обоснована необходимостью предотвращения незаконного пересечения границы, наркотрафика и любого проявления «трех сил зла»[3].

В 2018 г. с пометкой «возможно, на грантовой основе» в базах SIPRI зафиксирована поставка в РТ десяти «тигров» – бронеавтомобилей Tiger 4×4 (虎士), а также десяти тяжелых броневых машин с противоминной защитой VP11.

Китайские «тигры» в том же году официально поставлялись Боливии в качестве ежегодной помощи в модернизации, что косвенно подтверждает гипотезу об экспорте этого вооружения в Таджикистан на грантовой основе [Chinese Aid 2018]. Еще одна категория китайского экспорта – бронеавтомобили VN3 (大江), или «драконы», вероятно, были предоставлены также в рамках помощи КНР Таджикистану.

Если функцией менее укрепленных «драконов» может быть сопровождение конвоев или размещение на пограничных постах, то «тигры» и VP11 без проблем передвигаются по горной местности и лучше укреплены, что подхо-

2. Расчет в регистрах SIPRI (Стокгольмский институт исследования проблем мира) ведется с использованием отдельной единицы трансфера вооружений – Trend Indicator Value (TIV), она приравнивается к миллиону долларов США по курсу 1990 г. В связи с тем, что показатель создан искусственно, конечная стоимость вооружений в сделках может несколько отличаться.

3. Принятое в рамках Шанхайской организации сотрудничества определение для сепаратизма, терроризма и экстремизма.

дит для патрулирования вдоль таджикско-афганской границы. Неслучайно несколько «тигров» и VP11 были замечены на показе техники войсковой части Сухопутных войск в Дарвазском районе в ГБАО [Посещение войсковой части 2020]. Можно прогнозировать, что грантовые поставки техники с целью укрепления таджикско-афганской границы останутся способом реализации политики КНР по обеспечению безопасности в регионе наравне с проведением совместных учений на территории ГБАО, безвозмездной помощью по строительству баз и прочей инфраструктуры на границе Таджикистана с Афганистаном.

Киргизская Республика

Модель китайско-киргизского военного сотрудничества во многом напоминает формат взаимодействия КНР с Таджикистаном. Задолженность перед КНР составляет около 40% от внешнего долга республики, сохраняется высокая степень зависимости от китайских инвестиций [Доклад о состоянии 2022].

Схожей чертой является и приоритезация китайско-киргизского взаимодействия в сфере борьбы с «тремя силами зла», которое было актуально как в 1990-х годах на фоне Баткенских событий, так и в современности на фоне возвращения киргизских семей из зон боевых действий на Ближнем Востоке.

На территории КР сохраняется оборонная промышленность, работает военно-промышленное предприятие «Дастан», с 1950-х годов занимающееся производством и реализацией военно-морского оружия и др. В 2021 г. корпорация «Дастан» подписала с российским «Рособоронэкспортом» контракт на 5,5 млн долл. по поставкам аппаратурных модулей для электрических торпед УСЭТ-80 и контрольно-регулировочной станции к ним, ранее корпорацией осуществлялись поставки для индийского флота (рис. 2).

Основную часть ВВТ импортирует в КР Россия. Китай, по данным SIPRI, занимает лишь четвертую строчку среди импортеров техники после Турции и Казахстана [SIPRI 1992–2022].

Среди официальных данных по экспорту китайской техники в Киргизию фигурируют только шесть китайских «тигров», которые Министерство общественной безопасности Китая подарило МВД КР наравне с другим специальным транспортом в 2019 г. Общая стоимость техники, переданной китайским ведомством, составила около 4 млн долл. [МВД Кыргызстана 2019]. При этом некоторые поставки китайского вооружения в КР не зафиксированы в регистрах SIPRI и не анонсировались в открытых источниках ни как закупка, ни как акт дарения техники. С точки зрения стратегии КНР по обеспечению КР и Таджикистана ВВТ с целью минимальной нагрузки на бюджеты стран эти поставки могли осуществляться на грантовой основе. Предположение подтверждается фактом подписания в 2018 и 2020 гг. договоренностей между

вооруженными силами двух стран о реализации КНР поставок безвозмездной военно-технической помощи.

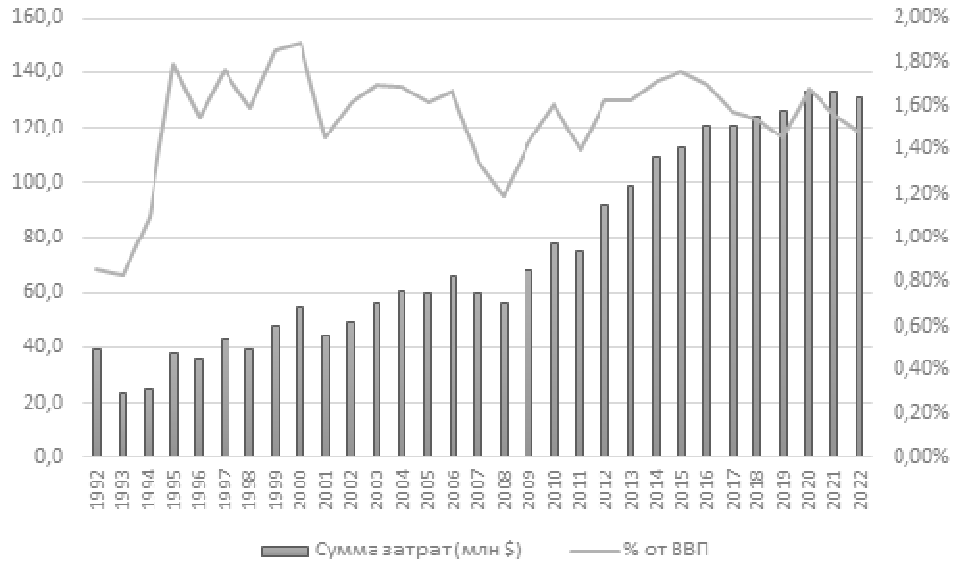

Рис. 2. Военные расходы Киргизской Республики (1993–2022)

Источник: [SIPRI, 1992–2022][4].

В 2020 г. китайские «хаммеры» – бронированные автомобили Dongfeng EQ2058 Mengshi появились в видеоролике, посвященном бригаде специального назначения «Пантера» Национальной гвардии КР [Бригада спецназа 2020].

Китайские комплексы ПВО ближнего действия «Флаинг Леопард 6С» также были замечены в 2020 г. на кадрах с учений армии КР на полигоне Бужум в Иссык-Кульской области [ВС Киргизии 2020]. В состав комплекса входят пусковые установки, которые обычно оснащены переносными зенитными ракетами (ПЗРК) QW-2 (前卫二号). Информации о закупке этих ракет киргизскими вооруженными силами у КНР не поступало, но QW-2 также находятся на вооружении туркменской армии.

В 2020 г. в КР в ходе раздачи гуманитарной помощи были замечены китайские грузовики повышенной проходимости SX219, а уже в 2021 г. КНР

4. Часть данных по военным расходам Киргизской Республики отсутствует в открытом доступе.

предоставила технику для Национальной Гвардии ВС Киргизии. На кадрах с торжественной церемонии присутствуют комплексы «Флаинг Леопард 6С» [Китай оказал 2021]. Летом 2022 г. была достигнута договоренность о том, что Китай окажет помощь Минобороны Кыргызстана на сумму почти 7 млн долл.

Причиной регулярных грантовых поставок ВВТ КНР в Киргизию является не только взаимодействие в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом, но и гарантии отсутствия в КР американских военных. До 2014 г. в Киргизии функционировала американская авиабаза «Манас», что в свою очередь сдерживало военное взаимодействие с КНР [Президент Кыргызстана 2017].

При этом для КНР определенным гарантом непоявления баз в КР является именно российская регулярная военно-техническая помощь Бишкеку. Кроме того, Киргизия – член ОДКБ, авиационный компонент организации представлен в стране российской авиабазой Кант, а на Иссык-Куле действует российская военно-морская база.

Республика Казахстан

Объемы поставок китайского вооружения в Казахстан меньше, чем в Узбекистан и Туркменистан, при этом в истории китайско-казахстанского военно-технического сотрудничества не только КНР выступала в роли экспортера. В конце 1990-х Республика Казахстан (РК) поставила китайской стороне нескольких десятков оставшихся со времен СССР комплексов со скоростной подводной ракетой ВА-111 «Шквал».

Казахстан является важным звеном в транспортных и логистических коридорах китайской инициативы «Пояса и пути», здесь работают совместные казахстано-китайские предприятия, добывается сырье для КНР. При этом военное и военно-техническое сотрудничество с КНР весьма ограничено на фоне интенсивного сотрудничества с РФ, ЕС, Турцией и т.д.

Доля КНР в диверсифицированном импорте вооружений РК незначительна – на первом месте с большим отрывом стоит экспорт из РФ. Поставки осуществляются по выгодным внутригосударственным российским ценам. Общая стоимость закупок с 1991 г., по данным SIPRI, составляет около 2,5 млрд долл. КНР следует в списке поставщиков ВВТ в Казахстан после Турции, Украины, США, Израиля и Германии со скромным показателем в 34 млн долл.

По данным SIPRI, в 2016 г. Казахстан получил три единицы Wing Loong-1 (翼龙), известного как аналог американского MQ-1 Predator – «Хищник». Wing Loong-1 способен выполнять задачи по воздушной разведке, а также наносить удары управляемыми ракетами и бомбами различных типов. К нему были закуплены 50 управляемых ракет Blue Arrow-7 (AKD-10/BA-7) с лазерной головкой самонаведения, пробивающей до 1400 мм брони.

В 2018 г. в РК прибыл первый и пока единственный из четырех заказанных образцов Y-8F-200WA и поступил на вооружение Национальный гвардии РК. Самолет Y-8 (у модели Y-8F-200WA удлинен фюзеляж) является аналогом советского Ан-12. Утверждалось, что самолет обошелся РК в 37 млн долл. [Казахстан купил 2018].

Помимо представленных в SIPRI данных, известно, что в 2013 г. Китай и Казахстан подписали меморандум о поставках 30 китайских тралов с грузоподъемностью до 30–40 т, примерная стоимость заказа могла составлять порядка 15 млн долл. [Основные направления]. В 2015 г. РК на грантовой основе получила китайские седельные тягачи с тралами и погрузочно-разгрузочные платформы.

С 2019 по 2022 г. РК сократила военные траты почти на 40%, при этом на столько же упал процент расходов на оборону от ВВП (рис. 3). При этом к началу 2023 г. Казахстан увеличил расходы на оборону до 1% ВВП, и, по данным заместителя министра обороны РК Султана Камалетдинова, при планировании закупок упор был сделан на поддержку отечественных производителей [Оснащение казахстанской 2023].

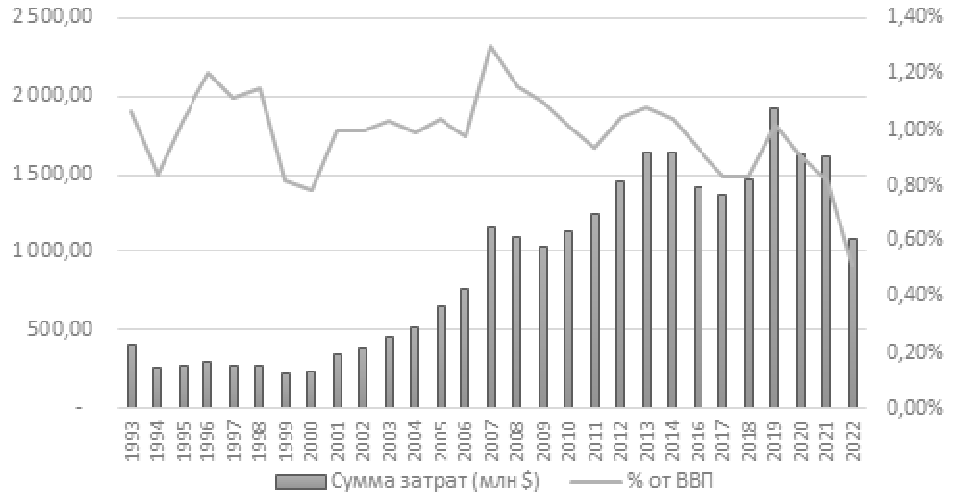

Рис. 3. Военные расходы Республики Казахстан (1993–2022)

Источник: [SIPRI 1992–2022][5].

5. Часть данных по военным расходам Республики Казахстан отсутствует в открытом доступе.

Ранее залогом для становления ОПК суверенного Казахстана стала стратегия по созданию совместных оборонных предприятий с участием зарубежных партнеров. Однако конечный продукт работы подобных предприятий не всегда соответствовал даже внутренним стандартам казахстанских вооруженных сил. Так, продукция ТОО «Казахстан Парамаунт Инжиниринг» (соучредитель – ЮАР) вызвала критику Минобороны РК, в итоге самым выгодным вариантом для ведомства оказалось приобретение зарубежной бронетехники [Минобороны РК 2022].

В рамках стратегии РК по диверсификации закупок вооружения у КНР есть шанс на увеличение экспорта ВВТ в Казахстан, хотя и в условиях конкуренции с европейскими и турецкими поставщиками.

Республика Узбекистан

С конца XX в. Китай и Республика Узбекистан (РУ) наращивали экономическое сотрудничество и взаимодействие по линии обеспечения региональной безопасности. Развитию контактов в начале века препятствовали американские попытки закрепиться в ЦА, которые вызывали негативную реакцию КНР: на военном аэродроме Карши-Ханабад в 2001–2005 гг. функционировала база США. Однако решение о выводе американских баз с территории РУ и подписание в 2005 г. договора о дружбе и сотрудничестве заложили основу для доверительного партнерства КНР и РУ.

Кроме того, Узбекистан и Китай всегда разделяли позицию о необходимости решения «афганского вопроса» путем интеграции Афганистана в региональный рынок, что для РУ означало меньшие затраты на военные нужды и возможность направить силы на внутреннее развитие [Эргашев 2014]. Таким образом целью политики Пекина стала поддержка соседствующего с Афганистаном Узбекистана как государства со стремительно растущим населением и развивающейся экономикой.

Показателем уровня сотрудничества являются китайско-узбекские двусторонние учения с участием Национальной гвардии РУ, а также контакты стран в сфере подготовки военных кадров. Кроме того, по данным на 2022 г., КНР занимает второе место среди поставщиков ВВТ в республику после России [SIPRI].

Последние официальные данные по военным расходам Республики Узбекистан представлены за 2018 г. (рис. 4). По информации СМИ и рейтингу Global Firepower, в 2020 г. Узбекистан потратил на оборонные нужды 1,4 млрд долл, заняв на тот момент первое место среди стран региона по уровню военной мощи [Названа самая 2021].

С 2017 г. в стране был взят курс на модернизацию ВПК. В настоящее время в стране производят приборы ночного видения, бронеавтомобили, а с

2022 г. и беспилотники «Сокол» (Lochin) – БПЛА двойного назначения. С 2023 г. в Узбекистане появилась Государственная комиссия по вооружению армии и ответственное за закупку иностранных вооружений государственное унитарное предприятие «Узтекстрейд». Основной стратегией по обеспечению нужд ВПК в стране на данный момент остается импорт военной техники и вооружений.

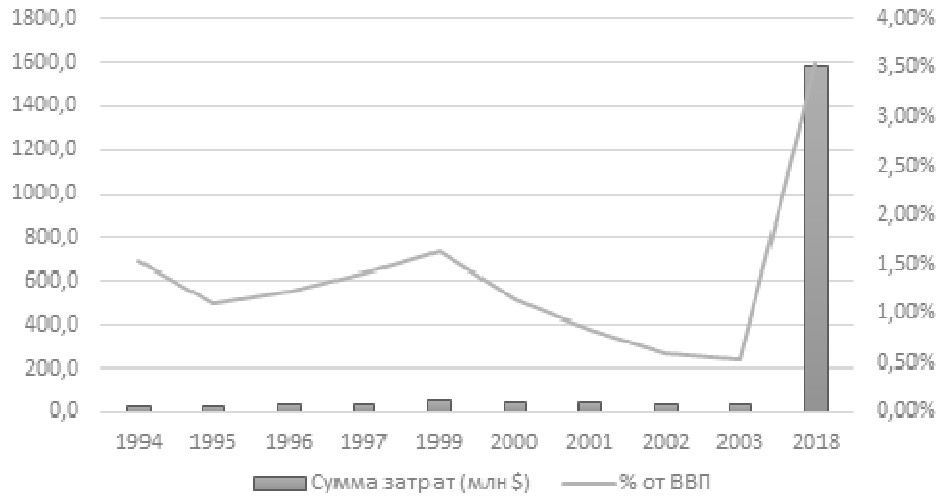

Рис. 4. Военные расходы Республики Узбекистан (1994–2018)

Источник: База данных по военным расходам Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), 1994–2018[6].

В строке экспорта ВВТ в КНР из республики, по данным SIPRI, значатся только три транспортных самолета Ил-76МД, которые были переданы Узбекистаном в Китай в 2014 г. [SIPRI]. Изначально китайский заказ на самолеты должно было выполнять Ташкентское авиационное производственное объединение им. Чкалова (ТАПОиЧ), но в связи с банкротством предприятия условия контракта изменились, модернизацию самолеты перед продажей проходили в России.

КНР, в свою очередь, с 2013 по 2017 г., поставила Узбекистану пять беспилотников Wing Loong-1 (翼龙), а также один зенитно-ракетный комплекс

6. Часть данных по военным расходам Республики Узбекистан отсутствует в открытом доступе.

HQ(红旗)-9 и 60 ракет к нему. HQ-9 является аналогом российского С-300 и чаще всего идет на экспорт, так как по ряду характеристик уступает российскому ЗРК, но поставляется по выгодным ценам.

Кроме того, в 2019 г. на кадрах с учений на полигоне «Чирчик» Министерства обороны РУ были замечены ПЗРК QW-18 (前衛-18). Данных о точном количестве поставленных китайских комплексов нет.

Туркменистан

Еще в 2000 г. председатель КНР Цзян Цзэминь подчеркивал, что Китай поддерживает нейтральный статус республики, который ограничивает возможность участия Туркменистана в военных конфликтах или военных блоках [Председатель КНР 2000]. Основные нужды Ашхабада в закупках ВВТ – оборонительные. Туркменистан граничит с Афганистаном, территория страны зачастую используется как транзитный пункт для наркотрафика на европейском направлении. Кроме того, равнинная местность туркменско-афганского приграничья делает его менее защищенной от угрозы вторжения афганских радикалов.

Для КНР Туркменистан – основной поставщик природного газа, за 11 месяцев 2022 г. страна экспортировала в Китай газа на 9,28 млрд долл., обогнав Россию с поставкой на 3,54 млрд долл. [Туркмения вышла 2022]. Так, национальная безопасность республики является гарантией стабильных поставок энергоресурсов в КНР, а потому Китай заинтересован в обеспечении стабильного военного и военно-технического взаимодействия с Туркменистаном.

В отличие от большинства своих соседей, Туркменистан на самом деле диверсифицирует импорт, и несмотря на то, что в рейтинге военной мощи Global Firepower Index-2023 страна занимает лишь 82-е место, входит в тройку лидеров региона. Актуальных данных по военным расходам республики в национальных официальных источниках нет, по информации Global Firepower Index-2023, военные расходы страны превышают 407 млн долл. [2023 Turkmenistan]. В отличие от ситуации в других странах Центральной Азии основным поставщиком вооружений в Туркменистан является не РФ, а Турция. Китай занимает третье место среди экспортеров [SIPRI].

Качественный прорыв в военно-техническом сотрудничестве с Китаем последовал в 2015 г. после нескольких военных инцидентов на афганско-туркменской границе [Афганская политика 2022]. В 2015 г. были подписаны контракты на поставки средств ПВО, актуальные в условиях использования афганскими радикалами беспилотников и небольших самолетов, а также БПЛА и обзорных радиолокационные станций (РЛС). Фактически весь спектр ЗРК – для борьбы с ракетами малой, средней и большой дальности – был приобретен Ашхабадом в КНР (HQ-7, HQ-12 и HQ-9).

Так, были заказаны десять китайских сверхзвуковых противотанковых ракет класса «воздух-земля» AR-1, разработанные и предназначенные для использования с БПЛА, например CH-3 (彩虹-3). Два беспилотных аппарата CH-3 были заказаны Туркменистаном в 2015 г., эти БПЛА сравнительно легкие (легче американского аналога AGM-114 Hellfire), могут уничтожать небольшие цели, а также дешевле более современных дронов своей серии CH.

КНР экспортировала также десять HJ-10 (红箭-10) противовертолетных и противотанковых ракет, которые подходят для использования на БПЛА. Они, скорее всего, закупались для военных беспилотников WJ-600. Два БПЛА этой серии были заказаны Ашхабадом в 2015 г. Два китайских беспилотника WJ-600 в версии WJ-600A/D также были продемонстрированы на параде в столице Туркменистана в 2016 г. Данная модель БПЛА способна выполнять как функции разведки, так и наземной атаки. Для уничтожения целей, летящих на малых и предельно малых высотах, Туркменистан закупил ЗРК HQ-7（红旗七号）– аналог французского «Кроталь» и 40 ракет к нему.

В качестве ЗРК дальнего действия Ашхабад закупил экспортную версию комплекса HQ-7 (红旗九号) и 75 ракет к нему. HQ-7 – первый разработанный в Китае ЗРК, способный перехватывать баллистические ракеты. Одним из наиболее обсуждаемых моментов, связанных с поставкой HQ-9, стал выбор Туркменистаном этой китайской модели вместо российских более проверенных комплексов С-300[7].

В дополнение был приобретен и ЗРК средней дальности – HQ-12 (红旗十二号), предназначенный для уничтожения самолетов и вертолетов на всех высотах их применения. По данным SIPRI, к комплексу было закуплено 50 ракет. На данный момент в Китае существует более современная версия данной модели ЗРК – HQ-22.

Помимо зенитно-ракетных комплексов с целью противоракетной обороны Ашхабад закупил две РЛС типа YLC-18 – для обнаружения самолетов и крылатых ракет, летящих на малой высоте, и YLC-2 – для обнаружения целей, летящих на средних и больших высотах. К ним же, по данным китайских медиаресурсов, была поставлена как минимум одна станция пассивной электронной разведки DWL002, которая не излучает сигналы, но перехватывает частоты на низкой волне [РЛС дальнего обнаружения 2017].

Кроме того, в 2017 г. в Туркменистан были доставлены 50 ПЗРК QW-2 (前卫二号), способные сбивать цели на малых высотах. Ракеты закупались для частей, базирующихся в южных районах Туркменистана, где расположено несколько важнейших для страны газовых месторождений.

7. При этом HQ-9 разработана на основе российского С-300ПМУ.

Как отмечает В.Б. Кашин, сложность закупленной Ашхабадом техники предусматривает постоянное консультирование туркменских специалистов у китайского персонала [Кашин 2020]. На современном этапе ВТС двух стран имеет все шансы на дальнейшее развитие, наравне с продолжением военного взаимодействия – обменов, совместной подготовки кадров, о чем было заявлено на встрече министра обороны КНР Вэй Фэнхэ с министром обороны Туркменистана Бегенчем Гундогдыевым в 2023 г.

Можно сделать вывод, что стратегия Ашхабада по диверсификации импорта ВВТ, как и наращивание КНР поставок газа из Туркменистана на современном этапе будут способствовать китайско-туркменскому ВТС.

Заключение

Общая картина ВТС КНР со странами Центральной Азии неоднородна, но подходы Китая к безопасности в регионе едины – оборона приграничья с Афганистаном, защита собственных проектов и активов в регионе, поставки ВВТ на грантовой основе странам, в меньшей степени готовым закупать технику по рыночным ценам.

С точки зрения КНР, наращивание ВТС с государствами Центральной Азии также отвечает интересам отечественного ВПК. По мере роста китайской экономики происходит закономерный рост военной мощи КНР, важным становится продвижение бренда китайских ВВТ с точки зрения реализации их экспортного потенциала.

Большая часть стран Центральной Азии наращивает импорт вооружений, при этом более экономически развитые государства региона Казахстан и Узбекистан вкладывают ресурсы в собственное производство ВВТ. На этом фоне для всех стран региона актуальной остается стратегия диверсификации по закупкам военной техники и вооружений, военно-техническая помощь поступает в ЦА не только от России, но и от Китая, от ЕС, США и других стран. Активно наращивается взаимодействие с Турецкой Республикой – для Туркменистана это основной поставщик ВВТ, большинство стран региона закупили турецкие БПЛА «Байрактар», в Киргизии открыта база для «Байрактаров», в Казахстане запускается совместное производство с турецкой компанией ANKA.

В условиях активного ВТС государств Центральной Азии со странами НАТО, поставки военной техники и вооружений из КНР, в большей степени отвечают интересам РФ. Кроме того, обеспечение безопасности в регионе путем предотвращения влияния «третьих сил» в Центральной Азии, разжигающих конфликты и «цветные революции», является целью и Пекина, и Москвы [Си Цзиньпин 2022].

Библиография

Афганская политика стран Центральной Азии: ретроспективы и современные парадигмы // Ia-centr.ru. 2022. 09 окт. URL: https://ia-centr.ru/experts/aleksandr-knyazev/afganskaya-politika-stran-tsentralnoy-azii-retrospektiva-i-sovremennye-paradigmy/ (дата обращения: 12.04.2023).

Бригада спецназа «Пантера» Нацгвардии Киргизии получила китайские клоны HMMWV // Dambiev.livejournal.com. 2020. 20 окт. URL: https://dambiev.livejournal.com/tag/Нацгвардия%20Кыргызстана (дата обращения: 15.09.2022).

ВС Киргизии получили китайские комплексы ПВО ближнего действия «Флаинг Леопард 6С» // Центр анализа мировой торговли оружием. 2020. 21 сент. URL: https://armstrade.org/includes/periodics/news/2020/0921/115059690/detail.shtml (дата обращения: 10.11.2022).

Доклад о состоянии долга СГУ в Кыргызской Республике и предложениях Комиссии по обеспечению долговой устойчивости // Евразийская экономическая комиссия. 2022. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/372/Doklad_KR_2021.pdf (дата обращения: 10.11.2022).

Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии: политические процессы. М.: Аспент Пресс, 2009. 208 с.

Казахстан купил у Китая военный самолет за $37 миллионов. Как он выглядит – видео // Sputnik Казахстан. 2018. 27 сент. URL: https://ru.sputnik.kz/20180927/voennyj-samolet-nacgvardiya-kitaj-7387848.html (дата обращения: 20.06.2023).

Кашин В.Б. Китай и региональный порядок в Евразии: проблемы безопасности // Сравнительная политика. 2020. Vol. 11. № 2. С. 107.

Китай оказал военно-техническую помощь Вооруженным силам Кыргызстана // Kabar.kg. 2021. 26 май. URL: https://kabar.kg/news/kitai-okazal-voenno-tekhnicheskuiu-pomoshch-vooruzhennym-silam-kyrgyzstana/ (дата обращения: 11.12.2022).

Лукин А.В. Россия и Китай в Большой Евразии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 46–59.

Майтдинова Г.М, Шарапов О.М. Российско-таджикское военное и военно-техническое сотрудничество в двустороннем формате и в рамках ОДКБ // Известия Восточного института. 2022. № 3(55). С. 135–143.

Малышева Д.Б. Перспективы Центральной Азии: к завершению международной операции в Афганистане // М.: Политиздат, Свободная мысль. 2014. № 5. С. 101–112.

МВД Кыргызстана получило китайские бронированные авто. Фото // Sputnik Кыргызстан. 2019. 03 июнь. URL: https://ru.sputnik.kg/20190603/kyrgyzstan-mvd-kitaj-bronirovannyj-avtomobil-1044557779.html (дата обращения: 05.04.2023).

Минобороны РК: Казахстанские бронемашины дороже и хуже зарубежных аналогов // Informburo.kz. 2022. 04 авг. URL: https://informburo.kz/novosti/minoborony-rk-kazahstanskie-bronemashiny-dorozhe-i-huzhe-zarubezhnyh-analogov (дата обращения: 11.12.2022).

Названа самая мощная армия в Центральной Азии // Zakon.kz. 2021. 02 сент. URL: https://www.zakon.kz/5081173-nazvana-samaya-moshchnaya-armiya-v.html (дата обращения: 11.12.2022).

Оснащение казахстанской армии вооружением и военной техникой // DKNews.kz. 2023. 03 янв. URL: https://dknews.kz/ru/v-strane/269409-osnashchenie-kazahstanskoy-armii-vooruzheniem-i (дата обращения: 15.12.2022).

Основные направления диверсификации импорта ВиВТ Казахстана // ЦАМТО. URL: https://armstrade.org/files/analytics/347.pdf (дата обращения: 05.12.2022).

Пекин прибирает к рукам страны Центральной Азии // Независимое военное обозрение. 2023. 26 янв. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2023-01-26/5_1222_asia.html (дата обращения: 11.02.2023).

Посещение войсковой части Сухопутных войск в Дарвазском районе // President.tj. 2020. 19 авг. URL: http://www.president.tj/ru/node/23584 (дата обращения: 05.12.2022).

Председатель КНР высоко оценивает туркменский нейтралитет // Turkmenistan.ru. 2000. 06 янв. URL: http://www.turkmenistan.ru/ru/node/13648 (дата обращения: 11.12.2022).

Си Цзиньпин призвал не допустить «цветных революций» в странах ШОС // Известия. 2022. 16 сент. URL: https://iz.ru/1396297/2022-09-16/si-tczinpin-prizval-ne-dopustit-tcvetnykh-revoliutcii-v-stranakh-shos (дата обращения: 12.12.2022).

Сыроежкин К.Л. Проект «Экономический пояс Шёлкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Т. 9. № 6. С. 104–122.

Томберг И.Г. Военное и военно-техническое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в XXI веке. Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9. № 3. С. 289–300.

Туркмения вышла в лидеры по поставкам газа в КНР // Нефть и Капитал. 2022. 22 дек. URL: https://oilcapital.ru/news/2022-12-22/turkmeniya-vyshla-v-lidery-po-postavkam-gaza-v-knr-2622701 (дата обращения: 01.05.2023).

Фролова И.Ю. Взаимодействие в рамках Четырехстороннего механизма по сотрудничеству и координации с участием Китая, Афганистана, Пакистана и Таджикистана // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 37–48.

Эргашев Б. Политика Узбекистана в отношении Афганистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2014. № 5 (263). С. 90–95.

Alimov R.K. SCO agenda is an agenda for region-wide development // SCO. 2017. 19 Dec. URL: http://eng.sectsco.org/ news/20171219/367739.html (дата обращения: 02.04.2022).

Chinese Aid in Progress // C4Defence.com. 2018. 02 Aug. URL: https://www.c4defence.com/en/chinese-aid-in-progress/ (дата обращения: 28.02.2022)

Naumkin V.V. Militant Islam in Central Asia: The Case of the Islamic Movement of Uzbekistan // UC Berkeley: Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies. Escholarship.org. 2003. URL: https://escholarship.org/uc/item/7ch968cn (дата обращения: 03.04.2022).

SIPRI databases [База данных по военным расходам Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), 1991–2023] // Sipri.org. URL: https://www.sipri.org/databases (дата обращения: 18.07.2023).

2023 Turkmenistan Military Strength // GlobalFirepower.com. 2023. URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.php?country_id=turkmenistan (дата обращения: 01.05.2023).

Zhao H. China's View of and Expectations from the Shanghai Cooperation Organization // Asian Survey. 2013. Vol. 53. № 3. P. 436–460.

中国预警雷达亮相中亚实战中东，还和F35过过招 [РЛС дальнего обнаружения Китая появилась в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, была задействована против F35] // Sohu.com. 2017. 30 окт. URL: https://www.sohu.com/a/201176475_352347 (дата обращения: 09.06.2023).

吉总统透露美军基地2014年关闭内幕 望俄中助其增强军力 [Президент Кыргызстана раскрыл данные по закрытию военной базы США в 2014 году и надеется, что Россия и Китай помогут его стране укрепить вооруженные силы] // Rmzxb.com.cn, 2017. 25 Jun. URL: http://www.rmzxb.com.cn/c/2017-07-25/1676600.shtml (дата обращения: 20.06.2023).

孙壮志 [Сунь Чжуанчжи] 中亚安全格局与多边机制的作用_孙壮志 [Модель безопасности в Центральной Азии и роль многосторонних механизмов] // Журнал Синьцзянского педагогического университета (Социальные науки). Вып. 34. № 6. 2013. С. 38–40.

References

Afganskaya politika stran Central`noj Azii: retrospektivy` i sovremenny`e paradigmy` [Afghan policy of the countries of Central Asia: retrospectives and modern paradigms]. Ia-centr.ru. 2022. 09 Oct. URL: https://ia-centr.ru/experts/aleksandr-knyazev/afganskaya-politika-stran-tsentralnoy-azii-retrospektiva-i-sovremennye-paradigmy/ (date of access: 12.04.2023). (In Russ.)

Alimov R.K. SCO agenda is an agenda for region-wide development. SCO. 2017. 19 Dec. URL: http://eng.sectsco.org/ news/20171219/367739.html (date of access: 02.04.2022).

Brigada specznaza «Pantera» Naczgvardii Kirgizii poluchila kitajskie klony` HMMWV [The Panther special forces brigade of the National Guard of Kyrgyzstan received Chinese HMMWV clones]. Dambiev.livejournal.com. 2020. 20 Oct. URL: https://dambiev.livejournal.com/tag/Naczgvardiya%20Ky`rgy`zstana (date of access: 15.09.2022). (In Russ.)

China's early warning radar appeared in Central Asia and the Middle East, and was used against the F35. Sohu.com. 2017. 30 Oct. URL: https://www.sohu.com/a/201176475_352347 (date of access: 09.06.2023). (In Chin.)

Chinese Aid in Progress. C4Defence.com. 2018. 02 Aug. URL: https://www.c4defence.com/en/chinese-aid-in-progress/ (date of access: 28.02.2022). (In Russ.)

Doklad o sostoyanii dolga SGU v Ky`rgy`zskoj Respublike i predlozheniyax Komissii po obespecheniyu dolgovoj ustojchivosti [Report on the state of the debt of SSU in the Kyrgyz Republic and proposals of the Commission to ensure debt sustainability]. Evrazijskaya e`konomicheskaya komissiya. 2022. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/372/Doklad_KR_2021.pdf (date of access: 10.11.2022). (In Russ.)

E`rgashev B. Politika Uzbekistana v otnoshenii Afganistana v kontekste obespecheniya regional`noj bezopasnosti v Central`noj Azii [Uzbekistan's policy towards Afghanistan in the context of ensuring regional security in Central Asia]. Rossiya i musul`manskij mir [Russia and the Muslim world]. 2014. N 5 (263). P. 90–95. (In Russ.)

Frolova I.Yu. Vzaimodejstvie v ramkax Chety`ryoxstoronnego mexanizma po sotrudnichestvu i koordinacii s uchastiem Kitaya, Afganistana, Pakistana i Tadzhikistana [Interaction within the framework of the Quadrilateral Mechanism for Cooperation and Coordination with the participation of China, Afghanistan, Pakistan and Tajikistan]. Problemy` nacional`noj strategii [Problems of national strategy]. 2020. N 1 (58). P. 37–48. (In Russ.)

Kashin V.B. Kitaĭ i regional`ny`ĭ poryadok v Evrazii: problemy` bezopasnosti [China and the regional order in Eurasia: security problems]. Sravnitel`naya politika. 2020. Vol. 11. N. 2. P. 107. (In Russ.)

Kazaxstan kupil u Kitaya voenny`j samolet za $37 millionov. Kak on vy`glyadit – video [Kazakhstan bought a military aircraft from China for $37 million. What he looks like – video]. Sputnik Kazaxstan. 2018. 27 Sept. URL: https://ru.sputnik.kz/20180927/voennyj-samolet-nacgvardiya-kitaj-7387848.html (date of access: 20.06.2023). (In Russ.)

Kitaj okazal voenno-texnicheskuyu pomoshh` Vooruzhenny`m silam Ky`rgy`zstana [China provided military-technical assistance to the Armed Forces of Kyrgyzstan]. Kabar.kg. 2021. 26 May. URL: https://kabar.kg/news/kitai-okazal-voenno-tekhnicheskuiu-pomoshch-vooruzhennym-silam-kyrgyzstana/ (date of access: 11.12.2022). (In Russ.)

Lukin A.V. Rossiya i Kitaj v Bol`shoj Evrazii [Russia and China in Greater Eurasia]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Political Studies] 2020. N 5. P. 46–59. (In Russ.)

Majtdinova G.M., Sharapov O.M. Rossijsko-tadzhikskoe voennoe i voenno-texnicheskoe sotrudnichestvo v dvustoronnem formate i v ramkax ODKB [Russian-Tajik military and military-technical cooperation in a bilateral format and within the framework of the CSTO]. Izvestiya Vostochnogo institute [News of the Eastern Institute]. 2022. N 3 (55). P. 135–143. (In Russ.)

Maly`sheva D.B. Perspektivy` Central`noj Azii: k zaversheniyu mezhdunarodnoj operacii v Afganistane [Prospects for Central Asia: towards the completion of the international operation in Afghanistan]. M.: Politizdat, Svobodnaya my`sl`. 2014. N 5. C. 101–112. (In Russ.)

Minoborony` RK: Kazaxstanskie bronemashiny` dorozhe i xuzhe zarubezhny`x analogov [Ministry of Defense of the Republic of Kazakhstan: Kazakh armored vehicles are more expensive and worse than their foreign counterparts]. Informburo.kz. 2022. 04 Aug. URL: https://informburo.kz/novosti/minoborony-rk-kazahstanskie-bronemashiny-dorozhe-i-huzhe-zarubezhnyh-analogov (date of access: 11.12.2022). (In Russ.)

MVD Ky`rgy`zstana poluchilo kitajskie bronirovanny`e avto. Foto [The Ministry of Internal Affairs of Kyrgyzstan received Chinese armored vehicles. Photo]. Sputnik Ky`rgy`zstan. 2019. 03 Jul. URL: https://ru.sputnik.kg/20190603/kyrgyzstan-mvd-kitaj-bronirovannyj-avtomobil-1044557779.html (date of access: 05.04.2023). (In Russ.)

Naumkin V.V. Militant Islam in Central Asia: The Case of the Islamic Movement of Uzbekistan. UC Berkeley: Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies. Escholarship.org. 2003. URL: https://escholarship.org/uc/item/7ch968cn (date of access: 03.04.2022).

Nazvana samaya moshhnaya armiya v Central`noj Azii [The most powerful army in Central Asia has been named]. Zakon.kz. 2021. 02 Sept. URL: https://www.zakon.kz/5081173-nazvana-samaya-moshchnaya-armiya-v.html (date of access: 11.12.2022). (In Russ.)

Osnashhenie kazaxstanskoj armii vooruzheniem i voennoj texnikoj [Equipping the Kazakh army with weapons and military equipment]. DKNews.kz. 2023. 03 Jan. URL: https://dknews.kz/ru/v-strane/269409-osnashchenie-kazahstanskoy-armii-vooruzheniem-i (date of access: 15.12.2022). (In Russ.)

Osnovny`e napravleniya diversifikacii importa ViVT Kazaxstana [Main directions of diversification of arms and military equipment imports of Kazakhstan]. CzAMTO. URL: https://armstrade.org/files/analytics/347.pdf (date of access: 05.12.2022). (In Russ.)

Pekin pribiraet k rukam strany` Central`noj Azii [Beijing is taking control of the countries of Central Asia]. Nezavisimoe voennoe obozrenie. 2023. 26 Jan. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2023-01-26/5_1222_asia.html (date of access: 11.02.2023). (In Russ.)

Poseshhenie vojskovoj chasti Suxoputny`x vojsk v Darvazskom rajone [Visit to the military unit of the Ground Forces in the Darvaz region]. President.tj. 2020. 19 Aug. URL: http://www.president.tj/ru/node/23584 (date of access: 05.12.2022). (In Russ.)

Predsedatel` KNR vy`soko ocenivaet turkmenskij nejtralitet [The Chairman of the People's Republic of China highly appreciates Turkmen neutrality]. Turkmenistan.ru. 2000. 06 Jan. URL: http://www.turkmenistan.ru/ru/node/13648 (date of access: 11.12.2022). (In Russ.)

Security model in Central Asia and the role of multilateral mechanisms]. Zhurnal Sin`czzyanskogo pedagogicheskogo universiteta (Social`ny`e nauki) [Journal of Xinjiang Normal University (Social Sciences)]. 2013. Ser. 34. N 6. P. 38–40. (In Chin.)

Si Czzin`pin prizval ne dopustit` «czvetny`x revolyucij» v stranax ShOS [Xi Jinping called to prevent «color revolutions» in the SCO countries]. Izvestiya. 2022. 16 Sept. URL: https://iz.ru/1396297/2022-09-16/si-tczinpin-prizval-ne-dopustit-tcvetnykh-revoliutcii-v-stranakh-shos (date of access: 12.12.2022). (In Russ.)

SIPRI databases [Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) Military Expenditure Database, 1991–2023]. Sipri.org. URL: https://www.sipri.org/databases (date of access: 18.07.2023). (In Russ.)

Sy`roezhkin K.L. Proekt «E`konomicheskij poyas Shyolkovogo puti» v slozhnom prostranstve Central`noj Azii [Project «Economic Belt of the Silk Road» in the complex space of Central Asia]. Kontury` global`ny`x transformacij: politika, e`konomika, pravo [Contours of global transformations: politics economics law]. 2016. T. 9. N 6. P. 104–122. (In Russ.)

The President of Kyrgyzstan revealed the closure of a US military base in 2014 and hopes that Russia and China will help his country strengthen its armed forces. Rmzxb.com.cn. 2017. 25 Jun. URL: http://www.rmzxb.com.cn/c/2017-07-25/1676600.shtml (date of access: 20.06.2023). (In Chin.)

Tomberg I.G. Voennoe i voenno-texnicheskoe sotrudnichestvo Kitaya so stranami Central`noj Azii v XXI veke [Military and military-technical cooperation between China and the countries of Central Asia in the 21st century]. Problemy` postsovetskogo prostranstva [Problems of the post-Soviet space]. 2022. Vol. 9. N 3. P. 289–300. (In Russ.)

2023 Turkmenistan Military Strength [2023 Turkmenistan Military Strength]. GlobalFirepower.com. 2023. URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.php?country_id=turkmenistan (date of access: 01.05.2023).

Turkmeniya vy`shla v lidery` po postavkam gaza v KNR [Turkmenistan has become a leader in gas supplies to China]. Neft` i Kapital [Oil and capital. 2022. 22 Dec. URL: https://oilcapital.ru/news/2022-12-22/turkmeniya-vyshla-v-lidery-po-postavkam-gaza-v-knr-2622701 (date of access: 01.05.2023). (In Russ.)

VS Kirgizii poluchili kitajskie kompleksy` PVO blizhnego dejstviya «Flaing Leopard 6C» [The Kyrgyz Armed Forces received Chinese short-range air defense systems «Flying Leopard 6C»]. Centr analiza mirovoj torgovli oruzhiem. 2020. 21 Sept. URL: https://armstrade.org/includes/periodics/news/2020/0921/115059690/detail.shtml (date of access: 10.11.2022). (In Russ.)

Zhao H. China’s View of and Expectations from the Shanghai Cooperation Organization. Asian Survey. 2013. Vol. 53. N 3. P. 436–460.

Zvyagel`skaya I.D. Stanovlenie gosudarstv Central`noĭ Azii: politicheskie processy` [Formation of the states of Central Asia: political processes]. Moscow: Aspent Press, 2009. 208 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.07

Н.О. Бабушок

ФАКТОР ТАЙВАНЯ В АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. *Отношения по обе стороны Тайваньского пролива в XXI в. составляют одну из серьезных проблем Азиатско-Тихоокеанского региона. Решение «тайваньского вопроса», как заявил на XX съезде Коммунистической партии Китая председатель КНР Си Цзиньпин, «это историческая задача, к выполнению которой неизменно стремится партия… обязательное требование осуществления великого возрождения китайской нации», что говорит о продолжении общей линии партии и политики «Одного Китая». Учитывая то, что власти Тайваня и власти КНР договорились в 1992 г. о признании «единого Китая», обе стороны в этом базовом соглашении так и не смогли определить одну интерпретацию понимания единства Китая, в связи с чем стороны стараются придерживаться статус-кво в отношениях. Соединенные Штаты Америки, несмотря на неимение дипломатических отношений с островом, называют Тайвань своим «ключевым партнером» в регионе, продолжают развивать экономические, торговые и военные связи. Это не может не влиять на американо-китайские отношения и остается ключевым вопросом стабильности в регионе. Принимая во внимание растущую роль Китая, новый виток усиления напряженности в регионе Тайваньского пролива, актуальным становится анализ Тайваньского фактора в отношениях между США и КНР.*

Ключевые слова: *США; Китай; Тайвань; «Один Китай»; АТР; геополитика.*

Бабушок Никита Олегович – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: nicolasspj@icloud.com

Babushok N.O. **The Taiwan factor in US-China relations**

Abstract. *Relations on both sides of the Taiwan Strait in the 21st century are one of the serious issues in the Asia-Pacific region. Resolving the «Taiwan question», as President Xi Jinping said at the 20th Congress of the Communist Party of China, «is a historical task that the Party has always striven for ... an indispensable requirement for the realization of the great rejuvenation of the Chinese nation», which indicates the continuation of the gene-*

ral party line and «One China» policy. Given that both the Taiwanese and the PRC authorities agreed in 1992 to recognize «One China», neither party in this basic agreement could determine a common interpretation of understanding the unity of China, and therefore they try to adhere to the status quo in relations. The United States, despite the lack of diplomatic relations with the island, calls Taiwan its «key partner» in the region and continue to develop economic, trade and military ties. This cannot but affect US-China relations and remains a key issue for stability in the region. Taking into account the growing role of China, a new round of increased tension in the Taiwan Strait region, the analysis of the Taiwan factor in relations between the US and China becomes relevant.

Keywords: *USA; China; Taiwan; «One China»; APR; geopolitics.*

Babushok Nikita Olegovich – PhD student, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: nicolasspj@icloud.com

В XX в. США и КНР подписали ряд важных документов, определяющих отношения Соединенных Штатов с Китаем и Тайванем. Одним из таких документов является Шанхайское коммюнике, которое было подписано в 1972 г. во время визита президента Никсона. В этом документе признается, что китайцы по обе стороны пролива считают Тайвань частью Китая, а также подчеркивается, что США и Китай должны работать над нормализацией своих отношений. При этом КНР обозначил Тайвань как зону внутренних интересов Китая и ни одно государство не должно вмешиваться в политику острова. Поскольку коммюнике было одним из первых дипломатических документов между США и КНР с момента образования республики, а сам «Тайваньский вопрос» интерпретировался по-разному, принципиально важные аспекты взаимодействия стран не были включены в документ.

Уже в 1979 г. президент Картер объявил об установлении дипломатических отношений с КНР, что возымело далеко идущие последствия. Ранняя политика Дэн Сяопина, экономические реформы и его турне в США закрепляли западный вектор китайской внешней политики. Отмечается, что переход Китая на сторону Запада, фактически направленный «против гегемонизма» Советского Союза, серьезно менял соотношение сил на мировой арене [Тавровский 2018]. При этом подчеркивается, что установление дипломатических отношений США с Китаем составили кульминацию того, как более чем восемь лет три президентские администрации добивались существенного перевеса в балансе сил в период холодной войны [Hilton 2009, с. 595]. Путем торговых уступок, включая разрешение на продажу Пекину военного оборудования и вето на поставку истребителей Тайваню, президенту Картеру удалось добиться расположения Китая.

С момента установления дипломатических отношений с КНР и разрыва официальных связей с Тайванем, США взаимодействуют с островом через Американский институт на Тайване и поддерживают неофициальные отношения, в том числе экономические, торговые и культурные. Закон об отношениях с Тайванем 1979 г. и по сей день остается юридической основой взаимоотношений США и Тайваня. Документ содержит в том числе положения об обеспечении оборонительным вооружением для содействия Тайваню в отстаивании прав в области противодействия силовым вмешательствам в политику острова. КНР не могли согласиться с таким положением дел и требовали от США пересмотреть свои намерения по поставке вооружений на Тайвань. В третьем коммюнике 1982 г. США и КНР подтвердили свою приверженность укреплению двухсторонних связей, однако сторонам не удалось договориться по поводу прекращения поставок вооружений. На тот момент прекращение дипломатических связей с Тайванем было встречено американским обществом неоднозначно, поэтому правительство США находилось в непростом положении: с одной стороны, поддержание и укрепление взаимоотношений с Китаем становилось приоритетным, в том числе в противовес Советскому Союзу; с другой – отношения с Тайванем были интересны как американскому бизнесу, так и правительству с точки зрения сдерживания Китая. В качестве разъяснения к третьему коммюнике США выпустили так называемые шесть гарантий, или шесть заверений, напрямую касающихся отношений США с КНР и с Тайванем. Гарантии включали в себя важнейшие аспекты по военному сотрудничеству США с островом, в том числе о том, что США не будут согласовывать с КНР даты поставок вооружения, условия взаимоотношений с Тайванем и не будут посредниками в китайско-тайваньских отношениях. Стоит отметить, что данные гарантии считались неофициальными вплоть до 2016 г., когда Палата представителей и Сенат присвоили им официальный статус. Но, несмотря на этот факт, шесть заверений остаются резолюциями, которые не имеют официальной силы. США и по сей день не признают суверенитета КНР над Тайванем, выступают за мирное решение конфликта путем диалога. При этом если КНР нарушит статус-кво в Тайваньском проливе, нарушит принципы, заложенные в документах, и будет использовать силовые методы, США, согласно возложенным на себя обязательствам, будут помогать Тайваню защищать себя. В Тайваньском обзоре внешней политики 1994 г. были закреплены документы по взаимодействию с Тайбэем, в основе которых были закон об отношениях и три коммюнике, а также подчеркивалась приверженность США к всестороннему сотрудничеству с Тайванем [Lord 1994].

Таким образом, основы внешней политики США по обе стороны Тайваньского пролива, представляющие собой три коммюнике и Закон об отношениях с Тайванем, не претерпели значительных концептуальных изменений, а скорее укрепились. В частности, в 1992 г. администрация Клинтона

инициировала обзор американской политики в отношениях с Тайванем, где указала на то, что в своих отношениях США будут опираться на уже определенные до этого принципы, а также на расширение сотрудничества в экономической области и поддержку Тайваня в международных организациях. При этом стоит отметить, что количество вооружений, поставляемых США Тайваню с момента согласования коммюнике по сокращению поставок вооружений, постоянно росло и продолжает расти. Только в 90-х годах были согласованы поставки самолетов F-16 и ракет Patriot на сумму более 7 млрд долл. [Kan 2014, p. 56]. Одной из причин решений в пользу дальнейших поставок вооружений Тайваню послужил кризис в Тайваньском проливе 1995–1996 гг. Визит президента Ли Дэнхуэя в США, а также первые прямые выборы президента на Тайване вызвали бурную реакцию внутри КНР и повлекли за собой крупные военные учения Китая в Тайваньском проливе. В ответ на учения США отправили несколько авианосных групп для поддержания стабильности в регионе. Благодаря дипломатическим усилиям, прямого столкновения удалось избежать, однако фактор Тайваня в отношениях между США и КНР приобретал еще большую важность. Отмечается, что кризис 1995–1996 гг. нес в себе серьезные риски прямой конфронтации между США и КНР впервые с начала 1960-х [Ross 2000, p. 97]. Так или иначе военные учения КНР не только не смогли повлиять на внутренние процессы на Тайване, но и способствовали дальнейшей демократизации на острове и повышению его обороноспособности.

Стоит отметить, что Тайвань проводил ряд программ, направленных на создание оружия массового уничтожения. В частности, после первого испытания ядерного оружия КНР в 1964 г., Тайвань создал секретную программу по производству ядерного арсенала и начал предпринимать шаги по получению ядерных технологий из-за рубежа. В конце 1990-х ядерная программа была раскрыта, и Тайвань под давлением США вынужден был закрыть проект. И по сей день Тайбэй может иметь технический потенциал по созданию ядерного оружия [Губин 2022]. Применительно к современной ситуации, дискуссии по поводу обладания Тайванем собственного ядерного потенциала набирают большие обороты в связи с событиями на Украине и ростом мощи Китая. Так, тайваньские эксперты считают, что обладание ядерным оружием обоснованно для защиты Тайваня и поддержания баланса в регионе [Lo 2022]. Американский ученый Иэн Истон в одном из интервью обосновал необходимость ядерного оружия для Тайбэя, сравнивания остров с Израилем, который благодаря своему ядерному статусу более защищен от угроз со стороны более крупных соседей [Everington 2019]. Разумеется, КНР не может допустить такого расклада, поэтому продолжает усиление своего военного потенциала, что, в свою очередь, тревожит Тайбэй [Айан Истон 2019]. По последним данным, Китай собирается увеличить свой ядерный арсенал в 3 раза до 2035 г. [China mulls

2023]. Данные дискуссии подчеркивают остроту Тайваньской проблемы как для Китая, так и для США.

После кризиса, отношения США и КНР приобрели большую напряженность, в связи с чем необходимы были дальнейшие шаги по налаживанию как двусторонних отношений, так и по укреплению региональной стабильности. На встрече в Маниле в 1996 г. лидеры США и КНР договорились о взаимных визитах и уже в 1997 г. Цзян Цзэминь посетил США. Клинтон тогда уверил китайского лидера в том, что США не стремятся проводить политику «два Китая», не поддерживают независимость Тайваня и его членство в международных организациях в качестве отдельного государства. Позже эти заверения президент США лично подтвердил уже в Шанхае, они стали известны как «три нет». Однако уже в июле Конгресс США принял резолюцию, подтверждающую приверженность безопасности Тайваня, а Палата Представителей выпустила рекомендации по отказу от применения силы в отношении Тайбэя со стороны Китая. Таким образом, США активно балансируют между Китаем и Тайбэем, и, по существу, стремятся поддерживать статус-кво в регионе и способствовать дальнейшему развитию Тайваня. Признание же независимости Тайбэя было бы выгодным для США и их партнеров, но это неизбежно вызовет противодействие со стороны КНР.

Тайвань для Китая остается важным направлением внешней политики и нерешенным вопросом с точки зрения одного Китая. Стоит отметить, что идеологема «Один Китай» после присоединения Гонконга была дополнена и выражалась как «одна страна, две системы» [Restoring]. Китай целенаправленно продолжал переговоры о присоединении Тайваня, но Тайбэй, выбравший курс демократизации и экономической трансформации, предпочитал рассматривать себя как отдельную страну. В 2000 г. Чэнь Шуйбянь в своей инаугурационной речи пообещал, что его администрация не будет провозглашать независимость Тайваня. Однако среди политической элиты страны все чаще звучали идеи о проведении референдума о независимости, и уже в 2006 г. Тайваньский Совет национального объединения, функционировавший с 1990 г., был распущен, что означало утрату доверия к обещанию президента Тайваня. В ответ на данные тенденции Китай предпринимал попытки сдерживать устремления Тайваня и в 2005 г. выпустил закон «О противодействии расколу страны», который предусматривал применение силы в случае попытки отделения острова от Китая. В свою очередь, США и Япония включили Тайвань в зону своих общих стратегических интересов, считая, что шаги Китая по наращиванию военной мощи и сдерживанию Тайбэя ведут к повышению напряженности в регионе [Линь Явэнь 2019, с. 135]. Подчеркивается, что США остаются важнейшим фактором развития ситуации в регионе Тайваньского пролива [там же, с. 137]. После избрания Ма Иньцзю произошло если не потепление в отношениях, то некоторое сближение между Пекином и

Тайбэем. В 2015 г. произошла первая встреча лидеров КНР и Тайваня за более чем полвека. Несмотря на налаживание экономических и культурных связей, лидерам не удалось приблизиться к решению фундаментальных вопросов взаимодействия: КНР не удается убедить Тайвань присоединиться к материковому Китаю, а устремления Тайваня направлены на постепенное обретение независимости и на движение по собственному вектору развития. Лидеры подчеркивали консенсус 1992 г. как фундаментальный документ в отношениях, при этом часто обвиняя друг друга в его нарушении.

Соединенные Штаты в целом подчеркивали важность договоренностей по Тайваню и принципа «Одного Китая». Но поскольку «Один Китай» до сих пор рассматривается по-разному по обе стороны Тайваньского пролива, любые шаги Китая к эскалации, равно как и поддержка Тайваня со стороны США, встречают противодействие в этом треугольнике. Так один звонок из Тайваня будущему на тот момент президенту Дональду Трампу и один его пост в социальной сети в очередной раз повысили напряженность в американо-китайских отношениях и поставили их на грань кризиса, из-за чего Белому дому пришлось вновь подчеркивать приверженность прошлым договоренностям [Куприянов 2016, White House: no change 2016]. Позже Трамп заявил, что США не должны быть связаны данной политикой в отношении сотрудничества с Тайванем [Bohan, Brunnstrom 2016]

Торговая война между США и КНР, которая была развязана во время президентства Трампа, еще больше усилила противоречия между США и Китаем. Тем не менее результаты торговой войны показали, что она велась осторожно как со стороны США, так и со стороны КНР [Колташов 2022]. С тех пор как Трамп ввел пошлины на импортную продукцию из Китая, объемы торговли между двумя странами значительно уменьшились в период с 2018 по 2019 г. [Балашев, Пшеничная 2020]. Но уже в пандемийный 2020 и последующий 2021 гг. товарооборот вновь возобновил рост [Колташов 2022]. Стоит отметить, что политика протекционизма принесла свои плоды для американского рынка, однако обнажила определенные границы действий, на которые готовы США. В свою очередь Китаю удалось повысить объем внешней торговли до более 6 трлн долл. Политический же аспект торговой войны состоит в том, что Китай и США продемонстрировали важность уже не столько взаимовыгодных интересов в двусторонней торговле, а собственных интересов, которые различаются по ряду причин и могут не совпадать. Китай же убедился в важности развития собственного технологического и инновационного секторов, а также диверсификации рынков сбыта, укрепляя при этом сотрудничество со странами АСЕАН и Латинской Америки [Вышли данные по внешней торговле 2022]. США остаются главным торговым партнером КНР, что не может не устраивать Китай.

Объем торговли между КНР и Тайванем по итогам 2021 г. достиг рекордного уровня и вырос на 27,3% [Объем торговли 2021], что свидетельствует о тесных экономических связях и открытых возможностях для взаимодействий. Как для Китая, так и для США Тайвань входит в десятку крупнейших торговых партнеров [U.S. Trade; The total value 2022]. США стремятся поддерживать и усиливать свое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) с опорой на своих союзников, включая страны Океании, часть стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Японию, Южную Корею и Тайвань [Ковалева 2019, с. 84]. В 2022 г. Тайвань и США запустили переговоры о совместной инициативе по торговле XXI в., включающие процедуры упрощения торговли между странами. Учитывая заинтересованность Тайваня в Транстихоокеанском партнерстве, из которого США вышли в 2017 г., двусторонние торговые инициативы могут быть в перспективе нацелены на создание зоны свободной торговли между странами. Китай может опасаться расширения торговых взаимодействий между США и Тайбэем, поскольку это дает острову большую самостоятельность и расширяет экономические возможности, в том числе в регионе АТР.

Взгляд на необходимость поддержки Тайваня со стороны США разнится. С одной стороны, эксперты полагают, что на современном этапе Тайвань для США является серьезным препятствием для налаживания отношений с КНР: Тайбэй не предлагает значительных стратегических преимуществ для США, а риски прямого столкновения с КНР со временем усиливаются, и в связи с этим политика Соединенных Штатов должна быть пересмотрена для обеспечения нормализации американо-китайских отношений; с другой – часть экспертов считают, что США не могут отказаться от поддержки Тайваня в связи с ростом влияния КНР на мировой арене, и в случае отсутствия поддержки Тайваня это пошатнет региональную стабильность и серьезно ослабит безопасность США и их союзников в регионе [Makhammaduly 2020, с. 78]. Так для США единственным вариантом остается «симптоматическая» политика, направленная как на поддержку стабильного уровня отношений с КНР, так и на поддержку обороноспособности Тайваня и удержание амбиций КНР без прямого вступления в конфликт.

В дальнейшем США продолжили повышать уровень отношений с Тайванем. Так в 2018 г. Дональд Трамп подписал Закон о путешествиях на Тайвань, который разрешает высокопоставленным лицам двух государств наносить друг другу официальные визиты, а также поощряет любые взаимодействия между сторонами [Public Law]. Данный документ является безусловно важным для дальнейшего развития отношений между странами; кроме того, принцип американо-тайваньских отношений, не основанный на прямых дипломатических связях, постепенно приобретает всю большую официальность. Китай в ответ на эти действия выразил недовольство и в очередной раз обвинил стороны в

нарушении принципов «Одного Китая» [Martina, Zengerle 2018]. После принятия данного закона, Тайвань посетили десятки высокопоставленных лиц из США, включая министров и сенаторов. Одним из наиболее ярких прецедентов стал визит спикера Палаты Представителей Нэнси Пелоси в Тайвань. Несмотря на решительный протест со стороны КНР, Пелоси прибыла на Тайвань чтобы продемонстрировать что США «никогда не поддадутся автократам» [Nancy Pelosi 2022]. США успели подчеркнуть, что визит спикера никак не нарушает фундаментальных договоренностей по Тайваню с КНР [Pelosi's Taiwan visit 2022]. Однако заметно, что риторика двух стран приобретает все более враждебный характер, что само по себе противопоставляет их взгляды на принципиальные вопросы взаимодействия.

Это был первый визит такого уровня начиная с 1997 г. Хотя изначально президент Байден говорил об этом визите как о «плохой идее», представители правительства США поддержали Пелоси, трактуя визит как мирный и не меняющий политику США в отношении КНР и Тайваня, а реакцию КНР назвали «слишком острой и ведущей к эскалации» [US updates 2022]. Реакция КНР же заключалась в демонстрации сил и возможностей для обороны, а также в высказываниях о «недопустимости посягательства на суверенитет страны [As it happened 2022]. Международное сообщество по-разному отреагировало на инцидент. В частности, Россия заявила, что вопрос Тайваня является внутренним делом Китая, и Пекин вправе принимать «любые меры для защиты своего суверенитета» [Посол РФ 2022]. Противоречия по поводу Тайваня со стороны международного сообщества также во многом лежат в разном понимании политики «Одного Китая», поскольку, например, США и ЕС не видят здесь препятствий для развития сотрудничества и поддержки Тайваня, тогда как КНР, Россия и Иран указывают на то, что США зачастую переходят черту в своей политике. Большинство государств подчеркивает, что усиление напряженности в регионе может привести к непредсказуемым последствиям и призывают стороны не допускать эскалации. Китайские эксперты подчеркивают, что визит Пелоси является «провокацией» и «прямым посягательством на суверенитет Китая» [Qiang Xin 2022, с. 176].

Визит Ненси Пелоси активизировал процессы по обе стороны пролива: Китай вынуждают усиливаться еще больше в военном плане, делать при этом все более громкие заявления о защите своих законных интересов, а США, связанные с Тайванем соглашениями о всесторонней поддержке, организуют все больше поставок военной помощи на остров, выражая по сути противоположную от действий мысль по сохранению статус-кво. Си Цзиньпинь в своем докладе 20-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая подчеркивает, что курс «мирное воссоединение, одна страна – две системы» является лучшим из решений по Тайваню, заявляет о том, что КНР противостоит тайваньским сепаратистам и давлению внешних сил [Полный текст доклада

2022]. Тем не менее, исходя из высказываний официальных лиц, Китай оставляет за собой право реагировать на процессы, происходящие у себя на территории, как считает нужным. Все это может говорить о том, что сейчас наблюдается длинная фаза военной и политической эскалации в треугольнике КНР-Тайвань-США [Кашин 2022]. Любое неосторожное действие со стороны США в адрес Тайваня расценивается КНР как провокация и подталкивает Китай к более решительным действиям. Для Китая решение тайваньского вопроса является исторической задачей воссоединения, без которой невозможно «великого возрождения китайской нации». Учитывая, что Китай является одной из крупнейших экономик мира, с населением более 1,4 млрд человек, крупным военным и цивилизационным полюсом, у Китая есть все возможности для защиты своих национальных интересов. Не говоря о других не менее важных политических вопросах для Китая, данные факторы несут в себе реальные риски прямого столкновения с США, от решений Пекина во многом зависит стабильность в Индо-Тихоокеанском регионе.

Таким образом, КНР на сегодняшний день приобрела не только больший политический и экономический вес в мире, но и более широкие возможности по реализации своих национальных интересов. Тайвань стал одной из ведущих экономик региона и остается одним из важнейших торговых партнеров как для КНР, так и для США. Путь демократизации, выбранный Тайбэем, дал свои результаты в виде большей поддержки со стороны Соединенных Штатов, вызвал укрепление связей с другими странами, но еще не привел к признанию Тайваня как самостоятельного актора международных отношений. Вопрос Тайваня долгое время эволюционировал, однако принципиальные позиции стран в корне не поменялись. Во многом это объясняется компромиссными договоренностями, которые породили разницу в трактовках, соответственно, и различие проводимых политик в отношении друг друга. «Один Китай» не может, и изначально не мог, устраивать все страны, а скорее был замораживающим решением. КНР буквально понимают Тайвань как свою неотъемлемую часть, принципиальный вопрос воссоединения остро стоит еще с прошлого века. Тайвань, прошедший иной путь развития, стремится к независимости, не желая вступать в прямой конфликт с КНР. США, рассматривающие Тайвань как своего исторического партнера, желают сохранять статус-кво, с одной стороны, поддерживая устремления Тайваня, поддерживая остров в военном плане, стараясь не допустить военного решения вопроса со стороны КНР. С другой стороны, в эпоху глобализации экономические связи США и КНР остаются крепкими. Несмотря на Торговую войну и последствия пандемии, страны принимали последовательные решения, руководствуясь собственными экономическими интересами, в связи с чем США невыгодно экономически воздействовать на Китай корректируя их политические решения, равно как КНР, экономически зависимая от США, вынуждена

осторожно реагировать на действия США в отношении Тайваня. Однако рост Китая, который наблюдается в последние годы, постепенно меняет положение дел в их сторону, что дает КНР большие возможности в принятии решений. Учитывая усиление напряженности в регионе, будущие выборы в 2024 г. в Тайване могут повлечь за собой провокации как со стороны США, так и со стороны КНР, а от политического курса следующего президента будет зависеть развитие американо-китайских отношений.

Библиография

Айан Истон на Тайване: проблема ядерного оружия Тайваня (Taipei Times, Тайвань) // Иносми. 2019. 7 марта. URL: https://inosmi.ru/20190307/244697445.html?ysclid=lek55ng4fw870541458 (дата обращения: 01.03.2023).

Балашев Н.Б., Пшеничная Е.А. Торговая война между США и Китаем и ее последствия // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 11-1 (69). С. 89–91.

Вышли данные по внешней торговле Китая // Агентство экономической информации Прайм. 2022. 7 дек. URL: https://1prime.ru/world/20221207/839078736.html?ysclid=leli6epgm738344857 (дата обращения: 01.03.2023).

Губин А. «Ядерная полночь» в Восточной Азии: новая опасность эскалации в Тайваньском проливе // РСМД. 2022. 13 янв. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yadernaya-polnoch-v-vostochnoy-azii-novaya-opasnost-eskalatsii-v-tayvanskom-prolive/ (дата обращения: 01.03.2023).

Кашин В. Последствия визита Пелоси на Тайвань ощутит на себе весь мир // РСМД. 2022. 5 авг. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/posledstviya-vizita-pelosi-na-tayvan-oshchutit-na-sebe-ves-mir/ (дата обращения: 01.03.2023).

Куприянов А. Звонок с Тайваня поставил отношения США и Китая на грань кризиса // Лента. 2016. 14 дек. URL: https://lenta.ru/articles/2016/12/14/trump_call/?ysclid=lelfi3mgxn288214196 (дата обращения: 01.03.2023).

Ковалева А.О. Военно-политические аспекты сотрудничества России и Китая в современной геополитической ситуации // Россия и современный мир. 2019. № 2. С. 82–91.

Колташов В. Результаты торговой войны США и Китая: кто проиграл и кто выиграл // ТАСС. 2022. 31 янв. URL: https://tass.ru/opinions/13571599?ysclid=lelhls9pnf103834428&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 01.03.2023).

Линь Явэнь. Политика КНР в отношении проблемы Тайваня в XXI веке // Казанский вестник молодых учёных. 2019. № 4 (12). С. 135–141. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politika-knr-v-otnoshenii-problemy-tayvanya-v-xxi-veke (дата обращения: 01.03.2023).

Объем торговли континентальной части Китая с Тайванем достиг рекордно высокого уровня – Канцелярия Госсовета КНР по делам Тайваня // Синьхуа Новости. 2021. 29 дек. URL: http://russian.news.cn/2021-12/29/c_1310400155.htm (дата обращения: 01.03.2023).

Полный текст доклада 20-ому Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая // МИД КНР. 2022. 25 окт. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 01.03.2023).

Посол РФ в КНР заявил о праве Китая принимать любые меры для защиты суверенитета // ТАСС. 2022. 10 авг. URL: https://tass.ru/politika/15436613?ysclid=leomxtzblq209700201 (дата обращения: 01.03.2023).

Тавровский Ю. 40 лет, которые потрясли Китай // Независимая газета. 2018. 24 окт. URL: https://www.ng.ru/ideas/2018-10-24/5_7339_40years.html?ysclid=lafpvgujfm676008651 (дата обращения: 01.03.2023).

As it happened: Nancy Pelosi's controversial visit to Taiwan met with vows of «countermeasures» by China // CNA. 2022. Aug. 3. URL: https://www.channelnewsasia.com/asia/us-speaker-nancy-pelosi-taiwan-china-beijing-washington-2853311 (дата обращения: 01.03.2023).

Bohan C., Brunnstrom D. Trump says U.S. not necessarily bound by «one China» policy // Reuters. 2016. Dec. 11. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-china-idUSKBN1400TY (дата обращения: 01.03.2023).

China mulls tripling nuclear warheads to 900 by 2035: sources // Kyodo News. 2023. Feb. 11. URL: https://english.kyodonews.net/news/2023/02/decafa124920-china-mulls-tripling-nuclear-warheads-to-900-by-2035-sources.html (дата обращения: 01.03.2023).

Everington K. China Uncensored asks, «Should Taiwan have Nukes?» // Taiwan News. 2019. Apr 2. URL: https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3671523 (дата обращения: 01.03.2023).

Hilton B. «Maximum Flexibility for Peaceful Change»: Jimmy Carter, Taiwan, and the Recognition of the People's Republic of China // Diplomatic History. 2009. Vol. 33, № 4. P. 595–613.

Lo A. A nuclear Taiwan is too terrifying to contemplate // South China Morning Post. 2022. Jan. 4. URL: https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3162086/nuclear-taiwan-too-terrifying-contemplate?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article&campaign=3162086 (дата обращения: 01.03.2023).

Lord W. Taiwan Policy Review // Statement before the Senate Foreign Relations Committee, Washington, DC. 1994. Sept. 27. URL: https://fapa.org/1994-taiwan-policy-review/ (дата обращения: 01.03.2023).

Martina M., Zengerle P. China angered with U.S.–Taiwan travel bill, adding to tensions // Reuters. 2018. March 1. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-taiwan-china/china-angered-with-u-s-taiwan-travel-bill-adding-to-tensions-idUSKCN1GD3HI (дата обращения: 01.03.2023).

Kan A.S. Taiwan: Major U.S. Arms Sales Since 1990 // Congressional Research Service. 2014. Aug. 29. URL: https://sgp.fas.org/crs/weapons/RL30957.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

Makhammaduly S. Taiwanese Factor in Modern American-Chinese Relations // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2020. № 3(132). С. 76–82. (78)

Nancy Pelosi: Why I'm leading a congressional delegation to Taiwan // The Washington Post. 2022. Aug. 2. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/08/02/nancy-pelosi-taiwan-visit-op-ed/ (дата обращения: 01.03.2023).

Pelosi's Taiwan visit «in no way contradicts» US policy towards China – statement // TASS. 2022. Aug. 2. URL: https://tass.com/world/1488305?ysclid=leomcch6u2471032690 (дата обращения: 01.03.2023).

Public Law 115–135. 115th Congress. An Act to encourage visits between the United States and Taiwan at all levels, and for other purposes // GovInfo. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-115publ135/pdf/PLAW-115publ135.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

Qiang Xin, Jialin Wang On the Edge of Crisis: Pelosi's Visit to Taiwan and Repercussions for the U.S.-China rivalry // Pathways to Peace and Security. 2022. № 2(63). Pp. 175–187.

Restoring the historical truth of the 1992 Hong Kong talk // Mainland Affairs Council. Republic of China. URL: https://www.mac.gov.tw/en/cp.aspx?n=34591B13E0BCBF3E (дата обращения: 01.03.2023).

Ross R.S. The 1995–96 Taiwan Strait Confrontation: Coercion, Credibility, and the Use of Force // International Security. 2000. Vol. 25, № 2. Pp. 87–123.

The total value table of major countries (regions) of import and export commodities in December 2022 (US Dollar Value) // General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302275/4794352/index.html (дата обращения: 01.03.2023).

U.S. Trade in Goods by Country // Census Bureau. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/balance/ (дата обращения: 01.03.2023).

US updates Taiwan factsheet, says it does not back independence // Aljazeera. 2022. Jun 3. URL: https://www.aljazeera.com/news/2022/6/3/us-updates-taiwan-factsheet-says-it-does-not-support-independence (дата обращения: 01.03.2023).

White House: no change to «one China» policy after Trump call with Taiwan // Reuters. 2016. Dec. 3. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-taiwan-obama-idUSKBN13S013?il=0 (дата обращения: 01.03.2023).

References

Ajan Iston na Tajvane: problema yadernogo oruzhiya Tajvanya (Taipei Times, Tajvan') [Ian Easton in Taiwan: Taiwan's nuclear weapons problem (Taipei Times, Taiwan)]. Inosmi [Inosmi]. 2019.07 March. URL: https://inosmi.ru/20190307/244697445.html?ysclid=lek55ng4fw870541458 (date of access: 01.03.2023). (In Russ.)

As it happened: Nancy Pelosi's controversial visit to Taiwan met with vows of «countermeasures» by China. CNA. 2022. 03 Aug. URL: https://www.channelnewsasia.com/asia/us-speaker-nancy-pelosi-taiwan-china-beijing-washington-2853311 (date of access: 01.03.2023).

Balashev N.B., Pshenichnaya E.A Torgovaya vojna mezhdu SShA i Kitaem i ee posledstviya [The trade war between the USA and China and its consequences]. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [Economics and business: theory and practice]. 2020. N 11-1 (69). P. 89–91. (In Russ.)

Bohan C., Brunnstrom D. Trump says U.S. not necessarily bound by «one China» policy. Reuters. 2016. Dec. 11. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-china-idUSKBN1400TY (date of access: 01.03.2023).

China mulls tripling nuclear warheads to 900 by 2035: sources. Kyodo News. 2023. 11 Feb. URL: https://english.kyodonews.net/news/2023/02/decafa124920-china-mulls-tripling-nuclear-warheads-to-900-by-2035-sources.html (date of access: 01.03.2023).

Everington K. China Uncensored asks, «Should Taiwan have Nukes?». Taiwan News. 2019. 02 Apr. URL: https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3671523 (date of access: 01.03.2023).

Dannye po vneshnej torgovle Kitaya [Data on China's foreign trade]. Agentstvo ekonomicheskoj informacii Prajm [Economic Information Agency Prajm]. 2022. 07 Dec. URL: https://1prime.ru/world/20221207/839078736.html?ysclid=leli6epgm738344857 (date of access: 01.03.2023). (In Russ.)

Gubin A. «Yadernaya polnoch'» v Vostochnoj Azii: novaya opasnost' eskalacii v Tajvan'skom prolive [«Nuclear midnight» in East Asia: a new danger of escalation in the Taiwan Strait]. RSMD [Russian International Affairs Council]. 2022. 13 Jan. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yadernaya-polnoch-v-vostochnoy-azii-novaya-opasnost-eskalatsii-v-tayvanskom-prolive/ (date of access: 01.03.2023). (In Russ.)

Hilton B. «Maximum Flexibility for Peaceful Change»: Jimmy Carter, Taiwan, and the Recognition of the People's Republic of China. Diplomatic History. 2009. Vol. 33. N 4. P. 595–613.

Kan A.S. Taiwan: Major U.S. Arms Sales Since 1990. Congressional Research Service. 2014. 29 Aug. URL: https://sgp.fas.org/crs/weapons/RL30957.pdf (date of access: 01.03.2023).

Kashin V. Posledstviya vizita Pelosi na Tajvan' oshchutit na sebe ves' mir [The consequences of Pelosi's visit to Taiwan will be felt by the whole world]. RSMD [Russian International Affairs Coun-

cil]. 2022. 05 Aug. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/posledstviya-vizita-pelosi-na-tayvan-oshchutit-na-sebe-ves-mir/ (date of access: 01.03.2023). (In Russ.)

Koltashov V. Rezul'taty torgovoj vojny SShA i Kitaya: kto proigral i kto vyigral [Results of the trade war between the USA and China: who lost and who won]. TASS. 2022. 31 Jan. URL: https://tass.ru/opinions/13571599?ysclid=lelhls9pnf103834428&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (date of access: 01.03.2023). (In Russ.)

Kovaleva A.O. Voenno-politicheskie aspekty sotrudnichestva Rossii i Kitaya v sovremennoj geopoliticheskoj situacii [Military and political aspects of cooperation between Russia and China in the current geopolitical situation]. Rossiya i sovremennyj mir [Russia and the modern world]. 2019. N 2. P. 82–91. (In Russ.)

Kupriyanov A. Zvonok s Tajvanya postavil otnosheniya SShA i Kitaya na gran' krizisa [A call from Taiwan brought US-China relations to the brink of crisis]. Lenta. 2016. 14 Dec. URL: https://lenta.ru/articles/2016/12/14/trump_call/?ysclid=lelfi3mgxn288214196 (date of access: 01.03.2023).

Martina M., Zengerle P. China angered with U.S.-Taiwan travel bill, adding to tensions. Reuters. 2018. 01 March. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-taiwan-china/china-angered-with-u-s-taiwan-travel-bill-adding-to-tensions-idUSKCN1GD3HI (date of access: 01.03.2023).

Lin' Yaven' Politika KNR v otnoshenii problemy Tajvanya v XXI veke [PRC policy towards the problem of Taiwan in the 21st century]. Kazanskij vestnik molodyh uchyonyh [Kazan Bulletin of Young Scientists]. 2019. N 4 (12). P. 135–141. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politika-knr-v-otnoshenii-problemy-tayvanya-v-xxi-veke (date of access: 01.03.2023). (In Russ.)

Lo A. A nuclear Taiwan is too terrifying to contemplate. South China Morning Post. 2022. 04 Jan. URL: https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3162086/nuclear-taiwan-too-terrifying-contemplate?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article&campaign=3162086 (date of access: 01.03.2023).

Lord W. Taiwan Policy Review. Statement before the Senate Foreign Relations Committee, Washington, DC. 1994. 27 Sept. URL: https://fapa.org/1994-taiwan-policy-review/ (date of access: 01.03.2023).

Makhammaduly S. Taiwanese Factor in Modern American-Chinese Relations. Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta Im. L.N. Gumileva. Seriya: Politicheskie Nauki. Regionovedenie. Vostokovedenie. Tyurkologiya [Bulletin of the Eurasian National University. L.N. Gumilyov. Series: Political Sciences. Regional studies. Oriental studies. Turkology]. 2020. N 3(132). C. 76–82. (78)

Nancy Pelosi: Why I’m leading a congressional delegation to Taiwan. The Washington Post. 2022. 02 Aug. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/08/02/nancy-pelosi-taiwan-visit-op-ed/ (date of access: 01.03.2023).

Ob’em torgovli kontinental'noj chasti Kitaya s Tajvanem dostig rekordno vysokogo urovnya – Kancelyariya Gossoveta KNR po delam Tajvanya [Mainland China's Trade with Taiwan Reaches Record High – State Council Taiwan Affairs Office]. Sin'hua Novosti [Xinhua News]. 2021. 29 Dec. URL: http://russian.news.cn/2021-12/29/c_1310400155.htm (date of access: 01.03.2023). (In Russ.)

Pelosi’s Taiwan visit «in no way contradicts» US policy towards China – statement. TASS. 2022. 02 Aug. URL: https://tass.com/world/1488305?ysclid=leomcch6u2471032690 (date of access: 01.03.2023).

Polnyj tekst doklada 20-omu Vsekitajskomu s"ezdu Kommunisticheskoj partii Kitaya [Full text of the report to the 20th National Congress of the Communist Party of China] // MID KNR. 2022. 25 Oct. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (date of access: 01.03.2023). (In Russ.)

Posol RF v KNR zayavil o prave Kitaya prinimat' lyubye mery dlya zashchity sovereniteta [Russian Ambassador to China declared China's right to take any measures to protect sovereignty].

TASS. 2022. 10 Aug. URL: https://tass.ru/politika/15436613?ysclid=leomxtzblq209700201 (date of access: 01.03.2023). (In Russ.)

Public Law 115–135. 115th Congress. An Act to encourage visits between the United States and Taiwan at all levels, and for other purposes. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-115publ135/pdf/PLAW-115publ135.pdf (date of access: 01.03.2023).

Qiang Xin, Jialin Wang On the Edge of Crisis: Pelosi's Visit to Taiwan and Repercussions for the U.S.–China rivalry. Pathways to Peace and Security. 2022. N 2(63). Pp. 175–187.

Restoring the historical truth of the 1992 Hong Kong talk. Mainland Affairs Council. Republic of China. URL: https://ws.mac.gov.tw/001/Upload/295/relfile/7681/5693/2cdb9d89-0961-4f4c-b8d6-96ab0b60b4a3.pdf (date of access: 01.03.2023).

Ross R.S. The 1995-96 Taiwan Strait Confrontation: Coercion, Credibility, and the Use of Force. International Security. 2000. Vol. 25, N 2. Pp. 87–123.

Tavrovskij Yu.V. 40 let, kotorye potryasli Kitaj [40 years that shook China]. Izvestiya [Izvestia]. 2018. Oct. 24. URL: https://www.ng.ru/ideas/2018-10-24/5_7339_40years.html?ysclid=lafpvgujfm676008651 (date of access: 01.03.2023).

The total value table of major countries (regions) of import and export commodities in December 2022 (US Dollar Value) // General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302275/4794352/index.html (date of access: 01.03.2023).

U.S. Trade in Goods by Country. Census Bureau. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/balance/ (date of access: 01.03.2023).

US updates Taiwan factsheet, says it does not back independence. Aljazeera. 2022. Jun 3. URL: https://www.aljazeera.com/news/2022/6/3/us-updates-taiwan-factsheet-says-it-does-not-support-independence (date of access: 01.03.2023).

White House: no change to 'one China' policy after Trump call with Taiwan. Reuters. 2016. Dec. 3. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-taiwan-obama-idUSKBN13S013?il=0 (date of access: 01.03.2023).

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.08

В.Л. Мартынов, О.А. Балабейкина, И.В. Подгорных, И.Е. Сазонова

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ САЙМЕНСКОГО КАНАЛА В РОССИЙСКО-ФИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. *Предмет исследования – Сайменский канал – единственный искусственный водный путь, соединяющий Россию с зарубежным государством. Канал интересен с гидротехнической точки зрения и уникален с позиций своего правового статуса. Правовой режим канала близок к «режиму проливов». В 2022 г. обострилась дискуссия вокруг дальнейшего использования канала, в которой российской стороной зачастую неоправданно преувеличивается его значимость для современной Финляндии.*

При этом упускается из виду, что по сравнению со временем постройка этого канала в 60-е годы XX в. его экономическое значение для Финляндии существенно снизилось. Внутрифинляндский грузопоток по каналу очень невелик. Внешнеторговые перевозки осуществлялись главным образом судами либо под российским флагом, либо под «удобными» флагами, перевозящими грузы между Россией и Финляндией.

Результаты исследования могут быть применены в деятельности органов государственной власти, определяющих основные направления транспортного комплекса в целом и внутреннего водного транспорта, в частности (Министерство транспорта РФ), а также регулирующих экономическое (Министерство экономического развития) и политическое (Министерство иностранных дел) взаимодействие с зарубежными государствами.

Ключевые слова: *Сайменский канал; Россия; Финляндия; аренда территории; режим проливов.*

Мартынов Василий Львович – доктор географических наук,
профессор кафедры экономической географии,
Российский государственный педагогический университет им.
А.И. Герцена. Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: lwowich@herzen.spb.ru
ORCID: 0000-0002-7741-1719
Web of Science Researcher ID: Z-3486-2019

Балабейкина Ольга Александровна – доцент кафедры региональной экономики и природопользования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: olga8011@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9520-8880
Web of Science Researcher ID: AAE-3138-2021

Подгорных Ирина Владимировна – студентка, кафедра статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: ira.podgornykh@mail.ru
ORCID: 0009-0009-2999-6079
Web of Science Researcher ID: ITU-4750-2023

Сазонова Ирина Евгеньевна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: iesazonova@herzen.spb.ru
ORCID: 0000-0002-3456-1223
Web of Science Researcher ID: AAE-1049-2019

Martynov V.L., Balabeykina O.A., Podgornykh I.V., Sazonova I.E. Political and Economic Significance of the Saimaa Canal in Russian-Finnish relations

Abstract. *The subject of the study is the Saimaa Canal, the only artificial waterway connecting Russia with a foreign country. The canal presents interest from the hydrotechnical point of view and unique in terms of its legal status. The legal regime of the canal is close to the «straits regime». In 2022, the debate over the further use of the canal intensified, with the Russian side often unduly exaggerating its importance for modern Finland.*

It is overlooked that the economic importance of the canal for Finland has significantly decreased since its construction in the 1960s. Intra-Finland cargo traffic on the canal is quite meager. Foreign trade transportation was mainly carried out by vessels either under the Russian flag or under «flags of convenience» carrying cargo between Russia and Finland.

The results of the study can be applied in the activities of government authorities that determine the main directions of the transport complex in general and inland waterway transport in particular (Ministry of Transport of the Russian Federation), as well as regulating economic (Ministry of Economic Development) and political (Ministry of Foreign Affairs) interaction with foreign countries.

Keywords: *Saimaa Canal; Russia; Finland; territory lease; straits regime.*

Martynov Vasily Lvovich – Doctor of Geographical Sciences, Professor of the Department of Economic Geography, Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen. Russia, Saint-Petersburg.
E-mail: lwowich@herzen.spb.ru
ORCID 0000-0002-7741-1719
Web of Science Researcher ID: Z-3486-2019

Balabeykina Olga Aleksandrovna – Associate Professor of the Department of Regional Economics and Environmental Management. St. Petersburg State Economic University. Russia, Saint-Petersburg.
E-mail: olga8011@yandex.ru
ORCID 0000-0001-9520-8880
Web of Science Researcher ID: AAE-3138-2021

Podgornykh Irina Vladimirovna – student, Department of Statistics and Econometrics, St. Petersburg State University of Economics. Russia, Saint-Petersburg.
E-mail: ira.podgornykh@mail.ru
ORCID 0009-0009-2999-6079
Web of Science Researcher ID: ITU-4750-2023

Sazonova Irina Evgenievna – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Geography, Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen. Russia, Saint-Petersburg.
E-mail: iesazonova@herzen.spb.ru
ORCID 0000-0002-3456-1223
Web of Science Researcher ID: AAE-1049-2019

Введение

Геополитические трансформации, обусловленные началом российской специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г., повлекли за собой введение новых и ужесточение действовавших с 2014 г. санкционных мер по отношению к России со стороны европейских государств. В длинном перечне объектов, связанных с международным сотрудничеством РФ с Европейским союзом, Сайменский канал занимает особое место.

Президиумом Верховного Совета СССР 22 июля 1963 г. был ратифицирован Договор о передаче Финляндии в аренду советской части Сайменского канала и острова Малый Высоцкий. Ни до, ни после, наше государство не сдавало в аренду свои территории. По окончании действия этого договора в феврале 2012 г. вступило в силу новое российско-финляндское соглашение. Следуя закрепленным в его положениях условиям, российская часть Саймен-

ского канала, а также прилегающая к нему территория, вновь была арендована Финляндской Республикой вплоть до 2062 г.

Пристальное внимание к дальнейшей судьбе этой значимой для экономики Финляндии водной коммуникации было связано с последовавшими в конце апреля 2022 г. заявлениями о возможном пересмотре условий договора о Сайменском канале со стороны России.

Вокруг статуса и последующих перспектив использования этого водного пути разгорелась активная дискуссия, но уже в марте 2022 г. президент грузовой логистической компании VR Transpoint Мартти Коскинен, заявил о временном прекращении грузоперевозок между Россией и Финляндией [Vanttinen 2022], осуществляемых по Сайменскому каналу.

Материалы и методы

Теоретическую базу исследования нельзя назвать особенно обширной. Попытка научного осмысления самых разных вопросов, связанных с эксплуатацией Сайменского канала, представлена в немногочисленных научных статьях отечественных и зарубежных специалистов [Lapp 2020, p. 19]. Ценная фактическая информация, касающаяся ретроспективы, отражена в монографии «Внутренние водные пути Финляндии», выполненной финскими специалистами [Sarkkinen, Rekonen, Koivupuro 2007, p. 120].

В основном ученые касаются отдельных вопросов функционирования Сайменского канала. Так, например, Амплеева Е.Е., Сологуб Я.Л. [Амплеева, Сологуб 2015, с. 141] и А.С. Григорян [Григорян 2021, с. 73; Григорян 2022а, с. 95] детально рассматривали специфику и содержание международно-правовых документов, регулирующих аренду Финляндией территории, связанной с названной водной коммуникацией. Обращались, пусть и нечасто, специалисты и к вопросам экономического использования канала. В качестве немногочисленных трудов, непосредственно посвященных этой теме или существенно затрагивающих ее, можно привести статьи И.А. Русинова и соавторов [Русинов, Гогина, Щербинин 2021, с. 72], Драчковой Л.Н. и Тоскуниной В.Э. [Драчкова, Тоскунина 2014, с. 15]. В контексте значимости для развития приграничных территорий о Сайменском канале находится упоминание в работах В.Л. Мартынова [Мартынов 2018, с. 156], Е.В. Бондаренко [Бондаренко 2017, с. 64].

Эмпирической основой представленного исследования послужили документы, представленные на официальном сайте Статистического управления Финляндии. Одним из источников фактической информации, в котором содержатся данные, касающиеся истории развития отношений, связанных с арендой Финляндией Сайменского канала, выступают материалы советских СМИ за период с 1958 по 1962 г.

Результаты и обсуждение

Сайменский канал до 1940 г. был внутрифинляндским путем сообщения. Государственная граница разделила его на финляндскую и советскую части по Московскому мирному договору [О заключении 1940]. Указанный документ, подписанный 12 марта 1940 г. и завершивший советско-финляндскую («зимнюю») войну 1939–1940 гг., не содержал упоминаний о канале. Их не было и в тексте Парижского мирного договора, положениями которого устанавливались обязательства Финляндии перед союзниками по антигитлеровской коалиции, подписанного 10 февраля 1947 г. В первом послевоенном советско-финляндском «Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндской Республикой», подписанном 6 апреля 1948 г., о Сайменском канале тоже ничего не говорилось. Столь явное невнимание к данному вопросу позволяет утверждать, что в указанные периоды проблема использования этой транспортной коммуникации не интересовала ни Советский Союз, ни Финляндию.

Обе страны на протяжении первого послевоенного десятилетия переживали очень сложный восстановительный период, в целом завершившийся к середине 50-х годов XX в. и сменившийся периодом развития. «Движущей силой» экономики Финляндии в это время были советские кредиты, способствовавшие развитию финского машиностроения, главным образом судостроения, а также производству продукции лесохозяйственного комплекса (ЛХК). Ключевым районом, специализировавшимся на выпуске последней, была и остается Юго-Восточная Финляндия, где предприятия ЛХК располагаются на территориях, примыкающих к озеру Сайма. До 1940 г. основным путем вывоза продукции этих предприятий был Сайменский канал, но к середине 50-х годов он уже много лет бездействовал.

Для машиностроения Финляндии в рассматриваемый период основной проблемой был недостаток сырья, поскольку собственной металлургической промышленности, страна почти не имела. Обе проблемы, препятствовавшие экономическому развитию Финляндии, обсуждались в ходе визита президента Финляндии Урхо Калева Кекконенна в СССР в мае 1958 г. Этот визит У.К. Кекконенна проходил в очень благоприятной обстановке. Заголовки статей в советских газетах, освещавших данное событие, были такими: «СССР и Финляндия – добрые соседи» [СССР и Финляндия 1958, с. 3], «Крепнет дружба народов СССР и Финляндии!» [Крепнет дружба 1958, с. 1], «В интересах советского и финского народов» [В интересах 1958, с. 2]. В ходе этого визита вопрос о Сайменском канале был впервые введён в политический оборот. Скорее всего он начал обсуждаться на «служебном» уровне еще раньше, вероятно с 1955–1956 гг. Однако тот факт, что к визиту президента Финляндии в мае 1958 г. возможность аренды Сайменского канала не только

обсуждалась, но в общем была положительно решена, явствует из выступлений Н.С. Хрущёва на встрече с У.К. Кекконеном, а также текста совместного советско-финляндского коммюнике по итогам этого визита. Председатель Совета министров СССР и первый секретарь ЦК КПСС говорил следующее: «…Несколько слов о Сайменском канале. … Мы готовы вести переговоры и найти приемлемые для обеих сторон решения с тем, чтобы Финляндская Республика имела возможность пользоваться этим каналом на договорных началах» [Завтрак у председателя 1958, с. 2].

В советско-финляндском коммюнике по итогам визита президента Финляндии идеи, высказанные Н.С. Хрущёвым, были конкретизированы: «С финской стороны было высказано пожелание, чтобы Советский Союз предоставил Финляндии долгосрочный заём из небольшого процента на сумму 400–500 млн руб. (это был третий за 50-е годы крупный советский кредит для Финляндии. – *Прим. авт.*) … Были обсуждены также возможные решения вопроса о наилучшем использовании Финляндией Сайменского канала… Советская сторона заявила, что … она готова договориться о его использовании для транзита на 50 лет на выгодных для Финляндии условиях, причем каждая из двух сторон за свой счет приведет в порядок и будет поддерживать в порядке находящуюся на её территории часть канала… Стороны приступят … к переговорам о заключении соглашения, которое предоставит Финляндии право свободного транзита грузов по Сайменскому каналу… Будет заключено соглашение о сдаче в аренду… площадок для перевалки и складирования грузов в порту Высоцк (Уурас)» [Советско-финляндское коммюнике 1958, с. 2]. Советско-финляндские договоренности 1958 г. можно считать началом возобновления деятельности Сайменского канала, но эти договоренности рассматривали канал как своего рода «совместное предприятие». Изначально в аренду предполагалось сдать лишь порт Высоцк (Уурас), причем в тексте коммюнике упоминались оба названия этого порта, русское и финское, в советское время официально не использовавшееся.

Однако Сайменский канал в том виде, в каком он сохранился к концу 50-х годов, использовать было невозможно. Во-первых, после долгого перерыва в эксплуатации он был полуразрушен, и, во-вторых, старый канал в любом случае не мог в полной мере удовлетворить возросшие экономические потребности Финляндии. Переговоры об участи этого канала продолжались четыре года после визита У.К. Кекконена в СССР и завершились в 1962 г. подписанием «Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой о передаче в аренду Финляндской Республике советской части Сайменского канала и острова Малый Высоцкий» [Договор между 1962]. Двухсторонним подписанием указанного международного документа Финляндии передавалась в аренду территория вдоль советской части Сайменского канала (ст. 1), а также утверждалось, что эксплуатация

советской части канала осуществляется Финляндией (ст. 3) и за счёт этой страны в течение пяти лет после подписания этого договора осуществляется реставрация советской части канала (ст. 4), Советский Союз за счет Финляндии построит железнодорожный и автомобильный мосты через канал, а также автомобильную дорогу, к нему ведущую (ст. 6).

Этим же договором устанавливались следующие правила прохода судов: «… суда Финляндской Республики, а также торговые суда третьих стран … будут проходить по советской части Сайменского канала, а по внутренним и территориальным водам Советского Союза – по фарватеру, идущему от Сайменского канала в Финский залив. Перевозка на этих судах войск, вооружения, боеприпасов и других военных материалов не допускается» (ст. 2). Здесь важно упоминание «судов третьих стран», т.е. Сайменский канал, согласно смыслу договора, являлся не двусторонним (СССР и Финляндия), а в полном смысле слова международным водным путем. Таким образом, этим договором для Сайменского канала устанавливался режим, фактически идентичный «режиму проливов».

За использование канала и арендуемой территории Финляндия должна была ежегодно выплачивать Советскому Союзу арендную плату, а размер платежей зависел от грузооборота. Минимальной величиной грузооборота в договоре указывалось «менее 1 млн тонн», в этом случае арендная плата составляла 180 тыс. руб., максимальной – «более 2 млн тонн», в этом случае арендная плата составляла 260 тыс. руб. в год. Ст. 10 договора содержала также оговорку о возможности изменения размеров платы: «В случае, если золотое содержание рубля, которое в настоящее время равно 0,987412 грамма чистого золота, будет изменено, размер упомянутых платежей будет соответственно пересчитан». Этой оговоркой воспользовались в постсоветское время, до подписания нового договора о канале Финляндия платила за его использование в долл. США. Срок действия договора устанавливался в 50 лет.

27 мая 2010 г. в городе Лаппеенранта был подписан новый официальный документ – «Договор между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об аренде Финляндской Республикой российской части Сайменского канала и прилегающей к нему территории и об осуществлении судоходства через Сайменский канал» [Договор между 2010]. Договор имел существенно больший объем и затрагивал вопросы, которые в договоре 1963 г. не были обозначены. Арендная плата разделена на две части, постоянную и переменную. При этом, первая составляет 1 млн 220 тыс. евро в год. Переменная плата зависит от объема грузового движения по каналу (ст. 17).

Общая протяженность трассы Сайменского канала без учета подходного фарватера в Выборгском заливе составляет 43 км, из которых 23 км – в пределах Финляндии, 20 км – в пределах России. Ширина канала варьируется от 50 до 60 м, максимальная глубина 6 м. Перепад высот в 75,7 м между Сай-

менским озером и Выборгским заливом преодолевается с помощью восьми шлюзов. Максимальные габариты судна, которые могут проходить по каналу, следующие: длина 82,5 м, ширина 12,6 м, осадка 4,35 м, надводный габарит (высота) 24,5 м. Максимальная грузоподъемность судов, способных проходить по Сайменскому каналу, в начальный период эксплуатации определялась в 1600 т, в настоящее время – 2600 т [Sarkkinen, Rekonen, Koivupuro 2007, p. 170]. Габариты канала соответствовали габаритам советских судов смешанного плавания («река – море») типа «Беломорский», на смену которым пришли суда проекта СТК, строившиеся в ГДР, а затем – суда типа «Ладога», построенные в Финляндии.

Вдоль советской части трассы будущего канала была сооружена «технологическая» дорога, существующая до настоящего времени, с финляндской дорожной разметкой и дорожными знаками. Для того, чтобы финские строители и персонал канала могли проезжать на советскую территорию, был открыт новый контрольно-пропускной пункт (КПП) на советско-финляндской границе – «Брусничное» (с советской стороны) – «Нуиямаа» (с финляндской стороны). Был создан также советский КПП для пропуска судов по Сайменскому каналу, до конца XX в. располагавшийся у шлюза Брусничное (первого со стороны Выборгского залива), впоследствии перенесенный к шлюзу Пялли (последний шлюз со стороны Выборгского залива в российской части канала), с финской стороны такой КПП был совмещен с автодорожным КПП Нуиямаа.

Для персонала, занятого в строительстве, а затем и обслуживании Сайменского канала, был установлен особый режим въезда на территорию СССР в пределах «зоны канала» – по спискам, подаваемым финляндской стороной. Общая численность финских рабочих и служащих, занятых в этом проекте, составляла 2 600 человек, из которых примерно 1000 работали на советской стороне. Во время строительства канала в Выборге расцвела «фарцовка», преследуемая советскими властями, в ходе которой отечественная продукция, в первую очередь водка, продавались финским строителям, а те в свою очередь сбывали дефицитные для жителей СССР «товары народного потребления» [Гильманов 2021].

Движение по Сайменскому каналу после его постройки в 1968 г. развивалось медленно, что было связано с двумя основными обстоятельствами. Во-первых, не хватало судов типа «река – море», соответствующих габаритам шлюзов канала, во-вторых, не было портов на Сайменском озере, способных принимать такие суда. С постепенным решением обеих этих проблем объем перевозок начал быстро расти. В самые первые годы эксплуатации канала по нему транспортировалось менее 100 тыс. т грузов. В навигацию 1973 г. был впервые достигнут показатель в 500 тыс. т, «державшийся» примерно до 1975 г., в 1979 г. объем перевозок повысился до 1 млн т, а в 1990 г. перевозки

по Сайменскому каналу были максимальными в советское время и составили примерно 1,8 млн т.

После распада СССР в Финляндии, теснейшим образом связанной с ним в экономическом отношении, начался системный кризис. Этот кризис естественным путем проявился в снижении объема перевозок по Сайменскому каналу, сократившемуся к 1993 г. примерно до 1,3 млн т. Но уже с 1996 г. этот объем начинает устойчиво расти, и к 2005 г. достигает 2,4 млн т, а затем вновь снижается [Мартынов, Сазонова 2010, с. 69].

На протяжении последних пяти лет активного использования канала объем перевозок по нему составлял от 1054 тыс. т в 2019 г. до 1330 тыс. т в 2021 г. Эти показатели примерно соответствуют уровню грузоперевозок на рубеже 70–80-х годов XX в. (табл. 1).

Таблица 1

Объем грузовых перевозок по Сайменскому каналу (2016–2021), тыс. т

Годы	*1*	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*
2016	1197	364	43	69	125	34	56	139	24	314	2	27
2017	1272	400	49	62	124	28	38	128	12	400	2	26
2018	1304	583	35	49	87	11	42	100	4	371	0	21
2019	1054	406	34	51	58	8	35	98	5	343	…	15
2020	1278	530	49	80	90	4	21	126	7	361	2	7
2021	1330	539	75	62	73	15	28	145	4	375	…	12

Источник: рассчитано по данным СтатФина [Vessel traffic 2020–2022].

Примечания: 1 – всего, 2 – деловая древесина, 3 – пиломатериалы, 4 – целлюлоза, древесная масса, макулатура, 5 – бумага, 6 – металлы и изделия из них, 7 – уголь и кокс, 8 – удобрения, 9 – химикаты, 10 – минеральные строительные материалы и цемент, 11 – генеральные грузы, 12 – прочие грузы.

Большая часть перевозимых по каналу грузов принадлежит к двум товарным группам – «деловая древесина», а также «минеральные строительные материалы и цемент», на долю которых вместе приходится 65–75% общего объема перевозимых грузов. На третьем месте – удобрения, доля которых составляет 10–15% общего объема перевозок. Итого на три наиболее значимых вида грузов приходится от 75% до 90% общего объема перевозок по каналу.

Но интересны не только колебания объемов перевозки по годам, но и их направления. Направление «вверх по каналу» – от Выборга к Лаппеенранте, направление «вниз по каналу» – от Лаппеенранты к Выборгу. Следует иметь в виду, что на российской стороне канала нет пристаней, грузоформирование происходит только в пределах Финляндии (табл. 2).

Таблица 2

Направления движения грузов по Сайменскому каналу (2016–2021), тыс. т

Годы	*Вверх по каналу*		*Вниз по каналу*	
	Внутри Финляндии	*Из-за границы*	*Внутри Финляндии*	*За границу*
2016	34	588	63	513
2017	26	669	75	503
2018	19	852	55	379
2019	21	660	52	320
2020	13	769	73	423
2021	24	795	79	433

Источник: рассчитано по данным СтатФина [Transport on the Saimaa Canal 2016–2022].

В качестве внутрифинляндских рассматриваются перевозки между портами озера Сайма и финляндскими портами Балтийского моря. При этом грузопоток с Саймы на Балтику значительно превышает движение грузов в обратном направлении, но абсолютные объемы этих грузопотоков очень малы. Основной же поток грузов на Сайменском канале формируют внешнеторговые грузы, при этом грузопоток, направленный из Балтийского моря в направлении Сайменского озера намного выше, чем от Сайменского озера к Балтийскому морю. Для более полного понимания процессов формирования грузопотоков, проходящих через Сайменский канал, есть смысл обратиться к рассмотрению вопроса о том, под каким флагом плавают проходящие через него суда (табл. 3). В данном случае достаточно сведений за 2021 г., поскольку структура грузовых судов «по флагам», проходящих через Сайменский канал, за последние годы почти не менялась.

Таблица 3

Флаг судов, проходивших по Сайменскому каналу в 2021 г.

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*
109	34	12	16	20	4	29	191	600	4	82	1101

Источник: рассчитано по данным СтатФина [Transport on the Saimaa Canal 2016–2022].

Примечания: 1 – Антигуа и Барбуда, 2 – Барбадос, 3 – Германия, 4 – Гибралтар, 5 – Кипр, 6 – Латвия, 7 – Либерия, 8 – Нидерланды, 9 – Россия, 10 – Сент-Винсент и Гренадины, 11 – Финляндия, 12 – всего.

Очевидно, что грузовые суда под финляндским флагом обеспечивают сообщение между Сайменским озером и финляндскими портами на Балтийском море, и их участие вполне соответствует той небольшой доле, которую внутрифинляндский грузооборот занимает в общем объеме перевозок по каналу. Наибольшее же число судов, проходивших по Сайменскому каналу, несло

флаг России. Их доля превышает половину от общего числа судов. Фактически российскими судами являются и суда под флагами Антигуа и Барбуды, Барбадоса, Гибралтара, Либерии, Сент-Винсента и Гренадин. Это российские суда, владельцы которых вывели их под «удобный флаг». С учетом этих судов на долю России приходится более 800 из 1101 судна, прошедших по Сайменскому каналу в 2021 г.

Исходя из этого, понятны и легко объяснимы действия транспортных властей Финляндии, «волевым решением» прекративших движение судов по Сайменскому каналу весной 2022 г. Тот небольшой внутрифинляндский грузопоток, который проходил через канал, был переброшен на другие виды транспорта. Наибольший удар пришелся на российские суда и суда под «удобным флагом», поддерживавшие грузовое сообщение между Россией и финскими портами на Сайменском озере.

Сайменский канал в его нынешнем виде был построен для экспорта сырья из СССР в Финляндию и вывоза продукции лесохозяйственного комплекса юго-восточной Финляндии за пределы страны. Первая задача до сих пор сохраняет свою актуальность. Вторая задача канала, вывоз продукции лесохозяйственного комплекса из Финляндии, всё более теряет свою значимость. Это связано с техническим и технологическим развитием транспорта. Когда У.К. Кекконен в конце 1950-х годов приезжал в СССР просить очередной кредит и разрешения на возобновление деятельности Сайменского канала, железные дороги как в Финляндии, так и в СССР использовали главным образом паровозную тягу, а мощные «дальнобойные» грузовики применялись почти исключительно в США. В этих условиях внутренний водный транспорт обеспечивал большую дешевизну перевозок в сравнении с любым другим видом транспорта, невзирая на большое количество погрузочно-разгрузочных работ и сезонность его использования. В современных условиях внутренние водные перевозки далеко не всегда дешевле не то, что железнодорожных, но даже и автомобильных. В связи с этим экономическое значение Сайменского канала сокращается и по мере технического совершенствования «наземного» транспорта будет продолжать сокращаться.

Выводы

Вопрос о дальнейшей эксплуатации Сайменского канала стоит довольно остро. В Российской Федерации предлагается её прекратить на постоянной основе. Но нельзя забывать о ключевом положении международного права – «договоры должны соблюдаться». Договор с Финляндией о Сайменском канале не содержит положений о том, что он может быть прекращен из-за присоединения Финляндии к НАТО или любому другому военному или экономическому союзу.

Режим Сайменского канала в том виде, в каком он определен в российско-финляндском договоре 2012 г., близок к «режиму проливов». Односторонний выход России из этого договора либо отказ его исполнять может привести к неприятным последствиям – например, отказу Турции от соблюдения «конвенции Монтрё».

Разрыв договора о Сайменском канале очень слабо скажется на Финляндии. Скорее такой разрыв окончательно «добьет» российское судоходство по этому каналу. Объем перевозок по Сайменскому каналу в целом невелик. Он примерно соответствует объему перевозок, осуществляемому по однопутной неэлектрифицированной железной дороге, при этом малодеятельной, и Финляндия без труда может перенаправить этот поток на другие пути сообщения, что и было сделано в 2022 г.

Исходя из всего вышеизложенного, ставить с российской стороны вопрос об изменении статуса Сайменского канала, закрепленного в российско-финляндском договоре 2012 г., не стоит – это может обернуться против самой России возникновением новых геополитических угроз. Вывод канала из эксплуатации приведет к некоторым сложностям для функционирования экономики Финляндии, но такого рода проблемы не будут иметь катастрофического или даже кризисного характера. Соответственно в решении вопросов, касающихся использования Сайменского канала, есть смысл отказаться от поспешных решений, которые могут быть не всегда полезными как для Финляндии, так и для России.

Библиография

Амплеева Е.Е., Сологуб Я.Л. Аренда территорий в истории Российского государства // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 4. С. 138–147.

Бондаренко Е.В. Практика реализации приграничного регионального сотрудничества Россией и Финляндией на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. № 3. С. 63–66.

В интересах советского и финского народов // Известия. 1958. 1 июня. № 131 (12747). С. 2.

Гильманов Д. Сайменский канал: история строительства и фарцовки // Выборг. 2021. 17 фев. URL: https://gazetavyborg.ru/news/mestnoe-vremya/saymenskiy-kanal-istoriya-stroitelstva-i-fartsovki/ (дата обращения: 01.05.2023).

Григорян А.С. Международно-правовые аспекты обеспечения государственного суверенитета и юрисдикции на арендованной Финляндской Республикой российской части Сайменского канала // Социально-политические науки. 2022a. Т. 12. № 3. С. 90–97.

Григорян А.С. Особенности международно-правового регулирования аренды Финляндией советской / российской части Сайменского канала // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 10 (137). С. 71–75.

Григорян А.С. Судьба Договора об аренде Финляндией российской части Сайменского канала в свете вступления Финляндии в НАТО // Пробелы в российском законодательстве. 2022b. Т. 15. № 6. С. 302–310.

Договор между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об аренде Финляндской Республикой российской части Сайменского канала и прилегающей к нему территории и об осуществлении судоходства через Сайменский канал (Лаппеенранта, 27 мая 2010 г.) // Гарант.ру. URL: https://base.garant.ru/2569667/ (дата обращения: 02.05.2023).

Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой о передаче в аренду Финляндской Республике Советской части Сайменского канала и острова Малый Высоцкий. 27 сентября 1962 г., Москва // Электронный фонд правовых и технических документов «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/1900590 (дата обращения: 02.05.2023).

Договор о Сайменском канале подписан. Советско-Финляндское коммюнике // Правда. 1962. 28 сентября. № 271 (16127). С. 3.

Драчкова Л.Н., Тоскунина В.Э. Предпосылки трансграничной экономической интеграции приграничных регионов Северо-Запада России и Финляндии // Arctic Environmental Research. 2014. № 4. С. 12–20.

Завтрак у председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущёва в честь президента Финляндии У.К. Кекконена // Известия. 1958. 24 мая. № 124 (12740). С. 2.

Кирсанов С. Плоды добрососедства // Известия. 1962. 29 сентября. № 232 (14086). С. 1.

Крепнет дружба народов Финляндии и Советского Союза // Правда. 1958. 1 июня. № 152 (14546). С. 1.

Мартынов В.Л. Пограничная зона и особенности пространственного развития приграничных территорий Ленинградской области. Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов // Материалы V научно-практической конференции с международным участием, Петрозаводск, 08 июня 2018 года. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2018. С. 155–160.

Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. Трансформация пространственной структуры экономики современной Финляндии // Известия Русского географического общества. 2010. Т. 142. № 3. С. 66–72.

О заключении мирного договора между Советским Союзом и Финляндией. 12 марта 1940 года // Histdoc.net. URL: https://histdoc.net/pdf/FISO1940-03-14.pdf (дата обращения: 07.05.2023).

Русинов И.А., Гогина М.А., Щербинин Н.В. Сайменский канал в системе перевозок грузов водным транспортом // Экономический вектор. 2021. № 4(27). С. 71–76.

Советско-Финляндское коммюнике // Известия. 1960. 26 ноября. № 281 (13517). С. 2.

Советско-Финляндское коммюнике // Правда. 1960. 25 ноября. № 330 (15454). С. 3.

Советско-Финляндское коммюнике. Москва, 30 мая 1958 года // Известия. 1958. 31 мая. № 130 (12746). С. 2.

Советско-Финляндское коммюнике. Москва, 30 мая 1958 года // Правда. 1958. 31 мая. № 151 (14545). С. 3.

СССР и Финляндия – добрые соседи // Известия. 1958. 22 мая. № 122 (12738). С. 3.

Хороший пример плодотворного сотрудничества // Правда. 1962. 28 сентября. № 271 (16127). С. 2.

Key figures for municipalities // Statistics Finland. URL: https://www2.tilastokeskus.fi/tup/alue/kuntienavainluvut.html#?active1=405&year=2021 (дата обращения: 15.05.2023).

Lapp T. Extending the locks of the Saimaa Canal - Project appraisal // Helsinki.: Väylävirasto. 2020. P. 53. URL: https://www.doria.fi/bitstream/handle/ 10024/177416/vj_2020-31_978-952-317-784-0.pdf?sequence=5&isAllowed=y (дата обращения: 15.09.2023).

Saimaa Canal as a gambit of Russia // Helsinki Times. 2022. 02 May. URL: https://www.helsinkitimes.fi/finland/finland-news/politics/21467-saimaa-canal-as-a-gambit-of-russia.html (дата обращения: 05.05.2023).

Sarkkinen P., Rekonen T., Koivupuro S. Suomen sisävesiväylät rakentaminen ja kehitys. Jyväskylä: Multikustannus. 2007. 227 p.

Statistical Yearbook of Finland. 2014 // Statistics Finland. URL: https://www.stat.fi/tup/julkaisut/tiedostot/julkaisuluettelo/yyti_stv_201400_2014_10374_net.pdf (дата обращения: 15.05.2023).

Transport on the Saimaa Canal by type of goods, 2016–2022 // Statistics Finland. URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/fi/StatFin/StatFin__kvliik/statfin_kvliik_pxt_12jh.px/table/tableViewLayout1/ (дата обращения: 25.04.2023).

Transport on the Saimaa Canal by type of goods, 2016–2022 // Statistics Finland. URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/fi/StatFin /StatFin__uvliik/statfin_uvliik_pxt_12ja.px/table/tableViewLayout1/ (дата обращения: 25.04.2023).

Vanttinen P. Canal connecting Finland and Russia reopens despite sanctions // EURACTIV. 2022. 29 March // URL: https://www.euractiv.com/section/politics/short_news/canal-connecting-finland-and-russia-reopens-despite-sanctions/ (дата обращения: 05.05.2023).

Vessel traffic on the Saimaa Canal, 2020–2022 // Statistics Finland. URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/fi/StatFin/StatFin__uvliik/statfin_ uvliik_pxt_12jc.px/table/tableViewLayout1/ (дата обращения: 25.04.2023).

References

Ampleeva E.E., Sologub Ya.L. Arenda territorij v istorii Rossijskogo gosudarstva [Lease of territories in the history of the Russian state]. Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva [Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishcheva]. 2015. N 4. P. 138–147. (In Russ.)

Bondarenko E.V. Praktika realizacii prigranichnogo regional`nogo sotrudnichestva Rossiej i Finlyandiej na primere Sankt-Peterburga i Leningradskoj oblasti [The practice of implementing cross-border regional cooperation between Russia and Finland on the example of St. Petersburg and the Leningrad region] // Azimut nauchny`x issledovanij: e`konomika i upravlenie. [Azimuth of scientific research: economics and management]. 2017. N 3. P. 63–66. (In Russ.)

Dogovor mezhdu Rossijskoj Federaciej i Finlyandskoj Respublikoj ob arende Finlyandskoj Respublikoj rossijskoj chasti Sajmenskogo kanala i prilegayushhej k nemu territorii i ob osushhestvlenii sudoxodstva cherez Sajmenskij kanal (Lappeenranta, 27 maya 2010 g.) [Agreement between the Russian Federation and the Republic of Finland on the lease by the Finnish Republic of the Russian part of the Saimaa Canal and the adjacent territory and on the implementation of navigation through the Saimaa Canal (Lappeenranta, May 27, 2010)]. Garant.ru. URL: https://base.garant.ru/2569667/ (date of access: 02.05.2023). (In Russ.)

Dogovor mezhdu Soyuzom Sovetskix Socialisticheskix Respublik i Finlyandskoj Respublikoj o peredache v arendu Finlyandskoj Respublike Sovetskoj chasti Sajmenskogo kanala i ostrova Maly`j Vy`soczkij. 27 sentyabrya 1962 g., Moskva [Agreement between the Union of Soviet Socialist Republics and the Republic of Finland on the lease to the Finnish Republic of the Soviet part of the Saimaa Canal and Maly Vysotsky Island. September 27, 1962, Moscow]. E`lektronny`j fond pravovy`x i texnicheskix dokumentov «Kodeks» Electronic fund of legal and technical documents «Code» [Electronic fund of legal and technical documents «Code»]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1900590 (date of access: 02.05.2023). (In Russ.)

Dogovor o Sajmenskom kanale podpisan. Sovetsko-Finlyandskoe kommyunike [The agreement on the Saimaa Canal has been signed. Soviet-Finnish communiqué]. Pravda. 1962. 28 September. N 271 (16127). P. 3. (In Russ.)

Drachkova L.N., Toskunina V.E`. Predposy`lki transgranichnoj e`konomicheskoj integracii prigranichny`x regionov Severo-Zapada Rossii i Finlyandii [Prerequisites for cross-border economic

integration of border regions of North-West Russia and Finland]. Arctic Environmental Research [Arctic Environmental Research]. 2014. N 4. P. 12–20. (In Russ.)

Gil`manov D. Sajmenskij kanal: istoriya stroitel`stva i farczovki [Saimaa Canal: history of construction and fartsovka]. Vy`borg. 2021. Feb. 17. URL: https://gazetavyborg.ru/news/mestnoe-vremya/saymenskiy-kanal-istoriya-stroitelstva-i-fartsovki/ (date of access: 01.05.2023). (In Russ.)

Grigoryan A.S. Mezhdunarodno-pravovy`e aspekty` obespecheniya gosudarstvennogo suvereniteta i yurisdikcii na arendovannoj Finlyandskoj Respublikoj rossijskoj chasti Sajmenskogo kanala [International legal aspects of ensuring state sovereignty and jurisdiction on the Russian part of the Saimaa Canal leased by the Republic of Finland]. Social`no-politicheskie nauki [Socio-political sciences]. 2022. Vol. 12. N 3. P. 90–97. (In Russ.)

Grigoryan A.S. Osobennosti mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya arendy` Finlyandiej sovetskoj/rossijskoj chasti Sajmenskogo kanala [Features of international legal regulation of the lease by Finland of the Soviet / Russian part of the Saimaa Canal]. Nauka i obrazovanie: xozyajstvo i e`konomika; predprinimatel`stvo; pravo i upravlenie [Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management]. 2021. N 10(137). P. 71–75. (In Russ.)

Grigoryan A.S. Sud`ba Dogovora ob arende Finlyandiej rossijskoj chasti Sajmenskogo kanala v svete vstupleniya Finlyandii v NATO [The fate of the Agreement on the lease of the Russian part of the Saimaa Canal by Finland in the light of Finland's accession to NATO]. Probely` v rossijskom zakonodatel`stve [Gaps in Russian legislation]. 2022. Vol. 15. N 6. P. 302–310. (In Russ.)

Key figures for municipalities. Statistics Finland. URL: https://www2.tilastokeskus.fi/tup/alue/kuntienavainluvut.html#?active1=405&year=2021 (date of access: 15.05.2023).

Kirsanov S. Plody` dobrososedstva [Fruits of good neighborliness]. Izvestiya. 1962. 29 Sept. N 232 (14086). P. 1. (In Russ.)

Krepnet druzhba narodov Finlyandii i Sovetskogo soyuza [The friendship between the peoples of Finland and the Soviet Union is growing stronger]. Pravda. 1958. 01 Jun. N 152 (14546). P. 1. (In Russ.)

Lapp T. Extending the locks of the Saimaa Canal – Project appraisal Helsinki: Väylävirasto, 2020. P. 53 URL: https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/177416/vj_2020-31_978-952-317-784-0.pdf?sequence=5&isAllowed=y (date of access: 15.09.2023).

Marty`nov V.L. Pogranichnaya zona i osobennosti prostranstvennogo razvitiya prigranichny`x territorij Leningradskoj oblasti. Perspektivy` social`no-e`konomicheskogo razvitiya prigranichny`x regionov [Border zone and features of spatial development of border territories of the Leningrad region. Prospects for the socio-economic development of border regions]. Materialy` V nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem, Petrozavodsk, 08 iyunya 2018 goda [Materials of the V scientific and practical conference with international participation, Petrozavodsk, June 08, 2018]. Petrozavodsk: Karel`skij nauchny`j centr RAN, 2018. P. 155–160. (In Russ.)

Marty`nov V.L., Sazonova I.E. Transformaciya prostranstvennoj struktury` e`konomiki sovremennoj Finlyandii [Transformation of the spatial structure of the economy of modern Finland]. Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshhestva [News of the Russian Geographical Society]. 2010. Vol. 142. N 3. P. 66–72. (In Russ.)

O zaklyuchenii mirovogo dogovora mezhdu Sovetskim Soyuzom i Finlyandiej. 12 marta 1940 goda [On the conclusion of a peace treaty between the Soviet Union and Finland. March 12, 1940]. Histdoc.net. URL: https://histdoc.net/pdf/FISO1940-03-14.pdf (date of access: 07.05.2023). (In Russ.)

Rusinov I.A., Gogina M.A., Shherbinin N.V. Sajmenskij kanal v sisteme perevozok gruzov vodny`m transportom [Saimaa Canal in the system of cargo transportation by water transport]. E`konomicheskij vector [Economic vector]. 2021. N 4(27). P. 71–76. (In Russ.)

Saimaa Canal as a gambit of Russia. Helsinki Times. 2022. 02 May. URL: https://www.helsinkitimes.fi/finland/finland-news/politics/21467-saimaa-canal-as-a-gambit-of-russia.html (date of access: 05.05.2023).

Sarkkinen P., Rekonen T., Koivupuro S. Suomen sisävesiväylät rakentaminen ja kehitys. Jyväskylä: Multikustannus. 2007. P. 227.

Sovetsko-Finlyandskoe kommyunike [Soviet-Finnish communique]. Izvestiya. 1960. 26 Nov. N 281 (13517). P. 2. (In Russ.)

Sovetsko-Finlyandskoe kommyunike [Soviet-Finnish communique]. Pravda. 1960. 25 Nov. N 330 (15454). P. 3. (In Russ.)

Sovetsko-Finlyandskoe kommyunike. Moskva, 30 maya 1958 goda [Soviet-Finnish communiqué. Moscow, May 30, 1958]. Izvestiya. 1958. 31 May. N 130 (12746). P. 2. (In Russ.)

Sovetsko-Finlyandskoe kommyunike. Moskva, 30 maya 1958 goda [Soviet-Finnish communiqué. Moscow, May 30, 1958]. Pravda. 1958. 31 May. N 151 (14545). P. 3. (In Russ.)

SSSR i Finlyandiya – dobry`e sosedi [The USSR and Finland are good neighbors]. Izvestiya. 1958. 22 May. N 122 (12738). P. 3. (In Russ.)

Statistical Yearbook of Finland. 2014. Statistics Finland. URL: https://www.stat.fi/tup/julkaisut/tiedostot/julkaisuluettelo/yyti_stv_201400_2014_10374_net.pdf (date of access: 15.05.2023).

Transport on the Saimaa Canal by type of goods, 2016–2022. Statistics Finland. URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/fi/StatFin/StatFin__kvliik/statfin_kvliik_pxt_12jh.px/table/tableViewLayout1/ (date of access: 25.04.2023).

Transport on the Saimaa Canal by type of goods, 2016–2022. Statistics Finland. URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/fi/StatFin /StatFin__uvliik/statfin_uvliik_pxt_12ja.px/table/tableViewLayout1/ (date of access: 25.04.2023).

V interesax sovetskogo i finskogo narodov [In the interests of the Soviet and Finnish peoples]. Izvestiya. 1958. 1 Jun. N 131 (12747). P. 2. (In Russ.)

Vanttinen P. Canal connecting Finland and Russia reopens despite sanctions. EURACTIV. 2022. 29 March. URL: https://www.euractiv.com/section/politics/short_news/canal-connecting-finland-and-russia-reopens-despite-sanctions/ (date of access: 05.05.2023).

Vessel traffic on the Saimaa Canal, 2020–2027 Statistics Finland. URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/fi/StatFin/StatFin__uvliik/statfin_ uvliik_pxt_12jc.px/table/tableViewLayout1/ (date of access: 25.04.2023).

Xoroshij primer plodotvornogo sotrudnichestva [A good example of fruitful cooperation]. Pravda. 1962. 28 Sept. N 271 (16127). P. 2. (In Russ.)

Zavtrak u predsedatelya Soveta Ministrov SSSR N.S. Xrushhyova v chest` prezidenta Finlyandii U.K. Kekkonena [Breakfast with the Chairman of the Council of Ministers of the USSR N.S. Khrushchev in honor of the President of Finland W.K. Kekkonen]. Izvestiya. 1958. 24 May. N 124 (12740). P. 2. (In Russ.)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА
PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.09

Д.И. оглы Ализаде

КЕМАЛИСТЫ И БОЛЬШЕВИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В 1918–1920 гг.

Аннотация. *В статье анализируется динамика военно-политической ситуации на Южном Кавказе после окончания Первой мировой войны с точки зрения ее влияния на процесс сближения большевиков и кемалистов, одним из следствий которого стала советизация Азербайджана и установление коридора между Москвой и Анкарой. Исследование построено на изучении обширного корпуса материалов из азербайджанских и российских архивов (преимущественно фондов Государственного исторического архива Азербайджанской Республики), опубликованных официальных документов конца 1910-х – начала 1920-х годов и мемуарной литературы современников и непосредственных участников событий первой четверти XX в. (воспоминаний, дневников, речей и др.). Все это позволило детально реконструировать характер отношений Баку как с сопредельными странами, так и со странами Запада – Великобританией и США, и главное – по-иному взглянуть на устоявшиеся интерпретации событий 1918–1920 гг. Анализ частой смены внешнеполитической ориентации Азербайджанской Демократической Республики после окончания Первой мировой войны также позволил выявить основные причины столь быстрого падения мусаватистского правительства.*

Ключевые слова: *советско-турецкие отношения; кемалисты; большевики; Азербайджанская Демократическая Республика; мусаватистское правительство.*

Джавид Ильгар оглы Ализаде – магистрант Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: dzhavid.alizade.96@mail.ru

Alizadeh J.I., oglu. **Kemalists and Bolsheviks in the context of the geopolitical confrontation in the South Caucasus in 1918–1920**

Abstract. *This article examines post-World War I military-political landscape in the South Caucasus, with a specific focus on its influence on the evolving relationship between the Bolsheviks and the Kemalists. A notable outcome of this development was the Sovietiza-*

tion of Azerbaijan and the establishment of a corridor connecting Moscow and Ankara. The study is based on a comprehensive body of source materials derived from Azerbaijani and Russian archives, with a primary emphasis on the holdings of the State Historical Archive of the Republic of Azerbaijan. Additionally, it draws from officially published documents originating from the late 1910s to early 1920s, as well as memoir literature penned by contemporaries and direct participants in the events of the early 20th century. This multifaceted approach facilitates a meticulous reconstruction of the nature of Baku's interactions with neighboring nations and Western powers, particularly Great Britain and the United States. Significantly, it encourages a reevaluation of established interpretations of the events spanning from 1918 to 1920. Moreover, the analysis underscores the volatile shifts in foreign policy orientation exhibited by the Azerbaijan Democratic Republic in the aftermath of the First World War, ultimately revealing the principal factors contributing to the swift decline of the Musavatist government.

Keywords: *Soviet-Turkish relations; Kemalists; Bolsheviks; Azerbaijan Democratic Republic; Musavatist government.*

Javid Ilgar oglu Alizadeh – Masters student at the Institute of Asian and African Countries at Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Russia, Moscow.
E-mail: dzhavid.alizade.96@mail.ru

Провозглашение 28 мая 1918 г. Азербайджанской Демократической Республики (АДР) в результате распада Закавказской демократической федеративной республики (ЗДФР) и перенос столицы из Гянджи в Баку 17 сентября 1918 г. стали знаковыми событиями в истории азербайджанского народа, так как впервые ему удалось приобрести собственную государственность. Однако установившие власть в Баку мусаватисты являлись не чем иным, как проводником интересов Высокой Порты, финансируемым со стороны беков и ханов и опиравшимися на дислоцированные в Закавказье части османской армии. Поэтому новая власть в Баку стремилась на начальном этапе угодить, прежде всего, этим двум силам. После капитуляции Османской империи роль сюзерена приняла на себя Англия, чьи войска сменили турецкие по условиям подписанного 30 октября 1918 г. Мудросского перемирия. Оккупация АДР англичанами стала залогом непрекращающегося вмешательства Великобритании в вопросы административно-территориального деления Закавказья, что, в свою очередь, вело к обделению одних (передаче населенных армянами регионов АДР) и вознаграждению других (закреплению Зангезура и Нахичевани за Республикой Армения). В этих условиях происходило усиление активности другой страны – участницы Антанты – США, готовой помочь решить территориальный спор в пользу той или иной стороны взамен на готовность отстаивать ее интересы в регионе. Покровительство Вашингтона

предполагало проведение угодной ему внешней политики. При этом общим требованием для всех трех закавказских республик, было, с одной стороны, проведение антисоветской политики, а с другой – участие в подавлении ширившегося турецкого национального движения.

Поэтому в ходе Бакинской операции апреля 1920 г. при молчаливом согласии кемалистов большевикам удалось свергнуть власть мусаватистов и советизировать первую по счету закавказскую республику – Азербайджан и тем самым оказать немаловажную услугу М. Кемалю, обезопасив его движение на восточных рубежах от возможного удара с тыла.

В ходе параллельных исследований предпринята попытка оценить влияние политической ориентации республик Закавказья на сближение большевиков и кемалистов. Так как данный вопрос большей частью оставался вне поля зрения исследователей, центральным остается вопрос о степени воздействия союзнических отношений Баку с Османской империей, прежде всего с проанглийским правительством последней на взаимоотношения с сопредельными странами и региональными игроками. С одной стороны, он рассматривается как некая правопреемственность, с другой – как ключевой фактор в складывании союзнических отношений между Москвой и Анкарой.

Ученые признают, что процесс становления закавказских республик страны Антанты использовали как инструмент подавления национально-освободительного движения турецкого народа, а также как некий барьер между РСФСР и странами Востока, где должны быть сохранены старые порядки. Сторонниками данного направления являются как отечественные, так и зарубежные историки [Шамсутдинов 1966; Хейфец 1964; Saparov 2012]. Одновременно с этим нужно отметить, что ряд ученых напротив, склонны к тому, что поддерживая закавказские республики в их борьбе за независимость, страны Запада надеялись пресечь переход под контроль большевиков нефтепромыслов Восточного Закавказья [Hovannisian. Vol. 1. 1971].

Исследователи же на постсоветском пространстве обратились к данной проблеме в 1990-х годах, когда на основе имевшихся в их распоряжении богатых архивных фондов они смогли приступить к её комплексному анализу ввиду необходимости подчеркнуть свое правопреемство в отношении буржуазно-националистических правительств [Дарабади 2013; Казем-заде 2010].

Основные направления политики Великобритании в Закавказье

30 октября 1918 г. правительство Ахмед Иззет-паши подписало со странами Антанты Мудросское перемирие. Поскольку османские войска уже получили приказ покинуть Закавказье, Порта обязалась (согласно ст. 11) вывести оставшиеся войска только после того, как союзники изучат положение дел

на местах и то, если последние сочтут это необходимым [Ключников, Сабанин 1926, с. 188–189]. В ст. 15 предусматривалось назначение союзных офицеров для наблюдения за железными дорогами, включая те, которые пролегали по территории Закавказья. Несмотря на то, что с подписанием Мудросского перемирия континуум русско-турецких отношений был прерван, именно в это время формировалась основа для будущего союза большевиков и кемалистов. В ноябре 1918 г. состоялся обмен телеграммами между Ф. Хойским и генералом В.М. Томсоном, которыми был установлен срок вступления в Баку союзных войск – 17 ноября [Дарабади 2013, с. 104]. Обмену телеграммами предшествовала нота протеста, поданная 4 ноября А.А. Топчибашевым Мустафе Решид-паше по поводу 11-го и 15-го пунктов условий заключенного перемирия [Топчибашев 1994, с. 36–38]. Через две недели состоялась встреча двух дипломатов, на которой Мустафа Решид-паша заявил, что военные его страны могут остаться в пределах Азербайджана только в том случае, если им будет предоставлено подданство АДР [там же, с. 61–62]. Поставленное перед фактом Правительство АДР объявило, что желающие остаться турецкие офицеры должны прервать связь с османской армией, а также отдало приказ командирам войск не препятствовать англичанам в занятии Баку [Копия совместного меморандума, л. 15].

Уже 19 ноября 1918 г. командующий британскими войсками в Северном Иране генерал В. Томсон ввел военное положение в АДР и заявил: «От имени союзников Баку занимается английскими войсками. Меня сопровождают представители Франции и Соединенных Штатов, и мы здесь находимся с ведома и полного согласия нового русского правительства» [Азербайджанская Демократическая Республика 1998, с. 85]. Заявление В. Томсона четко дало понять, что он рассматривает Закавказье как часть России, а оккупация англичан распространяется только на Баку.

Англичане активно вмешивались в армяно-азербайджанский конфликт. Как «владетели обширной колониальной империи, которую населяли миллионы мусульманских подданных», британцы получали возможность завоевать всеобщее расположение путем поддержки первой мусульманской республики [Hovannisian. Vol. 1. 1971, p. 157]. Но это не означало, что Лондон решил поддерживать сугубо АДР, так как британцы склонялись к идее сохранить старые порядки и не перекраивать границы [Saparov 2012, p. 312]. Подобный подход подразумевал возвращение Армении и АДР в зоне конфликта к границам Эриванской и Елизаветпольской губернии соответственно. Это привело к тому, что в январе 1919 г. армяне заняли Сурмалинский уезд и часть Эриванского, Эчмиадзинского и Шарурского уездов, населенного мусульманами и начали продвижение к Нахичевани, что сопровождалось жертвами среди мирного населения [Копия ноты, адресованной Верховному комиссару Гаскелю, л. 9]. В связи с этим правительству АДР ничего не

оставалось как обратиться за помощью к англичанам дабы последние заняли села Эриванского, Сурмалинского и Шарурского уездов, а также города Нахичевань до решения судьбы этих местностей на мирной конференции [Копия ноты, адресованной Верховному комиссару Гаскелю, л. 9]. Это соответствовало интересам англичан, которые, вступая в Баку, заявляли, что «союзники не могут возвратиться к себе домой прежде, чем они восстановят порядок в России и доставят возможность занять свое место в ряду других народностей мира» [Азербайджанская Демократическая Республика 1998, с. 85]. Правда надежды АДР не оправдались, так как Англия продолжала следовать своему плану и в январе между воюющими сторонами при посредничестве генерала Гиббона было заключено перемирие, после которого, по словам Гиббона, «возобновление новых боевых действий будет сочтено враждебным актом против союзных держав» [Переписка с командующим английским войсками в г. Баку, л. 16]. Однако вслед за этим некоторые части этой территории были заняты смешанным английским командованием и армянскими отрядами для постепенного распространения на нее власти Армении [Донесения дип. представителя правительства АДР, л. 1]. Последовавший затем вывод англичан из региона весной-летом 1919 г. породил новые трудности, так как с их уходом закрепленный за Арменией Нахичевань стал ареной новых столкновений. В сложившихся условиях 20 апреля 1919 г. представитель АДР в Армении Магомед хан Текинский призывал правительство своей страны протестовать перед всем мусульманским миром и Парижской мирной конференцией из-за решения англичан [Объявление командующего английских войск на Кавказе, л. 16]. Однако этот призыв не привел к ощутимым результатам.

Кроме Англии в первой половине 1919 г. в Закавказье устремили свой взор и США. Во многом это соответствовало интересам мусаватистов, желавшим найти покровительство у США из-за разочарования от вынужденного союза с Англией. Так, на Парижской мирной конференции 28 мая 1918 г. в ходе беседы с В. Вильсоном, ссылаясь на провозглашенные им 8 января 1918 г. «14 пунктов», А. Топчибашев выразил надежду получить в борьбе за независимость защиту и поддержку [Копия совместного меморандума делегаций Правительств АДР, л. 7].

Обделенная англичанами Армения также начала искать поддержку за пределами страны. Выбор Эривани пал на возглавляемые А.И. Деникиным Вооруженные силы Юга России (ВСЮР). Взяв в мае Дербент, части Добрармии соприкоснулись уже границами с территориями АДР [Телеграмма дип. представителя АДР, л. 52]. Уже 11 июня в Армении была объявлена мобилизация русских войск для ВСЮР [Донесения дип. представителя АДР, л. 66]. Однако сложившаяся летом в Закавказье ситуация не могла перерасти в полноценную войну между мусаватистами и белогвардейцами, с одной стороны, потому что в АДР не имелось достаточно сил для отпора белым, а с другой –

обе эти силы ориентировались на англичан и, поэтому возникновение конфликта между ними было маловероятным. Так, АДР предоставила белым в свободное пользование свои гавани и спокойно смотрела на занятие последними северных районов Республики до р. Самур [Документы… 1958, с. 692]. То же самое касалось и надежды дашнаков, связанной с наступлением А. Деникина. «Вместо организации отпора мусаватисты допустили генерала Лазарева, представителя Добрармии при английском командовании Савицкого и адмирала Бубнова, заниматься на территории АДР вербовкой в Добрармию «русскоподданных»» [Галоян 1977, с. 140]. Иными словами, Армении было бы наивно полагать что предоставленные с ее стороны белым возможности пополнения армии станут прологом некоего союза между ними, так как аналогичные условия имелись и в АДР.

Проект полковника Гаскеля и борьба за контроль над Восточным Закавказьем

К концу 1919 г. для РСФСР стало крайне необходимым более глубокое вовлечение в дела Закавказья, которое приведет ее в скором времени к взаимодействию с кемалистами.

Первым знаковым событием стал вывод англичан из Закавказья летом 1919 г. По мнению современного азербайджанского историка П.Г. Дарабади, вывод английских войск из АДР был обусловлен целым рядом причин. Во-первых, ввиду московского похода Деникина, который поставил под вопрос существование советской власти; во-вторых, сказались набиравшие силу национально-освободительные движения в колониальных и зависимых странах Востока, и, наконец, в-третьих, правительству Ллойда Джорджа необходимо было считаться с набиравшими силу массовым движением «Руки прочь от Советской России!» и всеобщей усталостью населения и армии от четырехлетней и кровопролитной войны [Дарабади 2013, с. 122].

Однако эвакуация Англии из Закавказья породила новые проблемы для РСФСР, так как теперь к данному региону стали проявлять повышенный интерес США. Страна, обладавшая огромными военными, экономическими и людскими ресурсами, представляла куда бóльшую угрозу для большевиков, чем англичане. Предпринятая же в начале 1919 г. мусаватистами на Парижской мирной конференции попытка привлечь внимание США дабы решить в свою пользу нахичеванский вопрос, обернулась для них неожиданным результатом. Дело в том, что американцы, исходя из своих геополитических амбиций, были склонны поддерживать армян нежели азербайджанцев. По неофициальным каналам постоянно шла информация об обеспокоенности американцев судьбой армян в случае британской эвакуации. В связи с этим Артур Бальфур 9 августа 1919 г. в письме к Ллойд Джорджу выдвинул идею

предложить США заменить британские войска своими, если они «действительно беспокоились об армянах» [Фомин 2010, с. 156]. Лондон надеялся извлечь определённую выгоду из этого предложения. Ллойд Джордж признавал, что «это весьма возможно», но отмечал, что, «сделав такое предложение Америке, мы устранили бы все подозрения по поводу наших “захватнических стремлений”, поскольку, в данном случае речь идет не об аннексии, а о принятии ответственности на себя» [Ллойд-Джордж 1957, с. 108].

В скором времени американцы и англичане перешли от слов к делу. 5 июля 1919 г. союзники назначили верховным комиссаром в Армении американского полковника Гаскеля, который также представлял и страны Антанты в Армении [Кадищев 1960, с. 175]. Принимая во внимание армяно-азербайджанский конфликт, Гаскель решил первым делом выдвинуть идею по созданию в Шарур-Нахичевани нейтральной зоны, во главе которой будет поставлен американский генерал-губернатор. 29 августа мусаватисты, стараясь принять участие в работе американцев, предложили составленный ими же проект из 12 пунктов по вопросу об управлении Нахичеванским и Шаруро-Даралагезским уездами [Проекты верховного комиссара Гаскеля (Д. 92), л. 4]. Согласно пункту 1 этого проекта, Нахичеванский и Шаруро-Даралагезский уезды временно должны были составлять Особое генерал-губернаторство. Кроме того, АДР соглашался, исходя из положений пункта 2 на назначение верховным комиссаром генерал-губернатора из числа американцев [там же]. При этом проект в определенной степени распространял юрисдикцию Баку на данные области. Так, пункт 7 предусматривал рассмотрение бюджета Генерал-губернаторства в Парламенте АДР, а пункт 8 признавал официальными деньгами денежные знаки АДР [там же]. Но Гаскель остался недоволен проектом и 1 сентября выдвинул свой собственный. В новом проекте из 21 пункта были убраны положения пунктов 7 и 8 [там же, л. 5–6]. Положения пункта 3, предусматривающие управление уездов местным советом, избравшимся на основании «всеобщего, прямого, равного и тайного голосования», были изменены. Новые положения предусматривали, что местная власть будет азербайджанской за исключением тех местностей, в которых преобладает армянское население, причем характер такого округа определял американский губернатор [там же, л. 5]. 29 сентября со стороны МИД АДР последовал протест против новых положений, на который буквально сразу же Гаскел дал жесткий ответ. В отправленной 1 октября телеграмме Гаскел заявил, что «в случае непризнания положений нового проекта он не будет поддерживать притязания Баку на спорные территории» [Проекты Верховного комиссара Гаскеля (Д. 93), л. 9]. Этому заявлению предшествовала телеграмма от 26 сентября, в которой верховный комиссар предупредил, что «при несогласии азербайджанцев его сторона откажется устанавливать нейтральные зоны с генералом Деникиным» [там же, л. 7].

Параллельно летом-осенью 1919 г. в Западную и Восточную Армению была отправлена миссия под руководством генерала Д. Харборда, которой поручалось, исследуя положение дел в регионе, оценить перспективы получения мандата на эти территории. По мнению Лазарева, планировалось передать США мандат на всю Армению, остальное Закавказье, Константинополь и Проливы, что было на руку США, которые в перспективе надеялись получить мандат на всю Турцию и тем самым коренным образом пересмотреть в свою пользу итоги Первой мировой войны в прямой ущерб Англии, Франции и Италии [Лазарев 1989, с. 145]. Таким образом, рост активности США в Закавказье мог в ближайшее время привести, с одной стороны, к тому, что РСФСР пришлось бы окончательно распрощаться с данным регионом, а с другой – поставить под вопрос существование турецкого государства.

Существенную роль в сближении Москвы и Анкары сыграла и сохранявшаяся на тот момент ориентация Баку на Порту и Великобританию. Правда, поначалу кемалисты попробовали выстроить с мусаватистами добрососедские отношения. Как вспоминал впоследствии нарком по военным и морским делам АзССР А.Г. Караев: «Молодое, только что образованное Ангорское правительство, нуждалось в материальной и моральной помощи, необходимой в их борьбе с западно-европейскими капиталистами за освобождение своей родины от их ига. Это обстоятельство побудило их обратиться к правительству АДР, во главе которого стоял Усуббеков, лидер мусаватистов, с просьбой оказать поддержку вооружением и деньгами. Но мусаватисты, считавшие тогда себя пантюркистами и находившиеся под влиянием английского капитала, из боязни прогневать своих “покровителей” – английских капиталистов, в просимой помощи отказали» [Караев 1926, с. 59]. Такая позиция руководства АДР рассматривалась кемалистами как недружественный акт в отношениях между сторонами. И в то же время, нельзя сказать, что пребывание турок в АДР осенью 1919 г. оказалось безрезультатным, так как в скором времени на призыв о помощи откликнулись местные большевики. «С этого времени коммунистическая партия Азербайджана стала одним из главных штабов революционной борьбы Турции за национальное освобождение», выступив «мостом между революционною пролетарскою Москвой и революционным движением в Турции» [там же, с. 60].

А между тем правительство Н. Усуббекова заключило 29 октября 1919 г. состоящий из 11 статей Договор дружбы с правительством Али Рыза-паши, по которому Порта обязалась (согласно ст. 4) оказывать АДР помощь вооруженной силой, если последняя будет подвергнута агрессии со стороны какого-либо государства. В свою очередь, АДР обязалась (согласно ст. 5) противодействовать незаконным вооруженным формированиям, которые попытаются укрыться на ее территории [Договор, л. 1–6]. Нетрудно догадаться, что агрессором подразумевалась прежде всего РСФСР, а незаконными вооруженными

формированиями – кемалисты. Иными словами, данный Договор носил ярко выраженный антисоветский и антикемалистский характер.

Реакция большевиков не заставила себя долго ждать, и в скором времени Кавказский крайком и Исполком ушакского конгресса приняли решение заключить договор в противовес тому, который заключил АДР и Порта. «В результате переговоров в ноябре 1919 г. был выработан проект союзного договора между Кавказским краевым Комитетом РКП(б) и «Временным правительством, возглавляющим повстанческое движение в Турции в лице революционной организации «Караул» и Исполнительного комитета Ушакского конгресса»[1] [Хейфец 1964, с. 99]. Данный эпизод истории можно смело считать началом новых русско-турецких отношений, так как и Кавказский крайком и Исполком Ушакского конгресса являлись представителями Москвы и Анкары соответственно. Проект договора предусматривал заключение союза «против враждебных и контрреволюционных движений внутри их стран» и «против иностранных империалистов, включая совместную борьбу против контрреволюционных режимов в Азербайджане, Грузии, Армении и Дагестане», а также «помощь турецкому народу со стороны Советской России» [там же].

Императивы советизации Азербайджана и механизмы ее осуществления

Стремление ликвидировать в кратчайшие сроки закавказские республики не было единственной причиной сближения большевиков и кемалистов. Вдобавок к этому, РСФСР на фоне остальных держав в своей внешней политике демонстрировала стремление к мирному сосуществованию со своим восточным соседом. Первым шагом на пути к этому стало Обращение СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. В нем заявлялось, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, – ныне порваны и уничтожены [Образование СССР 1949, с. 21–22]. Иными словами, РСФСР давала понять, что выступает против захвата чужих земель. Советское правительство наряду с аннулированием царских договоров о разделе Турции отказалось также от «экономических, торговых и юридических льгот, полученных в свое время царской Россией от [султанской] Турции на основе

1. Следует оговориться, что речь идет о тайном обществе «Каракол». В советских документах эта организация именуется «Караул». В литературе нет упоминаний об Исполнительном комитете Ушакского конгресса. Однако на переговорах с представителями Кавказского краевого Комитета РКП(б) данная организация представляла интересы кемалистского движения.

неравноправных договоров [капитуляций]» [Шамсутдинов 1966, с. 46]. Кроме того, на момент когда в Анатолии локальные выступления оформились в полноценную национально-освободительную войну, VII Всероссийский съезд Советов принял 5 декабря 1919 г. постановление «Об угнетенных нациях», в котором выражалась «полная готовность российских рабочих и крестьян оказывать всем классам, народам и расам, борющимся против империализма и эксплуатации моральную и материальную поддержку» [Декреты Советской власти т. 6. 1973, с. 334–335].

Успехам большевиков на дипломатическом фронте сопутствовали успехи в борьбе с белыми, в том числе и на Южном фронте. В то же время, разгром белых внес определенные коррективы в политику западных держав по отношению к государствам Закавказья. Если раньше Запад, поддерживая белогвардейцев, выступавших «За великую, единую и неделимую Россию», не мог признать независимость АДР, Армении и Грузии, то теперь все чаще стали подниматься вопросы об их признании. Первую скрипку в этом играла Англия, которая выступала с лозунгом – от Золотого Рога до Малаккского полуострова, имея в виду создание обширной Английской империи, тянувшейся беспрерывно от Балканского полуострова через Персию и Индию до Зондского архипелага. Но так как в Турции, Аравии, Персии и Афганистане были сильны антибританские движения, то у противников Англии, в частности у Италии, возникла мысль создать особый союз под покровительством Лиги Наций. Не отказываясь от своего лозунга, англичане в конце 1919 г. выдвинули идею создания «буферных» государств». В число таких государств должны были войти АДР, Армения, Грузия, Туркмения, Бухара и Тибет [Сведения, выданные бакинской прессе, л. 83]. План по созданию «буферных государств» в равной степени был нацелен и против кемалистов. В направленной 6 февраля 1920 г. К. Карабекиру шифрограмме М. Кемаль заявлял, что «кавказская стена», которую планируют создать страны Антанты, нацелена на то, чтобы «окружить со всех сторон наше государство» и, «если большевики не займут Кавказ с Азербайджаном и тем самым не вступят в контакт с нами, мы останемся одни и в скором времени будем разгромлены» [Karabekir 2006, p. 515].

15 января 1920 г. на заседании представителей министерств иностранных дел Англии, Франции и Италии делегаты АДР и Грузии были уведомлены, что Верховный совет Антанты и союзные правительства признают существование Грузии и АДР в качестве существующих де-факто [Топчибаши кн. 1. 2016, с. 322–324]. Именно поэтому 8 мая 1920 г. Керзон предъявил ноту Советскому правительству, которая гласила: «Как Вам известно, союзные правительства недавно решили, что в случае, если РСФСР будет произведено нападение на территорию одного из окраинных государств, независимость которого ими признана в той или иной форме, союзники не могли бы

допустить такого нападения и оказали бы этому государству всяческую поддержку» [Документы внешней политики СССР. Т. 2. 1958, с. 510–511]. Принятие подобного рода мер Лондоном мотивировалось не столько опасениями за судьбу АДР, Грузии и Армении, сколько стремлением оградить колониальные владения, в особенности Персию, от влияния Москвы.

По сути дела, накануне Апрельской революции для большевиков в Закавказье сложились благоприятные условия для проведения экспансии в южном направлении. Во многом это объясняется не столько заслугами самих большевиков, сколько допущенными со стороны АДР и ее западных партнеров ошибок, которыми непременно решила воспользоваться РСФСР. Оказывая поддержку внутренней и внешней политике Порты, которая не пользовалась в отличии от кемалистов авторитетом в народе, Баку моментально оказался в стане врагов – кемалистов. Бывшие же страны – участницы Антанты, сами того не осознавая, толкнули кемалистов в объятия большевиков. Наибольшая заслуга в этом принадлежит США, которые стремились не только оккупировать турецкие земли, но и желая потеснить в Закавказье Англию и ориентировавшуюся на последнюю АДР, вознамерились реставрировать Великую Армению и, тем самым утвердиться на территории последней. Принимая во внимание сложившиеся на протяжении истории непростые отношения между турками и армянами, Анкаре ничего не оставалось как сблизиться с Москвой и тем самым руками большевиков пресечь желания Вашингтона перекроить границы, а также ликвидировать АДР как пособницу англичан и султана, являвшегося «душителем революции».

Накануне советизации Азербайджана большевики предприняли попытку установить контакты с мусаватистским правительством. 2 января 1920 г. Г. Чичерин направил правительству АДР ноту с предложением вступить в немедленные переговоры с Советским правительством и заключить военное соглашение, направленное против белых [Копии радиограммы НКИД РСФСР, л. 5]. 14 января из Баку последовала ответная нота Ф. Хойского, в которой говорилось о том, что АДР является нейтральным государством, которое вело упорную борьбу с А. Деникиным, но при этом никогда не допускало возможности вмешательства других государств во внутренние дела своего народа и, в свою очередь, всегда придерживалось принципа невмешательства во внутреннюю жизнь другого народа [там же, л. 7]. Принимая во внимание внешнюю политику АДР с момента ее образования, можно с уверенностью сказать, что Ф. Хойский не только отнекивался, но и нагло лицемерил. Поэтому 23 января 1920 г. последовала вторая нота Г. Чичерина, которая была менее сдержанной чем первая. В ней Г. Чичерин не только обвинил Баку в двурушничестве, но и припомнил ему осуществлявшуюся мобилизацию русских офицеров на территории АДР при содействии мусаватистов для включения их в армию Деникина; нахождение штаба главного командования Добрармии, блокаду РСФСР, кото-

рую осуществляли мусаватисты вместе с белыми [Копия радиограмм НКИД т. Чичерина, л. 4–5]. 1 февраля 1920 г. Ф. Хойский направил Г. Чичерину очередную ответную ноту, где полностью отрицал все обвинения последнего. Вдобавок к этому при всем незавидном положении его правительства он поставил условие, что дальнейшие переговоры будут вестись только в том случае, если Москва признает независимость и суверенитет АДР [Переписка с министерствами иностранных дел, л. 69].

В скором времени Красная армия заняла Дагестан. В сложившихся условиях на межпартийной конференции Гаджинский стал требовать от кабинета Юсуббекова проводить пророссийский курс. Несмотря на противодействие со стороны консерваторов, Гаджинскому удалось получить поддержку большинства. Юсуббеков вынужден был подать в отставку, а Гаджинскому было поручено сформировать новое правительство. После проведенных в правительстве АДР пертурбаций 15 апреля 1920 г. последовала новая нота Ф. Хойского Г. Чичерину, в которой выражалась обеспокоенность ввиду концентрации значительных войсковых сил РСФСР в пределах Дагестана – в Дербентском районе у границ АДР, а также содержалась просьба уведомить в кратчайшие сроки азербайджанское правительство о причинах и целях концентрации войск в указанных районах [Азербайджанская Демократическая Республика 1998, с. 85]. Но на данную ноту ответа из Москвы на этот раз уже не последовало. Параллельно с этим Гаджинский откладывал формирование кабинета, тем самым в немалой степени способствовал растущему беспорядку во всех слоях общества.

Внутриполитическая ситуация в АДР

Хаос, царящий в АДР, объяснялся не только чехардой в правительстве, но и теми нерешенными проблемами, которые к весне 1920 г. достигли своего апогея. Так, разрыв торговых отношений между Закавказьем и европейской частью России, инициированный Антантой, привел нефтяной сектор в кризисное состояние, что моментально отразилось на других отраслях экономики и привело к инфляции, увеличению цен на продукты питания и товары первой необходимости, росту безработицы [Мамедова 2012, с. 149]. Другой причиной общественного недовольства являлась нерешенность аграрного вопроса. Отменив в июне 1918 г. аграрный закон, принятый ранее Закавказским сеймом, азербайджанское правительство мало продвинулось в деле его урегулирования, поскольку оно просто не решалось на какие-либо шаги в сторону хотя бы частичного, даже за вознаграждение, отчуждение земель беков и других крупных землевладельцев, составлявших значительную часть элиты АДР [Волхонский 2007, с. 180–181]. Позиция, которую заняло руководство страны в отношении земельного вопроса, привела в конечном счете к

широкомасштабным крестьянским восстаниям. В 1918–1919 гг. возникли «многочисленные новые банды в безвластном пространстве Гянджинского, Казахского, Шамхорского, Нухинского и Ленкоранского уездов»; они «представляли собой собственно власть» [Баберовски 2010, с. 175].

Незавидную картину являла собой и армия, т.е. та вооруженная сила, которая для Мусавата, казалось бы, должна быть самой надежной опорой и защитой. В своих воспоминаниях А.Г. Караев утверждал, что «агалары, беки и ханы, как водилось, конечно, от военной службы освобождались. На то, чтобы биться за их интересы головами и жертвовать жизнями, призывались бедняки. А что касается турецких офицеров, находящихся в Азербайджане, то все они, видя преступное отношение мусаватистского правительства к революционной Турции, сгруппировались вокруг компартии» [Караев 1926, с. 88]. И хотя до прямого военного вмешательства турецкой армии в Апрельскую революцию дело не дошло, тем не менее они сыграли немаловажную роль в пропагандистской деятельности. Так, генерал Али-Ага Шихлинский отказался взрывать железнодорожные мосты дабы остановить бронепоезда, а на иттихадистов и представителей левого крыла партии «Мусават» существенно повлияла агитация турецких офицеров и агентов, касавшаяся важности сухопутного коридора между Россией и Турцией [Hovannisian Vol. 3. 1996, p. 180]. Таким образом, большевики, действуя в тесном контакте с кемалистами, существенно подняли свой авторитет в глазах населения АДР, для которых это обстоятельство было немаловажным. Теперь у членов и сторонников партии «Мусават» не имелось веских оснований осудить большевиков в антинародной или антиисламской политике как это было во времена Бакинского Совнаркома.

Параллельно с тем как кемалисты обезглавливали армию АДР накануне вступления в Баку частей XI армии, большевики обрабатывали политическую элиту страны, в результате чего вновь назначенный премьер-министр вступил в полусекретные переговоры с бакинскими большевиками, пригласив их принять участие в коалиционном правительстве, которое он собирался сформировать. Большевики отказались, но обещали не выступать против правительства Гаджинского, если оно будет «тактичным» по отношению к ним [Казем-заде 2010, с. 268]. Как вспоминал впоследствии очевидец тех событий А.Г. Караев: «видя свое бессилие, мусаватисты признавали полнейший провал своей провокаторской политики, и тут главковерхи мусаватистов начинают один за другим запасаться мандатами» [Караев 1926, с. 115]. Среди них был даже сам Гаджинский, который после полученного отказа со стороны большевиков попросил у них «маленький клочок бумаги», подтверждающий его принадлежность к партии большевиков [там же].

Как ни парадоксально, но вторым после турок региональным игроком, облегчившим наступление частей XI армии, стали армяне, которые на тот

момент возобновили боевые действия за Карабах, Зангезур и Нахичевань. Так, за период с 18 по 25 марта 1920 г. было развернуто крупное наступление на Аскеран, Ханкенди, Шушу и Зангезурский уезд [Переписка главы МИДа, л. 81]. В целом конфликт между АДР и Армянской Республикой не давал возможности сложиться в регионе и некоему союзу закавказских государств для защиты общих интересов, а также требовал от АДР постоянного сосредоточения войск на юго-западе страны, о чем руководство XI армии было прекрасно осведомлено. В директиве № 490 от 21 апреля 1920 г., в частности говорилось: «Главные силы Азербайджана заняты на западной границе своего государства. В районе ст. Ялама – Баку, по данным разведки, имеются лишь незначительные азербайджанские силы» [Директивы командования фронтов Т. 3. 1974, с. 310]. Но даже, если бы АДР на тот момент не вела войну с Арменией, а турецкие офицеры остались верны присяге, у него вряд ли имелись шансы дать отпор наступавшей Красной армии. К концу 1919 г. АДР могла поставить под ружье 30 тыс. плохо вооруженных недисциплинированных солдат, которые отнюдь не являлись активными поборниками действующей власти, что свидетельствует о провале азербайджанского национального строительства.

* * *

Анализ архивных документов и мемуарной литературы позволяет отчетливо увидеть, что после разгрома в конце 1919 г. белых на Урале и в Сибири у красных оставался серьезный противник лишь в лице генерала А.И. Деникина и, поэтому у большевиков появилась возможность уделить внимание вопросу, касающемуся возрождения советской власти на окраинах бывшей Российской империи, в том числе и в Азербайджане. Установление большевистской власти в Азербайджане позволяло ликвидировать своеобразный источник людских ресурсов для ВСЮР, пресечь рост английского и американского влияния в Закавказье и заполучить в свои руки плацдарм для реализации идеи мировой пролетарской революции ввиду усилившегося в это время национально-освободительного движения среди народов Востока. Советизация Азербайджана должна была решить также и вопросы экономического характера Страны Советов.

Все эти вопросы были решены в результате Бакинской операции апреля 1920 г. Большевикам сопутствовал успех ввиду накопившегося целого ряда проблем в АДР, которые мусаватисты либо откладывали на потом, либо игнорировали. Нерешенность аграрного, рабочего и национального вопроса и, сопутствовавшие им центробежные тенденции и межнациональные конфликты создали благоприятные условия для свержения большевиками власти

мусаватистов, проводивших недальновидную политику. Сказался и критический анализ предшествующего опыта советизации Восточного Закавказья.

Существенную роль в советизации как Восточного, так и Западного Закавказья сыграла Турецкая национально-освободительная война, так как АДР вместе с двумя другими самопровозглашенными республиками Закавказья как «послушные орудия в руках западных держав» проводили враждебную политику не только по отношению к Москве, но и к Анкаре. Поэтому при молчаливом согласии кемалистов, большевикам в течение года удалось ликвидировать существовавшие в данном регионе режимы и, тем самым, оказать немаловажную услугу М. Кемалю, обезопасив его движения на восточных рубежах от возможного удара с тыла.

Библиография

Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Внешняя политика (Документы и материалы). Баку: Азербайджан, 1998. 632 с.

Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010. 855 с.

Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М.: Европа, 2007. 247 с.

Галоян Г.А. Октябрьская революция и возрождение народов Закавказья. М.: Мысль, 1977. 293 с.

Дарабади П.Г. Военно-политическая история Азербайджана (1917–1920 годы). Баку: Кавказ, 2013. 296 с.

Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1973. 1 авг. – 9 дек. 1919 г. Т. 6. 584 с.

Директивы командования фронтов Красной Армии. 1917–1922. М.: Воениздат, 1974. Т. 3. 770 с.

Документы внешней политики СССР. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1958. 805 с.

Донесения дип. представителя правительства АДР в Армении главе МИДа… // Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИААР). Ф. 970. Оп. 1. Д. 57.

Кадищев А.Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М.: Воениздат, 1960. 510 с.

Казем-заде Ф. Борьба за Закавказье (1917–1921). Баку: CA&CC Press, 2010. 328 с.

Караев А.Г. Из недавнего прошлого (Материалы к истории АКП(б)). Баку: Бакинский рабочий, 1926. 132 с.

Ключников Ю.В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М.: Литиздат НКИД, 1926. 463 с.

Копии радиограммы НКИД РСФСР главе МИД АДР… // ГИААР. Д. 970. Оп. 1. Д. 112.

Копия ноты, адресованной Верховному комиссару Гаскелю и переписка с главой МВД и с дип. представителями АДР в Грузии и Армении… // ГИААР. Д. 970. Оп. 1. Д. 15.

Копия радиограмм НКИД т. Чичерина и главы МИД АДР по предложению РСФСР о заключении военного соглашения против Деникина… // ГИААР. Ф. 897. Оп. 1. Д. 86.

Копия совместного меморандума делегаций Правительств АДР, Северо-Кавказского и Донского на конференции стран Антанты в Париже… // ГИААР. Д. 970. Оп. 1. Д. 5.

Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос. М.: Наука, 1989. 327 с.

Ллойд-Джордж Д. Правда о мирных договорах. М.: Изд. иностр. лит-ры, 1957. Т. 1. 655 с.

Мамедова Ш. Антисоветские выступления в Азербайджане в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2012. № 3. С. 148–153.

Образование СССР. Сборник документов: 1917–1924. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949. 472 с.

Объявление командующего английских войск на Кавказе генерала Томсона об оккупации англичанами Карсской области… // ГИААР. Д. 970. Оп. 1. Д. 151.

Договор между Портой и АДР // ГИААР. Ф. 894. Оп. 10. Д. 93.

Переписка главы МИДа с правительством АДР с дип. представителями в Грузии и Армении, с главой МИД Армении, с Верховным комиссаром англо-американских интервентов в Закавказье… // ГИААР. Д. 970. Оп. 1. Д. 113.

Переписка с командующим английским войсками в г. Баку, МИД Армении с дип. представителями АДР в Армении, с Гянджинским губернатором… // ГИААР. Д. 970. Оп. 1. Д. 41.

Переписка с министерствами иностранных дел РСФСР АДР, Грузии и Армении с представителями иностранных государств… // ГИААР. Ф. 897. Оп. 1. Д. 31.

Проекты Верховного комиссара Гаскеля… // ГИААР. Д. 970. Оп. 1. Д. 92, 93.

Сведения, выданные бакинской прессе // ГИААР. Д. 970. Оп. 1. Д. 184.

Телеграмма дипломатического представителя АДР в Армении… // ГИААР. Д. 970. Оп. 1. Д. 62.

Топчибашев А.А. Дипломатические беседы А.А. Топчибашева в Стамбуле 1918–1919 гг. Баку: ЭРГЮН, 1994. 160 с.

Топчибаши А.М. Парижский архив 1919–1940 гг. Кн. 1.: 1919–1921. М.: Худ. лит-ра, 2016. 567 с.

Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство» 1918–1923. М.: РФСОН, 2010. 449 с.

Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока. М.: Наука, 1964. 471 с.

Шамсутдинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции 1918–1923 гг. М.: Наука, 1966. 359 с.

Hovannisian R.G. The Republic of Armenia. Vol. 1–4. Berkeley: University of California Press, 1996. 531 p.

Karabekir K. İstiklal Harbimiz. 1. Cilt. İstanbul: Yapı Kredi, 2006. 660 s.

Saparov A. Why autonomy? The making of Nagorno-Karabakh autonomous region, 1918–1925 // Europe-Asia studies. 2012. Vol. 64. № 2. P. 281–323.

References

Azerbajdzhanskaya Demokraticheskaya Respublika (1918–1920). Vneshnyaya politika. [Azerbaijan Democratic Republic (1918–1920). Foreign policy]. Baku: Azerbajdzhan, 1998. 632 p. (In Russ.)

Baberovski J. Vrag est` vezde. Stalinizm na Kavkaze [The enemy is everywhere. Stalinism in the Caucasus]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 855 p. (In Russ.)

Darabadi P.G. Voenno-politicheskaya istoriya Azerbajdzhana (1917–1920 gody`) [Military and political history of Azerbaijan (1917–1920)]. Baku: Kavkaz, 2013. 296 p. (In Russ.)

Dekrety` Sovetskoj vlasti. 1 avgusta – 9 dekabrya 1919 g. T. 6. [Decrees of the Soviet government. August 1 – December 9, 1919, vol. 6]. Moscow: Politizdat, 1973. 584 p. (In Russ.)

Direktivy` komandovaniya frontov Krasnoj Armii. 1917–1922. T. 3. [Directives of the command of the Red Army fronts. 1917–1922. Vol. 3]. Moscow: Voenizdat, 1974. 770 p. (In Russ.)

Dokumenty` vneshnej politiki SSSR. T. 2. [Documents of the Foreign policy of the USSR. Vol. 2]. Moscow: Gospolitizdat, 1958. 805p. (In Russ.)

Doneseniya dip. predstavitelya pravitel`stva ADR v Armenii glave MIDa… [Reports of the diplomatic representative of the government of ADR in Armenia to the Minister of Foreign Affairs…]. State Historical Archive of the Republic of Azerbaijan (GIAAR). D. 970. Inv. 1. F. 57. (In Russ.)

Fomin A.M. Vojna s prodolzheniem. Velikobritaniya i Francziya v bor`be za «Osmanskoe nasledstvo» 1918–1923 [War with continuation. Great Britain and France in the struggle for the «Ottoman Inheritance» 1918–1923]. Moscow: RFSON, 2010. 449 p. (In Russ.)

Galoyan G.A. Oktyabr`skaya revolyucziya i vozrozhdenie narodov Zakavkaz`ya [The October Revolution and the rebirth of the peoples of Transcaucasia]. Moscow: My`sl`, 1977. 293 p. (In Russ.)

Hovannisian R.G. The Republic of Armenia. Vol. I–IV. Berkeley: Univ. of California Press, 1996. 528 p.

Kadishhev A.B. Intervencziya i grazhdanskaya vojna v Zakavkaz`e [Intervention and Civil War in Transcaucasia]. Moscow: Voenizdat, 1960. 510 p. (In Russ.)

Karaev A.G. Iz nedavnego proshlogo (Materialy` k istorii Azerbajdzhanskoj Kommunisticheskoj partii (b)) [From the recent past (Materials on the History of the Azerbaijani Communist Party (b))]. Baku: Bakinskij rabochij, 1926. 132 p. (In Russ.)

Kazem-zade F. Bor`ba za Zakavkaz`e (1917–1921) [The Struggle for Transcaucasia (1917–1921)]. Baku: CA&CC Press, 2010. 328 p. (In Russ.)

Kazim Karabekir. Istiklal Harbimiz. 1. Jilt [Our War of Independence. Vol. 1]. Istanbul: Yapi' Kredi Yay'inlari', 2006. 660 p. (In Turk.)

Khejfecz A.N. Sovetskaya Rossiya i sopredel`ny`e strany` Vostoka [Soviet Russia and neighboring countries of the East]. Moscow: Nauka, 1964. 471 p. (In Russ.)

Klyuchnikov Yu.V., Sabanin A. Mezhdunarodnaya politika novejshego vremeni v dogovorakh, notakh i deklaracziyakh. Ot imperialisticheskoj vojny` do snyatiya blokady` s Sovetskoj Rossii. Ch. 2. [International politics of modern times in treaties, notes and declarations. From the imperialist war to the lifting of the blockade from Soviet Russia. Part 2]. Moscow: Litizdat NKID, 1926. 463 p. (In Russ.)

Kopii radiogrammy NKID RSFSR glave MID ADR s predlozheniem zaklyucheniya voennogo soglasheniya dlya sovmestnoi borbi s Denikinim i otvet glavi MID ADR [Copies of the radiogram of the MER of the RSFSR to the Minister of Foreign Affairs of the ADR with a proposal to conclude a military agreement for joint struggle against Denikin and the response of the Minister of Foreign Affairs ADR]. GIAAR. D. 970. Inv. 1. F. 112. (In Russ.)

Kopiya noty`, adresovannoj Verkhovnomu komissaru Gaskelyu… [A copy of the note addressed to the High Commissioner Haskel…]. GIAAR. D. 970. Inv. 1. F. 15. (In Russ.)

Kopiya radiogramm NKID t. Chicherina i glavi MID ADR po predlozheniyu RSFSR o zaklyuchenii voennogo soglasheniya protiv Denikina… [A copy of the radio messages of the People's Commissar for Foreign Affairs Chicherin and the Minister of Foreign Affairs of ADR on the proposal of the RSFSR to conclude a military agreement against Denikin…]. GIAAR. F. 897. Inv. 1. F. 86. (In Russ.)

Kopiya sovmestnogo memoranduma delegaczij Pravitel`stv ADR, Severo-Kavkazskogo i Donskogo na konferenczii stran Antanty` v Parizhe… [A copy of the joint memorandum of the delegations of the Governments of ADR, the North Caucasus and the Don at the conference of the Entente…]. GIAAR. D. 970. Inv. 1. F. 5. (In Russ.)

Lazarev M.S. Imperializm i kurdskij vopros [Imperialism and the Kurdish question]. Moscow: Nauka, 1989. 327 p. (In Russ.)

Llojd-Dzhordzh D. Pravda o mirny`kh dogovorakh. T. 1. [The Truth about Peace treaties. Vol. 1]. Moscow: Izdatel`stvo inostr. literatury`, 1957. 655 p. (In Russ.)

Mamedova Sh. Antisovetskie vy`stupleniya v Azerbajdzhane v 1920–1930-e gg. [Anti-Soviet demonstrations in Azerbaijan in the 1920s–1930s]. Voprosy` istorii [Questions of History]. 2012. N 3. P. 148–153. (In Russ.)

Ob`yavlenie komanduyushhego anglijskikh vojsk na Kavkaze generala Tomsona ob okkupaczii anglichanami Karsskoj oblasti… [The announcement of the commander of the British troops in the

Caucasus, General Thomson, about the occupation of the Kars region by the British…]. GIAAR. D. 970. Inv. 1. F. 151. (In Russ.)

Obrazovanie SSSR. Sbornik dokumentov: 1917–1924. [Founding of the USSR. Collection of documents: 1917–1924]. M.-L.: AN SSSR, 1949. 472 p. (In Russ.)

Perepechatka iz f. MVD. Dogovor mezhdu Portoi i ADR [Reprint from the F. of the Ministry of Internal Affairs. The agreement between the High Porte and the ADR]. GIAAR. F. 894. Inv. 10. F. 93. (In Russ.)

Perepiska glavi MIDas pravitel`stvom ADRs dip. predstavitelyami v Gruzii i Armenii, s glavoi MID Armenii, s Verkhovny`m komissarom anglo-amerikanskikh interventov v Zakavkaz`e… [Correspondence of the Minister of Foreign Affairs with the government of ADR with diplomatic representatives in Georgia and Armenia, with the Minister of Foreign Affairs of the Armenia, with the High Commissioner of the Anglo-American Interventionists in Transcaucasia…]. GIAAR. D. 970. Inv. 1. F. 113. (In Russ.)

Perepiska s komanduyushhim anglijskim vojskami v g. Baku, MID Armenii s dip. predstavitelyami ADR v Armenii, s Gyandzhinskim gubernatorom… [Correspondence with the Commander of the British troops in Baku, the Ministry of Foreign Affairs of Armenia, with diplomatic representatives of the ADR in Armenia, with the Governor of Ganja…]. GIAAR. D. 970. Inv. 1. F. 41. (In Russ.)

Perepiska s ministerstvami inostranny`kh del RSFSR ADR, Gruzii i Armenii s predstavitelyami inostranny`kh gosudarstv… [Correspondence with the Ministries of Foreign Affairs of the RSFSR of the ADR, Georgia and Armenia with representatives of foreign states…]. GIAAR. F. 897. Inv. 1. F. 31. (In Russ.)

Proekty` Verkhovnogo komissara Gaskelya… [Projects of the High Commissioner Haskel…]. GIAAR. D. 970. Inv. 1. F. 92, 93. (In Russ.)

Saparov A. Why autonomy? The making of Nagorno-Karabakh autonomous region, 1918–1925. Europe-Asia studies. 2012. Vol. 64. N 2. P. 281–323.

Shamsutdinov A.M. Naczional`no-osvoboditel`naya bor`ba v Turczii 1918–1923 gg. [The National liberation struggle in Turkey 1918–1923]. Moscow: Nauka, 1966. 359 p. (In Russ.)

Svedeniya, vy`danny`e bakinskoj presse [Information issued to the Baku press]. GIAAR. D. 970. Inv. 1. F. 184. (In Russ.)

Telegramma dip. predstavitelya ADR v Armenii… [Telegram of the Diplomatic Representative of the ADR in Armenia…]. GIAAR. D. 970. Inv. 1. F. 62. (In Russ.)

Topchibashev A.A. Diplomaticheskie besedy` A.A. Topchibasheva v Stambule 1918–1919 gg. [Diplomatic conversations of A.A. Topchibashev in Istanbul 1918–1919]. Baku: ERGYUN, 1994. 160 p. (In Russ.)

Topchibashi A.M. Parizhskij arkhiv 1919–1940 gg. Kn. 1.: 1919–1921 [Paris Archive of 1919–1940. Vol. 1.: 1919–1921]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 2016. 567 p. (In Russ.)

Volkhonskij M., Mukhanov V. Po sledam Azerbajdzhanskoj Demokraticheskoj Respubliki [In the footsteps of the Azerbaijan Democratic Republic]. Moscow: Evropa, 2007. 247 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.10

М.А. Фельдман

ДВИЖЕНИЕ УДАРНЫХ БРИГАД: РЕАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОБОЛОЧКА

Аннотация. *История движения ударников в контексте ряда исторических процессов периода Первой пятилетки принадлежит к одному из наиболее таинственных сюжетов советской истории: стремительное появление движения в 1929 г.; позиционирование его в качестве «высшего выражения социалистического соревнования» – и фактическое исчезновение в начале 1930-х годов. Предлагаемая статья показывает спектр надежд лидеров СССР на ударничество: в обстановке нарастания кризисных явлений в городе и массовых волнений крестьян в деревне правящей партии нужна была верная социальная опора, способная стать примером для рабочего социума; стать кадровым резервом ВКП (б); инструментом воздействия на «старых специалистов». Для Сталина и его ближайшего окружения идея «социалистического соревнования» и его наиболее концентрированного выражения в 1929–1931 гг. – ударничества – становилась частью «Великого перелома». Именно поэтому призыв к повсеместному и тотальному вступлению в ударные бригады соседствовал с лозунгом «массового рабочего контроля над государственным аппаратом» в формате «выдвижения лучших ударников на хозяйственную, советскую и профсоюзную работу» и разоблачения «вредителей» из числа «части специалистов, предавших интересы рабочего класса». Проведен анализ реализации планов превращения ударных бригад в «локомотив социалистической экономики». Отмечен ряд волюнтаристских решений в сферах финансирования, соблюдения норм охраны труда, системы мотивации, оттолкнувших большинство рабочих от ударничества. Сделан аргументированный вывод о том, что осознание неэффективности ударничества пришло к руководству СССР на январском (1933) Пленуме ЦК ВКП (б) и Семнадцатом съезде партии в феврале 1934 г., где тема движения ударных бригад практически не поднималась. Однако пути дальнейшего развития экономики для руководителей Советского Союза стали предметом дискуссий.*

Ключевые слова: *ударничество; рабочие; промышленность; партия; Советский Союз; ударные бригады; хозрасчет; социалистическое соревнование.*

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы

при президенте РФ. Россия, Екатеринбург.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru
Scopus Autor ID: 36349821300
Web of Science Researcher: AAE-3287-2020

Feldman M.A. The shock brigades movements: actual content and mythological shell

Annotation. *The history of the shock brigades in the context of a number of historical processes during the period of the First Five-Year Plan represents one of the most mysterious parts of Soviet history: the rapid emergence of the movement in 1929; its positioning as the «highest expression of socialist competition» – and its actual disappearance in the early 1930s. The proposed article shows the range of the Soviet leaders' hopes for shock movement: in an environment of increasing crisis phenomena in the city and mass unrest of peasants in the countryside, the ruling party needed faithful social support that could become an example for working society; become a personnel reserve of the CPSU (b); an instrument of influence on «old specialists». For Stalin and his inner circle, the idea of «socialist competition» and the shock movement as its most concentrated expression in 1929–1931 became part of the «Great Turning Point». That is why the call for universal and total entry into the shock brigades was adjacent to the slogan of «mass workers' control over the state apparatus» in the format of «nomination of the best shock workers for economic, Soviet and trade union work», and exposure of «wreckers» from among the «part of the specialists who betrayed the interests of the working class». The article analyzes the implementation of plans for the transformation of shock brigades into the «locomotive of the socialist economy». It highlights a number of voluntary decisions in the areas of financing, compliance with labor protection standards, and motivation systems, which have alienated the majority of workers from striking.*

A reasoned conclusion is made that the awareness of the ineffectiveness of the shock movement came to the leadership of the USSR at the January (1933) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) and the Seventeenth Party Congress in February 1934, where the topic of the movement of shock brigades was practically not raised. However, the ways of further economic development for the leaders of the Soviet Union became the subject of discussion.

Keywords: *shock movement;4 workers; industry; party; Soviet Union; shock brigades; self-financing; socialist competition.*

Feldman Mikhail Arkadevich – doctor of historical sciences,
Professor, Ural Institute of Management is a Branch
of the presidential Academy of national economy
and public administration. Russia. Yekaterinburg.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru
Scopus Autor ID: 36349821300;
Web of Science Researcher: AAE-3287-2020

Постановка проблемы

Мифологизация советской истории касалась всех сторон жизни советского общества, но в наибольшей степени – рабочей истории, поскольку основополагающий тезис марксизма – о рабочем классе, как гегемоне исторического процесса – принуждал историков рассматривать рабочий социум в качестве руководящей силы общества, даже в тех случаях, когда конкретные факты говорили об обратном. История ударничества – наглядный тому пример. Внезапное и бурное появление массового движения ударников в 1929 г.; столь же внезапный его фактический переход в небытие в начале 1930-х годов, несмотря на все попытки официальной статистики и пропаганды поддержать видимость сохранения движения ударников до конца 1930-х годов [История индустриализации СССР 1971, с. 548–554], до сей поры остается покрыто тайной.

Наиболее проницательные советские исследователи рабочей тематики периода Первой пятилетки восторженные оценки ударничества, взятые целиком из партийных документов, сочетали с указанием на отдельные факты, характеризующие действительное положение рабочих промышленности СССР на рубеже 1920-х – 1930-х годов [Дадыкин 1954; Вдовин, Дробижев 1976; Рогачевская 1977; Иванов 1998]. Однако диапазон негативных фактов и явлений в советскую эпоху, как правило, определялся содержанием официальных документов партийно-государственного характера. Указание на приток новых отрядов рабочих из крестьянской среды, незнакомых с производственной и трудовой дисциплиной, весьма осторожное замечание об ухудшении в годы Первой пятилетки жилищно-бытовых условий промышленных рабочих, признание уравниловки в оплате труда – становились максимально допустимым пределом в исторических публикациях.

В последние годы советской эпохи, в конце 1980-х годов, появилась брошюра О.В. Хлевнюка «Ударники Первой пятилетки» [Хлевнюк 1989], в которой впервые была сделана попытка по-новому оценить появление движения ударников. Автор обратил внимание на рассмотрение на Первом съезде ударных бригад острой проблемы: «Каково вообще предназначение ударных бригад в социалистическом экономике?». Уже сама постановка подобных вопросов в брошюре означала отход от одиозной парадности в оценке ударничества. Однако ответы на поставленные вопросы не прозвучали.

Уход рабочей тематики в постсоветский период на второстепенные позиции исторических исследований, привел к тому, что на сегодняшний день в научной литературе отсутствует понимание того, в чем же заключалась подлинная причина появления движения ударников, какова его историческая роль в событиях Первой пятилетки, в чем причина его ухода «по-английски» с исторической сцены. Каково было подлинное отношение и участие рабочих

в движении ударных бригад? Поиску ответов на поставленные вопросы посвящена наша статья.

Становление ударничества в 1929 г.

Период осени 1928 – зимы 1929 г. стал временем плановой турбулентности. Если обоснованный и тщательно просчитанный вариант Госплана («Перспективы развертывания народного хозяйства») предусматривал рост экономики за пятилетие на 79,5%, то утверждённый 23 марта 1929 г. президиумом Госплана отправной вариант предусматривал рост на 134,9%, а оптимальный – на 179% [История социалистической экономики, с. 19].

Каким же образом следовало выполнить резко увеличенный пятилетний план? Что могло содействовать реализации ежегодных заданий, оторванных от обеспечения материальными ресурсами и квалифицированными кадрами?

Разработанная Госпланом СССР ставка на основательную подготовку рабочих кадров была обстоятельно прописана в Первом пятилетнем плане: за пять лет планировалось обучить 1535,8 тыс. индустриальных рабочих, в том числе в школах ФЗУ – 217,3 тыс., в профтехшколах– 44,6 тыс. и через базы Центрального института труда – 112,5 тыс., непосредственно на производстве – 1162,4 тыс. человек. Общие расходы на подготовку рабочих кадров составляли 732 млн руб. (при росте численности рабочих за пятилетку на 33%) [Пятилетний план, т. 2, с. 245–246]. Это означало, что к концу пятилетки более половины состава заводских коллективов должны были быть представлены квалифицированными рабочими.

Однако такой курс не вписывался в тактику форсированной индустриализации первых двух лет пятилетки и «бешеных темпов» последующих месяцев [Такер 2013, с. 121–123]. Оставалась ставка на использование внутренних ресурсов советских рабочих – увеличение физических нагрузок и протяженности рабочего дня – факторов, заметим, противоречивших официальным установкам Первого пятилетнего плана. Столь очевидное противоречие нуждалось в мощном идеологическом прикрытии. Идея «социалистического соревнования» и его наиболее концентрированного выражения в 1929–1931 гг. – ударничества – должна была стать идейным обоснованием интенсификации труда советских рабочих, став составной частью «Великого перелома».

Сведения в советской исторической литературе о *стихийном движении* рабочих масс, как инициаторах социалистического соревнования, явно диссонируют с указанием на учреждение при партийных органах (обкомах, горкомах, райкомах, заводских и цеховых парткомах) специальных комиссий по развертыванию социалистического соревнования [Дадыкин 1954, с. 109]. В такой ситуации административные методы воздействия воспринимались как естественные. Например, приказ от 16 января 1929 г. председателя ВСНХ

В.В. Куйбышева, предписывающий всем хозяйственным органам оказать содействие в организации и работе ударных бригад, автоматически получал продолжение: «весной и летом 1929 г. почти на всех предприятиях парткомы принимали решения о развитии ударных бригад», нацеленных на перевыполнение плановых заданий, борьбе с прогулами, иными нарушениями трудовой дисциплины [Рогачевская 1977, с. 104].

Выполняя решения партии, ВЦСПС установил «плановый показатель» так называемого «ленинского» призыва в 500 тыс. ударников. Аналогичные задачи были поставлены областными профсоюзными советами. Чудесным образом эти задачи (фактически за месяц), к концу февраля 1929 г., были выполнены и перевыполнены [Пастухов 1930 а, с. 12–14].

Приведенные выше характеристики позволяют лучше понять подлинную картину развертывания «социалистического» соревнования в СССР в 1929 г. Многочисленные сообщения о соревновании регионов («Урало-Сибирская перекличка»), отдельных предприятий [История советского рабочего класса, с. 254–255] в условиях «неопределенности материальных и моральных стимулов» работы ударных бригад и «социалистического» соревнования в целом; создании ударных бригад по указанию партийных и профсоюзных комитетов указывали только на внешнюю, формальную сторону явления.

Ярким примером отношения Сталина и его окружения к «социалистическому соревнованию», к рабочему социуму в целом, является один из самых романтизированных и мифологических документов предвоенных пятилеток – Постановление ЦК ВКП (б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов», принятое 9 мая 1929 г. Постановление предусматривало как моральные (красный список, почетная грамота, переходящее трудовое знамя и т.д.), так и материальные (премии) формы поощрения. Для премирования создавался Особый фонд [Решения 1967, с. 53–55]. Обратим, однако, внимание на принципиальный момент: Постановление *не указывало на принципы формирования фонда премирования* – и это не было случайностью: лихорадочное повышение плановых показателей первого года пятилетки превращало проблему финансирования труда работников промышленности во второстепенную.

В силу этого утверждения исследователей о том, что в течение марта и апреля 1929 г. соревнование приобрело массовый характер и охватило два млн соревнующихся – соседствовали с признаниями о «нацеленности встречных заводских планов главным образом на количественное увеличение выпуска продукции» [Рогачевская 1977, с. 101] и с заявлениями (на всех уровнях) о низкой производственной дисциплине и недостаточной производительности труда в промышленности [Хлевнюк 1989, с. 7]. Без комментариев оставались данные о наличии в «некоторых городах предприятий, целиком являвшихся ударными» и тот факт, что в декабре 1929 г. в СССР насчитыва-

лось не более 300 тыс. ударников [Дадыкин 1954, с. 136]. Это означало, что в ударных бригадах насчитывалось менее 10% от трех млн рабочих советской промышленности [Вдовин, Дробижев 1976, с. 97]. Журнал Наркомата труда «Вопросы труда» указывал на несколько больший показатель: 10–15%, при этом, оговариваясь – «ударничеством охвачена только передовая часть рабочих» [Пастухов 1930 а, с. 12]. К чести работников журнала, иллюзий в отношении «ленинского призыва» не было: незамеченными не остались «слабый учет результатов соцсоревнования» и частые случаи формального отношения к ударничеству. Как особо опасные, характеризовались факты «провозглашения целых заводов ударными, без предварительной подготовки», что вело к «опошлению социалистического соцсоревнования» [Пастухов 1930 а, с. 12–14].

Сопоставление статистических показателей, характеризующих «невиданный размах» «социалистического соревнования», дает удивительный результат: достигнув в апреле 1929 г. двух млн участников, к январю 1930 г., по данным ВЦСПС, соревнованием и ударничеством было охвачено лишь 29% рабочих основных отраслей, или 903 тыс. человек, т.е. менее половины апрельского уровня [Дадыкин 1954, с. 208]. После года «массового развертывания социалистического» соревнования» и «небывалого подъема политической и производственной активности рабочего класса» итог был явно неожиданным для руководства СССР.

Чем объясняло руководство ВКП (б) такое несоответствие эйфории пропагандистских лозунгов и реальных фактов? Непониманием инженерно-техническими работниками роли «социалистического соревнования», «вредительством» со стороны «старых» специалистов; позицией ряда профсоюзов и «вражеской верхушки ВЦСПС, навязывавшей тред-юнионистские подходы», а также наличием в рабочем социуме обширного слоя отсталых рабочих [Дадыкин 1954, с. 94, 108]. Все эти объяснения хорошо укладывались в сталинскую схему «обострения классовой борьбы». В советской исторической науке только констатировались поразительные факты, явно дискредитирующие ударничество. Например, с движением ударников связывалось начатое летом 1929 г. «добровольное снижение расценок и повышение норм выработки» рабочими, имеющее целью «дать добавочные средства на дело строительства социализма» и столь же «добровольное» «уплотнение рабочего дня и переход на обслуживание большего числа станков» [Дадыкин 1954, с. 139–141].

Цинизм целенаправленного снижения и без того невысокого уровня жизни советских рабочих пыталась скрыть пропагандистская машина, но скорее неудачно, если тем же летом 1929 г., в июле, на Президиуме ВЦСПС отмечались весьма сомнительные результаты от работы ударных бригад [Хлевнюк 1989, с. 10]. За счет более высокой выработки «ударники давали значительный брак в выпуске продукции и тем самым приносили не пользу, а вред

предприятию» [Дадыкин 1954, с. 142]. Не способствовали доверию к ударным бригадам и появляющиеся в профсоюзной печати сообщения о необоснованно высокой, опасной для здоровья интенсификации труда ударников.

Только в сентябре 1929 г. СНК СССР принял Постановление о порядке премирования передовиков за увеличение производительности труда и выпуска продукции, улучшение качества, снижение себестоимости продукции и уменьшение брака. В документе говорилось о создании фондов содействия социалистическому соревнованию, но фактически только на рентабельных предприятиях. До достижения такого уровня «предприятия по соглашению с подлежащими профессиональными организациями» должны были производить «авансовые отчисления на образование этих фондов в размере от 1/4 до 1/2% установленного для них фонда заработной платы» [Постановление 1929].

О незначительности этих сумм говорит такой факт: общая сумма денежных средств фонда, выделенная для премирования передовиков соревнования в промышленности и на транспорте составила к концу 1928/29 хозяйственного года 6 млн руб. С учетом того, что численность только промышленных рабочих СССР в 1928 г. составила 3,1 млн человек, и стремительно росла в 1929 г., это была весьма небольшая величина. Премии передовикам на промышленных предприятиях выделялись главным образом в виде отдельных подарков, технической литературы, билетов в театр, простейших радиоприемников и т. д. Это означало как преобладание натурального характера премирования, так и его отдаленность от взаимосвязи выработки продукции и оплаты труда. Примечательно (удивительно смелое для 1954 г.!) замечание Р.П. Дадыкина: на многих предприятиях «фонды премирования либо не создавались вовсе, либо создавались, но не расходовались по назначению, а если расходовались, то на выдачу чрезвычайно мизерных премий» [Дадыкин 1954, с. 161]. Подобный уровень финансирования явно не способствовал мотивации труда рабочих. В этом заключалась главная причина невысокой реальной численности ударных бригад на протяжении всего 1929 г.

Первый Всесоюзный съезд ударных бригад (5–10 декабря 1929 г.)

В такой ситуации 5 декабря 1929 г. в Москве, в Доме Союзов, собрались делегаты Первого Всесоюзного съезда ударных бригад. В предисловии к сборнику документов и материалов этого съезда, опубликованному только через 30 лет в 1959 г.(!), сообщалось о предыстории съезда («созыву Всесоюзного съезда предшествовали областные и краевые, окружные съезды ударных бригад, где были подведены первые итоги ударничества, избраны делегаты (*свыше тысячи*) на Первый Всесоюзный съезд ударных бригад [Первый

Всесоюзный 1959, с. 2]. В реальности в первый день работы съезда его участниками стали 820 делегатов, в том числе 690 ударников из 17 отраслей промышленности СССР [Дадыкин 1954, с. 5]. Открытие съезда совпало с официальным подведением итогов первого года Первой пятилетки, определив сочетание осмысления движения ударников и всей экономики Страны Советов.

Почему публикация документов столь примечательного мероприятия в советской истории задержалась на 30 лет? Почему, зная о весьма скромных результатах развертывания движения ударников, руководство ВКП (б) пошло на созыв Первого Всесоюзного съезда ударных бригад?

В обстановке нарастания кризисных явлений в городе и массовых волнений крестьян в деревне правящей партии нужна была ***верная социальная опора.*** Такой опорой и должны были стать ударники. Само по себе движение ударников, нацеленное на выполнение и перевыполнение производственных заданий, как и соблюдение трудовой дисциплины, вполне укладывались в систему мер по совершенствованию организации труда на производстве. Но в конкретных драматических условиях декабря 1929 г. (начала «Великого перелома»), ударники превращались в стратегический ресурс сталинского руководства. Помимо агитации в рабочей среде за выполнение завышенных, фактически нереальных заданий, на долю ударников выпало и активное участие в походе в деревню в формате «двадцатипятитысячников» [Борисов 1959]. Ударники, как «образцовые советские рабочие», прославляемые средствами пропаганды, должны были отвлечь внимание народных масс от стремительного снижения жизненного уровня – следствия волюнтаристского пренебрежения рыночными законами. Наконец, успех движения ударников должен был убедить колеблющуюся часть ЦК ВКП (б) в правильности и неизбежности «Великого перелома».

Заседания Первого Всесоюзного съезда ударных бригад широко освещались в официальной прессе**.** Работу первого дня съезда открывал доклад члена Политбюро ЦК ВКП (б) Куйбышева «О социалистическом соревновании и ударных бригадах и их роли в деле построения социализма» [Первый Всесоюзный 1959, с. 41–54]. Патетически звучали слова Куйбышева о грандиозности проходящего события, о том, что ударничество и движение бедняцко-середняцкой части крестьянства «по линии создания социалистических форм хозяйства в 1928/29 г. делают 1928/29 хоз. год рубежом совершенно нового масштаба и размаха строительства социализма». Необходимость удвоения плановых показателей по ряду ведущих отраслей Куйбышев представил как данность, а решение Правительства – «во что бы ни стало форсировать это дело» – как прямую обязанность рабочих, «взявших максимально ударные темпы». Ударникам глава ВСНХ предписывал перевоспитание «отсталых слоев рабочего класса», а инженерно-техническим работникам – обязанность

помогать ударным бригадам [Первый Всесоюзный 1959, с. 45–47]. После Шахтинского процесса (1928) [Шахтинский процесс 2011; Шахтинский процесс 2012] по-особому воспринималось заявление Куйбышева о необходимости борьбы с бюрократами из числа инженерно-технических работников, «не уделяющих должного внимания ударным бригадам» [Первый Всесоюзный 1959, с. 51]. Таким образом, в первый же день работы съезда директивные указания руководства ВКП (б) «великому движению, начавшемуся среди нашего рабочего класса» [Первый Всесоюзный 1959, с. 48], определили его задачи и обязанности. Ударные бригады, охарактеризованные Куйбышевым в качестве «высшего выражения социалистического соревнования» [Первый Всесоюзный 1959, с. 46], должны были стать штурмовым отрядом правящей партии в осуществлении «Великого перелома».

Выступление на второй день работы съезда секретаря ВЦСПС Г.Д. Вейнберга с докладом ВЦСПС «О ходе социалистического соревнования в стране и задачах ударных бригад» [Первый Всесоюзный 1959, с. 61–76] фактически повторяло все оценки, данные председателем ВСНХ. Однако руководство ВЦСПС вынуждено было отражать настроения рабочих, и, хотя бы частично, давать объективную картину происходящего. Отсюда в докладе Вейнберга отмечались и негативные черты движения ударников, такие как незначительное число ударных бригад, нередко оторванных от основной массы рабочих. В работе ударных бригад доминировала ставка на количественные показатели, в ущерб качеству выпускаемой продукции. В результате, при росте выпуска продукции был очевиден рост доли брака и ухудшение качества изделий [Первый Всесоюзный 1959, с. 65].

Прецедент был создан, и в выступлениях делегатов съезда профсоюзов прозвучали оценки ударничества, явно не вписывающиеся в «светлую картину социалистического соревнования» из доклада Куйбышева. Делегаты съезда отмечали совершенно неудовлетворительно организованную практику заключения социалистических договоров, отсутствие необходимого учета их выполнения; неконкретность отдельных обязательств и слабую работу по рационализации и изобретательству. Показательным можно считать выступление Д.М. Кузьмина от рабочих «Красное Сормово», заявившего, что «отсутствие на предприятии заводского и цеховых планов» оборачивается простоями в начале месяца и сверхурочными работами в конце месяца, «фактически срывающими соцсоревнование» [Первый Всесоюзный 1959, с. 124].

«Пар» недовольства ударников был выпущен. И в последний день работы съезда – 10 декабря 1929 г. – в безукоризненном с точки зрения партийно-политического языка «Обращении Первого Всесоюзного съезда ударных бригад ко всем трудящимся страны о расширении социалистического соревнования в стране» – прозвучал нужный Сталину и его окружению призыв «добиваться выполнения пятилетки в четыре года» [Первый Всесоюзный

1959, с. 173]. Обращение менее всего походило на документ, принятый по собственной инициативе делегатов съезда, рабочих-ударников. Призыв ***к повсеместному и тотальному вступлению в ударные бригады*** соседствовал с лозунгом «массового рабочего контроля над государственным аппаратом» в формате «выдвижения лучших ударников на хозяйственную, советскую и профсоюзную работу» и разоблачения «вредителей» из числа «части специалистов, предавших интересы рабочего класса» [Первый Всесоюзный 1959, с. 174–175]. Съезд указал на необходимость выдвинуть в течение 1929–1930 гг. на профсоюзную и хозяйственную работу не менее 5 тыс. ударников, для «улучшения работы вышеназванных структур» [Первый Всесоюзный 1959, с. 176–177].

Примечательно противоречие мысли ведущего советского историографа социалистического соревнования – И.Е. Ворожейкина, утверждавшего что в работе съезда «отразился пафос созидания, охвативший широкие массы трудящихся в связи с грандиозными планами пятилетки», но в следующем же абзаце, признавшего, что «ударничество не отличалось большой массовостью», «охватив лишь передовую, самую сознательную часть рабочего класса» [Ворожейкин 1984, с. 75].

Кто же должен был улучшить работу управленческих структур? Анализ анкет делегатов Первого съезда ударных бригад показал, что 3/4 из них (73,5%) были коммунистами и комсомольцами, около половины выполняли партийную работу, 69,7% – профсоюзную. 67,2% участников Первого съезда ударных бригад были молодые люди до 30 лет; причем 30,2% – делегаты моложе 22 лет [Первый Всесоюзный 1959, с. 180]. Как видно, основную массу делегатов составляли молодые рабочие из числа коммунистов и комсомольцев. Молодые, плохо образованные рабочие из вчерашних крестьян острее чувствовали необходимость улучшить своё материальное положение и легче впитывали пропагандистские призывы и идеологические лозунги.

Ударников отличал невысокий образовательный уровень: 50,8% делегатов не имели и начального школьного образования. Только десятая часть (10,2%) закончили школу второй ступени (5–7 классы) или продолжали в ней учиться. Такая же часть делегатов (10,4%) закончили школы ФЗУ. Вместе с тем знамением времени можно считать появление в среде делегатов небольшой группы (2,9%) студентов вечерних и заочных отделений техникумов и втузов. Всего же почти треть делегатов съезда (30,7%) продолжали учиться в различных образовательных учреждениях. Среди молодых рабочих (до 40 лет) этот показатель поднимался до 40% [Первый Всесоюзный 1959, с. 183–184]. Портрет ударника – это портрет читающего рабочего, но читающего преимущественно газеты (98,2%) с постоянным набором агитационно-пропагандистских материалов. Специфической была структура читаемых ударниками журналов – преобладали партийно-профсоюзные журналы (37%)

и существенно в меньшем количестве – научно-технические журналы (20%) [Первый Всесоюзный 1959, с. 183–184]. Рабочий-активист с партийным или комсомольским билетом, участвующий в различных формах обучения, либо еще ожидающий своего часа, был наиболее характерным участником съезда ударных бригад.

Таким образом, рожденное по воле руководства ВКП (б), движение ударников должно было стать донором правящей партии и одновременно орудием в ее руках; выступить в роли «идеального образца» для трудящегося населения СССР.

Апогей ударничества: социалистическое соревнование в условиях социально-экономического кризиса 1930 г.

По решению правящей партии главной задачей первых месяцев 1930 г. стал курс на стремительное расширение состава движения ударников. Оттолкнувшись от опыта ВКП (б) – практики «ленинского призыва» в партию в 1924 г. – партийно-профсоюзные органы начали подталкивать рабочих, коллективы целых цехов и заводов «объявлять себя ударниками». За неполные два месяца «ленинского набора» (январь-февраль 1930 г.) ряды ударников по официальным данным выросли на 1,5 млн человек [Материалы 1932, с. 25]. С точки зрения марксистской идеологии ударничество стремительно набирало силу.

Одновременно, широкое распространение на предприятиях получили в этот период производственные коммуны и так называемые производственные коллективы. Уже к 1 мая 1930 г. в них, по официальным данным, объединились 13% всех соревнующихся рабочих. Производственные коммуны и коллективы, базирующиеся на уравнительном распределении заработков, насаждались насильно. Это была только часть формирующейся командно-административной системы; инструмент социальной мобилизации как системной характеристики сталинского режима на стадии его утверждения (конец 1920-х – 1930-е годы) [Красильников 2018, с. 25].

Правящей партией ударники рассматривались как «передовые рабочие» и составили значительную часть из почти миллионной армии рабочих, срочно в массовом порядке принятых в ряды кандидатов в члены ВКП (б) в 1930–1931 гг. [Юдин 1973, с. 117, 128]. Однако удвоение численности партии коммунистов не повлияло на положение дел в экономике, настроения в рабочем социуме.

Нарастание ненаучных «левацких» взглядов в высшем руководстве СССР в самых различных сферах экономики на протяжении «особого квартала» 1929–1930 гг. имело вполне очевидный результат: производственные планы были настолько преувеличены, что невозможно было заключать реа-

листичные контракты. Поскольку под эти планы было открыто «щедрое финансирование предприятий», «деньги никто не считал», и дорога к стремительной инфляции была открыта [Davies 1996, p. 51].

Огромные капитальные вложения в тяжелую промышленность, сделанные в 1929–1930 гг., в значительной мере были заморожены в незавершенных стройках. Индустриальные скачки, непомерное увеличение капитальных вложений в тяжелую промышленность, игнорирование экономических рычагов управления и массовые репрессии против специалистов, вызвавшие волну так называемого «спецеедства», падение дисциплины на производстве – привели к глубокому кризису в советской промышленности в 1930 г. Реагируя на кризисные явления в экономике, пленум ЦК ВКП (б) в декабре 1930 г. провозгласил курс на укрепление финансовой дисциплины и сокращение расходов. Так, в конце 1930 г. завершился первый этап сталинской революции, наглядно продемонстрировавший ее разрушительный характер [Хлевнюк 2010, с. 82–83, 85–86]. Тотальная дезорганизация производства, массовая текучесть на предприятиях, введение карточной системы – все это дезавуировало смысл и содержание движения ударничества; превращало его в формальное явление. Руководство ВКП (б) решило возглавить критику «отдельных недостатков» ударничества с самой «высокой трибуны» – XVI съезда партии в июне 1930 г.

Организационный отчет XVI съезду, представленный секретарем ЦК ВКП (б) Л.М. Кагановичем, сообщал о многочисленных случаях искусственного, административного создания «отрядов» ударников, массовых «мобилизациях» в ударники по приказу сверху. «Есть случаи, – иронизировал секретарь ЦК, – когда объявляются ударными целые цехи и заводы, а … рабочие даже не знают о том, что они ударники…». Наряду с этим, речь шла о проявлении «иждивенческих, уравнительных тенденций» при создании «тесно связанных с ударным движением… производственных коммун и производственных коллективов» [XVI съезд 1930, с. 61].

Информировав съезд о том, что «обследование Госплана, происходившее в мае 1930 г., охватившее 20 крупнейших предприятий, показало, что соцсоревнованием охвачено 87% рабочих этих предприятий, [а] ударничеством – 48% рабочих». Каганович тут же констатировал: «на ряде заводов, чем шире становится охват рабочих ударными бригадами, тем меньше становится в них действительного ударничества» [XVI съезд 1930, с. 61].

Последующая мысль Кагановича о том, что когда «количество ударных бригад расширяется до больших размеров … они превращаются просто в группы обычных рабочих с одним только названием» [XVI съезд 1930, с. 61] – в принципе, звучала как приговор «высшему выражению социалистического соревнования». В данном случае речь идет о проявлении разочарования

Сталина и его окружения в способности ударничества остановить нарастающие негативные явления в экономике страны в первом полугодии 1930 г.

Каким же был экономический эффект от движения ударников? Как сами рабочие оценивали ударничество? В чем заключалась позиция руководителей предприятий, цехов, участков? Ответов на эти вопросы делегаты съезда не получили, за исключением скупой реплики секретаря ЦК: «Точно подсчитать экономическую эффективность ударничества очень трудно». Показательно другое: примеры действенного ударничества в Организационном отчете в реальности говорили только о наведении элементарной производственной дисциплины.

В такой атмосфере съезда ВКП (б) было неудивительно, что доклад председателя ВЦСПС Н.М. Шверника «О задачах профсоюзов в реконструктивный период» [XVI съезд 1930, с. 645–666] был «задвинут» на предпоследнее заседание партийного форума. Судя по тексту стенографического отчета, единственное место доклада, получившее одобрительную реакцию зала, было посвящено критике ударничества – «заводов, которые формально объявляют себя ударными, не подготовив всю массу к работе по-ударному, не оправдывают своего звания ударных заводов», а также многочисленных случаев «лжеударничества» [XVI съезд 1930, с. 651].

Показательна и оценка журналом Наркомата труда состояния ударничества за 1929–1930 хозяйственные годы: по итогам проверок, значительная часть ударников носит это звание чисто формально, в Москве есть заводы и фабрики «без ударников», а там где они есть – не исчезли ни прогулы, ни нарушения производственной дисциплины и высокий уровень брака [Пастухов 1930 б, с. 43].

Двойственная оценка феномена ударничества на XVI съезде ВКП (б) предопределила вектор последующих действий со стороны партийных организаций: сохраняя формально сведения о «широком» распространении движения ударников, основные усилия направлялись на его обновление, приспособление к особенностям периода «минireформ», отсчет которых историки начинают с проведения 30 января – 4 февраля 1931 г. Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, собравшей представителей ВСНХ и директорского корпуса, ВЦСПС и руководителей ряда отраслевых профсоюзов, ряда управленцев из государственных и партийных структур [Хлевнюк 2010, с. 113].

Было очевидно, что завеса мифологии о триумфах советской экономики, подвигах ударников постоянно разрывалась конкретной информацией о качестве продукции и состоянии хозрасчетных отношений. Критика экономической политики со стороны директорского корпуса, прежде всего руководителей предприятий тяжёлой промышленности, продемонстрированная в 1931 г. на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промыш-

ленности [Первая Всесоюзная 1931, с. 23–24; 31–34], а также в выступлениях на партийных форумах начала 30-х годов даже в сглаженном формате представляла собой своеобразную форму социального протеста.

Ударничество в период «минireформ»

Возникшая в результате «минireформ» в 1931–1933 гг. советская экономическая система при Сталине (и после него) «постоянно воплощала в себе несколько важных черт, отсутствующих в "командно-административной" модели: деньги играли значительную, хотя и подчиненную роль в советском государственном социализме, а "экономический учет" ставился как вспомогательная цель для каждой экономической единицы. Труд контролировался не только административными приказами, но и посредством стимулирования заработной платы; существовал "квазирынок" для труда» [Davies 1996, p. XV].

С начала 1931 г. ударные бригады трансформировались в **хозрасчетные**, официально нацеленные на «введение смет расходования материалов при выполнении конкретных производственных заданий». Повсеместный характер такого процесса; выход большими тиражами популярных брошюр: «Как организовать хозрасчет в бригаде», «Бригада на хозрасчете» и т.п. [Рогачевская 1977, с. 113] говорит о наличии соответствующих партийных директив.

В выступлении Н.М. Шверника с Отчетом ВЦСПС Девятому съезду профсоюзов (21 апреля 1932 г.) хозрасчетные бригады характеризовались в качестве «высшей ступени социалистического соревнования». Сила же хозрасчетных бригад, по оценке председателя ВЦСПС, заключалась в том, что они «сочетали социалистическое соревнование и ударничество с материальной заинтересованностью», а массовость участников – 150 тыс. хозрасчетных бригад с 1,5 млн участниками на 1 апреля 1932 г. – должна была свидетельствовать о глубине поддержки рабочим классом дела социализма [Девятый Всесоюзный съезд 1933, с. 70–71].

«Непрерывно растет число предприятий и цехов, сплошного хозрасчета», при этом показателен пример Ленинградской области, где 70 % промышленных рабочих охвачены хозрасчетными бригадами – утверждал журнал «Вопросы труда» в мае 1932 г. [Губарев 1932, с. 19], не замечая, что повторяется ошибка, характерная для развертывания движения ударных бригад в 1929–1930 гг. – ставка на максимально возможный охват рабочих очередной формой «социалистического соревнования».

Судя по официальным источникам, «высшая ступень социалистического соревнования» неуклонно прогрессировала, и в конце 1932 г. в СССР имелось уже 200 тыс. хозрасчетных бригад, охвативших 40% рабочих цензовой промышленности, т.е. около 2,5 млн человек [За новые миллионы 1933]. Однако как и в случае с первым этапом ударничества (движением ударных

бригад), несмотря на примеры отдельных успехов, в целом движение по созданию хозрасчетных бригад было обречено: декларированные хозрасчетные отношения в СССР не вписывались в существующую экономическую систему. Показательно в этом отношении выступление председателя ВСНХ Г.К. Орджоникидзе, на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 30 января 1931 г. отметившего «бесхозяйственное отношение к расходованию сырья и материалов», ставшее подлинным бедствием для советской экономики. Причина такого явления заключалось в том, что хозрасчет в промышленности и в строительстве существовал только «на бумаге» [Первая Всесоюзная 1931, с. 12].

Мнение председателя ВСНХ поддержало большинство выступавших, отметивших отсутствие в промышленности и строительстве подлинного хозрасчета. Пожалуй, наиболее отчетливо эта мысль прозвучала из уст директора АМО И.А. Лихачева: «Хозрасчета у нас нет. Оборотных средств нам не дают. Бюджет часто составляется липовый» [Первая Всесоюзная 1931, с. 33].

Спустя год, 30 января 1932 г., выступая с докладом на XVII конференции ВКП (б), Орджоникидзе вновь констатировал: «на протяжении последних лет хозрасчет у нас почти полностью пропал [XVII конференция 1932, с. 19]. Тем самым представитель высшего советского партийно-государственного руководства, более других внесший вклад в реализацию пятилетнего плана, признал, что многочисленные решения и постановления ЦК и СНК о внедрении хозрасчета не дали никаких результатов.

В начале 1930-х годов в экономике СССР сохранялись инфляционные тенденции. Следствием этого, наряду с расстройством рынка, стал стремительный рост цен на продукты и товары. Согласно официальным данным, собранным Госпланом, в период Первой пятилетки номинальная заработная плата рабочих и служащих выросла на 126%. В это же время индекс цен в государственной и кооперативной торговле вырос на 155%. Другими словами, «реальная» заработная плата в 1932 г. составляла 88,6% от уровня 1928 г. [Малафеев 1964, с. 174]. Однако, по современным оценкам, индекс розничных цен рос в 1928–1932 гг. в 2,5 раза [Русский рубль 1994, с. 235], т.е. вдвое быстрее, чем заработная плата. Это означало, что «реальная» заработная плата в 1932 г. составляла 56% от уровня 1928 г. По другим оценкам, реальная заработная плата занятых в промышленности за годы первой пятилетки снизилась от 30 до 50%. Провал постиг все социальные программы первой пятилетки [Davies 1996, p. 479].

СНК СССР и наркоматы неоднократно принимали постановления, фактически сводящие к минимуму премиальные средства. Например, в феврале 1931 г. постановлением ЦИК и СНК было запрещено выплачивать премию чаще одного раза в квартал [Собрание законов 1931, с. 48]. В результате, например, в Уральской области за перевыполнение производственной програм-

мы в 1932 г. было премировано всего лишь 32 рабочих на сумму 1840 руб., в 1933 г. – 269 рабочих на сумму 20 845 руб. [Хозяйственное и культурное строительство 1934, с. 170]. «С премированием соцсоревнования дело обстоит не совсем благополучно», – признал в докладе ВЦСПС на XVI съезде ВКП (б) Н.М. Шверник [XVI съезд 1930, с. 651].

Все многочисленные попытки директивным образом ввести хозрасчет и рациональное расходование денежных средств – ни на уровне наркоматов, ни на предприятия**х** – не увенчались успехом. В обстановке выдачи средств банками автоматически, независимо от хода реализации плана и качества произведенных работ, государственная политика только внешне носила централизованный характер. На самом деле, наркоматы и экономические ведомства мало контролировали ситуацию. В инфляционных условиях 1930–1931 гг. денежное стимулирование за счет дифференцированной заработной платы и премий приобрело второстепенное значение. На первый план вышли распределение одежды и обуви, улучшенные пайки и дополнительные отпуска, наделение жильем в улучшенных бараках [Davies 1996, p. 49, 52, 53]. Подобная оценка состояния «хозрасчетных» отношений в СССР позволяет понять, почему после описания «эпических» успехов движения хозрасчетных бригад, историки советской поры бесстрастно сообщали: «с 1933 г. движение по созданию хозрасчетных бригад пошло на убыль» [Рогачевская 1977, с. 117].

Только в подстрочнике официозное издание «История советского рабочего класса в шести томах» отмечало: причина того, что движение хозрасчетных бригад пошло на убыль, заключалась в том, что «отсутствие подлинного хозрасчета цехов и предприятий, существенно снижало эффективность хозрасчета бригад» [История советского рабочего класса 1984, с. 457]. Удивительно точны бывали подстрочники в советскую эпоху!

Заключение

Движение ударников в советской промышленности – одно из наиболее ярких событий Первой пятилетки в СССР. Миф о «небывалом подъеме политической и производственной активности рабочего класса» на долгие десятилетия стал основополагающим в формировании картины создания «социалистического общества».

Судьба ударничества стала частицей «Великого перелома», фрагментом форсированной индустриализации, разделив вместе с ними место в пропагандистской доктрине о построении «фундамента социализма», а затем и в кризисе политики «бешеных темпов». Ставка на усиленную интенсификацию труда промышленных рабочих без материального стимулирования и системного повышения производственно-технической подготовки, обернулась вы-

сокой текучестью кадров на предприятиях индустрии в 1930–1931 гг., фактически бегством советских граждан в поиске лучшей доли.

Крах движения ударных бригад не смогли предотвратить ни массовый прием ударников в ряды ВКП (б), ни выборочное премирование «лучших» ударников предметами одежды и обуви. В условиях отсутствия хозрасчетных отношений аналогичная судьба ожидала и так называемые «хозрасчетные бригады». Отторжение движения ударников стало проявлением рабочим социумом собственного понимания социальных проблем. Если административное насаждение ударных бригад дискредитировало движение, то девальвация заработков его лишила смысла.

Осознание неэффективности ударничества пришло к руководству СССР на январском Пленуме ЦК ВКП (б) 1933 г. и Семнадцатом съезде партии в феврале 1934 г., где тема движения ударных бригад практически не поднималась. Лидеры Советского государства, включая Сталина, в 1933–1934 гг. пришли к выводу о том, что ситуацию могли изменить только последовательные меры по улучшению жизни рабочих; общегосударственная программа обязательного технического обучения всех рабочих советской индустрии; признание значимости личного интереса, важности материальных стимулов к труду. Реализация этих мер привела к временной стабилизации положения в экономике. Однако миф о возможности за счет «скачка» стать в военном и экономическом отношении первой мировой державой сохранялся в сознании Сталина и его ближайших соратников и нашел свое выражение в 1935 г. в стахановском движении.

Часть ударников, осознав необходимость продолжения профессионально-технической подготовки в различных стационарных учебных заведениях, выбрала дорогу к повышению квалификации. Органы государственной власти содействовали такому порыву.

Библиография

Борисов Ю.С. 25-тысячники. М.: Госполитиздат, 1959. 95 с.

Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917–1940. М.: Мысль, 1976. 264 с.

Ворожейкин И.Е. Летопись трудового героизма. Краткая история социалистического соревнования в СССР. М.: Политиздат, 1984. 336 с.

Дадыкин Р.П. Начало массового социалистического соревнования в промышленности СССР. М.: Госполитиздат, 1954. 224 с.

Девятый Всесоюзный съезд профессиональных союзов СССР: стенографический отчет. М.: Профиздат, 1933.

За новые миллионы ударников // Труд. 1933. 1 января № 1. С. 3.

Иванов Ю. М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28–43.

История индустриализации СССР. 1926–1941 гг.: документы и материалы: в 4 т. М.: Наука, 1971. Т. 3: Индустриализация СССР 1933–1937 гг. 654 с.

История советского рабочего класса: в 6 т. М.: Наука, 1984. Т. 2: Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921–1937. 511 с.

История социалистической экономики СССР: в 7 т. М.: Наука, 1977. Т. 3: 1926–1932. М.: Наука. 1977. 536 с.

Как ломали НЭП: стенограмма пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. М.: Международный фонд «Демократия» : Материк, 2000. Т. 5: Пленум ЦК ВКП (б). 10–17 ноября 1929. 694 с.

Красильников С.А. Раннесоветский опыт социальной мобилизации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 38–45.

Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М.: Мысль. 1964. 439 с.

Материалы к отчету ВЦСПС IX съезду профсоюзов. М.: Профиздат. 1932. 230 с.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.

Пастухов М. Итоги ленинского призыва ударников // Вопросы труда. 1930 а. № 4. С. 12–17.

Пастухов М. Движение ударников к началу решающего года пятилетки // Вопросы труда. 1930 б. № 10. С. 41–46.

Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности: стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931. М.: Соцэкгиз, 1931. 251 с.

Первый Всесоюзный съезд ударных бригад (к тридцатилетию съезда). М.: Профиздат, 1959. 191 с.

Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР о премировании за улучшения, достигнутые в порядке социалистического соревнования рабочих и служащих // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1929. 22 сентября. № 219. С. 4.

Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР: в 4 т. Изд. 3-е. М.: Плановое хозяйство, 1930. Т. 1: Сводный обзор. 167 с.

Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР: в 4 т. Изд. 3-е. М.: Плановое хозяйство. 1930. Т. 2. Ч. 1: Строительная и производственная программа. М.: Плановое хозяйство, 1930. 418 с.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг.: сб. док. за 50 лет в 5 т. М.: Политиздат, 1967. Т. 2: 1929–1940. 798 с.

Рогачевская Л.С. Альтернативы первому пятилетнему плану // Россия в XX веке: Историки мира спорят : [сб. ст.] / Рос. АН, Ин-т рос. истории, М.: Наука, 1994. С. 319–328.

Рогачевская Л.С. Социалистическое соревнование в СССР. Исторические очерки 1917–1970 гг. М.: Наука. 1977. 352 с.

Русский рубль: Два века истории. XIX–XX вв. М.: Прогресс-Академия, 1994. 323 с.

XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): стенографический отчет. М.: Политиздат, 1932. 396 с.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза советских социалистических республик. Отдел первый. М.: Советское законодательство, 1931. № 47. 16 с.

Такер Р. Сталин – диктатор. У власти. 1928–1941 . М.: Центрполиграф, 2013. 797 с.

Хлевнюк О.В. Ударники Первой пятилетки. М.: Знание, 1989. 63 с.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478, [1] с.

Хозяйственное и культурное строительство на Урале. Свердловск: Уральский рабочий, 1934. 209 с.

Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С.А. Красильников. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. Кн. 1. 975 с.

Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С.А. Красильников. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2012. Кн. 2. 1087 с.

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1930. 782 с.

Юдин И.Н. Социальная база КПСС. М.: Политиздат, 1973. 295 с.

Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London : Macmillan Press LTD, 1996. 612 p.

References

Borisov Yu.S. 25-tysyachniki [25-thousandth]. Moscow: Gospolitizdat, 1959. 95 p. (In Russ.)

Dadykin R.P. Nachalo massovogo socialisticheskogo sorevnovaniya v promyshlennosti SSSR [The beginning of mass socialist competition in the industry of the USSR]. Moscow: Gospolitizdat, 1954. 224 p. (In Russ.)

Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London : Macmillan Press LTD, 1996. 612 p.

Devyatyj Vsesoyuznyj s"ezd professional'nyh soyuzov SSSR: stenograficheskij otchet [Ninth All-Union Congress of Trade Unions of the USSR: verbatim report]. Moscow: Profizdat, 1933. 224 p. (In Russ.)

Hozyajstvennoe i kul'turnoe stroitel'stvo na Urale [Economic and cultural construction in the Urals]. Sverdlovsk: Ural'skii rabochii, 1934. 209 p. (In Russ.)

Istorija industrializacii SSSR. 1926–1941 gg. [History of Industrialization of the USSR. 1926–1941]: documents and materials: 4 books. Moscow: Nauka, 1971. T. 3: Industrializaciya SSSR. 1933–1937 gg. [Vol. 3: Industrialization of the USSR 1933–1937]. 654 p. (In Russ.)

Istoriya socialisticheskoj ekonomiki [The History of the Socialist Economy]: 7 vol. Moscow: Nauka. 1977. T. 3: 1926–1932. 536 p. (In Russ.)

Istoriya sovetskogo rabochego klassa [The History of the Soviet Working Class]: 6 vol. Moscow: Nauka. 1984. Vol. 2: Rabochij klass – vedushchaya sila v stroitel'stve socialisticheskogo obshchestva. 1921–1937 [The working class is the leading force in the construction of a socialist society. 1921–1937]. 511 p. (In Russ.)

Ivanov Yu.M. Polozhenie rabochih Rossii v 20-h – nachale 30-h godov [The situation of the workers of Russia in the 20s – early 30s]. Voprosy istorii [Questions of history]. 1998. N 5. P. 28-43. (In Russ.)

Kak lomali NEP: stenogrammy plenumov CK i CKK VKP (b). 1928–1929 gg. [How the NEP was broken. Transcripts of the plenums of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU (b). 1928–1929]: 5 t. Moscow: International Foundation «Democracija»: Materrik, 2000. T. 5. Plenum CK VKP (b). 10–17 noyabrya 1929 [Plenum of the Central Committee of the CPSU (b). November 10–17, 1929]. 694 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury [The owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 478, [1] p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Udarniki Pervoj pyatiletki [The drummers of the First Five-year plan]. Moscow: Znanie, 1989. 63 p. (In Russ.)

Krasilnikov S.A. Rannesovetskij opyt social'noj mobilizacii [Early Soviet experience of social mobilization]. Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Bulletin]. 2018. N 4 (61). P. 38–45. (In Russ.)

Malafeev A.N. Istoriya cenoobrazovaniya v SSSR (1917–1963 gg.) [The history of pricing in the USSR (1917–1963)]. Moscow: Mysl', 1964. 439 p. (In Russ.)

Materialy k otchetu VCSPS. IX s"ezdu profsoyuzov [Materials for the report of the VTSPS. IX Congress of Trade Unions]. Moscow: Profizdat, 1932. 230 p. (In Russ.)

Osokina E.A. Za fasadom «stalinskogo izobiliya»: Raspredelenie i rynok v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii. 1927–1941 gg. [Behind the facade of «Stalin's abundance»: Distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 271 p. (In Russ.)

Pastukhov M. Dvizhenie udarnikov k nachalu reshayushchego goda pyatiletki [The movement of strikers to the beginning of the decisive year of the five-year plan]. Voprosy truda [Questions of labor]. 1930. N 19. P. 43–46. (In Russ.)

Pastukhov M. Itogi leninskogo prizyva udarnikov [The results of the Lenin appeal of the strikers]. Voprosy truda [Questions of labor]. 1930. N 4. P. 12–17.

Pervaya Vsesoyuznaya konferenciya rabotnikov socialisticheskoj promyshlennosti: stenograficheskij otchet [The first All-Union Conference of Workers of Socialist Industry: verbatim report]. Moscow: Sotsekgiz, 1931. 251 p. (In Russ.)

Pervyj Vsesoyuznyj s"ezd udarnyh brigad (k tridcatiletiyu s"ezda) [The first All-Union Congress of shock brigades (to the thirtieth anniversary of the Congress)]. Moscow: Profizdat, 1959. 191 p. (In Russ.)

Postanovlenie Soveta narodnykh komissarov Soiuza SSR o premirovanii za uluchsheniia, dostignutye v poriadke sotsialisticheskogo sorevnovaniia rabochikh i sluzhashchikh [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR on bonuses for improvements achieved in the order of socialist competition of workers and employees]. Izvestiia TsIK SSSR i VTsIK [News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee]. 1929. September 22. N 219. P. 4. (In Russ.)

Pyatiletnij plan narodno-hozyajstvennogo stroitel'stva SSSR [Five-year plan of national economic construction of the USSR]: 4 vol. 3 ed. Moscow: Planovoe hozyajstvo, 1930. T. 1: Svodnyj obzor [Summary review]. 167 p. (In Russ.)

Pyatiletnij plan narodno-hozyajstvennogo stroitel'stva SSSR [Five-year plan of national economic construction of the USSR]: 4 vol. 3 ed. Moscow: Planovoe hozyajstvo, 1930. T. 2. Part 1: Stroitel'naya i proizvodstvennaya programma [Construction and production program]. 418 p. (In Russ.)

Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam. 1917–1967 gg. [Decisions of the party and the government on economic issues. 1917–1967]: collection of documents for 50 years, 5 vol. Moscow: Politizdat, 1967. Vol. 2: 1929–1940. 798 p. (In Russ.)

Rogachevskaya L.S. Al'ternativy pervomu pyatiletnemu planu [Alternatives to the first five-year plan]. Rossiya v XX veke : Istoriki mira sporyat [Russia in the XX century : Historians of the world argue]: collection of articles. Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History. Moscow: Nauka, 1994. P. 319–328. (In Russ.)

Rogachevskaya L.S. Socialisticheskoe sorevnovanie v SSSR. Istoricheskie ocherki 1917–1970 gg. [Socialist competition in the USSR. Historical essays of 1917–1970]. Moscow: Nauka, 1977. 352 p. (In Russ.)

Russkij rubl': Dva veka istorii. XIX–XX vv. [The Russian Ruble: Two centuries of history. XIX–XX centuries]. Moscow: Progress Academy, 1994. 323 p. (In Russ.)

Shahtinskij process 1928 g. Podgotovka, provedenie, itogi [Shakhty trial of 1928. Preparation, conduct, results]: 2 vol. Ex. ed. S.A. Krasil'nikov. Moscow: ROSSPEN. 2011. Book 1. 975 p. (In Russ.)

Shahtinskij process 1928 g. Podgotovka, provedenie, itogi [Shakhty trial of 1928. Preparation, conduct, results]: 2 vol. / Ex. ed. S.A. Krasil'nikov. Moscow: ROSSPEN. 2012. Book 2. 1087 p. (In Russ.)

Sobranie zakonov i rasporiazhenii Raboche-Krest'ianskogo Pravitel'stva Soiuza sovetskikh sotsialisticheskikh respublik. Otdel pervyi [Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics. Section one]. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo, 1931. N 47. 16 p. (In Russ.)

Tucker R. Stalin – diktator. U vlasti. 1928–1941 [Stalin is a dictator. In power. 1928–1941]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2013. 797 p. (In Russ.)

Vdovin A.I., Drobizhev V.Z. Rost rabochego klassa SSSR. 1917–1940 [The growth of the working class of the USSR. 1917–1940]. Moscow: Mysl', 1976. 264 p. (In Russ.)

Vorozheikin I.E. Letopis' trudovogo geroizma. Kratkaya istoriya socialisticheskogo sorevnovaniya v SSSR [Chronicle of labor heroism. A brief history of socialist cooperation in the USSR]. Moscow: Politizdat, 1984. 336 p. (In Russ.)

XVI s"ezd Vsesoiuznoi kommunisticheskoi partii (b): stenograficheskii otchet [XVI Congress of the All-Union Communist Party (b): Verbatim report]. Moscow: Partizdat, 1935. 782 p. (In Russ.)

XVII konferenciya Vsesoyuznoj Kommunisticheskoj partii (b): stenograficheskii otchet [The XVII Conference of the All-Union Communist Party (b): verbatim report]. Moscow: Politizdat, 1932. 396 p. (In Russ.)

Yudin I.N. Sotsial'naia baza KPSS [Social base of the CPSU]. Moscow: Politizdat, 1973. 295 p. (In Russ.)

Za novye milliony udarnikov [For new millions of shock workers]. Trud [Work]. 1933. January 1, N 1. P. 3.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ
REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.11

Д.О. Вакарчук, А.В. Боровинский

СПЛОЧЕННОСТЬ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ СЕТЕЙ СОАВТОРСТВА И ГОЛОСОВАНИЯ ПО РЕЗОЛЮЦИЯМ

Аннотация. *В современной политической науке особый интерес для изучения представляют объединения БРИКС и МИКТА, созданные для продвижения интересов развивающихся стран в решении глобальных проблем мировой политики. Общей особенностью этих трансрегиональных проектов, во-первых, является наличие признаков институционализации кооперации, а также декларируемое государствами-участниками намерение консолидированно отстаивать общие интересы в международных организациях. В связи с этим в настоящей статье сделана попытка проследить эффективность кооперации государств – участников БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) и МИКТА (Мексика, Индонезия, Республика Корея, Турция, Австралия) в таких организациях. Эффективность взаимодействия указанных государств операционализируется, с одной стороны, через определение сопряжения их позиций при голосовании в Генеральной Ассамблее ООН, с другой – посредством определения уровня интенсивности лоббирования этими государствами резолюций в рамках пленарных сессий Генеральной Ассамблеи и уровня их сплоченности в этом отношении. В попытке ответить на эти вопросы авторы используют количественные методы анализа для идентификации паттернов голосования развивающихся стран по резолюциям, а также выявляют и анализируют сетевые модели соавторства проектов резолюций этими странами. Результаты исследования скорее опровергают гипотезу, что институционализация контактов развивающихся стран посредством организации неформальных объединений положительным образом влияет на увеличение сопряжения их позиций на международной арене. Увеличение разобщенности в большей степени характерно для стран БРИКС. В свою очередь страны МИКТА более склонны к кооперации на полях Генеральной Ассамблеи с точки зрения лоббирования совместных проектов резолюций.*

Ключевые слова: *БРИКС; МИКТА; развивающиеся страны; Генеральная Ассамблея ООН; количественный анализ.*

Вакарчук Денис Олегович – кандидат исторических наук,
доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики

факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Россия, Москва.
E-mail: vakarchuk.d@rggu.ru

Боровинский Александр Владимирович – независимый аналитик. Израиль, Хайфа.
E-mail: Alexander.borovinskiy@gmail.com

Vakarchuk D.O., Borovinskiy A.V. **Cohesion of Developing Countries in the UN General Assembly: a quantitative analysis of co-sponsorship networks and voting on resolutions**

Abstract. *In modern political science, the associations BRICS and MIKTA, created to promote the interests of developing countries in solving global issues, are of particular interest for study. A common feature of these transregional projects, firstly, is the presence of institutionalization signs, and secondly, the intention declared by the participating states to consolidate their common interests in international organizations. In this regard, this paper attempts to determine the effectiveness of cooperation between the BRICS and MIKTA member states in these organizations. The effectiveness of these states' interaction is operationalized, on the one hand, by determining the conjugation of their positions while voting in the UN General Assembly, and on the other, through determining the level of intensity of lobbying resolutions by these states within the plenary sessions of the General Assembly and the level of their cohesion in this regard. In an attempt to answer these questions, the authors use quantitative methods to identify patterns of voting on resolutions proposed by developing countries, and also to identify and analyze network patterns of draft resolutions co-sponsorship by these countries. The results of the study reject the hypothesis that the institutionalization of contacts between developing countries through the organization of informal associations has a positive effect on increasing the conjugation of their positions in the world arena. The increase of fragmentation is more characteristic for the BRICS countries. In turn, the MIKTA countries are more inclined to cooperate within the General Assembly in terms of lobbying for joint draft resolutions.*

Keywords: *BRICS; MIKTA; UN General Assembly; developing countries; quantitative analysis.*

Vakarchuk Denis Olegovich – candidate of historical sciences, associate professor at Russian State University for the Humanities (RGGU), Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Area Studies, Department of Foreign Area Studies and Foreign Policy. Russia, Moscow.
E-mail: vakarchuk.d@rggu.ru

Borovinskiy Alexander Vladimirovich – independent analyst. Israel, Haifa.
E-mail: Alexander.borovinskiy@gmail.com

Введение

Создание неформальных объединений государств является текущим трендом мировой политики. Объединением первопроходцев стала «Группа семи», решения которой определили основные направления функционирования современного мирового порядка в финансово-экономической плоскости. Отличительной чертой этого объединения является примерно одинаковый уровень экономического развития, общие внешне- и внутриполитические ценности государств-участников. Кроме того, для «Группы семи» характерна высокая концентрация «великих держав» в рядах этого объединения. Согласно ведущим международным рейтингам, государства «семерки» чаще всего причисляют к таковым [Elcano 2021, The Soft Power 2019, Moyer and ets. 2018].

Ввиду того, что у развивающихся стран не хватает возможностей для отстаивания своих интересов на глобальном уровне в одиночку, этот недостаток они пытаются компенсировать за счет создания и активного участия в многосторонних формальных и неформальных институтах. В рамках перманентной кооперации такие государства стремятся увеличить свой вес в мировой политике: как правило, коллективными усилиями пересмотреть некоторые нормы мирового порядка, ориентированного, по мнению лидеров этих стран, на удовлетворение потребностей развитых стран [Шлыков 2017, Stuenkel 2016].

В постбиполярный период количество проектов объединений развивающихся стран резко возросло. К таковым можно отнести следующие форматы: БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), МИКТА (Мексика, Индонезия, Южная Корея, Турция, Австралия), ИБСА (Индия, Бразилия, ЮАР), N-11 (Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Южная Корея, Мексика, Нигерия, Пакистан, Турция, Вьетнам), МИНТ (Мексика, Индонезия, Нигерия, Турция).

Отличительной чертой объединений БРИКС, МИКТА и ИБСА является наличие институционализации взаимодействия. Для этих форматов характерно проведение перманентных встреч по проблемам мирового развития, реализация конкретных инвестиционных проектов. Форматы N-11 и МИНТ относятся скорее к аналитическим конструктам нежели к реально функционирующим объединениям. В свою очередь отличие ИБСА от БРИКС и МИКТА заключается в низкой интенсивности контактов между странами в рамках этого проекта.

Политический потенциал форматов БРИКС и МИКТА базируется на том обстоятельстве, что составляющие их державы могут быть квалифицированы как «стержневые страны» для своих регионов [Hurrell 2006, Schiavon, Domínguez 2016]. При этом для государств БРИКС и МИКТА характерна

значительная степень разнородности с точки зрения геополитической, ценностной и экономико-отраслевой составляющих [Жданов 2013, Brosig 2019, Gök, Karadeniz 2020].

Ключевой исследовательский вопрос статьи – может ли повлиять институционализация контактов между государствами посредством организации неформальных объединений на сопряжение позиций государств на международной арене, учитывая выраженное желание стран БРИКС и МИКТА взаимодействовать на уровне ООН [Декларация 2012, 5th MIKTA 2015].

Анализ сконцентрирован, с одной стороны, на изучении голосования государств БРИКС и МИКТА в Генеральной Ассамблее ООН (Далее – ГА ООН) с точки зрения идентификации сопряжения их позиций, с другой – на исследовании интенсивности лоббирования государствами БРИКС и МИКТА резолюций в рамках сессий ГА ООН и уровня их сплоченности в этом отношении. По мнению исследователя Э. Воетена, обращение к данным ГА ООН оправданно ввиду репрезентативности этой площадки с точки зрения состава государств-членов и обсуждаемых повесток [Voeten 2000].

Данные и методология

Хронологический период анализа включает разные временны́е отрезки: 2000–2019 гг. для стран БРИКС и 2006–2019 гг. для стран МИКТА. Каждый хронологический период был разбит на два этапа: с 2000–2010 и 2011–2019 гг. для стран БРИКС; 2006–2012 и 2013–2019 гг. для стран МИКТА. Логика деления хронологических периодов на такие этапы обусловлена необходимостью идентификации ключевых дат. Точкой водораздела для БРИКС был выбран 2011 год, так как в этом году объединение оформилось в своем нынешнем составе, для МИКТА – 2013 год, так как именно в этом году на полях ГА ООН было основано это объединение. Деление данных на несколько временны́х отрезков необходимо для сопоставления результатов анализа.

В качестве эмпирического материала была использована база данных из пакета unvotes [United Nations General 2023], в которой представлены результаты голосования в ГА ООН, включая данные о поименном голосовании каждого государства – члена ООН с 1945 по 2019 г. по укрупненным группам повесток. Работа с базой данных и расчеты осуществлялись при помощи языка программирования Python.

Для решения задачи идентификации уровня сопряжения позиций государств БРИКС и МИКТА в ГА ООН мы придерживались подхода, предложенного в работе Барро и Ли [Barro, Lee 2005], а также в работе Мослера и Потрафке [Mosler, Potrafke 2020]. Процесс отбора резолюций из базы данных был построен на идентификации процентной доли случаев единообразного голосования стран – участниц БРИКС и МИКТА по каждой укрупненной повестке,

представленной в базе данных: «колониализм», «контроль за вооружениями и разоружение», «экономическое развитие», «права человека», «палестинский конфликт», «ядерное оружие и ядерные материалы». Под единообразным голосованием мы понимаем случаи, когда обе страны проголосовали по той или иной резолюции либо «за», либо «против», либо «воздержались». Методологически мы исходили из того, что чем чаще государства голосуют одинаково, тем больше вероятность устойчивой кооперации между ними по той или иной проблеме международного развития.

Для исследования кооперации стран БРИКС и МИКТА в контексте лоббирования интересов мы изучили резолюции, принятые ГА ООН с точки зрения соавторства этими странами проектов резолюций. В качестве эмпирического материала для решения этой задачи в работе были использованы данные цифровой библиотеки ООН [United Nations Digital 2023]. В этой базе содержатся данные авторства проектов резолюций, принимаемых тем или иным профильным органом организации. В выборку были включены проекты резолюций, заявленные государствами-авторами в первом чтении. Из итоговой выборки были исключены резолюции, представленные председателем ГА ООН, а также резолюции, в числе авторов которых была только одна из стран БРИКС или МИКТА. Каждый проект резолюции был соотнесен с той или иной укрупненной темой, согласно методологии, предложенной Э. Воетеном [Voeten 2012]. В отличие от Э. Воетена мы не стали выделять такие тематические классы резолюций, как «ядерное разоружение» и «колониализм» ввиду отсутствия случаев соавторства стран БРИКС и МИКТА в исследуемый период по этим резолюциям. Одновременно с этим мы добавили новый тематический класс резолюций «устойчивое развитие» по причине его репрезентативности для решения этой задачи исследования. В результате выборка была разбита на пять тематических групп: «разоружение», «экономическое развитие», «права человека», «Ближний Восток», «устойчивое развитие».

Для изучения сформированной выборки была использована методология сетевого анализа [Hafner-Burton and ets. 2009]. Представление взаимодействия между странами в рамках ГА ООН в виде совокупности узлов и ребер позволило идентифицировать роли, которые государства играют в группах БРИКС и МИКТА с точки зрения социальной мощи. В качестве узлов сети были выбраны государства – участники БРИКС и МИКТА. За единицу связи узлов сети было взято авторство проектов резолюций государствами БРИКС и МИКТА за обозначенный период. В свою очередь социальная мощь акторов была операционализирована при помощи метрики «средняя взвешенная центральность по степени», которая определяется исходя из количества прямых связей того или иного актора с другими участниками сети с учетом веса этих связей. Фактически, эта метрика показывает степень влиятельности акторов сети. Помимо идентификации свойств акторов сети методология

сетевого анализа была использована для анализа структуры сети. Интенсивность связей между акторами была операционализирована при помощи метрики «плотность сети», которая показывает отношение доли имеющихся связей сети к максимально возможному количеству связей. Чем ближе плотность к единице, тем выше взаимосвязанность сети. Все расчеты производились при помощи свободно распространяемого программного обеспечения для сетевого анализа Gephi.

Результаты

Из графика видно (см. рис. 1), что доля совпадения позиций стран БРИКС при голосовании в ГА ООН в среднем уменьшилась после окончательной институционализации их контактов в 2011 г. на 5,61%. Такая же закономерность характерна для стран МИКТА. Из графика следует (см. рис. 2), что доля совпадения позиций этих стран при голосовании в ГА ООН в среднем уменьшилась после окончательной институционализации их контактов в 2013 г. на 6,91%.

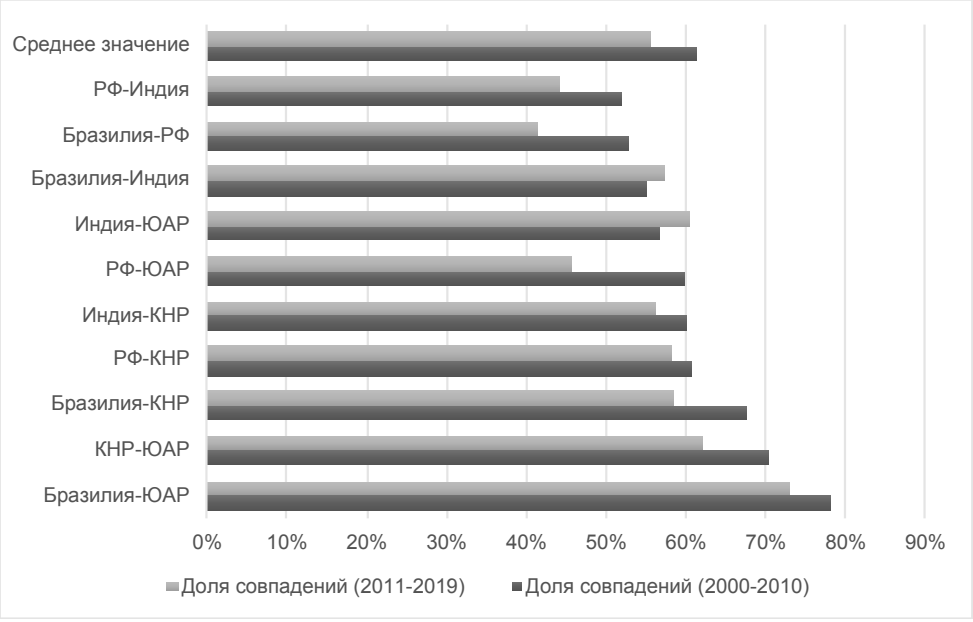

Рис. 1. Гистограмма совпадения позиций стран БРИКС в ГА ООН (2000–2019)

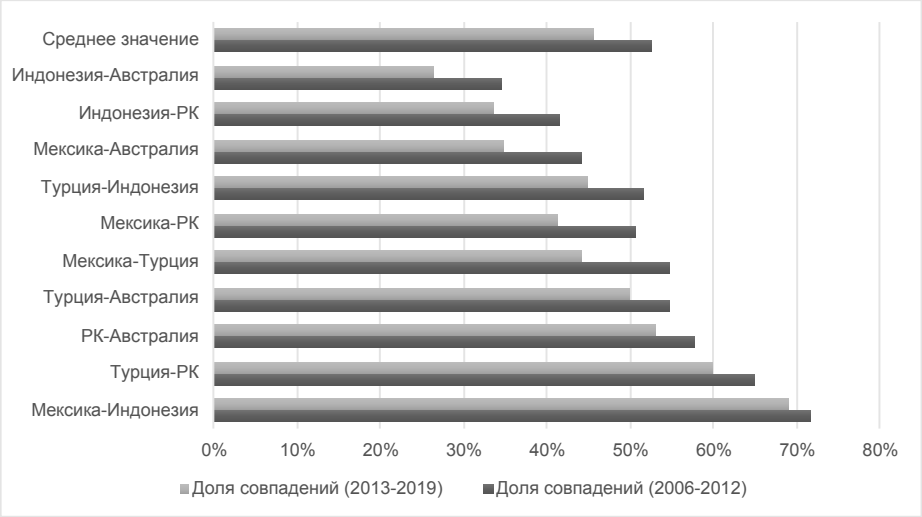

Рис. 2. Гистограмма совпадения позиций стран МИКТА в ГА ООН (2000–2019)

Если в результате анализа голосования стран БРИКС и МИКТА в ГА ООН была выявлена схожая закономерность, то сетевой анализ сплоченности этих государств в отношении лоббирования резолюций на полях ГА ООН показал другие результаты (см. рис. 3).

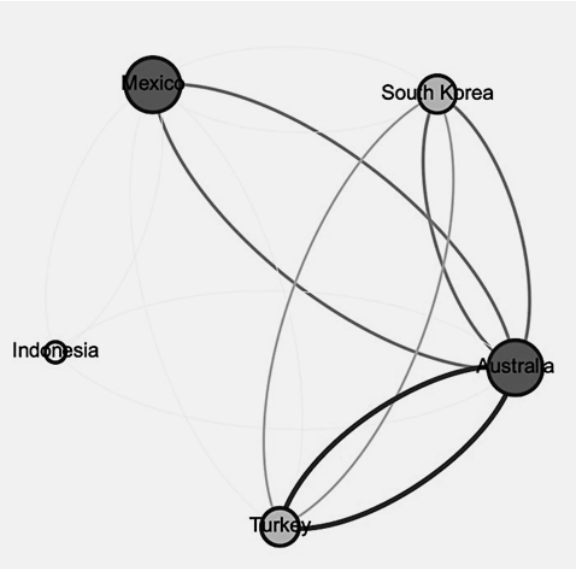

Рис. 3. Пример сетевой структуры сплоченности стран МИКТА по проблеме разоружения на полях ГА ООН (2006–2012)

Сетевой анализ соавторства резолюций странами БРИКС (см. табл. 1) продемонстрировал, что институционализация кооперации этих стран путем создания неформального объединения не привела на практике к формированию единого блока с четкой стратегией. Жирным шрифтом в таблице обозначено наличие прогресса по той или иной метрике. Для значений, не отмеченных жирным шрифтом, характерно либо снижение значений метрик, либо отсутствие их изменчивости.

Таблица 1

Результаты сетевого анализа соавторства резолюций в ГА ООН

Повестка	*Плотность сети*		*Средняя взвешенная центральность*		*Плотность сети*		*Средняя взвешенная центральность*	
	2000–2010	*2006–2012*	*2000–2010*	*2006–2012*	*2011–2019*	*2013–2019*	*2011–2019*	*2013–2019*
	БРИКС	*МИКТА*	*БРИКС*	*МИКТА*	*БРИКС*	*МИКТА*	*БРИКС*	*МИКТА*
Ближний Восток	0,8	**0,1**	8,4	**0,8**	0,2	**0,5**	1,2	**8,8**
Разоружение	1	0,8	25,2	16,8	1	0,7	22,8	8,8
Экономическое развитие	**0,5**	**0,1**	**3,2**	**2,4**	**0,9**	**1**	**8,8**	**8**
Права человека	1	1	4	88,8	1	0,9	12,4	57,6
Устойчивое развитие	1	**0,8**	64,4	**8**	1	**0,9**	28,8	**25,6**

Источник: составлено авторами на основе данных UN Digital Library.

Из таблицы 1 видно, что хотя для стран БРИКС после институционализации характерно более активное сотрудничество по экономической повестке, по остальным повесткам сетевые показатели этих стран снизились. Более того, в рассмотренных хронологических рамках страны БРИКС ни разу не выступили авторами проекта резолюции как блок. Таким образом, несмотря на все заявления, принимаемые на саммитах БРИКС, этим странам на практике пока не удалось сформировать единый блок на мировой арене с четкой стратегией коллективных действий.

В свою очередь создание неформального объединения стран МИКТА скорее увеличило интенсивность их кооперации в ГА ООН с точки зрения лоббирования совместных проектов резолюций. Исключениями в этом отношении являются следующие повестки: права человека и разоружение. Однако ни разу после институционализации страны МИКТА не выступили как единый блок с проектом резолюции.

Заключение

Количественный анализ взаимодействия стран БРИКС и МИКТА на уровне ГА ООН показал, что институционализация контактов развивающихся стран посредством организации неформальных объединений скорее не повлияла на увеличение сопряжения их позиций на международной арене. Причем увеличение разобщенности в большей степени характерно для стран БРИКС. В этом отношении полученные выводы применительно к БРИКС и МИКТА с определенной долей условности можно сопоставить с данными об уровне сопряжения государств – членов традиционных региональных межправительственных организаций в ГА ООН. Исследования [Panke, Lang, Wiedemann 2019] показывают, что давность существования региональных межправительственных организаций оказывает существенное влияние на сопряжение позиций государств-членов. «Молодые» организации в меньшей степени способны к эффективной координации своей позиции в Генеральной Ассамблее ООН. В литературе отмечается, что возникновение культуры эффективной координации позиций государств – членов таких организаций на внешних площадках и, таким образом, преодоление геополитических и ценностных противоречий возможно только после определенного сосуществования в рамках общих институтов. В этом смысле по-прежнему не теряет актуальности тезис о том, что институционализация взаимодействия между государствами на региональном или трансрегиональном уровнях не приводит автоматически к возникновению эффективной кооперации между этими государствами на внешних площадках [Haas and Rowe 1973].

Безусловно, данное исследование не является окончательным и имеет потенциал для более углубленного изучения проблематики. В частности, количественный анализ можно дополнить качественными исследованиями взаимодействия государств – участников БРИКС и МИКТА на уровне ГА ООН, во-первых, по конкретным укрупненным повесткам, во-вторых, по приоритетным для этих стран резолюциям. Кроме того перспективными видятся количественные и качественные исследования кооперации государств – участников БРИКС и МИКТА на площадках других межправительственных организаций.

Библиография

Декларация XIII саммита БРИКС – Нью-Дели // Национальный Комитет по исследованию БРИКС. Россия. 2012 // Национальный комитет по исследованию БРИКС. URL: https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6148/6c7a/6272/6906/7842/0000/original/Декларация_Нью-Дели.pdf?1632136314 (дата обращения: 02.05.2023).

Жданов П.А. «Группа двадцати» в терминах и категориях сетевого подхода // Вестник международных организаций. 2013. Т. 8. № 3. С. 61–72.

Шлыков П.В. Поиск трансрегиональных альтернатив в Евразии: феномен МИКТА // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 4. С. 127–144.

5th MIKTA Foreign Ministers' Meeting. Joint Communiqué // The Department of Foreign Affairs and Trade of Australia. 2015. 22 May. URL: https://www.dfat.gov.au/international-relations/international-organisations/mikta/Pages/5th-mikta-foreign-ministers-meeting (дата обращения: 02.05.2023).

Barro R.J., Lee J-W. IMF programs: Who is chosen and what are the effects? // Journal of Monetary Economics. 2005. Vol. 52. № 7. P. 1245–1269.

Brosig M. The Role of BRICS in Large-Scale Armed Conflict. Building a Multi-Polar World Order. Palgrave Macmillan Cham, 2019. 205 p.

Elcano Global Presence Index // Real Instituto Elcano. URL: https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en/ranking/iepg/global/2020/2013/ES/ES/0 (дата обращения: 02.05.2023).

Gök O.G., Karadeniz R.F. Emerging Middle Powers (MIKTA) in Global Political Economy: Preferences, Capabilities, and Their Limitations. in: Parlar Dal, E. (ed.). Turkey's Political Economy in the 21st Century, International Political Economy Series. Palgrave Macmillan Cham, 2020. P. 163–194.

Haas E., Rowe E. Regional Organizations in the United Nations. Is There Externalization? // International Studies Quarterly. 1973. Vol. 17. № 1. P. 3–54.

Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H. Network Analysis for International Relations // International Organization. 2009. Vol. 63. № 3. P. 559–592.

Hurrell A. Hegemony, Liberalism and Global Order: What Space for Would-Be Great Powers? // International Affairs. 2006. Vol. 82. № 1. P. 1–19.

Mosler M., Potrafke N. International political alignment during the Trump presidency: voting at the UN general assembly // International Interactions. 2020. Vol. 46. № 3. P. 481–497.

Panke D., Lang St., Wiedemann A. Regional Organisations in the UNGA: who is most active and why? // Journal of International Relations and Development. 2019. Vol. 22. P. 744–785.

Moyer J.D., Sweijs T., Burrows M.J., Van Manen H. Power and influence in a globalized world // Josef Korbel School of International Studies January. 2018. P. 12–13. URL: https://korbel.du.edu/sites/default/files/2022-02/Power%20and%20Influence.pdf (дата обращения: 02.05.2023).

Schiavon J.A., Domínguez D. Mexico, Indonesia, South Korea, Turkey, and Australia (MIKTA): Middle, Regional, and Constructive Powers Providing Global Governance // Asia & the Pacific Policy Studies. 2016. Vol. 3. № 3. P. 495–504.

Stuenkel O. The BRICS and the Future of Global Order. Washington: Lexington Books, 2016. 268 p.

The Soft Power 30 Ranking // The Soft Power 30. 2019. URL: https://softpower30.com (дата обращения: 02.05.2023).

United Nations Digital Library // The United Nations. 2023. URL: https://digitallibrary.un.org (дата обращения: 02.05.2023).

United Nations General Assembly Voting Data // RDocumentation. 2023. URL: https://www.rdocumentation.org/packages/unvotes/versions/0.3.0 (дата обращения: 02.05.2023).

Voeten E. Clashes in the Assembly // International Organization. 2000. Vol. 54. № 2. P. 185–215.

Voeten E. Data and Analyses of Voting in the UN General Assembly // SSRN Electronic Journal. 2012. 17 Jul. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2111149 (дата обращения: 02.05.2023).

References

5th MIKTA Foreign Ministers' Meeting. Joint Communiqué. The Department of Foreign Affairs and Trade of Australia. 2015. 22 May. URL: https://www.dfat.gov.au/international-relations/international-organisations/mikta/Pages/5th-mikta-foreign-ministers-meeting (date of access: 02.05.2023).

Barro R.J., Lee J-W. IMF programs: Who is chosen and what are the effects? Journal of Monetary Economics. 2005. Vol. 52. N 7. P. 1245–1269.

Brosig M. The Role of BRICS in Large-Scale Armed Conflict. Building a Multi-Polar World Order. Palgrave Macmillan Cham, 2019. 205 p.

Deklaraciya XIII sammita BRIKS – N`yu-Deli [Declaration of the XIII BRICS Summit – New Delhi]. Nacional`ny`j Komitet po issledovaniyu BRIKS, Rossiya [National Committee for BRICS Research, Russia]. 2012. URL: https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6148/6c7a/6272/6906/7842/0000/original/Deklaraciya_N`yu-Deli.pdf?1632136314 (date of access: 02.05.2023). (In Russ.)

Elcano Global Presence Index. Real Instituto Elcano. URL: https://explora.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en/ranking/iepg/global/2020/2013/ES/ES/0 (date of access: 02.05.2023).

Gök O.G., Karadeniz R.F. Emerging Middle Powers (MIKTA) in Global Political Economy: Preferences, Capabilities, and Their Limitations. in: Parlar Dal, E. (ed.). Turkey's Political Economy in the 21st Century, International Political Economy Series. Palgrave Macmillan Cham, 2020. P. 163–194.

Haas E., Rowe E. Regional Organizations in the United Nations. Is There Externalization? International Studies Quarterly. 1973. Vol. 17. N 1. P. 3–54.

Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H. Network Analysis for International Relations. International Organization. 2009. Vol. 63. N 3. P. 559–592.

Hurrell A. Hegemony, Liberalism and Global Order: What Space for Would-Be Great Powers? International Affairs. 2006. Vol. 82. N 1. P. 1–19.

Mosler M., Potrafke N. International political alignment during the Trump presidency: voting at the UN general assembly. International Interactions. 2020. Vol. 46. N 3. P. 481–497.

Panke D., Lang St., Wiedemann A. Regional Organisations in the UNGA: who is most active and why? Journal of International Relations and Development. 2019. Vol. 22. P. 744–785.

Moyer J.D., Sweijs T., Burrows M.J., Van Manen H. Power and influence in a globalized world. Josef Korbel School of International Studies January. 2018. P. 12–13. URL: https://korbel.du.edu/sites/default/files/2022-02/Power%20and%20Influence.pdf (date of access: 02.05.2023).

Schiavon J.A., Domínguez D. Mexico, Indonesia, South Korea, Turkey, and Australia (MIKTA): Middle, Regional, and Constructive Powers Providing Global Governance. Asia & the Pacific Policy Studies. 2016. Vol. 3. N 3. P. 495–504.

Shly`kov P.V. Poisk transregional`ny`x al`ternativ v Evrazii: fenomen MIKTA [Search for transregional alternatives in Eurasia: the MIKTA phenomenon]. Sravnitel`naya politika [Comparative Politics]. 2017. Vol. 8. N 4. P. 127–144. (In Russ.)

Stuenkel O. The BRICS and the Future of Global Order. Washington: Lexington Books, 2016. 268 p.

The Soft Power 30 Ranking. The Soft Power 30. 2019. URL: https://softpower30.com (date of access: 02.05.2023).

United Nations Digital Library. The United Nations. 2023. URL: https://digitallibrary.un.org (date of access: 02.05.2023).

United Nations General Assembly Voting Data. RDocumentation. 2023. URL: https://www.rdocumentation.org/packages/unvotes/versions/0.3.0 (date of access: 02.05.2023).

Voeten E. Clashes in the Assembly. International Organization. 2000. Vol. 54. N 2. P. 185–215.

Voeten E. Data and Analyses of Voting in the UN General Assembly. SSRN Electronic Journal. 2012. 17 Jul. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2111149 (date of access: 02.05.2023).

Zhdanov P.A. «Gruppa dvadczati» v terminax i kategoriyax setevogo podxoda [«Group of Twenty» in terms and categories of the network approach]. Vestnik mezhdunarodny`x organizaciĭ // [Bulletin of international organizations]. 2013. Vol. 8. N 3. P. 61–72. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.12

В.В. Стежко

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКОЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *Система управления государственной политикой представляет собой особую совокупность элементов деятельности, направленную на регулирование отношений внутри государства и выражение общественных интересов.*

В свою очередь государство в своей политике обладает специальными признаками, интегральными свойствами и закономерностями которые позволяют ему выполнять генерирующую роль в обществе и по этой причине создавать соответствующие системы субъектов управления (органов власти и государственных учреждений), в зависимости от направлений реализации государственной политики.

Одним из таких направлений является военно-техническая политика – отраслевая государственная политика, реализуемая в целях поддержания требуемого уровня военной безопасности государства, путем обеспечения военной организации страны в необходимом и достаточном количестве технологичными средствами вооруженной борьбы.

В современной истории России ВТП имела противоречивый, дифференцированный характер. В зависимости от политической воли и решений руководства страны развитие объектов ВТП (система вооружения, ОПК, ВТС) регламентировалось различными органами государственной власти, функциональное назначение, статус и полномочия которых не всегда соответствовали необходимым компетенциям для реализации государственной политики в этой сфере.

Создание современных, высокотехнологичных средств вооруженной борьбы потребовало строительства системы государственного управления ВТП, способной обеспечить взаимодействие её субъектов по отношению к развитию объектов ВТП.

В процессе предметно-практической деятельности основных субъектов ВТП (они же субъекты системы управления ВТП) были усовершенствованы форма, структура и состав системы государственного управления ВТП. В настоящее время она замыкается на главу государства, определяется работой правительства и военно-промышленной комиссией.

Соответственно ей присущ необходимый статус принимаемых решений, функциональных полномочий, набор инструментов и механизмов государственного управления. Тем самым обеспечивается поступательное развитие ВТП в соответствии с потребностями военной организации страны, а также общественный интерес в области военной безопасности.

Ключевые слова: *военно-техническая политика; система государственного управления; президент; правительство; военно-промышленная комиссия; оборонно-промышленный комплекс; военно-техническое сотрудничество; система вооружения.*

Стежко Василий Витальевич – аспирант кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета.
Россия, Челябинск.
E-mail: stiezhko00@mail.ru

Stezhko V.V. Development of State Management of Military and Technical Policy in Modern Russia

Abstract. *The system of public policy managment is a special set of elements of activity aimed at regulating relations within the state and the expression of public interests. In turn, state policy has special features, inherent properties, and regularities that allow it to perform a generative role in society and for this reason to create an appropriate system of management subjects (authorities and public institutions), depending on the directions of implementation of public policy.*

One of such areas is the military-technical policy (MTP), a sectoral state policy implemented in order to maintain the required level of military security of the state, by providing the military organization of the country in the necessary and sufficient quantity of technological means of armed struggle.

In modern Russian history, MTP has had a contradictory, differentiated character. Depending on the political will and decisions of the country's leadership, the development of the objects of the MTP (weapons system, military-industrial complex, military-technical complex) was regulated by different bodies of state power, the functional purpose, status and powers of which did not always correspond to the necessary competence needed to implement state policy in this sphere.

The creation of modern, high-tech means of armed struggle required the construction of the system of state management of the MTP, capable of ensuring the interaction of its subjects in relation to the development of the objects of the MTP.

In the process of substantive and practical activities of the main subjects of the MTP (i.e. subjects of the system of management of the MTP), the form, structure, and composition of the system of state management of the MTP have been improved. Currently, it goes through the head of state, determined by the work of the government and the military-industrial commission.

Accordingly, it has the necessary status of necessary decisions, functional powers, a set of tools, and mechanisms of public administration. This ensures the progressive development of the MTP in accordance with the needs of the country's military organization, as well as the public interest in the field of military security.

Keywords: *military-technical policy; public administration system; president; government; military-industrial commission; military-industrial complex; military-technical cooperation; weapons system.*

Stezhko Vasily Vitalyevich – a post-graduate student of the Department of political science and international relations, Chelyabinsk state University. Russia, Chelyabinsk.
E-mail: stiezhko00@mail.ru

Военно-техническая политика (ВТП) современной России является одним из главных приоритетов её государственной политики. Основная цель ВТП – создание необходимого количества и надлежащего качества современных, высокотехнологичных средств вооруженной борьбы (образцы вооружения и военной техники) для удовлетворения потребностей ВС РФ и других силовых структур.

Достижение этой цели требует системной организации направлений ВТП, осуществляемой в соответствии с развитием её объектов системы вооружения, оборонно-промышленного комплекса, его научно-технической составляющей, военно-технического сотрудничества (экспорт продукции военного назначения), где процесс их интеграции и взаимодействия обеспечивает ВТП целостность и единство. В результате, как и для любой формальной системы, устойчивость и равновесие ВТП зависит от типа связей, существующих между её объектами.

Особенность ВТП современной России состоит в том, что таким типом связей является специфичная система государственного управления. Её совершенствование происходит в ходе выполнения государственных военно-технических стратегий, формируемых методом программно-целевого планирования, что параллельно способствует развитию объектов ВТП и, соответственно, определяет облик, характер и содержание ВТП в целом.

Становление системы государственного управления ВТП современной России

С распадом СССР государственное управление ВТП России претерпело существенное изменение. Произошла дезинтеграция вооруженных сил, распалась союзная оборонная промышленность, многочисленные НИИ и КБ потеряли ориентиры научно-технического роста, пришла в упадок отлаженная годами и десятилетиями кооперация промышленных предприятий. Это создало предпосылки к потере централизованного государственного управления ОПК, ВТС, научно-техническим прогрессом.

В результате процесс строительства военной организации уже в Российской Федерации из задачи наивысшего государственного приоритета перешел в разряд второстепенных вопросов, связанных с функциональной трансформацией страны в условиях радикального изменения курса социально-экономического развития.

Соответственно система государственного управления ВТП современной России на начальном этапе существования отвечала за отдельные направления её реализации и имела в основном контрпродуктивный, деструктивный характер. Проблема заключалась в том, что элементы (субъекты ВТП) этой системы не могли обеспечить её целостность и единство. Выстраивая отношения с внешней средой, они не обладали компетенциями (возможностями) для установления прочных связей между собой.

Известно, что до 1996 г. некоторые объекты развития военно-технической политики регулировал Государственный Комитет Российской Федерации по оборонным отраслям промышленности. В задачи Комитета входили подготовка предложений, выполнение комплексного анализа, представление проектов по вопросам, связанным с перестройкой работы предприятий ОПК его научно-технической составляющей при невостребованности, снижении потребностей государства в современных системах вооружения. Одна из сфер в работе комитета была связана с образованием казенных заводов; акционированием предприятий и организаций, дальнейшее содержание которых в государственном секторе экономики считалось нецелесообразным [Постановление Правительства РФ от 19 декабря 1994 г.].

В условиях, когда по всей стране шла приватизация оборонной промышленности и гражданских отраслей экономики, резкого сокращения как федерального, так и оборонного бюджетов, этот сектор государственного управления ВТП занимался не развитием, а минимизацией, оптимизацией производства систем вооружения, реорганизацией предприятий ОПК. В сложившейся ситуации на помощь пришел опыт реализации ВТП союзным государством, применение его главного инструмента – методики программно-целевого планирования. В 1995 г. Государственной думой был принят ФЗ о гособоронзаказе – первый документ в области тактического планирования. В конце 1995 г. правительство России утвердило программу конверсии оборонной промышленности включительно до 1997 г. В 1996 г. принята первая государственная программа вооружения (ГПВ-2005), документ стратегического планирования на долгосрочный период. В ГПВ-2005 были уже учтены и в определенной мере скоординированы потребности силовых министерств и ведомств с источниками бюджетного финансирования [Буренок 2012, с. 9]. Решение задачи повышения эффективности от этих мероприятий возлагалось на работу Комитета, который должен был обеспечить стабильность поступления оборонных субсидий для выполнения принятых программ.

Комитет совместно с другими министерствами и ведомствами имел полномочия принимать участие в принятии и реализации программных решений в части разработки и внедрения системы авансирования и планомерного субсидирования государственного оборонного заказа, но только и в пределах средств, выделенных федеральным бюджетом на эти цели. Однако оборонный

бюджет не выполнялся по причине несоответствия параметров фактического финансирования утвержденным бюджетным показателям [Московский 2004]. В итоге деятельность Комитета свелась к таким не свойственным ему функциям, как продление сроков по списанию кредитной задолженности предприятий ОПК и освобождению от уплаты пеней за просрочку оплаты электрической и тепловой энергии.

В дальнейшем статус Комитета претерпел некоторые изменения. В 1996 г. он был преобразован в Министерство оборонной промышленности Российской Федерации (Миноборонпром России). В составе правительства оно получило дополнительные возможности стимулировать процесс развития ВТП. Миноборонпром распоряжался государственным имуществом, которое находилось у предприятий оборонной промышленности на праве хозяйственного ведения и оперативного управления [Постановление Правительства РФ от 18 июля 1996 г.], и тем самым обладал полномочиями принимать решения и вносить изменения при разработке государственного оборонного заказа. Однако деятельность Миноборонпрома была неспособна заместить систему государственного управления ВТП даже в области тактического планирования. В своей работе министерство определяло только примерные условия государственного контракта с учетом социально-экономического прогноза и ресурсных возможностей экономики страны, что не соответствовало балансовому равновесию фактических показателей федерального бюджета и предложений по проекту государственного оборонного заказа.

В связи с организационными изменениями 17 марта 1997 г. Министерство оборонной промышленности России было ликвидировано, а его функции переданы Министерству экономики Российской Федерации и Государственному Комитету Российской Федерации по связи и информатизации [Указ Президента РФ от 17 марта 1997 г. (ред. от 09.08.2000)].

Распределение основных задач Миноборонпрома РФ между этими органами исполнительной власти сформировали ведомственную разобщенность, что привело к понижению уровня целевого планирования ВТП и свело её реализацию лишь к одному из направлений их деятельности. Что касалось вопросов организации системы взаимодействия и контроля субъектов военно-технической политики, то в данном аспекте полномочия этих ведомств были ограничены [Стежко 2022, с. 117].

В результате, формированием оборонного бюджета (согласование расходов на оборону не менее 3,5% ВВП) и утверждением основных показателей государственного оборонного заказа вынужден был заняться непосредственно сам Президент РФ. Хотя это не помогло выполнению ГПВ-2005 и ГОЗ, но определило ведущую роль президента в будущей, перспективной организации системного управления и реализации ВТП. Это выразилось в образовании в 1994 г. Государственного Комитета Российской Федерации по военно-

технической политике (ГКВТП) [Указ Президента РФ от 30 декабря 1994 г. (ред. от 09.07.1997)], подчиненного непосредственно главе государства.

Издание в 1995 г. Указа Президента РФ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с зарубежными странами» позволило контролировать процесс программно-целевого планирования в сфере развития не только ВТС, но и других объектов ВТП (системы вооружения и ОПК), проводить экономический анализ результатов поставок ВВиСТ на экспорт и под потребности военной организации страны.

Решением президента в 1993 г. была создана государственная компания по экспорту и импорту вооружений и военной техники «Росвооружение», деятельность которой ослабила конкуренцию российских субъектов ВТС на внешних рынках и сосредоточила необходимые ресурсы для продвижения продукции военного назначения для зарубежных покупателей.

Президентская политика в сфере ВТС способствовала развитию ОПК и системы вооружения [By Baidya Bikash Basu 2001]. Она обеспечила достаточно минимальное финансирование ОПК, поддержку оборонных предприятий на уровне критических технологий и производственных мощностей, необходимых для создания современного вооружения и военной техники. Впоследствии это позволило изменить курс государственного управления процесса реализации ВТП и перевести его из направлений реструктуризации и оптимизации, предусматривавших, в том числе приватизацию ряда предприятий оборонного комплекса на общих основаниях, в приоритет государственного развития ВТП.

До 1999 г. вопросами управления военно-технической политики РФ занимались органы государственной власти, у которых статус принятия решений, находился на уровне министерств и ведомств, подчинявшихся Правительству РФ, т.е. носил узковедомственный характер. В условиях значительного сокращения со стороны государства финансово-экономических и материальных вложений в развитие ВТП строительство системы государственного управления ВТП носило сугубо избирательный характер, что не позволяло политическому руководству страны принимать решения стратегического планирования ВТП. Отсутствовала научная оценка параметров, регулирующих её развитие, и, в частности, таких инструментов ВТП, как гособоронзаказ и ГПВ, механизмов государственного частного партнёрства и интеграции оборонных предприятий. В результате нормативы, заложенные в ГПВ-2005, оказались невыполнены, гособоронзаказ провален на каждом этапе его утверждения, а федеральные целевые программы, предусматривающие конверсию, реструктуризацию, приватизацию ОПК реализованы частично и не по назначению.

Тем не менее действующая на тот момент под контролем президента система государственного управления сферой ВТС, позволила сохранить за Россией её ведущее положение на международном рынке вооружения, и как

следствие технологические компетенции в ОПК, его возможности создавать современные средства вооруженной борьбы. В итоге была сформирована армия и другие силовые структуры, определены перспективы их обеспечения технологичными образцами ВВСТ, заложены основы действующей сегодня системы финансирования и стратегического планирования ВТП.

Таким образом, несмотря на низкую интенсивность межведомственного взаимодействия субъектов системы управления ВТП, развитие ВТП осуществлялось в положительной динамике, особенно тех её объектов, где была сформирована жёсткая вертикальная структура управления органов государственной власти замыкающихся на главу государства. Сфера ВТС, изначально имея президентский контроль, обеспечила поступательное развитие всех объектов ВТП.

Роль Военно-промышленной комиссии РФ, Правительства РФ, Комиссии по ВТС в формировании президентской вертикали государственного управления ВТП

В дальнейшем, учитывая этот фактор, руководство страны оставило без изменений управление ВТС. Была предпринята попытка сформировать подобную схему во главе с президентом в строительстве системы управления ВТП исполнительных органов государственной власти, отвечающих за развитие ОПК и системы вооружения.

Ключевым звеном здесь являлась Комиссия Правительства РФ по военно-промышленным вопросам, которая осуществляла свою деятельность начиная с 1999 г. Это был первый системообразующий орган государственной власти, способный по своей структуре и составу входящих в него учреждений обеспечить целевое планирование ВТП, осуществить координацию субъектов ВТП.

Цель создания Комиссии заключалась в определении приоритетных направлений реализации политики государства по военно-промышленным вопросам, обеспечению обороны и военной безопасности [Постановление Правительства РФ от 22 июня 1999 г.].

Работа Комиссии усиливала позиции государства в системном развитии объектов ВТП путём обеспечения координации и согласованности деятельности федеральных органов исполнительной власти по модернизации ОПК и выпуску современных образцов продукции военного назначения. В частности, применяя методологию программного и целевого планирования, Комиссия проводила детальную инвентаризацию оборонных отраслей промышленности, формировала условия для взаимодействия всех субъектов и участников ВТП, определяла приоритетные направления в сфере развития ОПК и системы во-

оружения. В результате она стала тем органом государственной власти в системе управления ВТП, который по статусу и масштабам своей деятельности был способен осуществить целевое планирование развития объектов ВТП, чему также способствовало создание при Комиссии научно-технического совета для аналитического и экспертного обеспечения её деятельности.

В ходе реализации предложений органов исполнительной власти в сфере ВТП Комиссия параллельно выполняла решения Президента и Правительства России. Тем самым достигалось внедрение единых интеграционных схем выполнения гособоронзаказа и ГПВ, федеральных целевых программ и планов ВТС с планами развития ОПК.

Такой подход в работе предусматривал глубокую модернизацию технологической и формирование инновационной базы ОПК, создание оборонно-промышленных холдингов с контрольным пакетом акций у государства, стимулировал процессы управления производством ВВиСТ, наращивая конкурентные преимущества выпускаемой продукции военного назначения.

Эта деятельность Комиссии соответствовала проводимой президентом политике целевого планирования в развитии приоритетных программ разработки новой техники и вооружений под эгидой контролируемых государством холдинговых структур [Князьнеделин, Курбанов, Ворушилин 2015, с. 42], продвижения на экспорт продукции военного назначения, концентрации финансовых ресурсов на приоритетных направлениях развития ВВиСТ [Шаповал, Шелест 2015, с. 118]. Интенсивность продаж российских вооружений постепенно нарастала и к середине 2000-х годов составляла почти 6 млрд долл., или 20% от общего объема экспорта ВВиСТ [Ганичев, Кошовец с. 128].

В целом создание Комиссии способствовало совершенствованию функций государственного управления отдельных отраслей ВТП, формированию условий для взаимодействия субъектов и участников ВТП. Но статуса Комиссии и ее полномочий было явно недостаточно для завершения строительства системы управления объектами развития ВТП под эгидой президента, разрешения порой несовместимых интересов министерств и ведомств силового, финансово-экономического и отраслевого блоков правительства. Каждый из этих блоков в той или иной степени отвечал за формирование единого организационно-методологического базиса скоординированного реализации ВТП [Продченко, Тарасова 2015, с. 61].

Следующим шагом в развитии системы управления ВТП стало создание Военно-промышленной комиссии (ВПК) РФ. В 2006 г. был сформирован новый состав Комиссии, уточнены её цели, задачи и статус. Она продолжала отвечать за модернизацию ОПК и системы вооружения, но полномочия были уже гораздо шире.

Статус ВПК-2006 давал ей возможность принимать решения по всем направлениям разработки и производства вооружения, военной и специальной

техники [Указ Президента РФ от 20 марта 2006 г.]. В своё распоряжение Комиссия получила такие инструменты военно-технической деятельности, как право формировать проект гособоронзаказа, утверждать показатели финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в ОПК, назначать генеральных конструкторов вооружения и военной техники [Стежко 2021, с. 126]. ВПК-2006 также курировала вопросы финансовой стабильности реализации проектов государственных программ вооружения, подготовки кадров для организаций ОПК и повышению их квалификации.

Усложнилась структура организации ВПК-2006. В её составе был сформирован аппарат ВПК РФ, который обеспечил взаимодействие Комиссии, и её научно-технического совета с аппаратом Правительства РФ. Соответственно функциональная деятельность ВПК РФ расширилась до уровня совмещения полномочий различных федеральных министерств и ведомств в составе Правительства РФ. При этом именно Правительство РФ утверждало состав Комиссии, тем самым оно замкнуло на себе всю систему государственного управления процессом модернизации ОПК, реализации ГОЗ и ГПВ, в том числе в части утверждения финансово-экономических показателей и эффективности использования средств федерального бюджета на эти цели.

Кардинальным решением со стороны правительства, повлиявшим на статус Комиссии в системе государственного управления ВПТ, стал факт утверждения за ВПК-2006 полномочий по выполнению задач, сформированных в документах стратегического планирования. В частности, к ним теперь относились реализация «Основ военно-технической политики Российской Федерации на период до 2015 г. и дальнейшую перспективу» и «Основ политики Российской Федерации в области развития оборонно-промышленного комплекса до 2010 г. и на период до 2015 г.».

Концептуализация этих документов позволила сформировать систему организационно-технического единства реализации основных направлений (объектов) ВТП, где в качестве интеграционной схемы их взаимодействия окончательно утвердился метод программно-целевого планирования.

Впоследствии это имело определяющее значение для завершения строительства президентской вертикали государственного управления ВТП.

Создание в 2004 г. Федеральной службы по ВТС и её НТС, а в 2005 г. Комиссии по ВТС полностью закрепило за президентом развитие экспорта вооружения и военной техники, позволило ему контролировать распределение продукции военного назначения на внутренние потребности военной организации страны и на международные рынки вооружения.

Что касается модернизации системы вооружения и ОПК, контролируемые ВПК-2006 и правительством, то и в этих направлениях глава государства получил главные организационные полномочия. Так, президент утверждал

основы стратегического планирования развития ВТП, а также председателя ВПК РФ. Проекты своих указов и распоряжений он формировал в соответствии с вопросами, относящимися к компетенции как правительства и ВПК РФ, так и комиссии по ВТС, т.е. по всем направлениям развития ВТП.

Очевидно, что действующая на тот момент система государственного управления обеспечила динамику реализации ВТП, выраженную в показателях выполнения ГОЗ, ГПВ, модернизации ОПК. Только интегрированных структур в оборонной промышленности к 2012 г. было образовано 55, включая госкорпорации «Ростех», «Росатом», «Роскосмос» и инновационные холдинги, которые производили более 60% от общего объема продукции военного назначения [Оборонно-промышленный комплекс России в 2012–2015 гг. 2020].

ВТС достигло уровня в 13 млрд долл., удерживая второе место по экспорту на мировом рынке вооружения. По сути, формировался потенциал устойчивости развития объектов ВТП переориентированный с внешних рынков на потребности армии и флота России. Тем не менее эффективность процессов создания современных образцов вооружения и военной техники, накладывала на неё требования дальнейшего совершенствования.

В связи с этим завершение строительства системы государственного управления ВТП нуждалось в новой структуре целенаправленной деятельности всех субъектов ВТП, способной в своей основе совместить условия для согласования и реализации функции каждого из этих субъектов.

Первые шаги в этом направлении были предприняты еще в 2011 г., образованием рабочей группы при ВПК РФ. Специфика ее деятельности заключалась в подготовке предложений для Комиссии по вопросам развития системы вооружения и ОПК. В итоге был достигнут полный контроль правительства в использовании бюджетных средств, выделенных на реализацию государственной программы вооружения, а также обеспечение своевременного и качественного выполнения заданий государственного оборонного заказа. ГОЗ можно рассматривать как стабильный источник государственного финансирования развития ВТП, способный обеспечить относительное выполнение ГПВ [Gresh Jason 2021]. К примеру, в 2013 и 2014 гг. ГОЗ выполнялся на 98% [Cooper J. 2016, с. 23].

Создание рабочей группы знаменовало окончание процесса совершенствования структуры ВПК РФ, что имело логическое продолжение в её последовательном переходе в подчинение Президента РФ. Своим указом № 627 от 10.09.2014 г. президент переподчинил Военно-промышленную комиссию (ВПК РФ-2014) непосредственно под свое управление. Задачи, функции, полномочия и порядок работы рабочей группы ВПК при Правительстве РФ были переданы Коллегии Военно-промышленной комиссии при Президенте РФ. Научно-технический совет в составе ВПК РФ-2014 продолжил свою работу в установленном порядке.

В новом качестве ВПК РФ-2014 освободилась от текущих задач развития ВТП и сосредоточила свои полномочия на выполнении основной цели её создания – реализации государственной политики в сфере оборонно-промышленного комплекса и военно-технического обеспечения обороны страны. Тем самым на первый план выдвинулся территориальный и отраслевой аспекты стратегического планирования деятельности субъектов военно-технической политики, выполнение ГОЗ и ГПВ, создание современных, высокотехнологичных систем вооружения. Под непосредственный контроль главы государства перешли основные направления (объекты) развития ВТП: система вооружения, ОПК, его научно-техническая составляющая, ВТС.

Показатели устойчивой работы системы управления ВТП РФ

Возникновение новой формы российской государственности в лице РФ и её развитие шло параллельно с модернизацией военной организации страны, что соответствовало нарастающим потребностями интеграционного взаимодействия субъектов ВТП. Основная проблема, касающаяся эффективности этого процесса, заключалась в отсутствии формализованной структуры с единым центром принятия решений, способной обеспечить формирование, реализацию и контроль ВТП. За ВТС отвечал президент, за системы вооружения и ОПК – различные органы власти. Другими словами, система государственного управления ВТП строилась по «лекалам», предложенным властными структурами и Президентом РФ, где связующим звеном являлись программы целевого планирования ВТП (ГПВ, ГОЗ, программа модернизации ОПК), и документы стратегической перспективы (основы развития ВТП).

В настоящее время, в силу объективных причин глобального характера, предпринимаются попытки внести определённые изменения в систему государственного управления ВТП. Пандемия коронавируса существенно дестабилизировала работу предприятий ОПК, что повлияло на выполнение ГОЗ. Как следствие, поставки некоторых образцов современного оружия и техники для армии и флота по ГПВ-2020 сместились на более длительный срок и уже рассматриваются в плановых показателях по ГПВ-2027.

Для сбалансированного развития предприятий оборонно-промышленного комплекса дополнительную нагрузку взяли на себя институты генерального конструктора и главного технолога. Эти субъекты управления оборонной промышленностью, осуществляющие проекты по созданию стратегически важных систем вооружения, входят в состав Коллегии ВПК РФ и утверждаются Президентом РФ на заседаниях ВПК РФ. Что позволяет без радикальных изменений управленческой структуры обеспечить военное и научно-техническое сопровождение проводимых работ по ГПВ на перспективу до

2035 г., сконцентрировать полномочия и чётко обозначить ответственность за решение практических задач выполнения ГОЗ.

Заключение

Таким образом, начиная с 2014 г., система государственного управления ВТП России функционирует без существенных изменений. Руководство страны в соответствии с объективными потребностями развития вооружения и военной техники сформировало оптимальную структуру государственного управления ВТП с присущими ей общими и частными закономерностями интеграционного взаимодействия субъектов и объектов ВТП. Сущность этой деятельности заключается в вертикальном распределении властных полномочий. Такая система управления под руководством главы государства с применением метода программно-целевого планирования способна разработать баланс оптимального взаимодействия субъектов ВТП (включая госкорпорации и органы отраслевого и силового блоков правительства) и модернизировать как ОПК, так и процедуры экспорта вооружения.

На сегодняшний день утвержденные параметры ВТП соответствуют документам стратегического планирования Основы ВТП до 2025 г. и программе модернизации ОПК до 2025 г. Выполнение плановых показателей ГПВ и ГОЗ, импортозамещения продукции военного назначения и диверсификации оборонной промышленности должны гарантированно обеспечить потребности армии и других силовых структур в перспективе до 2035 г.

Это позволяет утверждать, что несмотря на внешнеполитическую напряженность и связанные с ней финансовые ограничения и производственно-технологические трудности, которые испытывает экономика РФ, сложившаяся система государственного управления ВТП способна успешно решать поставленные задачи.

Библиография

Буренок В.М. Эволюция и перспективы программно-целевого планирования развития системы вооружения Российской Федерации // Вооружение и экономика. 2012. № 4(20). С. 6–19.

Ганичев Н.А., Кошовец О.Б. Экспорт Российских вооружений особый фактор развития высокотехнологичной промышленности России // Проблемы и прогнозирование. 2015. С. 121–134.

Князьнеделин Р.А., Курбанов А.Х., Ворушилин Л.В. Трансформация инструментария управления предприятиями оборонно-промышленного комплекса под воздействием внешних факторов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2015. № 6(233). С. 40–50.

Московский А.М. Уверенность в завтрашнем дне // Военно-Промышленный Курьер. 10.03.2004. № 9(26) URL: https://vpk-news.ru/sites/default/files/pdf/issue_26.pdf (дата обращения: 29.12.2022).

Оборонно-промышленный комплекс России в 2012–2015 гг. // Национальная оборона 2020 № 11. URL: https://2009-2020.oborona.ru/includes/periodics/defense/2017/1226/104123038/detail.shtml (дата обращения: 19.01.2023).

Постановление Правительства РФ от 18 июля 1996 г. № 815 «Вопросы Министерства оборонной промышленности Российской Федерации» // Гарант. URL: http://ivo.garant.ru/#/document/135514/paragraph/8873:0 (дата обращения: 31.12.2022).

Постановление Правительства РФ от 19 декабря 1994 г. № 1399 «О мерах по стабилизации экономического положения предприятий и организаций оборонного комплекса», п. 1 // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5262// (дата обращения: 26.12.2022).

Постановление Правительства РФ от 22 июня 1999 г. № 665 «О Комиссии Правительства Российской Федерации по военно-промышленным вопросам» (с изменениями от 07.09. 1999 г., 17.02., 10.06. 2000 г., 3 декабря 2004 г.) // Гарант. URL: https://base.garant.ru/5177725/ (дата обращения: 12.01. 2023).

Продченко И.А., Тарасова М.А. Программно-целевое планирование в реализации военно-технической политики государства // Государственный аудит. 2015. № 4. С. 57–62.

Стежко В.В. Военно-промышленная комиссия и её роль в реализации военно-технической политики Российской Федерации // Россия и современный мир. 2021. № 2(111). С. 121–140.

Стежко В.В. Специфика военно-технической политики современной России // Вестник поволжского института управления. 2022. № 2(22). С. 116–128.

Указ Президента РФ от 17 марта 1997 г. № 249 (ред. от 09.08.2000) «О совершенствовании структуры федеральных органов исполнительной власти» // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13687/ (дата обращения: 31.12.2022).

Указ Президента РФ от 20 марта 2006 г. № 231 «О Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/189266/ (дата обращения: 15.01.2023).

Указ Президента РФ от 30 декабря 1994 г. № 2251 (ред. от 09.07.1997) «О Государственном комитете Российской Федерации по военно-технической политике» // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5337/ (дата обращения: 06.01.2023).

Шаповал Е.В., Шелест М.В. Оборонно-промышленный комплекс в современной экономике России // Вестник университета. 2015. № 1. С. 116–122. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/oboronno-promyshlennyy-kompleks-v-sovremennoy-ekonomike-rossii/viewer (дата обращения: 14.01.2023).

By Baidya Bikash Basu Russian Military-Technical Cooperation: Structures and Processes. Strategic Analysis // Monthly Journal of the IDSA June 2001 (Vol. XXV № 3) URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/sa/sa_june01bab01.html (дата обращения: 09.01.2023).

Cooper J. Russia's state armament programme to 2020: a quantitative assessment of implementation 2011–2015 // ResearchGate. March 2016. C. 23 https://www.researchgate.net/publication/299338379 (дата обращения: 12.02.2020).

Gresh Jason Professionalism and Politics in the Russian Military // Kennan Cable № 67. 2021 URL: https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-67-professionalism-and-politics-russian-military (дата обращения: 23.01.2023).

Hoffman Frank G. America Needs a Comprehensive Compliance Strategy Against Russia // foreign policy research institute – international policy think tank 2022 // URL: https://www.fpri.org/article/2022/04/america-needs-a-comprehensive-compellence-strategy-against-russia/ (дата обращения: 28.01.2023).

References

Burenok V.M. Evolyutsiya i perspektivy programmno-tselevogo planirovaniya razvitiya sistemy vooruzheniye Rossiyskoy Federatsii. [Burenok V.M. Evolution and Prospects of Programme-Targeted Planning of Development of the Arms System of the Russian Federation].Vooruzheniye i ekonomika [Arms and the economy]. 2012. N 4(20). P. 6–19. (In Russ.)

Ganichev N.A., Koshovets O.B. Eksport Rossiyskikh vooruzheniy osobyy faktor razvitiya vysokotekhnologichnoy promyshlennosti Rossii [Ganichev N.A., Koshovets O.B. Russian arms exports a special factor in the development of Russia's high-tech industry]. Problemy i prognozirovaniye [Challenges and foresight]. 2015. P. 121–134. (In Russ.)

Knyaz'nedelin R.A., Kurbanov A.Kh., Vrushilin L.V. Transformatsiya instrumentariya upravleniya predpriyatiyami oboronno-promyshlennogo kompleksa po isklyuchitel'nym sluchayam [Knyaznedelin R.A., Kurbanov A.Kh., Vorushilin L.V. Transformation of management tools for defence industry enterprises under the influence of external factors]. Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskiye nauki. [Scientific and Technical Bulletins of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic Sciences]. 2015. N 6 (233). P. 40–50. (In Russ.)

Moskovskiy A.M. Uverennost' v zavtrashnem dne. [Moskovsky A.M. Confidence in the future]. Voyenno-Promyshlennyy Kur'yer. [Military Industrial Courier.] 10.03.2004. N 9(26). URL: https://vpk-news.ru/sites/default/files/pdf/issue_26.pdf (date of access: 29.12.2022). (In Russ.)

Oboronno-promyshlennyy kompleks Rossii v 2012–2015 gg. [Russia's defence industry in 2012–2015]. Natsional'naya oborona [National Defence]. 2020. N 11. URL: https://2009-2020.oborona.ru/includes/periodics/defense/2017/1226/104123038/detail.shtml (date of access: 19.01.2023). (In Russ.)

Postanovleniye pravitel'stva RF ot 18 iyulya 1996 g. № 815 «Voprosy ministerstva oboronnoy promyshlennosti Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the Government of the Russian Federation of july 18, 1996 N 815 «Issues of the Ministry of Defence Industry of the Russian Federation»]. Garant [Garant]. URL: http://ivo.garant.ru/#/document/135514/paragraph/8873:0 (date of access: 31.12.2022). (In Russ.)

Postanovleniye pravitel'stva RF ot 19 dekabrya 1994 g. № 1399 «O merakh po ekonomicheskim polozheniyam predpriyatiy i organizatsiy oboronnogo kompleksa» p. 1 [Decree of the Government of the Russian Federation of december 19, 1994 N 1399 «On measures to stabilise the economic situation of enterprises and organisations of the defence sector», point 1]. Konsul'tant Plyus [Consultant Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5262// (date of access: 26.12.2022). (In Russ.)

Postanovleniye pravitel'stva RF ot 22 iyunya 1999 g. № 665 «O komissii vedomstva Rossiyskoy Federatsii po voyenno-promyshlennym voprosam» (s izmeneniyami ot 07.09.1999 g., 17.02., 10.06 2000 g., 3 dekabrya 2004 g.) [Decree of the Government of the Russian Federation of June 22, 1999, N 665 «On Commission of the Government of the Russian Federation for Military-Industrial Issues» (with amendments of 07.09.1999, 17.02., 10.06.2000, December 3, 2004)]. Garant [Garant]. URL: https://base.garant.ru/5177725/ (date of access: 12.01.2023). (In Russ.)

Prodchenko I.A., Tarasova M.A. Programmno-tselevoye planirovaniye v realizatsii voyenno-tekhnicheskoy politiki gosudarstva [Prodchenko I.A., Tarasova M.A. Program-targeted planning in the implementation of state military-technical policy]. Gosudarstvennyy audit [Public audit]. 2015. N 4. P. 57–62. (In Russ.)

Shapoval Ye.V., Shelest M.V. Oboronno-promyshlennyy kompleks v sovremennoy ekonomike Rossii [Shapoval E.V., Shelest M.V. Defence-industrial complex in Russia's modern economy]. Vestnik universiteta [University Press]. 2015. N 1. P. 116–122. (In Russ.)

Stezhko V.V. Spetsifika voyenno-tekhnicheskoy politiki sovremennoy Rossii [Stezhko V.V. Specifics of the Military and Technical Policy of Modern Russia]. Vestnik povolzhskogo instituta upravleniya [Bulletin of the Volga Region Institute of Management]. 2022. N 2(22). P. 116–128. (In Russ.)

Stezhko V.V. Voyenno-promyshlennaya komissiya i yeye rol' v realizatsii voyenno-tekhnicheskoy politiki Rossiyskoy Federatsii [Stezhko V.V. The Military-Industrial Commission and its role in implementing the military-technical policy of the Russian Federation]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the modern world.] 2021. N 2(111). P. 121–140. (In Russ.)

Ukaz Prezidenta RF ot 17 marta 1997 g. № 249 (red. ot 09.08.2000) «O sovershenstvovanii struktury federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti» [Presidential Decree of march 17, 1997 N 249 (revised on 09.08.2000) «On Improving the Structure of the Federal Bodies of Executive Power»]. Konsul'tant Plyus [Consultant Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13687/ (date of access: 31.12.2022). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta RF ot 20 marta 2006 g. № 231 «O Voyenno-promyshlennoy komissii pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii» [Presidential Decree of march 20, 2006 N 231 on the «Military-Industrial Commission under the Government of the Russian Federation»]. Garant [Garant]. URL: https://base.garant.ru/189266/ (date of access: 15.01.2023). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta RF ot 30 dekabrya1994 g. № 2251 (red. ot 09.07.1997) «Gosudarstvennyy komitet Rossiyskoy Federatsii po voyenno-tekhnicheskomu kontrolyu» [Decree of the President of the Russian Federation of december 30, 1994 N 2251 (revised on 09.07.1997) «On State Committee of the Russian Federation for Military and Technical Policy»]. Konsul'tant plyus [Consultant Plus]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5337/ (date of access: 06.01.2023). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.13

Е.И. Гребенникова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗА РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ИРАКЕ

Аннотация. *В статье представлено исследование образа России в массовом сознании иракцев, проведенное посредством анкетирования. Опрос респондентов был осуществлен в марте 2023 г. в Багдаде. Участниками исследования стали 75 жителей Ирака всех возрастных категорий. Целесообразность исследования обусловлена возможностью использования ее результатов для корректировки имиджа страны и выстраивания более конструктивной межгосударственной коммуникации. Для анализа образа России автор использовал три компонента: геополитический образ страны, образ власти и образ народа. В ходе исследования были определены некоторые шаблоны восприятия иракцами России, ее политического режима, влияния в мире, цивилизационной принадлежности и прочих компонентов образа.*

Исходя из полученных данных, автор делает вывод о положительном образе России в массовом сознании иракцев. Подобная ситуация может быть обусловлена опытом советско-иракских, а затем и российского-иракских отношений, а также в некоторых случаях восприятием иракцами России в качестве антагониста США.

Ключевые слова: *образ России; Ирак; массовое сознание иракцев; политическая психология.*

Гребенникова Елена Ивановна – аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет политологии. Россия, Москва.
E-mail: elen_grebennikova@mail.ru

Grebennikova E.I. Some aspects of Russia's image: results of a field study conducted in Iraq

Abstract. *The article presents the research on the image of Russia in the Iraqi public consciousness conducted on the basis of interviews. The survey of respondents was conducted in March 2023 in Baghdad. The study participants were 75 residents of Iraq of all age categories. The relevance of the research lies in the potential of using the obtained results to correct the image of the country and to build more effective interstate communi-*

cation. The author used three dimensions for the analysis of Russia's image: the geopolitical image of the country, the image of the state power, and the image of its population. The survey has revealed some patterns showing how Iraqis perceive Russia, its political regime, its influence in the world, its civilizational identity, and the other components of the image.

Based on the data obtained, the author draws conclusion regarding the positive image of Russia in the mass consciousness of Iraqis. This may be due to the experience of Soviet-Iraqi, and then Russian-Iraqi relations, as well as in some cases the perception of the Iraqis of Russia as an antagonist of the United States.

Keywords: *Russia's image; Iraq; Iraqis collective consciousness; political psychology.*

Grebennikova Elena Ivanovna – Postgraduate Student of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Science. Russia, Moscow.
E-mail: elen_grebennikova@mail.ru

Дискурсивное поле политики содержит совокупность коммуникативных и психологических категорий, одной из которых является образ.

Образы представляются активным звеном в политической коммуникативной сети, они «фиксируют и отражают те представления о политических институтах и участниках (акторах) политического взаимодействия, которые формируются в пространстве публичной политики» [Семененко 2008, с. 7]. Образы содержат совокупность психологических феноменов, таких как «знания, представления, мнения, оценки, ожидания, эмоции, требования граждан к объекту восприятия» [Пищева 2011, с. 47]. Вместе с тем любой образ – «это не чистая репрезентация реальности, а сконструированный ментальный объект, который многомерен и предполагает множество интерпретаций» [Берендеев 2012, с. 132].

На сегодняшний день проблемами научного рассмотрения в политической науке выступают образы политических лидеров, партий, политических элит, граждан и стран. Все эти аспекты представляют неподдельный интерес со стороны как политических исследователей, так и политических практиков.

В настоящей статье мы остановимся на рассмотрении образа страны как одной из центральных категорий политико-психологического исследования. Образ страны, как и любой другой образ, представляет собой лишь некий продукт восприятия, он «не представляет некоторого монопольного легитимного взгляда и зависит от системы координат дискурса, в которых формируется образ, с изначальным аппаратом принятых рамок» [Берендеев 2012, с. 133].

Изучение образа страны представляется особенно важным в эмпирических исследованиях, что позволяет использовать результаты работы в практическом поле политического менеджмента. Отталкиваясь от обозначенного

тезиса, автор считает целесообразным изучение образа России в массовом сознании граждан иностранных государств. Подобные исследования позволяют стране не только скорректировать собственный имидж, но и обратить внимание на политику средств массовой информации за рубежом.

Учитывая международную конъюнктуру, представляется актуальным рассмотрение образа России в массовом сознании народов Ближнего Востока, что также подкрепляется интересом со стороны российского правительства к Арабскому региону в целом: в Концепции внешней политики Российской Федерации исламский мир представляется «востребованным и надежным партнером России в вопросах обеспечения безопасности, стабильности, решения экономических проблем» [Концепция 2023]. Обращение к исламскому миру в доктринальном документе ставит перед исследователями задачу не только изучения самого региона как такового, но и видения России в исследуемых государствах. В настоящей статье остановимся на одной «из наиболее важных стран для российской политики на Ближнем Востоке» [Катона 2019] – Республике Ирак.

Массовое сознание в Ираке формировалось в условиях особых военно-политических и экономических пертурбаций: войны, внутриполитическая нестабильность, санкции, образование и распространение террористических организаций стали привычными процессами для государства на многие десятилетия. В наиболее значимых исторических кейсах некоторые страны Запада, включая США, выступали в качестве противников Багдада, что очевидно отразилось на образе этих государств в Ираке. На современном этапе Россия, наоборот, реализует политику, направленную на сохранение стабильности политических режимов на Ближнем Востоке и выстраивания партнерских отношений с арабскими элитами. Кроме того, «практически во всех политических событиях на Ближнем Востоке российская и американская позиции были диаметрально противоположными» [Лиокумович и др. 2022, с. 162], поэтому неприятие американской политики на Ближнем Востоке, в некоторых случаях, может положительно влиять на образ России.

Вместе с тем на восприятие России в ряде арабских стран, в том числе Ираке, оказало влияние длительное международное сотрудничество периода существования Советского Союза, сформировавшего «образ друга арабского мира благодаря поддержке арабских национально-освободительных движений, содействию в создании современной промышленности и инфраструктуры после обретения независимости, финансово-экономической помощи» [Мохова 2013].

Свою роль в формировании образа России как в Ираке, так и в Ближневосточном регионе в целом, играет и конфессиональный фактор, являющийся «основообразующим принципом восприятия арабов» [Хасан 2011, с. 19], который представляется точкой соприкосновения России с исламским миром.

Вместе с тем можно выделить факторы, негативно влияющие на образ России в Ираке, среди них сотрудничество России с Ираном, под влиянием которого находится Багдад и украинский кризис. Однако восприятие второго кейса имеет амбивалентный характер: с одной стороны, часть населения Ирака поддерживает Россию, потому что Украину поддерживает США, с другой – некоторые иракцы воспринимают Россию в качестве субъекта, который привел к эскалации конфликта.

Обозначенные факторы в разной степени сформировали определенный образ страны, компоненты которого необходимо определить и проанализировать в статье.

Как категория политологического анализа, образ государства выступает в качестве социально-психологического феномена, рассматриваемого широким спектром подходов, среди которых релевантным целям исследования представляется политико-психологический подход [Психология политического… 2019], который, с одной стороны, отражает когнитивные установки целевой аудитории, с другой – определяет иррациональные компоненты предмета исследования.

Основываясь на концептуальной модели восприятия России, разработанной школой политической психологии Е. Шестопал, мы остановились на использовании следующих приоритетных компонентов образа страны:

– геополитический образ страны;

– образ власти (в том числе элиты);

– образ народа [Шестопал 2019, с. 78].

Предлагаемая структура образа страны сформулирована исходя из следующих задач исследования:

1. Определить роль и масштаб влияния России в мире, согласно мнению иракцев.

2. Выявить цивилизационную принадлежность России в массовом сознании иракцев.

3. Определить образ россиян в массовом сознании жителей Ирака.

4. Определить отношение иракцев к политическому режиму и власти в России, а также выявить наиболее узнаваемые российские политические фигуры.

Эмпирический материал был получен в марте 2023 г. в ходе анкетирования, респондентами которого стали 75 иракцев. Полевое исследование было проведено автором непосредственно в Багдаде. Анкета была составлена на арабском языке (с учетом диалекта) и доступна для понимания широкому кругу респондентов. Поиск респондентов осуществлялся в несвязанных друг с другом сообществах по принципу случайности. Участниками исследования стали иракцы всех возрастных групп с различными социальными статусами.

Исследование, являясь сбалансированным по половозрастной структуре, представляется не репрезентативным, так как объем выборки не позволяет говорить о закономерностях статистического порядка. Тем не менее полученные данные, не являясь в строгом смысле социологической статистикой, позволяют определить основные компоненты образа России в массовом сознании иракцев и выявить его наиболее яркие шаблоны. Так, посредством анкетирования автор очертил определенные грани образа России, позволяющие приблизится к расшифровке его специфики.

Результаты исследования

«Россия представляет собой особый вид цивилизации» [Попов 2020], которая ощущая на себе влияние как Запада, так и Востока, остается предметом дискуссии относительно своей аутентичной историко-культурной принадлежности и путей цивилизационного развития. В связи с этим представляется важным определить не только собственное видение страны относительного своего цивилизационного образа, но и обратить внимание на восприятие данного аспекта России в других государствах. В Ираке более 60% респондентов считают, что Россия относится к европейской цивилизации, и почти 30% причисляют ее к Азии (среди них половина опрошенных отмечают, что цивилизационно Россия принадлежит мусульманскому миру).

Значимым аспектом для государств, претендующих на ведущие позиции в международной политической иерархии, является степень привлекательности в мире. Для того чтобы определить отношение иракцев к России в данном аспекте, им был задан следующий вопрос – «Хотели бы Вы, чтобы Ваше государство сотрудничало с Россией?». В ходе исследования выяснилось, что почти 60% опрошенных иракцев склонны к поддержке сотрудничества Ирака с Россией, и около 40% респондентов отметили, что не хотели бы подобной кооперации. Стремление к сотрудничеству могло быть обусловлено имеющимся позитивным опытом советско-иракского сотрудничества, которое еще является «предметом ностальгии бывших советских союзников и нередко порождает у них завышенные ожидания в отношении современной России» [Звягельская и др. 2021, с. 72]. В свою очередь нежелание иракцев к сотрудничеству с Москвой гипотетически связано с партнерством России с Ираном. Амбивалентное значение для иракцев приобретает конфронтация России с США и некоторыми европейскими государствами: с одной стороны, «западные страны» воспринимаются иракцами враждебно, и в данном случае они склоняются к поддержке России, с другой – иракцы ощущают серьезное влияние США в стране и считают сотрудничество с Вашингтоном на данном этапе более выгодным.

Образ России в качестве геостратегического действующего лица [Бжезинский 2021, с. 76] в массовом сознании респондентов характеризуется высокой степенью влияния на международной арене. При этом 48% респондентов предполагают, что роль России в мире возрастает, 34% иракцев отмечают, что влияние Москвы снижается, 7% не считают Россию влиятельным государством (см. рис. 1).

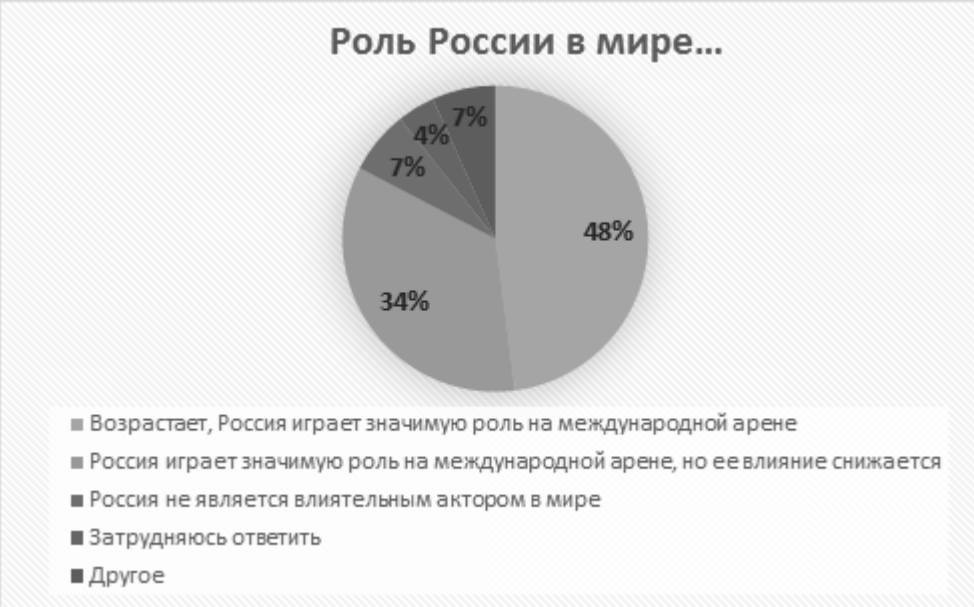

Рис. 1

Вместе с тем Россия входит в топ-5 государств, воспринимаемых в качестве самых влиятельных стран мира, занимая второе место по частоте упоминания после США. Помимо США и России к наиболее влиятельным государствам причисляют Китай, Францию и Великобританию. Предположительно восприятие иракцами Москвы как значимого политического игрока усилилось вследствие военной кампании в Сирии, которая «стала поворотным моментом для возрождения России в качестве державы на Ближнем Востоке» [Frolovskiy 2019].

Одним из блоков исследования стал образ власти в России и ее сопутствующих атрибутов. К российской элите положительно относятся половина опрошенных, 35% воспринимают ее нейтрально, и около 7% имеют к ней отрицательное отношение.

Среди наиболее узнаваемых политиков России – действующий Президент РФ В. Путин, который в арабском мире воспринимается достаточно положительно. Так арабское издание Asharq Al-Awsat в 2022 г. признало его самым влиятельным человеком года. Респонденты также упоминали таких государственных деятелей прошлого столетия, как И. Сталин и М. Горбачев, а среди современных политиков отметили С. Лаврова и Д. Медведева, однако данные политические фигуры известны незначительному количеству респондентов.

Выявление образа политического режима как «системы приемов, методов, форм, способов осуществления политической власти» [Кожевникова 2008, с. 88] привело к следующим результатам: более 40% респондентов считают, что в России существует тотальный контроль над всеми сферами жизни общества, чуть менее 30% оценивают политический режим в России как демократический, 16% респондентов считают режим авторитарным (см. рис. № 2). Гипотетически подобный образ сформирован вследствие восприятия России как правопреемника Советского Союза, текущего противопоставления России демократическим западным государствам, а также потребления медиапродуктов, зависимых от американского влияния.

Рис. 2

Нейтрально оценивают политическую ситуацию в России 40% респондентов, предполагается что подобная ситуация обусловлена отсутствием

интереса к данному вопросу, что естественно. Более 30% опрашиваемых иракцев оценивают политическую ситуацию положительно и почти 20% – отрицательно.

Российский народ воспринимается иракцами в большей степени с положительной стороны, однако уровень доверия жителям России невысок – половина опрошенных респондентов не доверяет российским гражданам (см. рис. 3).

Рис. 3

Среди наиболее упоминаемых качеств россиян, озвученных респондентами – «красота» и «сила», также иракцы часто употребляли такие понятия, как «мужество», «патриотизм», «жизнелюбие» или «дружелюбие», кроме того, некоторые респонденты считают, что россияне обладают высокими интеллектуальными способностями. Отрицательные качества употреблялись значительно реже, однако среди них чаще всего встречались такие понятия, как «жестокость» и «конфликтность». Отдельно в образе российских граждан в массовом сознании иракцев можно отметить такие характеристики, как «национализм» и «расизм».

Выводы

В целом восприятие России среднестатистическими иракцами можно охарактеризовать с положительной стороны. Конструктивные советско-иракские, а затем российско-иракские отношения, разногласия России с отрицательно воспринимаемыми США, позитивно сказались на образе России в

массовом сознании иракцев. Поэтому Ирак является той страной, «где Москву приветствуют и стремятся развивать с ней контакты» [После «Халифата» 2018, с. 4].

Вместе с тем России еще предстоит укрепить свой имидж на Ближнем Востоке в качестве сильного и влиятельного государства, способного создавать конкуренцию другим геополитическим игрокам и выстраивать собственную конструктивную политику в регионе. В рамках данной работы целесообразно рекомендовать в качестве опорных точек фигуру президента и исламский фактор.

Кроме того, представляется важным сместить акцент с тоталитарного прошлого страны и транслировать более приемлемую для международного сообщества политическую систему и режим: «образ России должен быть адекватен глобальным изменениям, идущим в мире» [Юрьев].

Библиография

Берендеев М.В. «Образ» как эпистемологическая категория в дискурсивных практиках // Метод. 2012. С. 131–137.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Издательство АСТ, 2021. 384 с.

Звягельская И., Богачева А., Давыдов А., Ибрагимов И., Лазовский С., Самарская Л., Свистунова И., Сурков Н., Тюкаева Т. Российская политика на Ближнем Востоке // Theatrum mundi. № 1. 2021. С. 71–85.

Катона В., Мамедов В. Системные интересы России в Арабском Машрике: нефть и газ Ирака и Сирии // Российский Совет по международным делам. 2019. URL: https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/sistemnye-interesy-rossii-v-arabskom-mashrike-neft-i-gaz-iraka-i-sirii/?ysclid=lp9yjst5n3979309097 (дата обращения: 14.05.2023).

Кожевникова Ю. Политический и государственные режимы (аспект соотношения) // Вестник ВГАВТ. 2008. С. 86–92.

Концепция внешней политики Российской Федерации. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?ysclid=lp9yi1yh4d677326058 (дата обращения: 16.05.2023).

Лиокумович Я., Геращенко И. О некоторых особенностях восприятия России в современном Египте и не только в нем // Восток умиротворенный и воюющий. № 4 (144). 2022. С. 157–167.

Мохова И. Образ России в арабском мире: от советско-арабской дружбы до проблемы поиска нового образа // Институт Ближнего Востока. 2013. URL: http://www.iimes.ru/?p=16683&ysclid=lfux992i2t640268676 (дата обращения: 19.05.2023).

Пищева Т.Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 47–52.

Попов В. Евразийская сущность Российской цивилизации // Российский совет по международным делам. 2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/evraziyskaya-sushchnost-rossiyskoy-tsivilizatsii/?ysclid=lfy3qpzmwy365515772 (дата обращения: 23.05.2023).

После «Халифата»: перспективы российско-иракских отношений: рабочая тетрадь № 46 /2018/ [Р.Ш. Мамедов] ; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2018. 20 с.

Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е.Б. Шестопал. – М. : РОССПЭН, 2012. – 423 с.

Семененко И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 7–18.

Хасан Н. Образ России в арабском мире / Автореферат диссертации на соискание учебной степени кандидата политических наук. 2011. 157 с.

Шестопал Е., Смулькина Н, Морозикова И. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 3. С. 74–94.

Юрьев А. Политическая психология глобальной гармонизации. URL: https://www.peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=50 (дата обращения: 27.05.2023).

Frolovskiy D. Are the Kremlin's gains in the Middle East sustainable? // MEI. 2019. URL: https://www. mei.edu/publications/are-kremlins-gains-middle-east-sustainable (дата обращения: 27.04.2023).

References

Berendeyev M.V. Obraz kak epistemologicheskaya kategoriya v diskursivnykh praktikakh ['Image' as an epistemological category in discourse practices']. Method. 2012. P. 131–137. (In Russ.)

Brzhezinski Z. Velikaya shakhmatnaya doska [The Grand Chessboard]. Moscow: AST, 2021. 384 p. (In Russ.)

Frolovskiy D. Are the Kremlin's gains in the Middle East sustainable? 2019. URL: https://www.mei.edu/publications/are-kremlins-gains-middle-east-sustainable.

Iuriev A. Politicheskaya psikhologiya globalnoy garmonizatsii [Political psychology of global harmonization]. URL: https://www.peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=50 (In Russ.)

Katona V., Mamedov V. Sistemnye interesy Rossii v Arabskom Mashrike: neft i gaz Iraka i Sirii [Russia's Interests in the Arab Mashreq: Analyzing the Future of Oil and Gas in Iraq and Syria]. RIAC. 2019. URL: https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/sistemnye-interesy-rossii-v-arabskom-mashrike-neft-i-gaz-iraka-i-sirii/?ysclid=lp9yjst5n3979309097. (In Russ.)

Khasan N. Obraz Rossii v arabskom mire [The image of Russia in Arab world]. PhD in Political Science dissertation abstract. 2011. P. 157. (In Russ.)

Kontseptsiya Vneshney Politiki Rossiiskoy Federatii [The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation]. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?ysclid=lp9yi1yh4d677326058. (In Russ.)

Kozevnikova J. Politicheskiye i gosudarstvennye rezhimy (aspect sootnoshenia) [Political and state regimes (relation aspect)]. VGAVT Bulletin. 2008. P. 86–92. (In Russ.)

Liokumovich Y., Gerashchenko I.O. O nekotorykh osobennostyakh vospriyatiya Rossii v sovremennom Egipte i ne tolko v nyom [On some features of Russia's perception in contemporary Egypt and not only there] NZ. Debates on Politics and Culture. 2022. N 4 (144). P. 157–167. (In Russ.)

Mamedov R.S. 'After the Caliphate: the prospects of Russia-Iraq Relations' [Posle 'Khalifata': perspetivy rossiisko-irakskikh otnoshenii]. 2018. N 46. 20 p.

Mokhova I. Obraz Rossii v Arabskom mire: ot sovetsko-arabskoi druzhby do problemy poiska nogovo obraza [The image of Russia in Arab world: from Soviet-Arab friendship to the problem of a new image search]. Institute of Middle East. 2013. URL: http://www.iimes.ru/?p=16683&ysclid=lfux992i2t640268676 (In Russ.)

Pishcheva T.N. Politicheskie obrazy: problem issledovaniya i interpretatsii [Political images: the problems of research and interpretation]. Polis. Political Studies. 2011. N 2. P. 47–52. (In Russ.)

Popov V. Evraziiskaya sushnost Rossiiskoy tsivilizatsii [Eurasian essence of the Russian civilization]. RIAC. 2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/evraziyskaya-sushchnost-rossiyskoy-tsivilizatsii/?ysclid=lfy3qpzmwy365515772. (In Russ.)

Psychology of political perception in contemporary Russia. Ed. E.B. Shestopal. 2012. 423 p.

Semenenko I.S. Obrazy i imidji v diskurse nationalnoy identichnosty [Depictions and images in the discourse of national identity]. Polis. Political Studies, 2008. N 5. 7–18 p. (In Russ.)

Shestopal E., Smulkina N., Morozikova I. Sravnitelniy analiz obrazov svoey strany u zhitelei rossiiskikh regionov [Comparative analysis of one's own country images in Russian regions]. 2019. N 10 (3). P. 74–94. (In Russ.)

Zvyagelskaya I., Bogacheva A., Davydov A., Ibragimov I., Lazovsky S., Samarskaya L., Svistunova I., Surkov N., Tyukaeva T. Rossiiskaya politika na Blizhnem Vostoke [Russian policy in the Middle East]. Theatrum Mundi. 2021. N 1. P. 71–85. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.14

Р.И. Сефербеков, М.Р. Сефербеков, О.Б. Халидова

СОВРЕМЕННЫЙ БРАК И СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ ОБРЯДЫ РУССКИХ ГОРОЖАН ДАГЕСТАНА: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ[1]

Аннотация. *Статья посвящена изучению традиционного и нового в современном браке и обрядах жизненного цикла русских, проживающих в городах Дагестана. Источником выступил полевой этнографический материал, собранный в июле 2023 г. в дагестанских городах исконного компактного и дисперсного проживания русского населения – Кизляре, Махачкале, Каспийске и Дербенте – в этноконтактных зонах соприкосновения и взаимодействия русских с горским и тюркским населением Дагестана и др. Впервые вводятся в научный оборот данные о браке, свадебных, родильных и похоронных обрядах русского городского населения Дагестана, их трансформации в новейшее время с выявлением традиционного пласта и появившихся под влиянием глобализации и социокультурных процессов конца XX – первой четверти XXI в. новых обычаев, а также влияния христианской религии и иноэтнического воздействия дагестанцев-мусульман. Представлены результаты использования историко-сравнительного, ретроспективного и этнологических методов исследования. Авторы приходят к выводу, что современный брак и семейно-бытовые ритуалы русского населения городов Дагестана представляют собой сложный комплекс обрядов жизненного цикла, сохраняющих свою этническую, религиозную и культурную идентичность, но подвергшихся определенной трансформации под влиянием глобализации, социокультурных процессов, христианской религии и иноэтнического окружения.*

Ключевые слова: *семейно-бытовые обряды; дагестанские русские; города Дагестана; традиции и инновации.*

Сефербеков Руслан Ибрагимович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Россия, Махачкала.
E-mail: ruslan-seferbekov@yandex.ru
Orcid: 0000-0002-0901-8499

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00208, https://rscf.ru/project/23-28-00208/.

Сефербеков Магомедхабиб Русланович – младший научный сотрудник Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Россия, Махачкала.
E-mail: mhabib-seferbekov@mail.ru
Orcid: 0000-0001-5714-8178

Халидова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Россия, Махачкала.
E-mail: o.khalidova2011@mail.ru
Orcid: 0000-0002-3454-9427

Seferbekov R.I., Seferbekov M.R., Khalidova O.B. Modern marriage and family and everyday rituals of Russian citizens of Dagestan: traditions and innovations

Abstract. *The article is devoted to the study of the traditional and the new in modern marriage and rituals of the life cycle of Russians living in the cities of Dagestan. It is based on field ethnographic material collected in July 2023 in the Dagestan cities of the original compact and dispersed residence of the Russian population – Kizlyar, Makhachkala, Kaspiysk and Derbent – in the ethno-contact zones of contact and interaction between Russians and the mountain and Turkic population of Dagestan, etc. Introduced in scientific circulation for the first time is data on marriage, wedding, maternity and funeral rites of the Russian urban population of Dagestan, their transformation in modern times, accompanied by the identification of the traditional layer and the customs that appeared under the influence of globalization and socio-cultural processes of the late 20th – first quarter of the 21st century, as well as the influence of the Christian religion and the foreign ethnic influence of Muslim Dagestanis. The article presentes the results of using historical-comparative, retrospective and ethnological research methods. The authors come to the conclusion that modern marriage and family rituals of the Russian population of the cities of Dagestan represent a complex set of life cycle rituals that preserve their ethnic, religious and cultural identity, but have undergone a certain transformation under the influence of globalization, sociocultural processes, Christian religion and foreign ethnic environment.*

Keywords: *family and everyday rituals; Dagestan Russians; cities of Dagestan; traditions and innovations.*

Seferbekov Ruslan Ibragimovich – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Russia, Makhachkala.
E-mail: ruslan-seferbekov@yandex.ru
Orcid: 0000-0002-0901-8499

Seferbekov Magomedhabib Ruslanovich – junior researcher employee of the Dagestan Federal Research center of the Russian Academy of Sciences. Russia, Makhachkala.
E-mail: mhabib-seferbekov@mail.ru
Orcid: 0000-0001-5714-8178

Khalidova Olga Borisovna – candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Russia, Makhachkala.
E-mail: o.khalidova2011@mail.ru
Orcid: 0000-0002-3454-9427

Введение

Традиционная культура русских связана с крестьянским типом хозяйства, и его наличие, в свою очередь, является условием её воспроизведения [Соколова 2013, с. 195]. Однако в городах Дагестана сформировался свой вариант воспроизводимой городской культуры русских [Сефербеков и др. 2021], частью которой являются брачные и семейно-бытовые обряды.

Целью нашего исследования является освещение традиционного и нового в браке и семейно-бытовой обрядности русских горожан Дагестана. В последние 35 лет брак и семейно-бытовые обряды трансформировались под влиянием глобализации и социокультурных процессов конца XX – первой четверти XXI в., а с середины 90-х годов XX в. в них ощутимо влияние христианской православной культуры. Однако несмотря на это сохранились основная структура и содержание традиционной обрядности, в которую в последние десятилетия органично влились и некоторые новые обычаи.

Учитывая то обстоятельство, что русские всегда являлись одним из наиболее урбанизированных этносов Дагестана, для изучения нами было избрано русское население городов Кизляр, Махачкала, Каспийск и Дербент. Первые три города всегда отличались высоким процентом русского населения. Кизляр и Дербент являются крайними северным и южным городами республики – зонами этнокультурных контактов русских с горским населением, а также с кумыками, ногайцами, армянами, азербайджанцами, горскими евреями и татами.

Обряды жизненного цикла русских Дагестана и субэтноса русского народа (см.: [Трут 2016, с. 259–262]) – терского казачества – были предметом исследования кавказоведов [Газиева и др., 2023, с. 142–173; Заседателева 1974, с. 287–358]. В Северном Дагестане, на Кизлярщине, где нижнетерское казачество расселилось еще со второй половины XVI в., русских и казаков всё-

таки различают до сих пор; казачество Дагестана выделяется большей консервативностью в сохранности традиций в культуре и быту[2].

В новейший период традиционные брак, семья, свадебные, родильные и похоронные обряды русских Дагестана стали предметом исследования дагестанских историков и этнологов [Ризаханова 2001, с. 84–123; Лугуев и др. 2002, с. 548–552].

При написании статьи нами были использованы историко-сравнительный метод, давший возможность сопоставить обряды жизненного цикла русских горожан Дагестана в различные (дореволюционное, советское и Новейшее время) исторические периоды в разных городах республики и в сравнении с таковыми у других дагестанцев; ретроспективный метод сделал возможным обратиться к традиционным семейным обычаям русских (и др. славян) при описании их современных форм. Также применены методы этнологии – опроса, интервьюирования, включенного наблюдения.

Полевой этнографический материал[3], собирался в июле 2023 г. в дагестанских городах исконного компактного и дисперсного проживания русского населения – Кизляре, Махачкале, Каспийске и Дербенте – в этноконтактных зонах соприкосновения и взаимодействия русских с горским и тюркским населением Дагестана. Полевой материал хранится у авторов.

Новизна нашего исследования заключается в том, что комплексное сравнительное описание брака и семейно-бытовых обрядов русских горожан Дагестана в настоящее время с фиксацией традиционного пласта и новых обычаев проводится впервые. Материалы настоящего исследования могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории и этнологии русских Дагестана и Северного Кавказа конца XX – первой четверти XXI в.

Брак и свадебные обряды

Семья по-прежнему занимает важное место в иерархии ценностей россиян. Для большинства российской молодежи наличие семьи и детей является важным показателем жизненного успеха [Горшков и др. 2010, с. 130–131]. Люди стремятся к созданию максимально эффективных, психологически комфортных семейных отношений, реализуя свои представления о семейном счастье. Новые семейные отношения и ценности в России формируются под влиянием изменившихся социально-экономических отношений, которые закрепляют в обществе новую модель поведения – эгалитарную [Верещагина и др. 2013, с. 70], предполагающую отход от традиционной модели семьи и

2. Инф. Лысенко Юлия Михайловна, русская, 1978 г. р., ученый секретарь Института ИАЭ ДФИЦ РАН, кандидат исторических наук.

3. Список информаторов приведен в конце статьи.

равенство гендерных ролей в браке. Указанные процессы (престижность нахождения в браке, создание семьи, популярность эгалитарного типа семьи и семейных отношений) характерны и для русских горожан Дагестана.

Следует отметить, что свадебная обрядность русского населения Дагестана транслировала брачно-семейные отношения великорусского населения, сохранившиеся в Северно-Кавказском регионе на новых местах расселения русских [Лугуев и др. 2002, с. 549]. Традиционная свадьба состояла из следующих этапов: сговор, сватовство, смотрины, рукобитье, неделя, баня, утренние обряды венчального дня, встреча поезда, венчание, послевенечные обряды в доме жениха и обрядовые действия второго дня [Ризаханова 2001, с. 91–104].

Современный городской свадебный обряд русских Дагестана лишен некоторых указанных этапов, он более упрощен и менее продолжителен. Началом создания любой семьи является знакомство юношей и девушек. В последние десятилетия, учитывая катастрофическое сокращение русского населения в республике, это становится проблемой. Знакомятся русские юноши и девушки во время учёбы в вузе, на работе, через родственников, друзей и знакомых, на днях рождения и свадьбах, а также через гаджеты и в социальных сетях (Meta, WhatsApp, Telegram, Одноклассники, ВКонтакте) по Интернету. В 1990-е и 2000-е годы популярным у русских девушек было знакомство с военными русской национальности, расквартированными в воинских частях на территории Дагестана. Предпочтительность таких знакомств объяснялась тем, что военные всегда были желанными женихами у девушек: им нравились бравые мужчины в военной форме, с высокой зарплатой, наличием жилья и хорошим социальным пакетом. Для дагестанских русских девушек это был один из способов уехать из политически и социально-экономически нестабильной и депрессивной республики[4]. Общение может продолжаться нескольких недель и месяцев, во время которых юноша и девушка лучше узнают друг друга, выясняют крепость своих чувств и серьезность намерения создать семью. Во время ухаживания юноша приглашает девушку в кино, в кафе и ресторан или прогуляться в парке. Романтические отношения могут длиться от нескольких месяцев до одного года, после чего, решившие пожениться юноша и девушка ставят в известность о своем намерении родителей. Если родители юноши и девушки не возражают против их брачного союза, то для знакомства с ними молодых приглашают в гости. Затем происходит знакомство родителей обеих сторон. Познакомиться они могут в гостях у друг друга, а в последние годы для этого устраиваются встречи

4. Инф. Тарасенкова Ольга Владимировна, русская, 1958 г. р., пенсионер, г. Каспийск.

в кафе или ресторане. Мнение родителей юношей и девушек при их желании вступить в брак в большинстве случаев учитывается. Если же родители против брака, то молодые в большинстве случаев, вопреки их воле, всё равно женятся.

При выборе брачного партнёра русские придерживаются определенных сложившихся предпочтений и стереотипов. Юноша должен быть воспитанным, трудолюбивым, иметь образование или специальность, без вредных привычек. В девушке ценятся красота, целомудрие, скромность, трудолюбие и воспитанность.

Русские стараются выбрать себе брачного партнера своей национальности, хотя в Дагестане немало браков дагестанцев с русскими девушками, особенно если они принимают ислам. Дагестанские девушки выходят замуж за русских юношей крайне редко, что связано с религиозным запретом на брак с иноверцем.

Юноши женятся обычно после окончания вуза и устройства на работу в возрасте 22–25 лет, а девушки выходят замуж в 20–22 года и в более поздние сроки. Считается желательным, чтобы юноша был старше девушки на несколько лет. Наиболее значительная возрастная диспропорция при заключении брака составляет 10–15 лет.

В отличие от распространенной у горцев Дагестана эндогамии, у русских на родственницах не женятся. Горцы Дагестана, в отличие от большинства народов Кавказа, до сих пор придерживаются нестрогой эндогамии. Церковь также не венчает юношу и девушку, если они состоят в родственных отношениях. Венчающиеся молодые люди должны быть крещенными. Если один из них не крещён, венчание не происходит.

Желательно, чтобы юноша имел своё жильё, но это пожелание зачастую неосуществимо – не у всех молодых людей имеются состоятельные родители. Чаще всего молодые после брака снимают квартиру, пока они не накопят средств на покупку собственного жилья. В последние годы у молодежи становится популярным покупка жилья на ипотечный кредит. Бывает, что молодой паре достается по наследству квартира, оставшаяся от бабушек и дедушек. Иногда молодожёны живут вместе с родителями. По данным полевых исследований, встречаются все приведенные виды решения жилищного вопроса.

На сватовство отправляются родители, дяди, тёти, кумовья и сам жених. С собой они несут шампанское, торт и поднос с фруктами. Сторона девушки принимает их и угощает. Если родители девушки согласны выдать свою дочь замуж, то юноша дарит девушке золотое кольцо (не обручальное). На сватовстве родители обеих сторон договариваются о сроках свадьбы. Сватов отдаривают – женщин головными платками и косынками, мужчин – сорочками.

От сватовства до свадьбы проходит от нескольких месяцев до одного года, необходимых для проверки взаимных симпатий и крепости чувств. В это же время семейные коллективы готовятся к свадьбе. Сторона невесты готовит приданое, которое обычно состоит из постельных принадлежностей, мебели и посуды.

До свадьбы невеста выбирает себе свадебное платье в салоне по их прокату. Цены варьируются в пределах от 20 до 100 тыс. в сутки. Невеста перед свадьбой делает макияж и укладку. Фата сейчас одевается не всеми невестами. Жених покупает себе свадебный костюм европейского стиля. Он же покупает «символические знаки союза и любви» [Вовк 2005, с. 337] – обручальные кольца, которые освящаются в церкви, если жених и невеста крещены.

В последние 20 лет свадьбу жених и невеста проводят в залах торжеств, ресторанах или кафе и часто (для экономии) совместно. В 90-е годы XX в., в годы так называемых «либеральных экономических реформ» и в начале 2000-х годов большинство свадеб проходило в кафе или столовых школ, лицеев и колледжей, а также под шатрами во дворах домов. С установлением более стабильных экономических отношений в стране и повышением уровня и качества жизни свадьбы стали проводиться в залах торжеств.

Женятся чаще всего в летнее и осеннее время. Не женятся в мае («всю жизнь маяться будешь») и в дни пасхального поста.

Гостей на свадьбу приглашают родители молодых лично (а сейчас – по телефону и через социальные сети) и посредством пригласительных билетов. В среднем (как правило) на совместной свадьбе у жениха и невесты бывает до 200 гостей. Накануне свадьбы устраиваются *мальчишник*и и *девичник*и, где жених и невеста веселятся с друзьями перед тем, как они обретут статус женатых и замужних людей.

Утром в день свадьбы у жениха собирается свадебный поезд из нескольких престижных иномарок. Жениха в дом невесты сопровождают «дружки» и родственники. Невеста ждет жениха и его друзей, родственниц и подружек. В Кизляре до сих пор распространен термин «дружки», а в других городах Дагестана они называются «свидетелями» и «друзьями жениха и невесты».

По прибытии кортежа жениха и сопровождающей его свиты в дом невесты, её «отдают» молодому только после уплаты выкупа. Перед «выкупом» подружки невесты часто устраивают шуточные конкурсы, викторины для жениха и его друзей, требуя подарков и денег от него, перед тем как «допустить» его к невесте. Выкуп сопровождается смехом и шутливой перепалкой. Жених, занимая место рядом с невестой, дарит ей букет цветов. После этого жених и невеста выходят из её дома и садятся в украшенную цветами, шарами и лентами свадебную машину. Молодых в машине сопровождают «дружок» и «дружка». На них надевают атласные ленты с надписью «Свидетель» и «Свидетельница», а раньше на их одежду прикалывали искусственные цветы.

По пути следования в наиболее красивых местах города происходит фотосессия жениха и невесты: в Махачкале это парки «Ленинского комсомола» и «50 лет Октября»; в Каспийске – приморский парк; в Дербенте – городской парк, у фонтана на набережной, у цитадели «Нарын-кала»; в Кизляре – городской парк, парк «Дарман».

Оформление брака в ЗАГСе происходит в день свадьбы до их приезда в зал торжеств. После обмена кольцами молодые под крики «Горько» целуются. После регистрации брака в ЗАГСе крещенные молодые венчаются в церкви либо в день свадьбы, либо на следующий день. В случае развода их развенчивают. Несмотря на усиление позиций христианской религии со второй половины 90-х годов XX в., случаев венчания новобрачных в городах Дагестана немного (не более 3–4%)[5].

Затем процессия направляется в зал торжеств. У дверей зала молодожёнов встречают родители жениха с фужерами шампанского и караваем (его пекут заранее родственники жениха, а в последние годы – заказывают в пекарне или кулинарии) на рушнике (во многих семьях он хранится как реликвия и передается по наследству или же его покупают в церковных лавках или магазинах по продаже текстильных изделий[6]) – от которого, в соответствии с обычаем, жених и невеста должны отведать «хлеб-соль». Молодые пробуют шампанское, а затем разбивают фужеры. Войдя в зал, они в последние десять лет подходят к горке из хрустальных фужеров шампанского и пригубляют их, а затем усаживаются за специально отведенный для них стол на подиуме.

Свадьбой руководит тамада. В прошлом им обычно бывал близкий родственник, кум или друг отца жениха, умеющий красиво говорить и поддерживать веселье. С середины 2000-х годов, с установлением в стране более стабильных экономических отношений после разрушительных социально-экономических реформ и в связи с повышением благосостояния и качества жизни населения, тамаду стали нанимать за плату. Музыкальное сопровождение свадьбы осуществляют профессиональные музыкальные группы. В Махачкале, например, это – «Тарки-Тау», в Кизляре – «Ритмы Кавказа», в Дербенте – ансамбль Мурада Абдулаева. Приглашаются также певцы и танцоры, фотограф и видеооператор. В начале свадьбы профессиональные артисты, одетые в русские национальные костюмы, исполняют танцы. В Кизляре в этом репертуаре выступает казачий танцевальный ансамбль «Яблочко».

5. Инф. Луговой Руслан Александрович, русский, 1981 г. р., кандидат психологических наук, директор ГБУ РД «Республиканский центр русского языка и культуры» Министерства по национальной политике и делам религий Республики Дагестан, г. Махачкала.

6. Инф. Лысенко Юлия Михайловна, русская, 1978 г. р., ученый секретарь Института ИАЭ ДФИЦ РАН, кандидат исторических наук, г. Махачкала.

Во время свадьбы звучат русская, дагестанская и зарубежная музыка, исполняются песни (особенно популярно «Обручальное кольцо»), гости танцуют вальс, дагестанскую лезгинку, «Шолохо» и др. Танцуют вальс и лезгинку жених и невеста, поверх головы которой родственники и друзья бросают деньги, достающиеся ей. В последние годы жениха после танца с невестой подбрасывают вверх. После того, как невеста станцевала с женихом, с ней танцуют его друзья.

В Кизляре задолго до свадьбы для угощения гостей готовят домашнее сухое красное вино и самогон. Традиционное меню свадебного стола здесь состояло из жареного поросёнка, нарезанных кусков свиного сала, жареной и отварной рыбы (в том числе осетрины), балыка, фаршированных мясным фаршем блинов, голубцов, жаркого, холодца (зимой), салатов, черной икры, пирогов с курагой и тёртыми грецкими орехами и др. выпечки, алкогольных и безалкогольных напитков, а с 2000-х годов в связи с интенсивным этническим взаимодействием, влиянием глобализации, интернационализацией культуры питания, формированием общего для большинства дагестанских народов набора свадебных блюд [Сефербеков 2022, с. 13] – аварского хинкала, тонких творожно-картофельных пирогов *ботищал*, люля-кебаба, долмы, жаркого из говядины с овощами.

В Дербенте на меню русской свадьбы велико влияние азербайджанской и других кухонь народов Южного Дагестана – *афарар* (тонкие пироги с зеленью, мясным фаршем, тыквой и творогом), люля-кебаб, *садж* (приготовленное в чугунной сковороде тушеное мясо с овощами), долма, сладкий плов, пахлава и др.

Следует отметить, что в последние 20 лет набор блюд на русских и дагестанских свадьбах в городах практически одинаков: аварский хинкал, пироги *ботищал*, начиненные мясным фаршем или творогом блинчики, мясные и рыбные шашлыки, жаркое, голубцы и долма, мясная и сырная нарезка, разнообразные салаты, выпечка и напитки.

Невеста привозит с собой на свадьбу торт, первым куском которого бесплатно угощают родителей жениха, а остальные – продают за деньги, которые поступают в её распоряжение. Незадолго до ухода со свадебного торжества невеста кидает букет цветов, который стараются поймать её незамужние подружки. Этот обычай, как и фотосессия жениха и невесты под свадебной аркой, появился в последние десять лет. Ближе к вечеру жених с «дружком» и невеста с «дружкой» покидают зал торжеств и направляются домой для отдыха и подготовки к первой брачной ночи.

На второй день свадьба продолжается. Если свадьба проходит во дворе дома, то в ней участвуют близкие родственники и друзья. Проводятся различные игры и забавы, например, жених возит тёщу на тачке. Гости свадьбы дарят молодым в конвертах денежный подарок – от 3 до 10 тыс. руб. Расходы

родителей на свадьбу составляют сейчас несколько сот тыс. руб. Состоятельные пары после свадьбы едут в свадебные путешествия, например, в Турцию, Египет, европейские страны.

Представленный нами материал является усредненным вариантом городской русской свадьбы. Она менее продолжительна, более унифицирована, обеднена обрядовой частью, характерной для сельской свадьбы. Унификация и утрата традиционной обрядности характерна не только для русской городской свадьбы. Это явление присуще и дагестанской свадьбе, в которой заметно угасание многих составляющих свадебной традиции.

Современная русская городская свадьба практически не отличается от такой же дагестанской свадьбы, примером чему является свадебное торжество аспирантки А.Б. в зале торжеств «Аль Амир» в г. Махачкале в 2018 г., на которую мы были приглашены в качестве гостей: кроме выступления в начале свадьбы фольклорного коллектива в русских национальных костюмах, она по структуре, музыкальному, песенному и танцевальному сопровождению, перечню блюд и напитков была практически идентична дагестанской свадьбе. Примечательно, что иногда выходящие замуж русские девушки требуют, чтобы их свадьба была проведена по более усложненному и затратному сценарию дагестанского свадебного торжества. Например, такой сценарий потребовала себе в 2010 г. О.Л. из Махачкалы, выходящая замуж в Каспийске.

На смешение русской и горской брачных традиций еще в начале XX в. обратил внимание Г.А. Ткачев, описывавший свадебный обряд гребенских казаков: «Между тем в остальном мешанина: то русское, то туземное; снаружи стрельба и джигитовка, как у горцев, перед аналоем жених *по-русски* разбивает каблуком стакан, из которого пил с невестой» [Ткачев 1912, с. 181]. На то, что свадебные обряды русских и терских казаков «отличались своеобразием, в основе которых необычное сочетание русской православной или старообрядческой традиции с сильным влиянием элементов горской кавказской свадьбы» [Мутиева 2020, с. 178], указывает и О.С. Мутиева.

Следует отметить, что для Дагестана и Северного Кавказа характерно многовековое культурное взаимодействие и взаимовлияние горского, русского и казачьего населения, которое проявлялось в межнациональных браках, куначестве, аталычестве, заимствованиях в области хозяйства, материальной и духовной культуры. Процесс взаимообусловленного культурно-адаптивного взаимодействия русских и терского казачества с автохтонным населением региона являлся важным ресурсом межэтнической толерантности, синтеза различных культур, формирования единого северокавказского мира [Иноземцева 2017, с. 80].

Итак, представленный материал свидетельствует о том, что городской свадебный обряд дагестанских русских является важным семейным и общественным мероприятием. Он испытал определенное влияние дагестанской

свадебной обрядности, которая ощущается в музыкальном, песенном и танцевальном репертуаре, меню свадебного стола. С возрастанием роли религии для верующих стало обязательным венчание крещенных молодых в церкви. В последние десятилетия появились некоторые новые свадебные обычаи (фотосессия по пути следования в зал торжеств, пробование женихом и невестой шампанского из пирамиды хрустальных фужеров, бросание невестой букета). Несмотря на это городская русская свадьба всё еще сохраняет свой неповторимый колорит, внутреннюю структуру и наполненное безудержным весельем содержание.

Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка

Несмотря на влияние урбанизации в родильной обрядности дагестанских русских сохранились традиционные обычаи и реликты древних верований, направленных на защиту жизни и здоровья матери и ребенка от козней нечистой силы, сглаза и различных болезней.

Уже на стадии беременности молодая женщина должна была соблюдать определенные запреты и предписания. Например, ей нельзя было заниматься шитьем и вязанием – в противном случает ребенок якобы мог запутаться в кишках матери или его пуповина могла обвиться вокруг шеи. Этими же работами ей нельзя было заниматься в воскресенье и на христианские праздники. Ей также возбранялось стричь и красить свои волосы, нежелательно было посещать похороны и поминки. Считалось плохой приметой заранее до рождения ребенка покупать ему одежду, кроватку и коляску.

Как и другие народы Дагестана, русские предпочитают рождение сына – «чтоб передать фамилию продолжателю рода». Однако рождение дочери так же желанно. Выписка роженицы и её ребенка из роддома является торжественным семейным событием, которое запечатлевается на фото- и видеокамеру. Родные и близкие встречают их с цветами и разноцветными шарами. Роженицу и ребенка одаривают подарками (деньги, игрушки, детская одежда). По установившейся традиции постельные принадлежности ребенку дарит его бабушка с материнской стороны (такой же обычай существует у дагестанцев-мусульман).

Дома по этому случаю накрывается праздничный стол с пирогами и выпивкой. Для восстановления подорванных родами сил роженицу потчуют куриной лапшой, черной икрой, печеными яблоками, чаем с молоком или калмык-чаем (в последние годы). Сразу же после рождения ребенка нарекают именем и при этом стараются не называть его именами родственников, умерших молодыми. В последние десятилетия с усилением позиций религии младенцев называют именами по православному календарю имён на каждый день года. В первые 40 дней после рождения к ребёнку не подпускают посто-

ронних лиц, особенно побывавших на кладбище, а к его одежде как оберег прикалывают золотую булавку. Соблюдаются и другие общеславянские запреты: ребенка к зеркалу не подносят – «испугается» [Толстая 1994, с. 118].

Тот, кто первым увидел прорезавшийся молочный зуб у ребенка, преподносит ему какой-нибудь подарок – «на зубок», а родители дарят малышу серебряную ложку. Во многих семьях выпавший молочный зуб ребёнка завязывают в узелок и кладут ему под подушку. Утром он находит там подарок, будто бы положенные ему *Зубной феей*. Раньше русские клали выпавший молочный зуб ребенка в мышиную норку со словами: «На тебе мышка костяной зуб, а мне дай – золотой!». Некоторые мамы сейчас хранят этот зуб у себя в шкатулке вместе с прядью состриженных утробных волос и биркой с именем младенца, которую привязывают к запястью его руки в роддоме.

У горожан Кизляра сохраняется старинный запрет [Балов, 1901, с. 100] – пока ребенку не исполнится год, ему не стригут ногтей из-за опасения, что «он может вырасти вором». Примечательно, что такое же опасение существовало и у лезгин [Мусаева 2007, с. 98]. Обычно мать ребенка откусывает их своими зубами (г. Кизляр)[7]. Первая стрижка ребенка от утробных волос происходит в годовщину его рождения (у дагестанцев-мусульман – на 40-й день после рождения) или сразу же после крещения.

С середины 90-х годов XX в. крещение ребенка у дагестанских русских является значимым религиозным и семейно-бытовым обрядом. До обряда крещения выбираются крестные родители. Это, как правило, близкие родственники или друзья семьи. Обычно, крёстного отца подбирает папа ребенка, а крёстную мать – его мама. Крёстные приходятся друг другу кумовьями. Они должны приобрести для ребенка крестильный наряд, полотенце и нательный крест. В день крещения бабушки и родители ребенка готовят праздничный стол для гостей после крестин. Этот день называется *именины*, так как при крещении ребёнку дают православное имя. Сами крестины назначаются на день рождения какого-нибудь православного святого. После крещения с ребенка состригают утробные волосы. У русских с давних пор существует обычай бросать состриженную с головы ребенка прядь волос в купель. Если она затем всплывает, – «он будет жить долго» [Балов 1901, с. 100]. Крестильные волосы заворачивают в ткань и кладут под подушку в детской кроватке как оберег от сглаза и болезней.

При первых шагах ребенка ножом или ножницами режут путы, будто бы связывающие его ноги – «чтоб красиво и уверенно шёл по жизни и крепко стоял на ногах». У ногайцев во время обряда «развязывания ног» ребенку связывали ноги верёвкой, а затем одна из женщин, славившаяся красивой

7. Инф. Бондаренко (Копаева) Надежда Владимировна, русская, 1961 г. р., директор Кизлярской районной библиотеки.

походкой, развязывала их [Мусаева, 2007, с. 103]. Этот обряд повсеместно бытовал на Северном Кавказе [Смирнова, 1983, с. 72].

Итак, как это видно, в родильной обрядности дагестанских русских сохранилось множество традиционных верований и запретов. Под влиянием глобализации появились некоторые новые (связанные с верой в *Зубную фею*) обычаи. В то же время в ней велико влияние христианской религии, что объясняется усилением её роли в семейно-бытовой обрядности в последние десятилетия.

Похоронные обряды

Как отмечают исследователи, после распада СССР происходит стремительная трансформация содержательной и формальной части похоронного обряда, спровоцированная конкретными экономическими факторами, изменениями социальной организации общества, идеологической неопределенностью посттоталитарного периода [Соколова 2013, с. 193]. Однако в условиях Дагестана в нём сохраняется довольно значительный господствующий пласт православной похоронной традиции с некоторыми сохранившимися реликтами прежних религиозных форм.

В соответствии со сложившейся у русских культурой смерти, к ней, как к неизбежному, готовились заранее. Старики заблаговременно откладывали деньги на свои похороны, готовили завещание и погребальную одежду, а некоторые – гробы для себя и место на кладбище.

Со смертью у дагестанских русских связаны и некоторые приметы. Например, приметой смерти «кровного» родственника считался сон, в котором с кровью выпадал зуб. Такая же примета существовала у русских Москвы: «если зуб выпадал с кровью – к потере “кровного” родственника, если же без крови – к потере друга» [Энциклопедия суеверий 1995, с. 163]. В случае, если ночью снился покойник, то на утро, чтобы застраховать себя и своих близких от смерти, следовало раздать сладости чужим детям. Как свидетельствуют старожилы, умирающий осознает приближение своей кончины и говорит о ней своим близким: «Я уже вижу путь», «А мне уже место показали, где я буду на том свете» (Кизляр).

Русские Дагестана «хоронили умерших по обычаям православных христиан – в гробу, с надмогильным крестом, с панихидой и отпеванием, с оплакиванием, поминальными трапезами и др.» [Лугуев и др. 2002, с. 551].

Перед смертью к умирающему приглашают православного священника, которому он исповедуется. Умирающий прощается со своими близкими и просит у них прощение за нанесенные обиды. Полагают, что после смерти отлетевшая из тела душа («она маленькая и трепетная») остаётся в доме покойного три дня (Кизляр) или 40 дней (Махачкала, Дербент).

В комнате, в которой умер человек, на 40 дней зажигают лампадку. В Дербенте в комнате покойного на столе устанавливают фотопортрет покойного, рядом с которым устанавливают горящую свечку и стакан с водой (её меняют каждый день) с куском хлеба (его не трогают пока он не высохнет) поверх него. Вода и хлеб для покойника остаются там в течение 40 дней, во время которых душа умершего будто бы посещает эту комнату и вкушает эту пищу.

К наиболее устойчивым и широко распространенным как у дагестанских русских, так и у всех славянских народов относится обычай «(закрепившийся и в современном городском обиходе) сразу же после кончины занавешивать зеркало, отворачивать его к стене или даже выносить из того помещения, в котором находится покойник» [Толстая 1994, с. 112]. До начала 90-х годов XX в. сразу же после смерти человека вместе с зеркалами занавешивали и телевизоры, просмотр передач которых на время траура приостанавливался (таких же правил придерживались и мусульмане).

Обмывают покойника в его доме. Обмывающие покойника не должны приходиться ему родственниками. Им за эту процедуру дарят деньги (1000 руб.), новое полотенце и мыло. Воду, в которой обмывали покойника, выливают в укромное место, куда не ступает нога человека (например, в палисадник у дома[8]). Бывает, что эту воду выливают в унитаз[9]. После того, как покойника обмыли, его обряжают в чистое бельё, на мужчину надевают костюм, а на женщину – платье.

После омовения на лоб покойника надевают *венчик* – бумажную или тканевую повязку с изображением Иисуса Христа, Богородицы и Иоанна Крестителя Предтечи с текстом. Этот венчик целуют при прощании с покойным. В его руки вкладывают Распятие (которое надо целовать при прощании). Покойника накрывают красивым кружевным покрывалом.

Хоронят умершего в гробу на третий (а в последние годы – на второй) день после полудня. Перед похоронами ему связывают руки и ноги и подвязывают челюсть. Если он умер с открытыми глазами, то их закрывают и на них кладут монеты. После того как гроб помещают в могилу, конечности и челюсть покойника освобождают от пут. Веревки, которыми связывали покойника, кладут ему в гроб. Перед похоронами покойника в гробу заносят в часовню (Кизляр). На следующий день его отпевают, а затем несут на кладбище. Умершего могут отпеть и дома, пригласив для этого священника.

Тем, кто хоронит покойника на левую («символ иного мира» [Иванов 1994, с. 44]) руку в районе плеча повязывают носовой платок. Он служит как

8. Инф. Лысенко Юлия Михайловна, русская, 1978 г. р., ученый секретарь Института ИАЭ ДФИЦ РАН, кандидат исторических наук.

9. Инф. Зуева Екатерина Михайловна, 1955 г. р., оператор АСУП Каспийского завода «Дагдизель».

бы опознавательным знаком, чтобы люди знали, кто должен подойти, чтобы нести гроб. А ещё этот платок нужен для того, чтобы им вытирать пот или руки после того, как гроб забросают землей в могиле.

Могила в день похорон украшается букетами цветов и венками. На венках прикрепляют траурные ленты, на которых бывает написано от кого они. На могилу ставятся свечи и лампадки, крест перевязывают платком или полотенцем. Часто во время похорон у могилы произносятся прощальные речи, родственники целуют усопшего и плачут по нему. После прощания крышку гроба заколачивают гвоздями и опускают на веревках или полотенцах в могилу, затем пришедшие на похороны кидают горсти земли на гроб, после чего её засыпают землей лопатами и устанавливают крест, укладывают венки и цветы.

Во время похорон принято бросать горсти земли на опущенный в могилу гроб. Этот обычай возник из представления о том, что «принимающая покойника *мать-сыра земля* считалась чудотворной, поэтому присутствующие на похоронах стремились приложить к ней руку, чтобы очиститься от возможных будущих несчастий» [Капица 2001, с. 37].

Людям, пришедшим с кладбища на поминки в дом покойного, перед порогом ставят кувшин с водой и мыло. Руки надо обязательно помыть за порогом (порог – «граница миров» [Толстая 1994, с. 112], с которым в русской традиции связано множество суеверий [Энциклопедия суеверий 1995, с. 342]) жилища, как бы очищаясь от кладбища. Моют и обувь. В гигиенических целях после выноса тела покойника для похорон на кладбище моют полы в его доме.

После погребения на могиле устанавливают временный памятник, который через некоторое время меняют на постоянный. Желательно, чтобы на могиле был установлен деревянный крест, но устанавливают также и металлический, и гранитный или мраморный памятник. На нём указываются имя и фамилия усопшего, его даты рождения и смерти и прикрепляется фотография. Вокруг могилы и памятника устанавливается металлическая ограда.

Поминками называются совершаемые в память об умершем обряды. Главным из них является устраиваемая непосредственно после погребения и в определенные сроки поминовения родственниками в доме покойного или на кладбище коллективная трапеза [Толстая 2009, с. 168]. Поминки устраиваются дома у покойного сразу же после его похорон, а также на 9-й (сакральное у славян число [Рыбаков, 1987, с. 176]) и 40-й дни и на годовщину (у мусульман Дагестана – на 3-й, 7-й, 40-й, 52-й дни и на годовщину). Сразу же после похорон уполномоченный от семьи умершего официально приглашает на поминальную трапезу всех участвовавших в похоронах и пришедших на соболезнование. На поминках в 9-й и на 40-й дни участвуют только самые близкие семье умершего.

На поминках угощают «первым» – постный борщ, суп-лапша с курицей; «вторым» – плов, тушеное мясо, жареная курица или рыба, колбасная нарезка, пирожки с капустой, фасолью, рисом, яйцами или картошкой; «третьим» – компот из сухофруктов. В Дербенте поминальным блюдом является *кутья* – сладкая рисовая каша с изюмом. В последние годы поминки устраиваются в столовых и кафе. Если поминают в среду или в пятницу (постные дни) и в дни христианских постов, то мясного не едят. На поминках на столах не принято класть колющие и режущие столовые приборы – вилки и ножи, а кладут только ложки. В прошлом у древних славян «поминки с приносом ритуальной еды на кладбище» был «важной составной частью древних языческих представлений», связанных с культом предков [Рыбаков 1987, с. 120]. Официально, по церковным канонам, употребление алкоголя на поминках запрещено, но неофициально его употребляли еще с советских времен[10]: например, в Дербенте допускалось выпивать 50 граммов водки или стакан красного вина[11], в Кизляре в советские времена пили домашнее вино, а сейчас – и вино, и водку, и коньяк[12]. Выпивают на поминках в Махачкале[13], Каспийске[14] и других городах республики.

Родственницы умершего в знак траура по нему 40 дней (а иногда и год) носят одежду черного (символ смерти [Вовк 2005, с. 45]) цвета. В доме покойного не слушают музыку, не включают телевизор и не посещают увеселительных мероприятий (такие же ограничения во время траура соблюдают и мусульмане).

Русских в городах Дагестана хоронят на так называемых «русских кладбищах». В Махачкале их три. Одно их них расположено в «Первой Махачкале», по ул. Маяковского, № 54. Другое – более известное как «Старое русское кладбище», расположено в центре столицы, по проспекту Гайдара Гаджиева, № 8, и считается «престижным». Похороны на нём затруднены ввиду почти полного отсутствия свободного места для новых захоронений. На этом кладбище имеются и воинские захоронения умерших в годы войны от ран

10. Инф. Луговой Руслан Александрович, русский, 1981 г. р., кандидат психологических наук, директор ГБУ РД «Республиканский центр русского языка и культуры» Министерства по национальной политике и делам религий Республики Дагестан.

11. Инф. Смаглюк Ирина Петровна, русская, 1962 г. р., заместитель директора Дербентского государственного историко-архитектурного и археологического музея-заповедника.

12. Инф. Бондаренко (Копаева) Надежда Владимировна, русская, 1961 г. р., директор Кизлярской районной библиотеки.

13. Инф. Нужная Елена Владимировна, русская, 1976 г. р., ведущий документовед Института ИАЭ ДФИЦ РАН.

14. Инф. Зуева Екатерина Михайловна, 1955 г. р., оператор АСУП Каспийского завода «Дагдизель».

пациентов госпиталей. В последние десятилетия умерших хоронят на «Интернациональном кладбище», расположенном на окраине Махачкалы, где для захоронения русских выделен специальный участок.

В Дербенте русское кладбище расположено в исторической части города на улице Дрожжина, недалеко от мусульманского кладбища «Кирхляр». Гранитные и мраморные памятники здесь изготавливаются в специализированных мастерских, а гробы заказываются мастерам, работающим на армянском кладбище. За помощью в ритуальных услугах местные русские обращаются в Дербентскую православную церковь.

В Кизляре действует большое старое «Русское кладбище». В Каспийске «Русское кладбище» находится на окраине города, по улице Кирова. На территории этого кладбища также имеются воинские захоронения скончавшихся от ран советских солдат и офицеров, лечившихся во время войны в госпиталях Каспийска и даже «немецкое кладбище», умерших от болезней военнопленных. На «немецком кладбище» в 90-е годы XX в. был установлен большой металлический крест.

В последние десятилетия в городах республики появились конторы по оказанию ритуальных услуг, которые за соответствующую плату помогают выкопать могилу, обмыть покойника, подготовить гроб, крест, венки и катафалк. Данное обстоятельство в какой-то мере подтверждает тезис А.Д. Соколовой о том, что «в постсоветскую эпоху похоронный обряд оказался вне рамок целенаправленного вмешательства государства и общественных институций, но вошел в сферу действия рыночных отношений, которые в предшествующие эпохи не оказывали определяющего воздействия на структуру похоронного обряда» [Соколова 2013, с. 194].

В определенные дни (на Радоницу, в Дмитровскую субботу, в субботы Великого поста) женщины посещают могилы умерших родственников. По пути на кладбище и возвращаясь с него они раздают встречным печенье и конфеты. В память о покойном ставят свечку в церкви «за упокой души умершего», а в субботу заказывают заупокойную литургию. Посещают кладбище и в другие дни, например в день рождения умершего: носят ему на могилу цветы, заказывают в церкви панихиду и литургию.

Итак, как это видно, похоронный обряд русских Дагестана проводится в основном по христианскому ритуалу. В нём присутствуют и некоторые сохранившиеся приметы и поверья, являющиеся реликтами традиционных верований и ритуалов.

Заключение

Таким образом, анализ современного брака и семейно-бытовых обрядов русских горожан Дагестана показал их синкретический характер: в них традиционная обрядность переплетается с элементами подвергшейся трансфор-

мации городской культуры, православием и рудиментами дохристианских представлений. Влияние христианской религии доминирует в похоронных обрядах и в некоторой степени присутствует в свадебных (венчание) и родильных (крещение, имянаречение) обрядах. В родильных и похоронных обрядах сохранились реликты домонотеистических верований. Определенное влияние (особенно в этноконтактных зонах) на семейно-бытовую обрядность русских оказало иноэтническое влияние местного населения, которое особенно велико в свадебной обрядности.

Успешное функционирование и воспроизводство семейно-бытовой обрядности русского городского населения Дагестана способствует сохранности этнической, культурной и религиозной идентичности русских в эпоху глобализации.

Список информаторов:

г. Махачкала

1. Кирилова Людмила Сергеевна, русская, 1947 г. р., пенсионер.
2. Луговой Руслан Александрович, русский, 1981 г. р., кандидат психологических наук, директор ГБУ РД «Республиканский центр русского языка и культуры» Министерства по национальной политике и делам религий Республики Дагестан.
3. Лысенко Юлия Михайловна, русская, 1978 г. р., ученый секретарь Института ИАЭ ДФИЦ РАН, кандидат исторических наук.
4. Нужная Елена Владимировна, русская, 1976 г. р., ведущий документовед Института ИАЭ ДФИЦ РАН.

г. Кизляр

1. Бондаренко (Копаева) Надежда Владимировна, русская, 1961 г. р., директор Кизлярской районной библиотеки.
2. Мстиславская Любовь Александровна, русская, 1963 г. р., директор Кизлярского городского краеведческого музея.
3. Шевченко Раиса Федоровна, русская, 1946 г. р., свечница Свято-Георгиевского собора в г. Кизляр.

г. Каспийск

1. Зуева Екатерина Михайловна, 1955 г. р., оператор АСУП Каспийского завода «Дагдизель».
2. Паршина Татьяна Борисовна, русская, 1962 г. р., учительница русского языка и литературы Каспийской средней общеобразовательной школы № 7.
3. Тарасенкова Ольга Владимировна, русская, 1958 г. р., пенсионер.

г. Дербент

1. Алексеева Ирина Александровна, русская, 1960 г. р., пенсионер.

2. Мосесова Карина Юрьевна, армянка, 1971 г. р., ученый секретарь Республиканского музея истории мировых культур и религий в Дербенте.

3. Смаглюк Ирина Петровна, русская, 1962 г. р., заместитель директора Дербентского государственного историко-архитектурного и археологического музея-заповедника.

Библиография

Балов А.В. Очерки Пошехонья: Верования // Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 81–134.

Верешагина А.В., Шахбанова М.М. Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе // Вестник Дагестанского научного центра. 2013. № 50. С. 65–71.

Вовк О.В. Знаки и символы в истории цивилизаций. М.: «Вече», 2005. 384 с.

Газиева А.А., Сефербеков Р.И., Халидова О.Б. История изучения русского населения Дагестана и терского казачества (XVIII – начало XXI в.): историко-библиографический обзор // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 1. С. 142–173.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд., доп. и испр. М.: ИС РАН, 2010. 592 с.

Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): историко-этнографические очерки. М.: Издательство Московского университета, 1974. 421 с.

Иванов В.В. Левый и правый // Мифы народов мира: энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. В 2-х томах. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 43–44.

Иноземцева Е.И. Культурное и хозяйственно-экономическое наследие терского казачества как ресурс межэтнической толерантности на Северо-Восточном Кавказе // Материалы региональной научной конференции «Фольклор в семейной и общинной жизни нижнетерского казачества». Махачкала: «Радуга», 2017. С. 71–82.

Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. 216 с.

Лугуев С.А., Мансуров М.Х. Русские // Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. С. 548–552.

Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 252 с.

Мутиева О.С. Влияние иноэтнической среды на семейный быт и свадебную обрядность терских казаков // Терский сборник. Изд. 2-е, доп. и испр. Екатеринбург: Издат. решения Ridero, 2020. Вып. 2. С. 176–184.

Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2001. 190 с.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.

Сефербеков Р.И. Современная культура питания сельского населения Дагестана: традиционное и новое // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2022. Том 37. Вып. 1. С. 7–23.

Сефербеков Р.И., Булатов Б.Б., Зульпукарова Э.М.-Г., Гасанова М.А., Сефербеков М.Р. Антропология дагестанского города: влияние глобализации на трансформацию культуры и

быта горожан Дагестана в постсоветский период / Отв. ред. А.Г. Далгатов. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2021. 262 с.

Смирнова Я.С. Семья и семейный быт у народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX – XX в. М.: Наука, 1983. 264 с.

Соколова А.Д. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI вв. (на материалах Владимирской области): дис. к. ист. н. М.: ИЭА РАН, 2013. 303 с.

Ткачев Г.А. Станица Червленная: Исторический очерк. – Владикавказ: Тип. Терского Обл. Правления, 1912. 244 с.

Толстая С.М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор: Верования, текст, ритуал. М.: Наука, 1994. С. 111–129.

Толстая С.М. Поминки // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. В 5-ти томах. М.: «Международные отношения», 2009. Т. 4. С. 168.

Трут В.П. Казаки терские // Народы Юга России: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Озерова. Ростов-на-Дону: «Фонд науки и образования», 2016. С. 259–262.

Энциклопедия суеверий / Сост. Э. и М.А. Рэдфорд, Е. Миненок; пер. Д. Гайдук. М.: Миф: Локид, 1995. 560 с.

References

BalovA.V. Ocherki Poshehon'ja: Verovanija [Essays by Poshekhonya: Beliefs]. Jetnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. 1901. N 4. P. 81–134. (In Russ.)

Vereshagina A.V., Shahbanova M.M. Formirovanie novyh semejnyh cennostej i otnoshenij v sovremennom rossijskom obshhestve [Formation of new family values and relationships in modern Russian society]. Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra [Bulletin of the Dagestan Scientific Center]. 2013. N 50. P. 65–71. (In Russ.)

Vovk O.V. Znaki i simvoly v istorii civilizacij [Signs and symbols in the history of civilizations]. M.: «Veche», 2005. 384 p. (In Russ.)

Gazieva A.A., Seferbekov R.I., Halidova O.B. Istorija izuchenija russkogo naselenija Dagestana i terskogo kazachestva (XVIII – nachalo XXI v.): istoriko-bibliograficheskij obzor [History of the study of the Russian population of Dagestan and the Terek Cossacks (XVIII – early XXI century): historical and bibliographic review]. Jelektronnyj zhurnal «Kavkazologija» [Electronic journal «Caucasology»]. 2023. N 1. P. 142–173. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-142-173. EDN: CIUYOA. (In Russ.)

Gorshkov M.K., Sheregi F.Je. Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret. [Youth of Russia: a sociological portrait]. 2nd ed., expanded and corrected. M.: IS RAN, 2010. 592 p. (In Russ.)

Zasedateleva L.B. Terskie kazaki (seredina XVI – nachalo XX v.): istoriko-jetnograficheskie ocherki [Terek Cossacks (mid-16th – early 20th centuries): historical and ethnographic essays]. M.: Moscow University Publishing House, 1974. 421 p. (In Russ.)

Ivanov V.V. Levyj i pravyj [Left and right]. Mify narodov mira: jenciklopedija / Gl. red. S.A. Tokarev. V 2-h tomah [Myths of the peoples of the world: encyclopedia / Chief ed. S.A. Tokarev. In 2 volumes]. M.: Russian encyclopedia, 1994. Volume. 2. P. 43–44. (In Russ.)

Inozemceva E.I. Kul'turnoe i hozjajstvenno-jekonomicheskoe nasledie terskogo kazachestva kak resurs mezhjetnicheskoj tolerantnosti na Severo-Vostochnom Kavkaze [Cultural and economic heritage of the Terek Cossacks as a resource of interethnic tolerance in the North-Eastern Caucasus]. Materialy regional'noj nauchnoj konferencii «Fol'klor v semejnoj i obshhinnoj zhizni nizhneterskogo kazachestva» [Proceedings of the regional scientific conference «Folklore in the family and community life of the Nizhny Terek Cossacks»]. Mahachkala: «Rainbow», 2017. P. 71–82. (In Russ.)

Kapica F.S. Slavjanskie tradicionnye verovanija, prazdniki i ritualy: Spravochnik [Slavic traditional beliefs, holidays and rituals: Directory]. 3rd edition. M.: Flinta: Science, 2001. 216 p. (In Russ.)

Luguev S.A., Mansurov M.H. Russkie [Russians]. NarodyDagestana / Otv. red. S.A. Arutjunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva [Peoples of Dagestan / Responsible ed. S.A. Arutyunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva]. M.: The science, 2002. P. 548–552.

Musaeva M.K. Jetnografija detstva narodov Dagestana (Tradicii narodov Ravninnogo i Juzhnogo Dagestana) [Ethnography of childhood of the peoples of Dagestan (Traditions of the peoples of the Plain and Southern Dagestan)]. Mahachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2007. 252 p. (In Russ.)

Mutieva O.S. Vlijanie inoj etnicheskoj sredy na semejnyj byt i svadebnuju obrjadnost' terskih Kazakov [The influence of a foreign ethnic environment on the family life and wedding rituals of the Terek Cossacks]. Terskij sbornik. Izd. 2-e, dop. iispr. [Terek collection. Ed. 2nd, add. and correct]. Ekaterinburg: Publishing house. Ridero solutions, 2020. Vol. 2. P. 176–184. (In Russ.)

Rizahanova M.Sh. Dagestanskie russkie. XIX – nachalo XX v.: Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie [Dagestan Russians. XIX – early XX centuries: Historical and ethnographic research]. Mahachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2001. 190 p. (In Russ.)

Rybakov B.A. Jazychestvo drevnejRusi [Paganism of ancient Rus']. M.: The science, 1987. 782 p. (In Russ.)

Seferbekov R.I., Bulatov B.B., Zul'pukarova Je.M.-G., Gasanova M.A., Seferbekov M.R. Antropologija dagestanskogo goroda: vlijanie globalizacii na transformaciju kul'tury i byta gorozhan Dagestana v postsovetskij period / Otv. red. A.G. Dalgatov [Anthropology of the Dagestan city: the influence of globalization on the transformation of the culture and life of the citizens of Dagestan in the post-Soviet period / Responsible ed. A.G. Dalgatov]. Mahachkala: Publishing house of Dagestan State University, 2021. 262 p. (In Russ.)

Seferbekov R.I. Sovremennaja kul'tura pitanija sel'skogo naselenija Dagestana: tradicionnoe i novoe [Modern food culture of the rural population of Dagestan: traditional and new]. Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Dagestan State University. Series 2. Humanities]. 2022. Volume 37. Issue. 1. P. 7–23. (In Russ.)

Smirnova Ja.S. Sem'ja i semejnyjbyt u narodov Severnogo Kavkaza. Vtoraja polovina XIX – XX v. [Family and family life among the peoples of the North Caucasus. Second half of the 19th – 20th centuries]. M.: The science, 1983. 264 p. (In Russ.)

Sokolova A.D. Transformacii pohoronnoj obrjadnosti u russkih v XX–XXI vv. (namaterialah Vladimirskojo blasti): dis. … k. ist. n. [Transformations of funeral rituals among Russians in the 20th – 21st centuries. (based on materials from the Vladimir region): dissertation of a candidate of historical sciences]. M.: IEA RAS, 2013. 303 p. (In Russ.)

Tkachev G.A. Stanica Chervlennaja: Istoricheskij ocherk [Stanitsa Chervlennaya: Historical sketch]. Vladikavkaz: Type Tersky Region Board, 1912. 244 p. (In Russ.)

Tolstaja S.M. Zerkalo v tradicionnyh slavjanskih verovanijah i obrjadah [Mirror in traditional Slavic beliefs and rituals]. Slavjanskij i balkanskij fol'klor: Verovanija, tekst, ritual [Slavic and Balkan folklore: Beliefs, text, ritual]. M.: The science, 1994. P. 111–129. (In Russ.)

Tolstaja S.M. Pominki [Wake]. Slavjanskie drevnosti: jetnolingvisticheskij slovar' / Pod obshh. red. N.I. Tolstogo. V 5-ti tomah [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary / Under the general editorship N.I. Tolstoy. In 5 volumes]. M.: «International relationships», 2009. Volume. 4. P. 168. (In Russ.)

Trut V.P. Kazaki terskie [Terek Cossacks]. Narody Juga Rossii: Jenciklopedicheskij slovar' / Pod red. A.A. Ozerova [Peoples of the South of Russia: Encyclopedic Dictionary / Edited by A.A. Ozerova]. Rostov-na-Donu: «Science and Education Foundation», 2016. P. 259–262. (In Russ.)

Jenciklopedija sueverij / Sost. Je. i M.A. Rjedford, E. Minenok; per. D. Gajduk [Encyclopedia of superstitions / Comp. E. and M.A. Radford, E. Minenok; translation by D. Gaiduk]. M.: Myth: Lockeed, 1995. 560 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.15

А.И. Коваль

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. ИЗ РАЗМЫШЛЕНИЙ НАД ПЕРЕВОДОМ КНИГИ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ» ДАРРЕНА ДЖ. ЛИЛЛЕКЕРА

Аннотация. *В современном обществе политическая коммуникация становится все более значимым и оттого интересным объектом для изучения. Текущие глобальные и локальные геополитические события и конфликты вынуждают людей, имеющих влияние на политическую жизнь, все чаще публично реагировать на происходящее. Информационная борьба, наиболее активные фазы которой, казалось, пришлись на третью четверть XX в., снова разгорается и представляет собой пока еще не завершенный, но важный материал для дальнейшего научного изучения.*

В этом контексте особую актуальность приобретают современные монографии, посвященные осмыслению феномена политической коммуникации. Одна из них – переведенная на русский язык книга Даррена Дж. Лиллекера «Политическая коммуникация. Ключевые концепты».

Ключевые слова: *политика; коммуникация; политическая коммуникация; Дж. Лиллекер; энциклопедический сборник.*

Коваль Андрей Игоревич – студент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). Россия, Москва.
E-mail: terfetum@mail.ru

Koval A.I. Political communication in the Modern World. Reflecting on the translation of «Political Communication» by Darren J. Lillecker

Abstract. *In modern society, political communication is becoming an increasingly important and therefore interesting object to study. Current global and local geopolitical events and conflicts are forcing people who have influence on political life to react publicly to what is happening more and more often. The information struggle, the most active phases of which seemed to have occurred in the third quarter of the twentieth century, is flaring up again and represents important, though not yet completed, material for further scientific study.*

In this context, modern monographs devoted to understanding the phenomenon of political communication are of particular relevance. One of them is the book translated into Russian by Darren J. Lilleker «Political Communication. Key Concepts».

Keywords: *politics; communication; political communication; J. Lilleker; encyclopedic collection.*

Koval Andrey Igorevich – student, Russian State University for the Humanities (RSUH). Russia, Moscow.
E-mail: terfetum@mail.ru

Книга Даррена Дж. Лиллекера «Политическая коммуникация. Ключевые концепты» вышла в 2006 г. в Англии, в 2010 г. была переведена на русский язык, а в 2021 г. переиздана в издательстве «Гуманитарный центр». Издание книги – совместная работа специалистов по политической коммуникации и переводчиков Санкт-Петербурга и Харькова. Несмотря на то, что написана она была относительно давно, она стоит того, чтобы о ней рассуждать именно сегодня.

По словам автора, идея книги возникла благодаря его студентам – бакалаврам факультета политической коммуникации Борнмутского университета, которым не хватало учебника, описывающего основные понятия в области политической коммуникации. Книга имеет энциклопедическую структуру и содержание. В разделе «Как использовать эту книгу», автор раскрывает назначение своей работы. Согласно его замыслу: «Во-первых, книгу можно использовать как учебник, чтобы ознакомиться с политической коммуникацией во всех её формах. Во-вторых… её можно использовать в качестве справочника и для консультаций касательно значений терминов и их практического применения». То есть, с одной стороны, книга должна помочь новичкам в области политической коммуникации разобраться с терминами и концептами новой для них области, с другой – служить справочником для специалистов при подготовке к дебатам, лекциям или необходимости уточнить значение одного из перечисленных в книге явлений [Лиллекер 2021, с. 35–36].

Автор признает возможность деактуализации со временем некоторых приведенных в книге примеров, мнений и концептов. Поэтому он призывает читателей дополнять полученные из книги базовые знания актуальными примерами и анализировать политическую коммуникацию, встречающуюся в повседневности.

Книга не имеет вывода, поскольку не представляет из себя законченного исследования. Она заканчивается 52-й главой, раскрывающей феномен виртуальной политики, за которой следует список литературы. Интересно мнение об успешности рецензируемой нами работы ее научного редактора, док-

тора психологических наук, профессора СПбГУ О.С. Дейнеки. Согласно ему, книга не только выполняет заявленные автором функции, но также «стимулирует потребителя информации уйти от безразличия, проявлять поисковую активность, осознать психологическое закулисье политической коммуникации» [Лиллекер 2021, с. 7–8].

Научный редактор признает спорность некоторых позиций автора, но считает, что книга в целом написана хорошо, и, благодаря интересно поставленным вопросам, информативному содержанию и научно-популярному языку изложения должна быть востребована не только специалистами, но и широким кругом читателей.

Многие понятные на первый взгляд явления автор раскрывает под неожиданным углом, позволяя взглянуть на них по-новому. Например, в одной из глав Дж. Лиллекер раскрывает имидж как феномен эпохи Постмодерна. По мнению автора, необходимость грамотно выстраивать свой информационный образ возникла вследствие развития СМИ и информационных технологий, ранее же электорат в большей степени обращал внимание прежде всего на политический опыт и намерения кандидата, а уже потом – на его личность.

Богат и спектр тем, описывающих политическую коммуникацию. Среди них – эстетизация, установление новостной повестки дня, брэндинг, цинизм, консьюмеризм, упрощение [политики], интернет-политика, глобализация, имидж, терроризм, инфотеймент, политическая реклама, производство согласия, сегментация и т.д.

К достоинствам книги относится и ее медиатизированность. Текст снабжен ссылками, таблицами и изображениями там, где это необходимо. Таким образом улучшается восприятие содержания, конкретизируются некоторые понятия, вследствие чего читатель в сжатом виде получает максимум необходимой информации для первичного знакомства с явлением.

Особенно интересен взгляд автора на те события, в которых взгляд исследователя и преподавателя совмещается со взглядом современника; именно поэтому некоторые главы книги (всего их 52) поистине публицистичны.

Так, говоря о серии террористических актов в Нью-Йорке 11 сентября 2021 г., Лиллекер пишет: «В контексте событий 11 сентября 2001 года терроризм можно охарактеризовать как наиболее сильную и влиятельную форму политической коммуникации» [Лиллекер 2021, с. 84–85]. О том, что терроризм – это не просто убийство мирных граждан, а способ управления социумом, писали и современные отечественные ученые [Одесский, Фельдман 2012]. Однако они размышляли в историческом ключе, описывая террор прошлых лет (якобинцы во Франции, народовольцы в России и т.п.). В данном же случае феномен терроризма анализируется преимущественно на примерах исламских террористических группировок.

Стоит отметить, что работа несет на себе отпечаток времени ее создания. В 2006 г. Интернет не приобрел такого масштабного значения как с точки зрения влияния на медиа, так и с точки зрения развития политической коммуникации. Поэтому приводимые примеры и разбираемые концепты относятся преимущественно к форматам телевидения, радио или газеты. Но, вопреки мнениям скептиков, традиционные формы СМИ, и прежде всего телевидение, по-прежнему играют значительную роль в формировании массового сознания – и потому выводы Лиллекера не устарели.

Книга актуальна еще и потому, что ее автору удалось выделить концепты, являющимися ключевыми и на сегодняшний день. В современную гипермедиатизированную эпоху высок уровень информационного шума, и вместе с тем развит плюрализм мнений. Возможность высказываться имеет каждый, но не каждый имеет необходимый минимум знаний, чтобы высказываться грамотно или грамотно воспринимать информацию. Особенно остро эта проблема проявляется в политической полемике, где идейная и терминологическая путаница может не только дискредитировать говорящего, но и запутать его аудиторию.

Книга Дж. Лиллекера, являясь справочно-популяризаторским сборником знаний в области политической коммуникации, способна решить эту проблему. Человек, прочитавший её сегодня, поймет ключевые концепты политической коммуникации, научится проводить между ними взаимосвязь и будет лучше ориентироваться в современном политическом информационном пространстве.

Работа представляет интерес и в качестве самостоятельного базового материала для проведения дальнейших исследований. Конечно, современные исследователи политической коммуникации могут актуализировать работу Дж. Лиллекера, дополнив и освежив её современными примерами и концептами. Однако основной смысл этой книги – великолепного справочно-популяризаторского пособия, освещающего актуальные концепты политической коммуникации – остался неизменным.

Библиография

Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2021. 304 с.

Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор. М.: РОССПЭН, 2012. 263 с.

References

Lilleker D. Politicheskaja kommunikacija. Kljuchevye koncepty [Political communication. Key concepts.]. Har'kov: Izd-vo «Gumanitarnyj centr», 2021. 304 p.

Odesskij M.P., Fel'dman D.M. Pojetika vlasti. Tiranoborchestvo. Revoljucija. Terror [The poetics of power. Tyrannoclasm. Revolution. Terror]. Moscow: ROSSPEN, 2012. 263 p.

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.16

М.Б. Раренко

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА МЕТАТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. *В статье рассматривается актуальная на сегодняшний день для многих научных изданий на русском языке проблема перевода метатекста на английский. К метатексту относятся название научной статьи, ФИО автора, его аффилиация и другая информация об авторе (ученая степень, звание, занимаемая должность), аннотация к статье, ключевые слова, сноски, список литературы, ссылка на статью в случае ее цитирования, а также благодарности и приложения. Наибольшую проблему для перевода представляют аннотация к статье и ключевые слова. Перевод метатекстов должен учитывать целевую аудиторию и быть ориентирован на нее, поэтому при переводе аннотации особое внимание должно уделяться принятым в принимающей культуре речевым нормам (так называемым «первичным речевым жанрам» (по М.М. Бахтину)). Цель статьи – исследовать стратегии перевода метатекстов в современных российских научных журналах и пригласить научное сообщество к дискуссии на заявленную тему.*

Ключевые слова: *перевод; метатекст; стратегия перевода; аннотация; научный текст; IMRAD; адаптация.*

Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела языкознания,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук. Россия, Москва.
E-mail: rarenco@rambler.ru

Rarenko M.B. On translation strategy of metatexts into English in the scientific journals: Russian and foreign experience

Abstract. *The article deals with the problem of translating metatext into English, which is currently relevant for many scientific publications in Russian. The metatext includes the title of the scientific article, the full name of the author, their affiliation and other information about the author (academic degree, title, position), abstract to the article, keywords, footnotes, references, a link to the article if it is cited, as well as acknow-*

edgements and appendices. The greatest problem for translation is the abstract to the article and keywords. The translation of metatexts should take into account the target audience and be focused on it, therefore, when translating the abstract, special attention should be paid to the speech norms accepted in the host culture (the so-called «primary speech genres» (as defined by M.M. Bakhtin)).

The purpose of the article is to explore the strategies for translating metatexts in modern Russian scientific journals and encourage the scientific community to discuss the issue.

Keywords: *translation; metatext; translation strategy; annotation; scientific text; IMRAD; adaptation.*

Rarenko Maria Borisovna – PhD in Philology, Leading Researcher of Linguistics Department of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow.
E-mail: rarenco@rambler.ru

Введение

Сегодня проблема перевода метатекста по-прежнему стоит остро в связи с тем, что, желая заинтересовать потенциальных зарубежных читателей, большинство русскоязычных научных журналов разной направленности – от вопросов физики до философии – активно практикуют перевод на английский язык названий статей, аннотаций и ключевых слов к публикуемым статьям. Решение, безусловно, правильное, поскольку, несмотря на довольно большой по-прежнему интерес к России и русскому языку, немногие иностранные ученые владеют русским языком в достаточной мере для чтения научных статей. Наличие аннотаций на английском языке позволяет авторам русскоязычных публикаций познакомить ученых в других странах с проблематикой исследований российских ученых, поскольку на сегодняшний день именно английский язык признается языком научного общения [Рю 2017; Трошина 2022; Хачко, Дивильковская, Руднева 2017]. В то же самое время следует признать, что перевод метатекстов с русского языка на английский представляет серьезную проблему для российских ученых [Базанова 2016].

Поводом для написания статьи стал личный опыт автора настоящей статьи, вынужденного идти на компромисс с самим собой при переводе аннотаций к научным статьям. С одной стороны, аннотация на английском языке – это надежда, что зарубежные коллеги заинтересуются разрабатываемой автором статьи темой, а с другой – связана с постоянными сомнениями, правильно ли они поймут сказанное в аннотации, достаточно ли конкретно представлены предмет исследования, цели и задачи, адекватно ли передано содержание статьи.

Язык для специальных целей как объект лингвистического исследования

Язык научных публикаций – язык научного дискурса, для которого характерны своя лексика и особый синтаксис, специфика изложения материала. Жанр научной статьи ограничивает автора в композиции, поскольку статье свойственна строгая последовательность изложения материала, которой подчиняется отбор языковых средств, необходимых для выражения идей (более подробно см.: [Исакова 2013; Котюрова, Соловьева 2017; Роботова 2007]).

Как правило, текст научной статьи – своеобразный отчет ученого о проделанной им работе: проведенном эксперименте, анализе материалов и пр. Современное научное знание направлено на то, чтобы как можно точнее описать предмет исследования, поэтому многие ученые работают в междисциплинарном поле, пользуясь достижениями коллег в смежных отраслях и используя разработанный ими терминологический аппарат.

Структура научной статьи

Следует признать, что жесткая структура статей практикуется сегодня в первую очередь журналами естественнонаучного профиля, как российскими, так и зарубежными, однако и в журналах гуманитарного профиля многие издательства, хотя и стремятся к унификации структуры статей, апеллируя к классической структуре, известной как IMRAD[1], но в целом позволяют авторам самостоятельно определять структуру статьи. При этом единственным, как правило, пожеланием-требованием является разделение статьи на разделы, включающие «Введение» и «Заключение» («Выводы»). Помимо указанных разделов, для статьи обязательными элементами являются: Title (название), Authors (авторы), Keywords (ключевые слова), Abstract (аннотация), Conclusions (выводы) и References (список литературы). В статью также могут быть включены Acknowledgements (благодарности) и Appendices (приложения) (см., например, требования ведущих научных журналов по лингвистике и теории и практике перевода).

Метатекст: определение и функции

Помимо непосредственно самого текста статьи, к статье прилагается метатекст, который представляет собой «текст в тексте». Задача метатекста

1. IMRAD – аббревиатура, составленная по первым буквам разделов, которые необходимо отразить в научной статье: Introduction (введение) – Materials and Methods (материалы и методы, которые использовались при написании статьи) – Results (результаты) – Discussion (дискуссия, или обсуждение).

(к нему относятся название научной статьи, ФИО автора, его аффилиация и другая информация об авторе (ученая степень, звание, занимаемая должность), аннотация к статье, ключевые слова, сноски, список литературы, ссылка на статью в случае ее цитирования, а также благодарности и приложения) заключается в том, чтобы представлять текст и способствовать пониманию его значения среди других текстов [Вежбицка 1978; Гальперин 2007; Гурочкина 2009; Иванов 2007].

Будучи вторичным текстом, аннотация к научной статье в большинстве случаев создается автором статьи и кратко излагает основное ее содержание: «аннотация – это независимый от статьи источник информации, который оформляется после окончания работы над основным текстом статьи и включает характеристику основной темы, проблемы, цели работы и ее результаты. В ней указывают, что нового несет в себе данный документ по сравнению с другими, родственными по тематике и целевому назначению» [Иноземцева, Евстафиади 2016, с. 92].

По объему, форме и структуре аннотации могут довольно значительно различаться. Так, некоторые научные издания строго ограничивают объем аннотации, например – от «не более 500 знаков с пробелами» до «до 500 слов». В целом, аннотация должна отражать структуру статьи, однако она в то же самое время должна вызвать интерес читателя и побудить его к прочтению статьи, поэтому содержание статьи представляется в обобщенном виде, а результаты и выводы, к которым приходит автор, не излагаются подробно [Васильева 2016; Иноземцева, Евстафиади 2016].

Перевод метатекста

Перевод метатекста (в первую очередь названия статьи, аннотации и ключевых слов) с русского языка на английский представляет весьма серьезную трудность в связи с рядом проблем. Во-первых, необходимо четко определить «потребителя» англоязычного метатекста. Поскольку английский язык сегодня справедливо считается языком международного, в том числе научного, общения, то метатекст на английском языке одновременно предназначается как для читателей, для которых английский язык является родным, так и для тех, для которых он, как и для русскоязычных авторов, является языком-посредником.

Во-вторых, представляется принципиально важным вопрос о том, какой стратегии следует придерживаться при переводе метатекста на английский язык: нужно ли учитывать принятые в англоязычном научном сообществе правила построения названия статьи, написания аннотации и пр. или же руководствоваться сложившимися в российском научном сообществе (напомним, мы говорим о переводе метатекста на английский язык в российских научных журналах).

Если избирается первая стратегия, то в процессе перевода следует обращать больше внимание на «содержательный» аспект метатекста. Как показывает анализ аннотаций к статьям в научных журналах, в них часто используются термины без расшифровки значений и сокращения (часто в целях экономии места): *«… Так, для анализа систематической реакции регулятора мы проводим оценку стандартной постановки правила Тейлора с помощью МНК. Для анализа роли дискреционной составляющей рассматриваем шоки монетарной политики как остатки правила Тейлора. С помощью методологии локальной проекции (local projection) оцениваем импульсные отклики компонент инфляции потребительских и промышленных товаров на идентифицированные шоки ДКП на основе правила Тейлора. Результаты оценки свидетельствуют о выполнении правила Тейлора в России в период инфляционного таргетирования...»*. Такой подход вполне закономерен, поскольку научная статья имеет вполне определенный круг адресатов, знакомых как с терминологией, так и принятыми в российском сообществе аббревиатурами. Однако, на наш взгляд, при переводе аннотаций на английский язык термины необходимо, по возможности, пояснять, особенно в том случае, если термины не являются общепризнанными или являются малоупотребительными; аббревиатуры и другие виды сокращений, особенно те, которые отражают реалии российской действительности, следует расшифровывать.

Выбор первой стратегии представляется вполне закономерным (и именно он сегодня используется редколлегиями российских журналов), поскольку в большинстве своем российские исследователи ориентированы на то, чтобы информировать иностранных коллег о том, что происходит в российской науке, какие проблемы российские ученые считают особенно актуальными.

При выборе второй стратегии задача усложняется, потому что перед автором статьи встает задача представить метатекст так, как это принято в зарубежных журналах и в зарубежной научной культуре, и тогда приходится метатекст адаптировать к целевой аудитории.

Адаптация при переводе метатекста

Под «адаптацией» в переводоведении понимают довольно широкий спектр явлений. В самом общем смысле адаптация – кардинальное переводческое преобразование, в процессе которого изначальный текст подвергается такой интерпретации (на формальном и / или смысловом уровнях), что делает его доступным для восприятия целевой читательской аудиторией. В нашем случае для удобства восприятия англоязычной аудитории адаптации подвергаются, в первую очередь, название статьи и аннотация.

В статьях, рассматривающих особенности перевода отраслевых текстов, внимание авторов неоднократно привлекали вопросы перевода названий

научных статей с русского языка на английский. Отмечается, что согласно российской традиции, когда в статье гуманитарного профиля освещается какой-то аспект проблемы (а чаще всего именно так и происходит), название статьи непосредственно на это указывает: *«К вопросу о…», «К проблеме о…»*, т.е. лексическая единица «вопрос» или «проблема» вводится в название статьи. Также русскоязычные авторы часто используют слова с абстрактной общенаучной семантикой в названиях: *значение, подход, изучение, использование, метод, оптимизация*, подчеркивая важность обсуждаемого в статье вопроса: «Значение машинного перевода в глобализированном мире» или «Оптимизация хирургического лечения варикозной болезни нижних конечностей». В англоязычном переводе таким заголовкам соответствуют следующие: *«Machine translation in the globalized world» или «Surgical treatment enhancement for patients with varicose disease of lower extremities»,* на что неоднократно указывается в работах по переводу (см., например: [Науменко Стеблецова 2019; Рябцева 2019; Рябцева 2020; Раренко 2020]).

При адаптации русскоязычной аннотации к научной статье для англоязычной аудитории аннотации составляются заново. Обратим внимание на то, что русской лексеме «аннотация» соответствует английская «abstract»[2].

По форме и подаче материала англоязычные аннотации могут отличаться и опираются на рекомендации, разработанные редколлегиями, однако в большинстве случаев предлагается придерживаться структуры статьи (IMRAD): background and aims, methods, results, conclusions and implications (см., напр.: [Печатные журналы МГОУ]).

Обращает на себя внимание форма подачи материала в аннотациях. В русскоязычных аннотациях чаще встречаются безличные или обобщенно личные конструкции, реже страдательные обороты, используются глагольные формы преимущественно в форме прошедшего времени.

В англоязычных аннотациях авторы часто используют личные конструкции с местоимениями первого лица единственного или множественного числа, пассивный залог, чаще глагольные формы в Present Perfect Tense и Simple Tense, чем в Present Simple Tense. К часто используемым синтаксическим клише относятся: «*This paper presents, the role … is emphasized, the value of the research is discussed, using this methodology, it has been identified as, the present*

2. Некоторые авторы разделяют понятия «аннотация» и «абстракт-текст» на том основании, что «аннотация всегда расположена перед текстом статьи, в то время как абстракт-текст может публиковаться отдельно от основного текста. Кроме этого, абстракт-текст содержит все основные практические выводы исследования, которые изложены в статье, и повторяет его структуру, аннотация же лишь дает краткий обзор о проблематике исследования» [Иноземцева, Евстафиади 2016, с. 92].

study aimed to develop … and to provide data for, it was administered to, normative data revealed (developmental progression in performance), it can also be used in research and practice as (a benchmark against which to compare)» и пр.

Как отдельную проблему перевода следует отметить перевод терминологии, используемой авторами научных статей. Приведем лишь один пример, поскольку вопрос о переводе терминологии заслуживает, на наш взгляд, отдельного рассмотрения. Термин «языковая личность» сегодня в российский науке довольно распространен. Его впервые использует в своей в книге «О языке художественной прозы» (1930) академик В.В. Виноградов, однако термин начинает активно использоваться благодаря Ю.Н. Караулову, который в работе «Русский язык и языковая личность» (1987) рассматривает языковую личность, с одной стороны, как «…совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1987, с. 245], с другой – как «личность, выраженную в языке (текстах) и через язык, … личность, реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 1987, с. 38]. Сегодня при переводе термина на английский язык обычно используется словосочетание «language personality», однако, настолько удачным является такой перевод, вопрос остается открытым.

Отметим, что редколлегии ряда российских научных изданий не требуют от авторов статей, присылаемых в редакции журналов, перевода названия статьи, ключевых слов и выражений, аннотации на английский язык, «*но автор по желанию может предложить свои рекомендации для перевода на английский язык ее фрагментов в целях употребления принятых в научной англоязычной литературе выражений*» [Вестник МГУ].

Заключение

Как показывает анализ метатекстов на английском языке при русскоязычных статьях в современных российских научных журналах, сегодня происходит совмещение двух стратегий перевода. Представляется, что это не осознанный выбор авторов статей или редколлегии, а попытка совместить желаемое и реальное – осознание, с одной стороны, необходимости ориентироваться на зарубежного читателя, привыкшего к уже сложившимся правилам представления метатекста, а с другой – недостаточное владение российскими авторами английским языком и отсутствие навыков (точнее, достаточного опыта) написания англоязычного метатекста.

Библиография

Базанова Е.М. Научная публикация: писать на английском языке или переводить? // Научный редактор и издатель. 2016. Т. 1. № 1–4. С. 17–24.

Васильева П.А. Особенности написания аннотации на английском языке к научно-технической статье для публикации в международном журнале // Современное образование : содержание, технологии, качество. 2016. Т. 2. С. 124–126.

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. 477 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.

Гурочкина А.Г. Метаязык, метакоммуникация, метатекст (к объему содержания понятий) // Когнитивные исследования языка. Вып. 5. Исследование познавательных процессов в языке. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 52–57.

Иванов Н.В. Интертекст – метатекст: культура, дискурс, язык // Языковые контакты: структура, коммуникация, дискурс. М.: Книга и бизнес, 2007. С. 43–50.

Иноземцева Н.В., Евстафиади О.В. Аннотация vs абстракт-текст: основные сходства и различия // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 1. С. 91–93.

Исакова Л.Д. Лингвистический аспект научной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 4 (664). С. 91–99.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.

Котюрова М.П., Соловьева Н.В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений). Пермь: Пермский гос. национальный исследовательский ун-т, 2017. 203 с.

Науменко Ю.Н., Стеблецова А.О. Лингвокультурная адаптация в заголовках научных медицинских статей // Языковая картина мира в зеркале перевода : Сб. научных трудов / Отв. ред. О.О. Борискина. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019. С. 183–190.

Подача статьи // Вестник Московского университета. Серия 8. История. URL: http://vestnikhist.ru/for-authors/conditions/ (дата обращения: 02.12.2023).

Раренко М.Б. Особенности медицинского перевода // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2020. № 3. С. 48–61.

Роботова А.С. О языке научных публикаций // Вестник Герценовского университета. 2007. № 9 (47). С. 25–30.

Рю Д. Роль английского языка в международном издательском деле // Научный редактор и издатель. 2017. Т. 2. № 1. С. 14–18.

Рябцева Н.К. Названия научных публикаций на английском языке: дидактический и методологический аспект // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. Институт языкознания Российской академии наук. М., 2019. С. 191–202.

Рябцева Н.К. Общенаучные понятия в названиях научных публикаций на русском языке и их перевод на английский язык: контрастивный анализ // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2020. № 1 (12). С. 204–227.

Сайт экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: www.econ.msu.ru/ (дата обращения: 03.12.2023).

Содержание, оформление и рецензирование статей // Печатные журналы МГОУ. URL: https://vestnik-mgou.ru/Home/ForAuthors#p2 (дата обращения: 02.12.2023).

Трошина Н.Н. Интернационализация науки и языковая диверсификация научного дискурса // Русская германистика : Ежегодник Российского союза германистов. 2022. Т. 19. С. 325–341.

Хачко О.А., Дивильковская Т.Ю., Руднева Т.Н. Язык научных статей и доступность научных публикаций для мирового научного сообщества // Информация в современном мире. Материалы Международной конференции, посвященной 65-летию ВИНИТИ РАН. 2017. С. 348–349.

Guidelines // John Benjamins Publishing Company. URL: https://benjamins.com/catalog/ap/guidelines (дата обращения: 03.12.2023).

Submissions // International journals of linguistics and translation studies. URL: https://ijlts.org/index.php/ijlts/about/submissions (дата обращения: 03.12.2023).

References

Bazanova E.M. Nauchnaja publikacija: pisat' na anglijskom jazyke ili perevodit'? [Scientific publication: write in English or translate?]. Nauchnyj redaktor i izdatel' [Scientific editor and publisher]. 2016. Vol. 1. N 1–4. P. 17–24. (In Russ.)

Vasil'eva P.A. Osobennosti napisanija annotacii na anglijskom jazyke k nauchno-tehnicheskoj stat'e dlja publikacii v mezhdunarodnom zhurnale [Features of writing an annotation in English for a scientific and technical article for publication in an international journal]. Sovremennoe obrazovanie : soderzhanie, tehnologii, kachestvo [Modern education: content, technology, quality]. 2016. Vol. 2. P. 124–126. (In Russ.)

Vezhbicka A. Metatekst v tekste [Metatext in the text]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike [New in foreign linguistics. Issue 8. Text Linguistics]. Vypusk 8. Lingvistika teksta. Moscow: Progress, 1978. 477 p. (In Russ.)

Gal'perin I.R. Tekst kak ob’ekt lingvisticheskogo issledovanija [Text as an object of linguistic research]. Moscow: KomKniga, 2007. 144 p. (In Russ.)

Gurochkina A.G. Metajazyk, metakommunikacija, metatekst (k ob”emu soderzhanija ponjatij) [Metalanguage, metacommunication, metatext (to the scope of the content of concepts)]. Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. 5. Issledovanie poznavatel'nyh processov v jazyke [Cognitive Studies of Language. Issue. 5. Study of cognitive processes in language]. Moscow: Institut jazykoznanija RAN; Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2009. P. 52–57. (In Russ.)

Guidelines. John Benjamins Publishing Company. URL: https://benjamins.com/catalog/ap/guidelines (date of access: 03.12.2023).

Ivanov N.V. Intertekst – metatekst: kul'tura, diskurs, jazyk [Intertext – metatext: culture, discourse, language]. Jazykovye kontakty: struktura, kommunikacija, diskurs [Language contacts: structure, communication, discourse]. Moscow: Kniga i biznes, 2007. P. 43–50. (In Russ.)

Inozemceva N.V., Evstafiadi O.V. Annotacija vs abstrakt-tekst: osnovnye shodstva i razlichija [Abstract vs abstract text: main similarities and differences]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2016. N 7(61): In 3-h vol. Vol. 1. P. 91–93. (In Russ.)

Isakova L.D. Lingvisticheskij aspekt nauchnoj kommunikacii [Linguistic aspect of scientific communication]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of the Moscow State Linguistic University]. 2013. N 4 (664). P. 91–99. (In Russ.)

Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and language personality]. Moscow: Nauka, 1987. 261 p. (In Russ.)

Kotjurova M.P., Solov'eva N.V. Sovremennyj nauchnyj tekst (skvoz' prizmu diskursivnyh izmenenij) [Modern scientific text (through the prism of discursive changes)]. Perm': Permskij gos. nacional'nyj issledovatel'skij un-t, 2017. 203 p. (In Russ.)

Naumenko Ju.N., Steblecova A.O. Lingvokul'turnaja adaptacija v zagolovkah nauchnyh medicinskih statej [Linguistic and cultural adaptation in the headings of scientific medical articles]. Jazykovaja kartina mira v zerkale perevoda: Sb. nauchnyh trudov [Linguistic picture of the world in the mirror of translation: Collection of scientific papers] / Otv. red. O.O. Boriskina. Voronezh: Izdatel'skij dom VGU, 2019. P. 183–190. (In Russ.)

Podacha stat'i [Submitting an article]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. URL: http://vestnikhist.ru/for-authors/conditions/ (date of access: 02.12.2023). (In Russ.)

Rarenko M.B. Osobennosti medicinskogo perevoda [Peculiarities of medical translation]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 6: Jazykoznanie. Referativnyj zhurnal [Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 6: Linguistics]. 2020. N 3. P. 48–61. (In Russ.)

Robotova A.S. O jazyke nauchnyh publikacij [On the language of scientific publications]. Vestnik Gercenovskogo universiteta [Bulletin of Herzen University]. 2007. N 9 (47). P. 25–30. (In Russ.)

Rju D. Rol' anglijskogo jazyka v mezhdunarodnom izdatel'skom dele [The role of the English language in international publishing]. Nauchnyj redaktor i izdatel' [Scientific editor and publisher]. 2017. Vol. 2. N 1. P. 14–18. (In Russ.)

Rjabceva N.K. Nazvanija nauchnyh publikacij na anglijskom jazyke: didakticheskij i metodologicheskij aspekt [Titles of scientific publications in English: didactic and methodological aspect]. Lingvistika i metodika prepodavanija inostrannyh jazykov. Periodicheskij sbornik nauchnyh statej. Jelektronnoe nauchnoe izdanie [Linguistics and methods of teaching foreign languages. Periodical collection of scientific articles]. Moscow: Institut jazykoznanija Rossijskoj akademii nauk, 2019. P. 191–202. (In Russ.)

Rjabceva N.K. Obshhenauchnye ponjatija v nazvanijah nauchnyh publikacij na russkom jazyke i ih perevod na anglijskij jazyk: kontrastivnyj analiz [General scientific concepts in the titles of scientific publications in Russian and their translation into English: a contrastive analysis]. Lingvistika i metodika prepodavanija inostrannyh jazykov [Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages]. 2020. N 1 (12). P. 204–227. (In Russ.)

Sayt ekonomicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova [Website of the Faculty of Economics of Moscow State University]. URL: www.econ.msu.ru/ (date of access: 03.12.2023). (In Russ.)

Troshina N.N. Internacionalizacija nauki i jazykovaja diversifikacija nauchnogo diskursa [Internationalization of Science and Linguistic Diversification of Scientific Discourse]. [Russkaja germanistika : Ezhegodnik Rossijskogo sojuza germanistov] [Russian German Studies: Yearbook of the Russian Union of Germanists]. 2022. Vol. 19. P. 325–341. (In Russ.)

Hachko O.A., Divil'kovskaja T.Ju., Rudneva T.N. Jazyk nauchnyh statej i dostupnost' nauchnyh publikacij dlja mirovogo nauchnogo soobshhestva [The language of scientific articles and the availability of scientific publications for the world scientific community]. Informacija v sovremennom mire. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj 65-letiju VINITI RAN [Information in the modern world. Proceedings of the International Conference dedicated to the 65th anniversary of VINITI RAS]. 2017. P. 348–349. (In Russ.)

Soderzhaniye, oformleniye i retsenzirovaniye statey [Contents, design and review of articles]. Pechatnyye zhurnaly MGOU. URL: https://vestnik-mgou.ru/Home/ForAuthors#p2 (date of access: 02.12.2023). (In Russ.)

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.17

М.Ю. Бобков

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Аннотация. *Социальная безопасность – это сложное комплексное понятие, которое научные дисциплины освещают неоднородно. В статье анализируется коллективная монография «Социальная безопасность и защита человека в современном российском социуме», вышедшей в 2022 г. третьим изданием. Монография посвящена теоретико-методологическому описанию проблем социальной безопасности, а также путям ее практической реализации. Представлены взгляды на понятие «социальная безопасность» со стороны разных дисциплин, таких как социология, культурология, право, психология. В ходе работы коллективом авторов был проанализирован разнообразный материал из отечественных и зарубежных источников. Перед нами первое подобное издание, обобщающее опыт осмысления социальной безопасности разными научными дисциплинами и социальными практиками.*

Ключевые слова: *социальная безопасность; общественная реальность; социальная защита; защита человека; современный российский социум.*

Бобков Михаил Юрьевич – магистрант, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). Россия, Москва.
E-mail: bobkov-misha@mail.ru

Bobkov M.Yu. **Social Security in the Modern World: Approaches to Study**

Abstract. *Social security is a complex comprehensive concept that is heterogeneously covered by academic disciplines. This article examines the collective monograph «Social Security and Human Protection in the Modern Russian Society», published in 2022 in its third edition. It is devoted to the problems of social security, its theoretical and methodological description and practical realization; the views on the concept of «social security» from different disciplines such as sociology, cultural studies, law, psychology are presented. In the course of the work, the team of authors analyzed a variety of materials from domestic and foreign sources. This is the first such publication summarizing the experience of understanding social security by different academic disciplines and social practices.*

Keywords: *social security; social reality; social protection; human protection; Russian modern society.*

Bobkov Mikhail Yurievich – student, Russian State University for the Humanities (RSUH). Russia, Moscow.
E-mail: bobkov-misha@mail.ru

Монография «Социальная безопасность и защита человека в современном российском социуме» написана коллективом авторов из Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ). Она разделена на две части: теоретико-методологическую и практическую, в которой речь идет о современных практиках в сфере социальной безопасности и защиты человека на территории Российской Федерации.

В первом разделе коллективной монографии авторы видят своей целью подробнейшим образом рассмотреть понятие «социальная безопасность», а также смежные с ним категории «общественная реальность», «социальная защита» и «защита человека». Чтобы дать наиболее корректное и полное определение такому многомерному понятию, как «социальная безопасность», авторский коллектив ставит перед собой задачу описать понимание этой категории разными сферами науки. Так, если политология понимает социальную безопасность как «деятельность властей, властных органов, направленную на достижение поставленных задач по обеспечению защищенности личности, общества и государства» [Костюченко 2017, с. 207], то экономическая наука видит в ней «систему издержек, необходимых для функционирования экономики, предприятий, рынка труда» [Плотников 2004, с. 27]. Для социологии это очень широкое понятие, но обобщенно социальная безопасность состоит в «надежной защищенности жизненно важных интересов социальных субъектов, сохранении и развитии человеческого потенциала, систем жизнеобеспечения людей, непреходящих ценностей их образа жизни, нравственного поведения и деятельности». В психологии же социальная безопасность связана «с восприятием им имеющихся угроз и возможностей их снижения» [Социальная безопасность 2022, с. 16].

Вышедшая в 2022 г. в Москве коллективная монография «Социальная безопасность и защита человека в современном российском социуме» актуальна и уникальна, поскольку перед нами первая масштабная попытка систематизации определений. Кроме того, авторы не только описывают определения, но и делают попытку систематизации их восприятия. И приходят к выводу, что во всех определениях содержится компонент, сводящий социальную безопасность – «в сочетании с другими компонентами национальной безопасности» – к тому, что «способствует стабильному существованию и развитию общества. Однако, по утверждению авторов, такой подход явно не-

достаточен ввиду «сложности темы и недостаточности её научного исследования» [Социальная безопасность 2022, с. 23, 252].

Во введении упоминается, что содержание понятия «социальная безопасность» не константно, оно постоянно расширяется и дополняется, поскольку умножаются риски, с которыми сталкивается или может столкнуться российское общество. Однако следует отметить, что несмотря на крайне нестабильную ситуацию в мире, существуют вневременные ценности, в череде которых «социальная безопасность» занимает одно из первых мест. Авторы ставят перед собой цель дать определение этому понятию, но не дают его – и это первый серьезный минус обсуждаемой книги.

Стоит отметить, что несмотря на очень качественный теоретико-методологический анализ в монографии присутствует и спорная аргументация. Так, во второй главе первого раздела – «Научное представление о новой общественной реальности» – обсуждается переход от советской экономической модели к рыночной, и в связи с этим – изменения в восприятии понятия «социальная безопасность». Утверждается, что этот переход еще не завершен. Аргументируется этот тезис тем, что «еще живо поколение тех, кто рос, учился и работал в советское время» [там же, с. 25]. Между тем тезис о том, что и на территории бывшего СССР, и во всем мире давно уже строится «постиндустриальное общество», кажется, не оспаривается современной наукой.

Второй раздел монографии посвящен важности социальной безопасности в современном обществе. Основная задача авторов в этой части монографии – выявить проблемы и недостатки, препятствующие эффективной социальной защите человека в современном российском социуме, и предложить пути их решения. Авторы демонстрируют важность и актуальность заданной проблемы на материалах, в частности, Пермского края.

В этой части представлены разнообразные методы регулирования проблем в сфере социальной безопасности и защиты прав человека. В ходе исследования авторами описан опыт информационного обеспечения безопасности для преодоления социальной изоляции и препятствия потере трудового потенциала населения из-за нарушения здоровья. «Активность субъекта является важным механизмом и внутренним ресурсом совладания со стрессом, ресурсом психической и физической безопасности в условиях напряженного труда, насыщенного коммуникациями» [там же, с. 147].

В том же разделе описываются права человека и способы их защиты, включая защиту прав и интересов детей в возможных спорах о них. Так, в качестве положительного примера предлагается рассмотреть статью Гражданского кодекса Франции, согласно которой невозможно вывезти ребенка-француза из страны без согласия обоих родителей. Были рассмотрены методы урегулирования семейных конфликтов и другие смежные темы.

Для повышения эффективности борьбы с разного рода угрозами были предложены различные меры, включая улучшение законодательства, общественный контроль и государственное регулирование, повышение квалификации специалистов и усиление международного сотрудничества.

Главная же задача авторов коллективной монографии состоит именно в том, чтобы собрать единую картину из разрозненных определений социальной безопасности, присутствующих в научном дискурсе. И с этой задачей они, безусловно, успешно справились.

Библиография

Костюченко Н.И. Социальное явление «безопасность» как элемент, общая функция социальных систем и подсистемы национальной безопасности государства // Общество и право. 2017. № 3. С. 206–210.

Плотников В.С. Социальная безопасность в транзитивном обществе: содержание и механизм обеспечения: дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2004. 175 с.

Социальная безопасность и защита человека в современном российском социуме. 3-е изд. М.: Дашков и К, 2022. 272 с.

References

Kostyuchenko N.I. Social'noe javlenie «bezopasnost'» kak jelement, obshhaja funkcija social'nyh sistem i podsistemy nacional'noj bezopasnosti gosudarstva. Obshhestvo i parvo [Social phenomenon «security» as an element, general function of social systems and subsystems of national security of the state. Society and Law]. 2017. N 3. P. 206–210.

Plotnikov V.S. Social'naja bezopasnost' v tranzitivnom obshhestve: soderzhanie i mehanizm obespechenija: dis. ... kand. sociol. nauk [Social security in the transitive society: content and mechanism of ensuring: diss... PhD. of Sociological Sciences]. Novosibirsk, 2004. 175 p.

Social'naja bezopasnost' i zashhita cheloveka v sovremennom rossijskom sociume: monografija [Social security and human protection in the modern Russian society: a monograph]. 3rd ed. Moscow: Dashkov and K, 2022. 272 p.

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.18

М.В. Зайцев

РЕЦ. НА: КОКОВЦОВ В.Н. БОЛЬШЕВИЗМ В ДЕЙСТВИИ. МОРАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РУИНЫ В СТРАНЕ СОВЕТОВ. НИЖНИЙ НОВГОРОД, 2023. 446 с.

Аннотация. *В рецензии освещается издание первого полного перевода книги графа В.Н. Коковцова «Большевизм в действии. Моральные и экономические руины в Стране Советов», вышедшей в 1931 г. на французском языке. Видный государственный деятель Российской империи эпохи правления Николая II, находясь в эмиграции, исследовал различные аспекты становления Советской России. Книга повествует об обстоятельствах гибели царской семьи в Екатеринбурге, о борьбе советского правительства с религией, о политике в сфере семьи, детей и образования. Также автор, занимавший пост министра финансов с 1904 по 1914 г. детально проанализировал экономическую политику государства, проводившуюся после Октябрьской революции 1917 г. Он пытался убедить европейского читателя, что большевизм привел Россию к нравственному упадку и хозяйственному разорению и что этот режим представляет опасность для других стран.*

Ключевые слова: *В.Н. Коковцов; большевизм; история СССР; Николай II; расстрел царской семьи; советская экономика.*

Зайцев Максим Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России и археологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Россия, Саратов.
E-mail: zaytsev-mv@mail.ru
Web of Science Researcher ID: D-8232-2013

Zaytsev M.V. **Review: Kokovtsov V.N. Bolshevism in action. Moral and economic ruins in the Land of the Soviets. Nizhny Novgorod, 2023. 446 p.**

Abstract. *The review examines the publication of the first complete translation of Count V.N. Kokovtsov's book «Bolshevism in Action. Moral and Economic Ruins in the Land of the Soviets», published in 1931 in French. While in exile, the prominent statesman of the Russian Empire during the reign of Nicholas II studied various aspects of the deve-*

lopment of the Soviet Russia. The book covers the circumstances of the death of the royal family in Yekaterinburg, the struggle of the Soviet government against religion, policy in the field of family, children and education. Also, the author who served as Minister of Finance from 1904 to 1914 analyzes in detail the economic policy of the state, carried out after the October Revolution of 1917. Kokovtsov tried to convince the European readers that Bolshevism had led Russia to the moral decline and economic ruin and that this regime was a danger to other countries.

Keywords: *V.N. Kokovtsov; Bolshevism; history of USSR; Nicholas II; execution of the royal family; Soviet economy.*

Zaytsev Maxim Vjacheslavovich – Saratov State University. Russia, Saratov.
E-mail: zaytsev-mv@mail.ru
Web of Science Researcher ID: D-8232-2013

Деятельность и взгляды графа В.Н. Коковцова (1853–1943) продолжают вызывать повышенное внимание исследователей, специализирующихся в самых разных областях. Его длинная и насыщенная биография содержит довольно много малоизученных сюжетов, одним из которых является активная публицистическая деятельность периода эмиграции. Относительно слабая освещенность данного вопроса связана прежде всего с тем, что большинство работ бывшего министра финансов и главы правительства Российской империи изданы за рубежом на французском языке и поэтому доступны лишь ограниченному кругу российских читателей.

В этом отношении представляется весьма важным появление рецензируемого издания [Коковцов 2023]. Перевод с французского и публикация книги «Большевизм в действии. Моральные и экономические руины в Стране Советов» (в оригинале – «Le bolchevisme à l'œuvre: la ruine morale et économique dans le pays des Soviets») выполнен доктором юридических наук Д.Л. Комягиным и А.Н. Евдокимовым, также юристом по профилю образования. Книга, впервые опубликованная в Париже в 1931 г., представляет собой основной аналитический труд Коковцова эмигрантского периода, доселе не переводившийся и почти не использовавшийся специалистами. Этот труд подвел своеобразный итог многолетней работе автора, заключающийся в анализе экономических, социальных и политических процессов, совершавшихся в Советской России.

Революция и пристальное внимание советских карательных органов заставили Коковцова отправиться в эмиграцию и поселиться во Франции в 1918 г. Там он оказался вовлечен в политическую деятельность, направленную на объединение антибольшевистских сил и поиск поддержки других стран в борьбе против режима, захватившего власть в России. Поскольку эти

усилия ощутимых результатов не приносили, в начале 1920-х годов он постепенно уходит в общественную сферу, вступая в различные организации, оказывающие помощь таким же, как он, вынужденным переселенцам. Противостояние с советской властью отныне вылилось в публикацию текстов, посвященных различным внутренним проблемам вынужденно покинутой им родины. Причем тексты эти носили ярко выраженный критический по отношению к советской власти характер. Коковцов публиковался главным образом в парижском либеральном журнале «Revue Des Deux Mondes» («Обзор двух миров»), а впоследствии эти статьи зачастую выходили еще и отдельными оттисками в виде брошюр. К настоящему моменту только одна из них – англоязычная брошюра «Пять лет большевистской диктатуры: экономический обзор», опубликованная в 1923 г., – полностью переведена на русский язык [Зайцев М.В., Ковалев М.В. 2022, с. 317–342, 428].

За период с 1923 по 1930 г. в указанном журнале было опубликовано примерно полтора десятка работ, главной целью которых, по словам автора, было «разъяснить французской публике истинное положение дел в Советской России и сказать правду о том, что представляется советскою властью как успех коммунистического хозяйства, создавшего, на самом деле, сплошное разорение страны» [Зайцев М.В., Ковалев М.В. 2022, с. 383]. На их основе Коковцов решил создать книгу, освещающую в целом ситуацию, сложившуюся в России к началу 1930-х годов. Правда не все эти тексты в равной степени использовались для создания сборника, как не совсем точно упомянул автор в своих мемуарах [Коковцов В.Н. 1992, с. 416]. Книга объединяет в основном статьи, вышедшие в «Revue Des Deux Mondes» с 1928 по 1930 г. Каждая из них стала основой для соответствующего раздела сборника, которые как правило сохраняли и заглавия статей: «Правда о екатеринбургской трагедии», «Борьба против бога», «Разрушение семьи», «Детский ад», «Провал в народном образовании», «Политика советов в отношении крестьян» и «К провалу пятилетнего плана. Экономическая анархия, рабство и нищета». Сам текст в большинстве разделов книги также повторяет содержание статей почти дословно, лишь иногда автор что-то дополняет, уточняет или вводит новые сведения. Исключение составляют два последних раздела, поскольку для их создания Коковцов существенно расширил статью «En URSS. La nouvelle offensive contre les paysans» («В СССР. Новое наступление на крестьян»), причем использовал некоторые данные из своих предшествующих работ 1923–1925 гг., в которых содержались его умозаключения по поводу финансово-экономической политики советской власти в годы военного коммунизма и НЭПа.

Открывается сборник очерком «Правда о екатеринбургской трагедии», посвященным обстоятельствам гибели семьи Николая II в июле 1918 г. Интерес Коковцова к этой теме был вызван не только его многолетним близким

знакомством с царской семьей. В 1922 г. он совместно с другими известными политическими и общественными деятелями стал одним из учредителей Союза ревнителей памяти императора Николая II. Согласно уставу, Союз был призван хранить память и светлый образ императора, знакомить русских и иностранцев с его личностью и трудами, распространять объективные представления о событиях его царствования и бороться с клеветой о царской семье. За годы участия в этой организации граф неоднократно выступал с докладами, посвященными последнему царю и его судьбе. В своем очерке Коковцов, опираясь на доступные ему данные, в том числе на известное расследование Н.А. Соколова «Убийство царской семьи», пытается доказать два важнейших тезиса. Во-первых, Временное правительство сразу после Февральской революции рассматривало возможность выезда царской семьи из России и не было против него, но, поскольку оно вынуждено было действовать под полным контролем Петроградского совета, выступавшего за показательный процесс над последним самодержцем, этот вариант оказался невозможен. Отправка Романовых на Урал стала единственной уступкой, которой Временное правительство смогло добиться у Совета, отсрочив, таким образом, неизбежный конец. Во-вторых, главная ответственность за расправу над семьей Николая II и его приближенными лежит не на Уральском областном совете депутатов, «игравшем лишь роль палача», а на принявшем принципиальное решение центральном правительстве большевиков – В.И. Ленине, Л.Д. Троцком, Г.Е. Зиновьеве, Ф.Э. Дзержинском, Я.М. Свердлове и др. Насколько основательно Коковцову удалось аргументировать оба тезиса – судить беспристрастному читателю.

Все остальные разделы призваны, как сказано в подзаголовке сборника, дать картину моральной («Борьба против бога», «Разрушение семьи», «Детский ад», «Провал в народном образовании») и экономической (два последних очерка о крестьянстве и о советской модели хозяйствования) разрухи. Об этих предметах Коковцов рассуждает не только как исследователь-теоретик, но и как человек около 30 лет проработавший в высших эшелонах российской власти и в силу этого хорошо осведомленный о различных сторонах жизни страны. Его рассуждения чаще всего построены на разборе целей (заявленных и истинных), планов и методов осуществления советской политики в той или иной сфере, а также на анализе достигнутых результатов. Естественно он постоянно делает отсылки к дореволюционному периоду и сопоставляет положение дел при царском режиме с ситуацией, сложившейся в Советской России. Вполне объяснимо, что эти сравнения очень часто оказываются не в пользу современности.

Таким образом, книга «Большевизм в действии. Моральные и экономические руины в Стране Советов» безусловно представляет большой интерес для специалистов самого разного профиля – историков, экономистов, юри-

стов, философов, и др. – поскольку является многоплановым критическим обзором самой сути режима, установившегося в октябре 1917 г. Коковцов рассматривает не только экономические и социальные основы советской власти, а также ее политику в данных сферах, но и делает серьезные наблюдения о нравственных, идеологических, культурных последствиях перемен, осуществляемых коммунистическим государством. На его взгляды безусловно повлияло личное отношение к большевистскому режиму, лишившему его родины, аннулировавшему его блестящую карьеру и ставшему причиной гибели многих людей, которых он знал. Но в то же время автор книги выступает как вдумчивый исследователь, опирающийся в своих умозаключениях более на факты, чем на эмоции. Любопытно, что информацию для своей работы Коковцов черпал преимущественно из советских источников, что увеличивает достоверность и объективность его труда, придает его выводам большую основательность. Понимая, что сведения эмигрантской прессы и публицистики могут не вызывать доверия европейского читателя, в силу возможного искажения фактов или их необъективной интерпретации, он сознательно предпочитал строить повествование на материалах, выходивших в СССР, иногда дополняя их публикациями местных европейских газет (с. 347). Исключением, пожалуй, является описание событий в Екатеринбурге летом 1918 г., но и в этом разделе скупые на тот момент советские источники также использованы. При этом внутреннее положение Советского Союза ко времени выхода книги рисуется в весьма мрачных тонах и даются еще более мрачные прогнозы дальнейшего развития страны. Так, подводя итог советской политике в отношении крестьянства, автор утверждает: «Грядущая реальность лучше всех наших прогнозов покажет цивилизованному миру ужасающие последствия аграрной политики советского правительства» (с. 377). Европейский читатель наверняка смог оценить прогностические способности Коковцова, когда, вскоре после выхода его труда, в СССР разразился колоссальный по своим масштабам голод 1932–1933 гг.

Хотя, как отмечено выше, рецензируемое произведение может вызвать интерес у различных специалистов, ближе всего, на мой взгляд, оно соответствует предмету исторической науки. Данный текст может быть использован не только для изучения истории нашей страны в начале XX в. и ранний советский период, но и для изучения истории русской эмиграции, для анализа тех настроений, которые бытовали в эмигрантских кругах на рубеже 1920–1930-х годов. В связи с этим стоит выразить сожаление, что к публикации столь важного источника не был привлечен профессиональный историк, специализирующийся на данных вопросах. Изданию очевидно не хватает более подробного исторического предисловия, разъясняющего читателю предысторию, обстоятельства и контекст появления публикуемого текста. Ощущается также необходимость расширения комментария, способного облегчить

понимание многих упоминаемых вещей и явлений. Например, такой термин, как «Черная книга», в том контексте, в котором он упоминается в предисловии Р. Пуанкарэ (с. 33, 35), может быть неизвестен даже многим специалистам (речь идет об издании «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», вышедшем в Петрограде в 1917–1918 гг.).

Качество перевода находится на должном уровне. Стоит похвалить выполнившего эту работу А.Н. Евдокимова за стремление учитывать не только языковые, но и исторические нюансы создания текста. Некоторые шероховатости, правда, и здесь присутствуют, в частности при передаче фамилий. Вместо уже давно устоявшихся в отечественной историографии вариантов Пьер Жильяр и М.К. Дитерихс мы встречаем «Пьер Гэйяр» и «Н.К. Дитерикс». Вторая ошибка заложена в самом оригинале, но заметить ее сразу мог бы как раз историк, знакомый с крупным трудом Михаила Константиновича Дитерихса «Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале», впервые опубликованным в 1922 г. во Владивостоке.

Не обошлось и без опечаток, подчас меняющих смысл передаваемой информации. Так, в оформлении таблиц на с. 336–337 по недосмотру публикаторов названия колонок «млн пудов» и «%» поменялись местами. Стоило уделять больше внимания и фактическим нестыковкам (возможно также являющимся опечатками) самого автора текста. Например, излагая содержание статьи одной из немецких газет, Коковцов приводит ее заголовок – «Массовое убийство 40 000 человек в Советской России». Но в самом пересказе статьи речь идет уже о 10 тыс. жертв красного террора (с. 347–348). Подобные нестыковки, конечно, требуют, как минимум, комментария.

Тем не менее свою главную задачу – донести до широкого круга читателей содержание масштабного труда Коковцова, рецензируемая публикация, безусловно выполняет. Есть уверенность, что введение в научный оборот этого текста, при некоторой очевидной тенденциозности его содержания, будет способствовать более адекватному пониманию многих процессов, протекавших в СССР на раннем этапе его существования.

Библиография

Зайцев М.В., Ковалев М.В. Государственная и общественная деятельность В.Н. Коковцова. Документальная монография. СПб.: Нестор-История, 2022. 464 с.

Коковцов В.Н. Большевизм в действии. Моральные и экономические руины в Стране Советов. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2023. 446 с.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. В 2 кн. М.: Наука, 1992. Кн. 2. 456 с.

References

Zaytsev M.V., Kovalev M.V. Gosudarstvennaya i obshchestvennaya deyatel'nost' V.N. Kokovtsova. Dokumental'naya monografiya [State and public activity of V.N. Kokovtsov. Documentary monograph]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 464 p. (In Russ.)

Kokovtsov V.N. Bol'shevizm v dejstvii. Moral'nye i jekonomicheskie ruiny v Strane Sovetov [Bolshevism in action. Moral and economic ruins in the Soviet Country]. Nizhnij Novgorod: Hristianskaja biblioteka, 2023. 446 p.

Kokovtsov V.N. Iz moego proshlogo. Vospominaniya. 1903–1919 gg. [From my past. Memoirs. 1903–1919: 2 vol]. Moscow: Nauka, 1992. Book 2. 456 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.01.19

Т.М. Фадеева

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ОТ ИНТЕГРАЦИИ К ПОИСКАМ «ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА» К СТРАНАМ ЕВРОСООБЩЕСТВА. Рец. на кн.: Беллами Р., Крюгер С., Лоример М. Гибкая Европа: дифференцированная интеграция, справедливость и демократия. Бристоль, 2022. 202 с.

Аннотация. *Европейский союз, первоначально нацеленный на усиление интеграционных процессов, сегодня занят поисками институциональных решений и нормативных критериев, которые обеспечили бы дифференцированный подход к каждому из его членов. В самом Евросоюзе процесс количественного расширения за счет стран с весьма неоднородным уровнем развития привел к усилению центробежных сил, позиций евроскептиков, националистических и популистских движений, росту иммиграции, а также к резкой критике дефицита демократии. С целью смягчить кризисные процессы в Евросообществе выдвигались формулировки евроинтеграции «на двух уровнях», «на двух, или на разных, скоростях»; аналогичный смысл содержит вынесенная в заглавие книги «дифференцированная интеграция» (ДИ), содержащая, помимо теоретических, прагматические разработки, нацеленные не допустить ущерба «справедливости и демократии»,*

Принцип ДИ позволяет отдельным членам ЕС добиваться более тесной интеграции в определенных областях. Для остальных государств-членов предусматривалось временное отстранение или даже исключение с возможностью повторного вступления. При этом допускалось, что создание такого «разноуровневого» ЕС, также может стать источником льгот, позволяющих некоторым странам-членам бесплатно пользоваться преимуществами европейской интеграции, не принимая на себя свою долю расходов.

В рецензируемой книге определяются нормативные критерии, которым должна соответствовать ДИ, чтобы считаться справедливой и демократической, и эмпирически анализируется, насколько участники политических партий согласны с этими критериями.

Однако анализ взглядов участников политических партий стран ЕС на выдвинутые нормативные критерии ДИ оказался неоднозначным. Признавая, что ДИ может обеспечить справедливое распределение издержек и выгод европейской интеграции, участники опросов также были обеспокоены тем, что это может привести к отказу от солидарности между государствами-членами и даже к неравенству между ними. Это связано с процедурными критериями, в частности, с

некоторыми ограничениям прав голосования в разных органах Евросоюза (Совет Европы, Европейская комиссия и Европарламент). Учитывая критику, авторы книги заявляют, что усовершенствование модели ДИ продолжится, по мере дальнейшего расширения, а, следовательно, разнообразия ЕС, демонстрируя его способность объединить разнородные части на основе справедливости и демократии.

Ключевые слова: *Европа как гибкая, двухуровневая, многоскоростная, дифференцированная интеграция; дефицит демократии; справедливость и ее нормативные критерии.*

Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН. Россия, Москва.
E-mail: fadeewatatjana@yandex.ru
Scopus Author ID: 57417541300
ORCID ID: 0000-0002-6371 – 9157

Fadeeva T.M. **European Union: from integration to the search for a «differentiated approach» to the countries of the European Community. Review: Bellamy R., Kröger S., Lorimer M. Flexible Europe: differentiated Integration, Fairness and Democracy. Bristol, 2022. 202 p.**

Abstract. *The European Union, initially aimed at strengthening integration processes, is today searching for institutional solutions and regulatory criteria that would provide a differentiated approach to each of its members. In the European Union itself, the process of quantitative expansion at the expense of countries with very heterogeneous levels of development has led to increased centrifugal forces, Eurosceptic positions, nationalist and populist movements, increased immigration, as well as sharp criticism of the democratic deficit. In order to mitigate the crisis processes in the European Community, formulations of European integration «at two levels», «at two, or at different speeds» were put forward; «differentiated integration» (DI), presented in the title of the book, contains a similar meaning, as well as theoretical and pragmatic developments aimed at preventing damage to «justice and democracy».*

The DI principle allows individual EU members to push for closer integration in certain areas. For the remaining member states, provisional suspension or even expulsion was provided for, with the possibility of re-entry. At the same time, it was assumed that the creation of such a «multi-level» EU could also become a source of benefits, allowing some member countries to enjoy the advantages of European integration free of charge, without taking on their share of the costs. The book under review identifies the normative criteria that a DI must meet to be considered fair and democratic, and empirically examines the extent to which political parties agree with these criteria.

However, the analysis of the views of members of EU political parties on the proposed normative criteria for DI was mixed. While recognizing that DI could ensure a fair distribution of the costs and benefits of European integration, survey participants were also concerned that it could lead to a rejection of solidarity between member states and even to

inequality between them. This is due to procedural criteria, particularly some restrictions on voting rights in various EU bodies (Council of Europe, European Commission and European Parliament). Given the criticism, the book's authors argue that improvements to the DI model will continue as the EU continues to expand, and therefore diversify, demonstrating its ability to unite disparate parts on the basis of fairness and democracy.

Keywords: *flexible; two-tier; multi-speed Europe; differentiated integration; democratic deficit; justice; its regulative forms; normative criteria.*

Fadeeva Tatiana Mihailovna – Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher of Institute of Scientific Information
for Social Sciences, RAN. Russia, Moscow.
E-mail: fadeewatatjana@yandex.ru
Scopus ID: 57417541300
ORCID ID: 0000-0002-6371 – 9157

Дифференцированная интеграция (далее сокращенно ДИ) становится все более привычной формой европейской интеграции. Поскольку Евросоюз стал больше и разнороднее, предоставление некоторым членам возможности продвигаться глубже по пути интеграции, в то время как другие остаются позади, сделало возможным продолжение интеграции в ЕС, даже когда не все государства-члены были готовы или способны двигаться вперед с равной скоростью.

Группа политологов – Ричард Беллами, профессор политологии в Университетском колледже Лондона (UCL); Сандра Крюгер, помощник профессора политологии в университете г. Экзетер; Марта Лоример, политолог, член Лондонской школы экономики – в рецензируемой книге-исследовании рассматривают институциональные решения и нормативные критерии, способствующие развитию «гибкой Европы» на путях дифференцируемой интеграции (ДИ). Авторы рассматривают последнюю, в противовес единообразной интеграции, как основу ЕС, но при этом обращают внимание на то, чтобы «нормативные критерии» не наносили ущерба «справедливости и демократии» внутри Союза. Они приводят аргументы в пользу ДИ как способа материализовать разнообразие в ЕС – «признак жизнеспособности и стимул к открытости и инновациям» [Bellamy, Kröger, Lorimer 2022, p. 159].

Книга сочетает теорию и эмпирику, которым посвящены три теоретические и четыре эмпирические главы. Она также объединяет теоретические выводы со сбором и анализом эмпирических данных, например при изучении мнений сторон о «сущностной справедливости ДИ (DI)», состоящей из критериев беспристрастности и взаимности [Bellamy, Kröger, Lorimer 2022, p. 120]. Особенно важны намерения авторов оспорить утверждения о том, что конституционный плюрализм по своей сути наносит ущерб интеграции из-за его уклонения от верховенства права ЕС [Bellamy, Kröger, Lorimer 2022,

р. 73–79]. Напротив, существование многочисленных, взаимно перекрывающихся источников власти в ЕС может способствовать усилению контроля и твердой приверженности отстаиванию ключевых ценностей Союза в духе демократии, где множество народов «управляют вместе, но не как один». Исходя из этой идеи, авторы выводят такую форму ДИ, которую они концептуализируют как принцип «ценностной дифференциации», согласно которому правительства, отступающие от курса, временно исключаются из участия в конкретной политике до тех пор, пока они не вернутся на путь демократизации [Bellamy, Kröger, Lorimer 2022, p. 79–84].

Проблема дифференцированного подхода к европейской интеграции на современном этапе возникла как еще одна попытка поиска ответа на вопрос о кризисных процессах в Евросообществе. В самом Евросоюзе процесс расширения (числа стран-членов) сменился замедлением процесса углубления («Европа на разных скоростях»), усилением центробежных сил, позиций евроскептиков, националистических и популистских движений. Резкой критике подвергаются дефицит демократии и рост иммиграции.

В результате поэтапного расширения с 1973 по 1995 г. число стран-участниц увеличилось с шести до девяти, затем до 15, а с 2004 г. достигло 25, вскоре 27. Углубление подразумевает все более полное объединение экономики и политики национальных государств, стимулируемое последовательным формированием наднациональных институтов Сообщества. Изучение последствий этих двух процессов в ходе предшествующих четырех расширений привело исследователей к выводу, что процесс расширения затормозил возможное углубление процесса евроинтеграции. Более того, процесс конвергенции не только зашел в тупик, но проявились признаки дивергенции (усиления различий) [Фадеева 2021]. Это, в свою очередь, привело (особенно после финансового кризиса 2008 г.) к значительному увеличению финансовой помощи более слабым странам – членам ЕС, особенно тем, кто отстает в области институтов. «Можно сказать, что европейская интеграция была хорошей идеей, но ее внедрение было плохим из-за политических ошибок в ходе реализации проекта» [Glawe, Wagner 2021].

В результате расширения ЕС существенно отклонился от курса на федеральную Европу, который был начертан ее основателями в 1950-е годы. Проект Европы, «действующей как единое целое», отодвигался в неопределенное будущее. Концепция процесса интеграции на «разных скоростях» была предусмотрена еще Маастрихтским договором в 1992 г. В нем было сохранено право Великобритании и Дании оставаться вне Экономического и Валютного союзов, и признано право двух или более стран-членов на продвинутое сотрудничество или «углубленную интеграцию», не дожидаясь участия других членов ЕС. Сегодня, когда состав участников вырос почти вдвое, в меньшинстве оказалось «твердое европейские ядро», а новые страны-члены составили

«зону региональной политики», или «догоняющего развития»: они не являются полноправными участниками Шенгенских соглашений и на определенное время на них распространяются некоторые ограничения. В случае прогрессирующей дивергенции предусмотрен выход из ЕС, однако это процесс слишком долгий и дорогостоящий.

Более реальным представлялся выбор варианта «Европа на разных скоростях», включенного в Лиссабонский договор 2009 г. (Договор о функционировании Европейского союза – TFEU). Основная цель состояла в том, чтобы создать гибкие варианты входа и выхода («дышащая» система) с возможностью повторного вступления (для стран – нарушителей прав).

Принцип «дифференцированной интеграции», рассматриваемый в рецензируемой книге, позволяет некоторым государствам – членам ЕС добиваться более тесной интеграции в определенных областях без участия всех государств-членов. Такая «частичная» интеграция может способствовать более справедливому сотрудничеству между государствами – членами ЕС, поскольку невозможно подходить ко всем с одной и той же мерой, особенно когда государства – члены ЕС настолько разнообразны в социально-культурном и экономическом отношениях. Однако ее применение также поднимает важные вопросы о соблюдении принципов демократии и справедливости, особенно, когда речь пойдет об исключении некоторых государств-членов из проектов, к которым они, возможно, хотели бы присоединиться. Результатом может стать создание такого двухуровневого ЕС, который также может стать источником льгот, позволяющих некоторым странам-членам бесплатно пользоваться преимуществами европейской интеграции, не принимая на себя свою долю расходов. Есть даже опасения, что он может быть применен правительствами, стремящимися отступить от соблюдения демократических ценностей и основных прав.

В рецензируемой книге определяются нормативные критерии, которым должна соответствовать ДИ, чтобы считаться справедливой и демократической, и эмпирически анализируется, насколько участники политических партий согласны с этими критериями. Дифференцированная интеграция должна быть связана с социальной справедливостью и распределением издержек и выгод, связанных с системой социального сотрудничества – например, с тем, сколько граждане должны платить налогов и на какой уровень социальных льгот они должны иметь право. Авторы полагают, что ни одно государство-член не должно быть исключено из политики, или освобождено от соблюдения определенных стандартов, если в результате ДИ оно окажется в худшем положении, чем находится в настоящее время. Более того, условия, регулирующие как исключения, так и отказы / изъятия из правил, должны обеспечивать сохранение общественных благ (таких, как чистая окружающая среда) и не наносить ущерба общим ресурсам (таким, например, как рыбные запасы).

Процедурная справедливость связана с вопросами справедливого участия стран-членов в политических институтах ЕС и законного осуществления ими власти. Решения должны быть согласованы либо единогласно представителями всех государств-членов при ведении переговоров о присоединении новых членов или внесении поправок в договоры, либо быть результатом решения государства-члена не участвовать в форме расширенного сотрудничества, согласованного, по крайней мере, девятью государствами-членами. Кроме того, участники должны консультироваться с неучастниками по вопросам ведения политики в этой области, которая должна оставаться предметом общих договорных положений, и предоставлять им перспективу присоединения в будущем. Наконец, ни одно государство-член не должно иметь возможности отказать гражданам ЕС в их правах в соответствии с Хартией основных прав Европейского союза. Однако, ДИ в ее «ценностной» форме может обосновать исключение отдельных государств-членов из процесса принятия решений ЕС в Совете и ограничение их доступа к финансированию ЕС.

Далее авторы поставили задачу проанализировать взгляды участников политических партий всего идеологического спектра в Австрии, Дании, Германии, Греции, Венгрии, Португалии и Румынии на выдвинутые ими нормативные положения ДИ, призванные соблюдать заявленные ими «справедливость и демократию». При этом оказалось, что взгляды партийных деятелей (на ДИ) оказались не столь оптимистичными. В то время как одни рассматривали это как прагматичный путь развития для ЕС и как потенциальное соблюдение принципов материальной и процедурной справедливости, другие были обеспокоены его негативными последствиями для равенства и солидарности. Признавая, что ДИ может обеспечить справедливое распределение издержек и выгод европейской интеграции, они также были обеспокоены тем, что это может привести к отказу от солидарности между государствами-членами и даже к неравенству между ними. Так, они считали, что все государства-члены должны иметь право голоса в отношении политики Совета Европы, хотя только государства-участники, а также, все депутаты Европарламента должны иметь возможность голосовать по ДИ в Европейском парламенте. Наконец, представители политических партий разделяли опасения по поводу того, что ДИ в определенных случаях может способствовать отступлению от демократии. «Дифференциация в ее более широком понимании содержит опасность дезинтеграции. Эмпирически границы между DI и дифференциацией оказываются гораздо тоньше. Отказы и исключения могут препятствовать достижению общего понимания и сотрудничеству в долгосрочной перспективе. Это может иметь место как в случае "ограничения возможностей", что типично для новых государств-членов, так и в случае "ограничения суверенитета", которые могут "отражать более глубокие культурные и политические различия"» (см. гл. 7).

Учитывая критику, авторы книги заявляют, что поиски более справедливой модели ДИ продолжатся, и что даже выход Великобритании из ЕС, Brexit, вряд ли приведет к прекращению действия этого механизма. ЕС остается неоднородным союзом. «Гибкая Европа» и «дифференцированная интеграция», вероятно, по-прежнему будут иметь решающее значение, поскольку ЕС стремится объединить свои различные части демократическим и справедливым путем.

Остается надеяться на выдвинутое авторами предложение регулярных проверок того, соответствуют ли конкретные примеры применения ДИ критериям справедливости и демократии, поскольку в подобных случаях риски, связанные с ним, могли бы снизиться.

Библиография

Борко Ю.А. Расширение и углубление европейской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 7. С. 15–29.

Европейский Союз на перепутье: нерешенные проблемы и новые вызовы (политические аспекты) / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М.: МЭМО РАН, 2016. 234 с.

Липкин М.А. Кризис Европейской интеграции – ценный опыт для новых политиков Европы: интервью // EurAsia Daily. 2017. 3 июнь. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/06/03/krizis-evrointegracii-cennyy-opyt-dlya-novyh-politikov-evropy-intervyu (дата обращения: 5.10.2023).

Фадеева Т.М. Европейская интеграция: проект в эпоху перемен и его отражение в западной литературе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. 2021. № 4. С. 44–67.

Фадеева Т.М. Модель Европейского Союза и проблемы современного федерализма / НАО. М.: ИНИОН РАН, 2005. 100 с.

Bellamy R., Kröger S., Lorimer M. Flexible Europe: differentiated Integration, Fairness and Democracy. Bristol: Bristol University Press, 2022. 202 p.

Bradford A. The Brussels effect: How the European Union rules the world. Oxford: Oxford univ. press, 2020. 424 p.

Decker F. Governance beyond the Nation-state. Reflections on the Democratic Deficit of the European Union // Journal of European Public Policy. 2022. № 9. P. 256–272.

Føllesdal A., Hix S. Why There is a Democratic Deficit in the EU: A Response to Majone and Moravcsik // Journal of Common Market Studies. 2006. № 44. P. 533–562.

Glawe L., Wagner H. Divergence tendencies in the European integration process: A Danger for the sustainability of the E(M)U? // Journal of risk and financial management. 2021. Vol. 14. № 3. URL: https://www.mdpi.com/1911-8074/14/3/104/htm (дата обращения: 5.10.2023).

Jensen T. The Democratic Deficit of the European Union // Living Reviews in Democracy. 2009. URL: https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/cis-dam/CIS_DAM_2015/WorkingPapers/Living_Reviews_Democracy/Jensen.pdf (дата обращения: 11.10.2023).

Lavery S., Schmid D. European Integration and the New Global Disorder // Journal of Common Market Studies. 2021. September. Vol. 59. Issue 5. P. 1322–1338.

Musiałkowska I., Potluka O., Idczak P. Successes & Failures in EU Cohesion Policy: An Introduction to EU cohesion policy in Eastern, Central, and Southern Europe. Warsaw: De Gruyter Open. 2020. 208 p.

Patel K.K. Project Europe: A History. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 379 p.

Smolka Th. Decline of democracy – the European Union at a crossroad // Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft. 2021. № 15. S. 81–105.

Vries C.E. de. Euroscepticism and the Future of European Integration. Oxford: Oxford University Press, 2018. 249 p.

References

Bellamy R., Kröger S., Lorimer M. Flexible Europe: differentiated Integration, Fairness and Democracy. Bristol: Bristol University Press, 2022. 202 p.

Borko J.A. Raschirenie i uglublenie evropeyskoy integratsii [Expansion and deepening of European integration]. Mirovaya ekonomika i mejdunarodnyie otnosheniia [World economy and international relations]. 2004. N 7. 15–19 p. (In Russ.)

Bradford A. The Brussels effect: How the European Union rules the world. Oxford: Oxford univ. press, 2020. 424 p.

Decker F. Governance beyond the Nation-state. Reflections on the Democratic Deficit of the European Union. Journal of European Public Policy. 2022. N 9. P. 256–272.

Evropeyskiy Soyuz na pereputjye: niereshonnyie problemy i novyie vysovy (politicheskiye aspecty) [The European Union is at a crossroad: unresolved problems and new challenges (political aspects)] / Pod red. N.K. Arbatovoi, A.M. Kokeeva [Eds. N.K. Arbatova, A.M. Kokeev]. Moscow: MEMO RAN, 2016. (In Russ.)

Fadeeva T.M. Evropeyskaia integracia: proekt v epohu peremen i ego otrajeniie v zapadnoy literature [European integration: a project in an era of change and its reflection in Western literature]. Socialnyie i gumanitarnyie nauki. Otechestvennaia i zarubejnaia literatura [Social sciences and humanities: domestic and foreign literature]. Ser. 5: History. Moscow: INION RAN, 2021. N 4. P. 44–67. (In Russ.)

Fadeeva T.M. Federalistskaia model' Europy: konceptsii i praktika [Federalist model of Europe: concept and practice]. Mirovaya ekonomika i mejdunarodnyie otnosheniia // [World economy and international relations]. 2000. N 6. P. 24–33. (In Russ.)

Føllesdal A., Hix S. Why There is a Democratic Deficit in the EU: A Response to Majone and Moravcsik. Journal of Common Market Studies. 2006. N 44. P. 533–562.

Glawe L., Wagner H. Divergence tendencies in the European integration process: A Danger for the sustainability of the E(M)U? Journal of risk and financial management. 2021. Vol. 14. N 3. URL: https://www.mdpi.com/1911-8074/14/3/104/htm (date of access: 5.10.2023).

Jensen T. The Democratic Deficit of the European Union. Living Reviews in Democracy. 2009. URL: https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/cis-dam/CIS_DAM_2015/WorkingPapers/Living_Reviews_Democracy/Jensen.pdf (date of access: 11.10.2023).

Lavery S., Schmid D. European Integration and the New Global Disorder. Journal of Common Market Studies. 2021. September. Vol. 59. Issue 5. P. 1322–1338.

Lipkin M.A. Krizis evropeyskoy integracii – cennyii opyt dla novyh politikov Europy: interview [The crisis of European integration is a valuable experience for new European politicians: interview]. EurAsia Daily. 2017. 03 Jun. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/06/03/krizis-evrointegracii-cennyy-opyt-dlya-novyh-politikov-evropy-intervyu (date of access: 5.10.2023). (In Russ.)

Musiałkowska I., Potluka O., Idczak P. Successes & Failures in EU Cohesion Policy: An Introduction to EU cohesion policy in Eastern, Central, and Southern Europe. Warsaw: De Gruyter Open. 2020. 208 p.

Patel K.K. Project Europe: A History. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 379 p.

Smolka Th. Decline of democracy – the European Union at a crossroad. Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft. 2021. N 15. S. 81–105.

Vries C.E. de. Euroscepticism and the Future of European Integration. Oxford: Oxford University Press, 2018. 249 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п. л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла информации. Автор несет ответственность за содержание работы, за точность и корректность цитирования и отсутствие плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (не более 10), употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, страна, город, e-mail. Также требуется указать Scopus Author ID и Web of Science Researcher ID.

Далее те же сведения даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. **Список цитированных источников и литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы, представленный на русском языке, дается в переводе на английский язык (с указанием языка оригинала); на английский язык также переводятся названия городов в библиографическом описании, буква р. – обозначение страницы и «дата обращения» – «data of access». Переведенный список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту. Кроме того, список должен быть транслитерирован латинскими буквами.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: Бутенко А.П. Историческая неудача или начало революции // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 55–66.

В переведенном и транслитерированном виде описание выглядит так (символ слэш – // – не употребляется): Butenko A.P. Istoricheskaya neudacha ili

nachalo revolyutsii [Historical Failure or Beginning of Revolution]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 4. P. 55–66. (In Russ.)

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: Личное дело Харламова Николая Сергеевича // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 14397.

В переведенном и транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: Lichnoe delo Kharlamova Nikolaya Sergeevicha [Personal file. Kharlamov Nikolay Sergeevich]. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 65 a. F. 14397. (In Russ.)

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93 (дата обращения: 02.08.2019); Federal'nyj zakon ot 22 ijulja 2005 g. № 116-FZ «Ob osobyh ekonomicheskih zonah v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of July 22, 2005 N 116-FZ «On Special Economic Zones in the Russian Federation»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2005. N 30 (part II). Art. 3127. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93 (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

В тексте статьи ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (если фамилия автора отсутствует – первые слова названия), год публикации и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Для архивных документов после фамилии автора или названия дела указывается дата формирования дела и те листы, к которым отсылается читатель. Например: [Бутенко 1995, с. 170], [Личное дело Харламова, л. 2]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [Бутенко 1995, с. 170; Личное дело Харламова, л. 2]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [Федеральный закон от 22 июля 2005 г.].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Россия и современный мир
№ 1 – 2024 (122)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка И.К. Летунова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Подписано к печати 16.02.2024 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,5 Уч.-изд. л. 18,7
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № ___

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
http://inion.ru

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У